

*Советские идеологемы
в русском дискурсе
1990-х*

Г А С А Н Г У С Е Й Н О В

Д.С.П

С О В Е Т С К И Е И Д Е О Л О Г Е М Ы
В Р У С С К О М Д И С К У Р С Е 1 9 9 0 - Х

Три квадрата Москва 2003

Издание осуществлено при финансовой поддержке Государственного Комитета по печати
(федеральная целевая программа «Культура России»)

Рецензенты:

Б. В. Дубин
И. В. Кондаков
М. О. Чудакова
В. Шлотт (Wolfgang Schlott)
Е. Я. Шмелева

Гусейнов Гасан Чингизович. Советские идеологемы в русском дискурсе
1990-х. — М.: Три квадрата, 2003. — 272 с.

(Аннотация)

© Гусейнов Г. Ч., 2003
© Три квадрата, 2003

ISBN 5-94607-024-X

Предисловие: конец эпохи и реальность её языка

Глава I. СОВЕТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И ПОСОВЕТСКИЙ ДИСКУРС

- §1. Советская идеология и поссоветский дискурс
- §2. Язык идеологии и воспитание нового человека
- §3. Устройство идеологемы
- §4. Методы исследования языка идеологии

Глава II. ИДЕОЛОГЕМА — ОТ БУКВЫ ДО ЦИТАТЫ

- §1. Идеологема-буква: Ъ, Б, Н
- §2. Русский алфавит у нерусских народов России как макроидеологема империи
- §3. Идеологема-акцент
- §4. Идеологема-падежное окончание
- §5. Идеологема-предлог
- §6. Идеологема-новое имя: антропонимы, топонимы, этнонимы
- §7. Имена денег
- §8. Идеологемы-эргонимы
 - §8.1. Идеологема ЧК (чекист, чрезвычайка и др.)
 - §8.2. Идеологема расстрел
- §9. Идеологема-цитата: сталинизмы

Предис.
П
С
С

Часть

Абхазс
А
Бабаи -
Вайнах
Гаечни
Г
Даблои
Д
Ебать -
Ж - Жу
Забойн
Иденти
И
Кабанч
Лавруш
Л
Л
Маврод
М
Наезд -
Н
Н
Обвал -
Паблик
П
П
Разбор
Р
Р
Сабры -
С
Таблет
Увал -
Фаза -
Хакеры
Царь -
Частна
Шайми
Ъ
Экологи
Юготор
Яблоко

Конец эпохи и реальность ее языка

Глава III. МАТЕРНЫЙ ПЛАСТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

- §1. Мат — теневая генералия официальной идеологии
- §2. Круги пользователей матерного языка: партийно-государственная элита; военные и блатные; интеллигенция и «простой человек»
- §3. Расширение матерного словаря в советское время; отношение к нему: между страхом и восторгом; константа достоверности
- §4. Эсхрофемизм: высказывание нового типа
- §5. Матерщина — речевой контур свободы; идеологическая весомость матерного слова и его семантические составляющие: смешное, достоверное и опасное
- §6. Начальственная искренность как матерная форма достоверности
- §7. Артистический мат
- §8. Матерные идеологемы — теневой репертуар идеологического языка
- §9. Оттепельный мат — между «вельможами» и «шестидесятниками»
- §10. Смех — подмена понимания.
- §11. Плач — подмена понимания
- §12. Этапы примирения с матом — журналистика и лексикография
- §13. Особый случай: Геннадий Айги
- §14. Переход к поссоветскому бытованию мата
- §15. Мат и дискурс

Последние годы перестройки (1989–1991) привели значительную часть русского общества к пониманию: конец СССР означает завершение многовекового исторического цикла и одновременно начало неведомой новой эпохи истории России. Это понимание Большого Рубежа часто бывает заслонено поверхностной риторикой «победы над тоталитаризмом» и «веры в демократическую Россию», но оно все более отчетливо выражается в обострившемся ощущении беспомощности языка, в осознании невозможности с помощью привычных речевых средств выразить смысл происходящих в России перемен.

Главные претензии предъявляются прежде всего идеологическому языку:

Ныне мы погружены в плотную толщу слов и восклицаний, которые не только не помогают нам разглядеть действительную жизнь, но, напротив, подменяют ее особой псевдореальностью, опредметившей спонтанно возникавшие эмоции, надежды, установки. Примерами могут служить слова «демократия», «рынок», «красно-коричневые» и т.д. — не строгие понятия, а скорее метафоры, знаки идеологических порывов, сигналы к действию.¹

Господствующая в стране языковая стихия непрозрачна для элементарной социальной коммуникации, а не только для разговора о «метафизике человеческой природы» (В. Камянов):

¹ Л. Н. Митрохин. Знакомство только начинается. Религия и политика в посткоммунистической России (материалы «круглого стола») // Вопросы философии 1992. № 7. С. 31.

Подобные формулы сделались для нас пустым словесным треском. Семьдесят лет возводили социалистический Вавилон, добились вавилонского смешения языков — обиходного с «феней» и подростковым сленгом, художественного с чиновно-заседательским. А за этой пестротой и смешением — наш, фирменный, уклад сознания, проутюженного пропагандой.²

Сквозь «плотную толщу» (Митрохин) идеологизированной речи, из-под «утюга» (Камянов) пропаганды не удается начать простой и общепонятный разговор: для него попросту не остается места.

Первыми жертвами словесного бессилия почувствовали себя служители системы. На волне освобождения от цензуры они вполне бесхитростно делятся своими переживаниями. Мы наблюдаем, как в критический для истории страны момент именно «вопрос о языке» парализует носителей опыта двоемыслия. Яркое описание такого паралича дал в дневниковой записи начальник разведки КГБ Леонид Шебаршин, рассказывающий о попытке верхушки КГБ отмежеваться от своего шефа В. Крючкова (одного из организаторов ГКЧП и августовского путча 1991 г. в Москве):

22 августа [1991 г.] принимаем заявление Коллегии [КГБ] с осуждением заговора. В заявлении употреблено слово «замарано». Начинается идиотический спор — не лучше ли написать «запачкано» или «ложится пятно». Все как в Верховном Совете или романе Кафки. Состояние всеобщего и дружного маразма, единственная невысказанная мысль: «Ну, влипли!».³

Но только ли «фирменный уклад сознания», только ли идеологизированный человек переживает трудности при столкновении с новой реальностью: почему не могут помочь ему «возрождаемая» культурная традиция, творцы нового языка?

Непригодным признается не только «деревянный» язык власти, или язык официальный (немецкий эквивалент его описан в книге Виктора Клемперера «Язык Третьего рейха»⁴); еще в раннюю советскую пору можно было прочесть в московской газете: «Говорит непонятно — значит большевик».⁵ Впоследствии непонятное было усвоено носителями языка как высшая премудрость,⁶ тогда как

окружающий ее язык был подвергнут упрощению и сведен к гораздо более жестким нормам пользования, чем это имело место до революции. Поколение детей тех красноармейцев, что научились понимать большевистскую непонятность, при встрече со случайно сохранившимися носителями прежнего русского языка начинало смотреть на свой речевой облик новыми глазами:

«И для меня, чья речь бедным-бедна,
как дом, который кем-то обворован,
почти как иностранная была
забытость чисто русских оборотов.
Не вмешиваясь в этот разговор,
я чувствовал себя порой от взгляда
нелепым, как мытищинский кагор
в компании «клик» и «монтильядо»
(«Старухи», 1966)⁷

Произошла новая смена поколений. Через тридцать лет после того, как люди «оттепели» обозначили промежуток между революцией и своим временем как период «обворовывания» языка, положение усложнилось. В 1990-е годы многим все больше кажется, что на наших глазах исполняется знаменитое пророчество Владислава Ходасевича о русском языке, — о том, который был «живой как жизнь» (Гоголь), «великим и могучим» (Тургенев), и вот — «сделается мертвым, как латынь»⁸. Об этом языке и современный эмигрантский писатель говорит, что он не просто «обворован», но «мертв, он порождает мертвечину, на этом языке нельзя писать декреты о жизни»⁹.

«Покрылся слоем мертвой
коры коснеющий наш язык».¹⁰

⁷ Евгений Евтушенко. Мое самое-самое. М., Издательство АО «Х. Г. С.», 1995. С. 246.

⁸ В смягченной форме говорят о параличе языка (Наталья Иванова. Гомо советикус // Апрель Вып. 5. 1992. С. 257–258). Уподобление русского языка латыни становится между тем общим местом:

Русский язык, как латынь, постепенно сойдет на нет.

Те, кто писали на нем, промахнулись с заветной лирой.

Александр Кушнер. Изречения // Арион 1997. № 2. С. 53–56.

⁹ Дмитрий Савицкий. Интервью // Литературное обозрение. 1991. № 8. С. 51. См. подробную библиографию на эту тему: Л. М. Грановская. Русская эмиграция о русском языке. Аннотированный библиографический указатель (1918–1992). М., «АЗЪ». 1993. 98 с.

¹⁰ Владимир Строчков. Великий Могук. Поэма-эпикриз // Дружба народов. 1992. № 2. С. 3–6.

² Виктор Камянов. Кто обидел цензора? Советское искусство в поисках своего предмета. // Литературное обозрение. 1992. № 1. С. 43, 49.

³ Леонид Шебаршин. Август // Дружба народов. 1992. № 5–6. С. 173.

⁴ Victor Klemperer. LTI — Notizbuch eines Philologen. Berlin. 1949.

⁵ Рабочая молодежь. 1926. С. 113. Цит. по: Андрей и Татьяна Фесенко. Русский язык при советах. Нью-Йорк. 1955. С. 77–78.

⁶ Процедуры идеологического окультуривания описаны в работе: И. Н. Штильрейн, ДИ. Рейтымбарг, Г. О. Нецкий. Язык красноармейца. Опыт исследования словаря красноармейца Московского гарнизона. М.–Л., ГИЗ. 1928. 192 с. + таблицы. Ср. также: А. Braun. Zeitungs Fremdwörter und politische Schlagwörter. Berlin. 1929⁸.

Слова сегодня утратили достоверность и энергию. Культурные символы убиты «большим стилем» тоталитаризма. Я не верю в то, что ими еще можно оперировать, возводить на этих связях какие-то художественные конструкции».¹¹

Парадокс в том, что это говорится о языке страны, освобождающейся от тоталитаризма, от того, что «обкрадывало» и «убивало» язык. Именно это время почему-то воспринимается носителем языка как время исполнения пророчества о гибели языка, или о непригодности его для новой жизни. Эпоха кончилась, и понимание (смутная догадка, обманчивое ощущение, уверенность, твердое убеждение), что вместе с нею должен уйти и весь ее язык, становится общим местом, или даже «огромным общим местом», как по сходному поводу писал еще тридцать лет назад Станислав Рассадин.¹²

На отрезке времени, приблизительно отсчитываемом от второй половины 1980-х до середины 1990-х годов, носители русского языка заняли позицию, внешнюю по отношению ко всему советскому периоду русской истории. Одновременное пребывание внутри новой для них процедуры осознания этого события требует особой, двояконаправленной, наблюдательной оптики. Действуя как включенные наблюдатели, носители русского языка поссоветского времени принуждены к постоянной словесной переработке своего недавнего идеологического опыта.¹³

Невозможно останавливаться перед каждым словом, перед каждым знаком языка, всякий раз вопрошая, какие семантические следы оставило на этом слове, на этом знаке уходящее столетие, хотя это и было бы в высшей степени полезным занятием. Но сизифов труд остается одной из ключевых мифологем гуманитарных наук и, во всяком случае, филологии. Таким сизифовым трудом является, конечно, и попытка изготовить исторически достоверный срез живого потока. И все же этот поток — пусть только формально-политически — остановился: советская эпоха ушла в прошлое, сделавшись завершенным сюжетом, превратившись в социокультурный универсум.

Советская эпоха как реальность сознания осталась в языке, который только в последние несколько лет оказался на всеобщем обозрении в не представимой

прежде полноте. Эта новая полнота, разрушившая прежние иерархические представления и снявшая многие идеологические запреты, завещанные русской филологии еще М. В. Ломоносовым, ставит перед историком идей задачу: запечатлеть момент выхода носителей языка из идеологической эпохи, показать и проанализировать тот горизонт культурного опыта, который будет забыт уже вторым поссоветским поколением.

Воссоздавая идеологический срез картины мира, или когнитивной карты переходной эпохи, я использую в качестве основного источника средства массовой коммуникации 1990-х годов.

Исследуемый материал делится на три сегмента — первый и третий — по преимуществу словесные, второй — изобразительно-словесный:

- в первый сегмент включены собственно идеологемы, представленные на всех уровнях текста — от буквы (например, «твердый знак» на конце слова) до цитаты (например, преобразованные высказывания Сталина);
- во второй сегмент входит составная изобразительно-словесная идеологема *границы* и карты родины;
- третий сегмент включает *матерный*, или обценный, план русского языка, взятый в довлевшей ему в советское время идеологической функции.

Предъявляемый в работе крупный фрагмент ментальной карты (mental map) поссоветского человека — это, таким образом, и результат анализа определенного круга источников, и представление «действующей» модели развертывания нового русского дискурса.

¹¹ Сергей Сельянов. По ту сторону высокого и низкого // Искусство кино 1992. № 2. С. 101 и след.

¹² Цит. по: В. П. Григорьев. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики. М., «Наука». 1993. С. 71.

¹³ Памятуя как раз об этом, я предлагаю говорить не о пост-советском, а о поссоветском периоде или эпохе: приставка пост— еще до наступления официального конца СССР приписывала поссоветской России качества новизны прежде, чем они оформились. См. подробнее в словарных материалах ДСП.

Советская идеология и поссоветский дискурс

§ 1. Введение

Под дискурсом я понимаю открытый тип социальной коммуникации, или способ словесно-символического обмена, при котором носители языка, без предварительных условий погруженные в поток свободно обращаемых знаний и представлений, подвергаются постоянной словесной переналадке («перестройке», «критике») общую картину мира. Поддержание режима общения в дискурсе требует от носителей языка, с одной стороны, развития индивидуальных коммуникативных навыков, а с другой — столь же постоянного контроля над средствами массовой коммуникации (СМК), которые всегда, в силу одной их институциональной мощи, склонны к манипуляциям над сколь угодно многочисленными группами носителей языка с помощью тех или иных сверхценных идей.¹⁴ Эта идеальная схема не действует в идеологическом коллективе, объединявшем большинство носителей русского языка в этом столетии. Поэтому, говоря о поссоветском дискурсе, я указываю на новизну состояния общества.

В несвободном коллективе, образуемом согражданами в качестве приемлемой для них, хотя и не всегда приятной, формы сосуществования, действуют такие правила взаимодействия, которые определяются официальными органами управления сознанием. Органы управления, в свою очередь, ставят перед коллективом (и перед собою) высшие цели. Для этого они преобразуют предельно до-

ступное наличное поле коммуникативных средств в орудия для достижения этих высших целей. В тоталитарном государстве, или таком, где господствует идеология, свободный словесно-символический обмен в принципе не возможен, ибо действие такого обмена может быть разрешено и запрещено в зависимости от его полезности для первичной общей цели.

По смене нескольких поколений большинство общества невозможно уже рассматривать в качестве только внешней по отношению к органам управления угнетаемой массы. Как бы ни пытались жители идеологической страны иронизировать, шепотом «дистанцироваться» от господствующей идеологии, они всегда знают: принимая внешние правила игры и публичного говорения, люди неизбежно меняются и внутри. Эти внутренние перемены столь серьезны, что отмена внешних условий поддержания идеологического единства вызвала нарушение всех привычных способов общения. Само появление свободного дискурса ошеломило людей, столкнуло каждого носителя языка с самим собой как с носителем другого сознания.

Этим другим сознанием стал для носителей языка весь их отложившийся в языке старый опыт существования в идеологическом обществе.

В целях обозримости я избрал в качестве непосредственного предмета анализа минимальные значащие единицы, организующие работу сознания на этом горизонте — идеологемы. Под идеологемой здесь понимается знак или устойчивая совокупность знаков, отсылающих участников коммуникации к сфере должного — правильного мышления и безупречного поведения — и предостерегающих их от недозволенного.¹⁵

В широком смысле слова к идеологемам следует отнести и несловесные формы представления идеологии — традиционные символы (*серп и молот, щит и меч*) изобразительные и архитектурно-скульптурные комплексы (*мавзолеи, памятники, плакаты, портреты, географические карты, карикатуры, татуировки*), а также символы музыкальные (*гимны, позывные*). В рамках идеологии весь этот обширный материал подчинен слову, вот почему он может и должен быть предметом филологического анализа.

В отличие от анализа семантики прямого высказывания, исследователь идеологии принужден оперировать категорией подтекста — того расплывчатого значения, с которым, отстаивая достоинство человеческой расы, героически сражалась, например, советская лингвистика.

Подтекст — это значение словесной единицы, закрытое от чужих и открытое своим. Объединение избранных вокруг главной идеи делает каждое утвержде-

¹⁴ Ср. *Tim Dant*. Knowledge, ideology and discourse: a sociological perspective. London and New York, Routledge. 1991. P. 7. Книга Тима Данта сравнивает отношения категорий знания, идеологии и дискурса в социологии знания от К. Маннгейма и К. Поппера до М. Фуко и Ю. Хабермаса.

¹⁵ Ср. *Күтина*. 1995. С. 13: «Идеологема — вербально закрепленное идеологическое предписание».

ние, произносимое в идеологическом обществе, двудонным и, таким образом, блокирует открытую социальную коммуникацию.

Такова, говоря упрощенно, плата за непротивленческую жизненную стратегию в условиях идеологического государства. Как только режим цензуры и обязательного поиска правильного подтекста отменяются, становится ясно, что участники общественного диалога, имеющие богатый опыт чтения между строк, испытывают недоверие к более простым правилам поведения в условиях открытой коммуникации и долго не могут отказаться от привычного устройства.

В данной работе я показываю, во-первых, как ведут себя в новом русском дискурсе некоторые официальные советские идеологемы. Источники — произведения как печатной литературы, так и устной словесности, представляющие современный русский общественно-политический дискурс (см. Список основных источников в конце работы).

Первый комплекс выделяемого таким образом поля идеологем — это сам рекрутированный идеологией русский «язык», взятый здесь не как предмет языковедческого анализа, но только в качестве арсенала идеологем — от отдельной буквы и акцента до цитаты и целого произведения (Глава II: Идеологема: от буквы до цитаты). Особое место занимает здесь сталинский цитатный фонд в современном речевом обиходе.

Последняя глава работы была написана как ответ на частный вопрос, задаваемый, тем не менее, весь русский поссоветский дискурс. Еще А.С. Пушкин писал о том, что настоящая свобода в России будет ознаменована публикацией в открытой печати не допущенных туда цензурой матерных стихотворений И. Баркова.¹⁶ Произнесенное более полутора столетий назад пророчество поэта исполнилось: действительно, политическая свобода в России совпала с этим интересным, но все же частным, событием. Однако произошло и нечто большее. Свободный русский дискурс не ограничился снятием запретов на что бы то ни было в СМК. Нет буквально ни одной темы, ни одного слова, которого нельзя было бы найти в сегодняшнем потоке русской речи. Неожиданным для наблюдателя речевых процессов явился проясняемый задним числом масштаб взаимодействия советской идеологии и русского матерного языка. Последний предстает комплексом теневого идеологем и в этом своем качестве подвергнут анализу в третьей главе.

Частные заключения читатель найдет в соответствующих главах. Основные выводы, в несколько упрощенном виде, могут быть изложены уже здесь, во введении.

¹⁶ См.: И. Барков. Девичья игрушка. СПб., 1992. С. 177.

Первый вывод относительно прост: идеологемы советского времени представляли собою удобную координатную сеть для общения в режиме сохранения лояльности, угадывания подтекстов, распознавания своих и избегания роковых ошибок. С объявлением политической свободы выяснилось, что некоторые приемы обращения со словом в советское время стали для носителей языка схемой мысли; поэтому идеологическая индоктринация, формально приостановившись, по-прежнему конструирует словесные орудия; исторические идеологемы блокируют ход мысли, отводя ее от скучных трудностей повседневной жизни. Язык политического взаимодействия по-прежнему слишком тесно связан с недавними приемами идеологического режима последних советских десятилетий, поэтому сквозь линзу первого, еще очень короткого, поссоветского периода можно увидеть много нового внутри закрывшегося советского этапа русской истории.

§ 2. Язык идеологии и воспитание нового человека

В современной социологии и политологии слово *идеология* употребляется омонимически в двух основных значениях: во-первых, это —

система идей, обеспечивающая общество политическими ориентирами, система, одобряемая и сознательно распространяемая самой влиятельной общественной группой.¹⁷

Под идеологией и в России понимают систему групповых требований и предписаний, внедряемых в общество для достижения им однородности и единства.¹⁸ Идеологией в этом смысле, т.е. как распространявшееся властями учение, следует считать, например, марксизм-ленинизм в СССР или маоизм в КНР. Круг лиц, выступающих в роли коллективного воспитателя, создает разрастающийся массив текстов. Постепенно, — а в случае Советской России — на протяжении жизни нескольких поколений, — складывается канон. Наличие ка-

¹⁷ Alfons Grieder. «Ideologie» — Unbegriffenes an einem Abgegriffenen Begriff // Kurt Salamun (Hrsg.). Ideologien und Ideologiekritik. Ideologietheoretische Reflexionen. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft 1992. S. 17–30; здесь: с. 19.

¹⁸ В эпоху деидеологизации в России было предложено множество вариантов определения идеологии. Так, Юлий Шрейдер («Новый мир», 1989, № 11) называл идеологию «механизмом воздействия на умы, целиком подчиняющим жизнь общества реализации заданной идеи». Ср. понимание идеологии как «системы ценностей, служащих основой для целеполагания и выбора методов политической деятельности». (Дмитрий Шушарин. Религия и идеология // Сегодня 5.11.1994).

нонических текстов-предписаний жизненного пути позволяет выросшему в их окружении наблюдателю рассматривать, например,

социалистическую идеологию как проявление дискурса Просвещения, а большевистское просвещение — как его провинциальный вариант.¹⁹

Идеология как система — предмет изучения различных исторических дисциплин и политической лексикографии.²⁰

Второе современное значение слова *идеология* восходит к определению ее К. Марксом как особого состояния сознания, а именно — «ложного сознания», в котором элемент в любом случае исполнимого пророчества уживается с элементом научной методологии. Культовой категорией идеология стала для создателей СССР вопреки представлению Маркса, согласно которому пролетариат был способен эмансипироваться от буржуазной идеологии и непосредственно овладеть историей: нужно только собраться в движение и выполнить объективное историческое предназначение.

Ленинская теория потребовала от пролетариата промежуточного действия: нужно сначала овладеть правильной идеологией и только благодаря этому овладеть действительностью.²¹ В книге «Деревянный язык» Франсуаза Том определяет идеологию как «гностическую модель мышления, которая претендует на обладание научным обоснованием учения о спасении».²²

Достоверность этой претензии определяется убежденностью в собственной правоте как коллективной правоте класса или его идейно подкованного авангарда. Это состояние сознания достигается отключением такой важнейшей функции личности, как интроспекция, или перепроверка собственного опыта добросове-

¹⁹ *Наталья Козлова*. Социология повседневности: переоценка ценностей // *Общественные науки и современность*. 1992. № 3. С. 55.

²⁰ См., например, *Kurt Marko*. Sic et non. Kritisches Wörterbuch des sowjetrussischen Marxismus-Leninismus der Gegenwart. Wiesbaden, Otto Harrassowitz. 1962. 294 S.; *Илья Земцов*. Реальность и грани перестройки. Справочник. Лондон, Overseas Publications. 1989. 470 с.; *Irina H. Korten*. Vocabulary of Soviet Society and Culture. A Selected Guide to Russian Words, Idioms, and Expressions of the Post-Stalin Era, 1953–1991. London, Adamantine Press. 1992. 176 p. Ср. также: *А. Круглов*. Словарь. Часть 1 (А–И). Размышления о словах и жизненных ситуациях, в которых они обретают свои часто противоположные смыслы, или сборник авторских афоризмов в форме словаря. М., «Гнозис». 1994. 298 с.

²¹ См. об этом подробнее: *Kurt Salamun*. Einleitung des Herausgebers // *Kurt Salamun*. Ideologien und Ideologiekritik... S. 4–7; *Leszek Kolakowski*. Der Mensch ohne Alternative. Von der Möglichkeit und Unmöglichkeit, Marxist zu sein. München. 1960. S. 105.

²² *Françoise Thom*. La Langue de bois. Paris. 1987. P. 35.

стным размышлением. Отказ от интроспекции выражается уничтожительным термином «самокопание». Без отключения интроспекции трудно обеспечить носителя языка нерушимой верой в безошибочность разделяемых им общих представлений и в собственную непогрешимость. К способам отключения интроспекции относятся как чисто языковые, так и связанные с ними действительно-осязательные приемы внушения (от массовых шествий под определенными лозунгами до попыток одного человека сменяющимися друг друга палачами).

Опасным социальным орудием идеология становится с развитием средств массовой коммуникации (радио, дешевые газета и книга). Будучи один раз введенным, механизм идеологизации воспроизводится автоматически: «искушенные священнослужители» выращивают «наивных верующих»; «наивные верующие» судят «священнослужителей» за отступление от общих идей в их «наивной» форме и воспитывают следующее поколение еще более «наивно верующим».

Идеология советского типа, распространяемая на все общество и отрицающая частное право, с неизбежностью создает на основе естественного языка сильно сокращенную версию-манипулятор, словесное орудие, пригодное для употребления на всех уровнях языковой компетенции. Чем выше уровень владения естественным языком, тем больше цинизма требуется от носителя языка для следования идеологии. Словесное орудие идеологии должно быть поэтому чрезвычайно просто в употреблении и действовать с одинаковым успехом как на уровне политического лозунга-заклинания, граничащего с бытовым трюизмом²³, так и на уровне «науки» (категория «научного мировоззрения», «научной обоснованности» каждого политического или хозяйственного решения): его цель — позволить носителю языка перепрыгнуть

пропасть, отделяющую (реальное) знание от (символической) убежденности. [...] Сколько бы некоторые люди ни говорили о себе, что они-де сохраняют «внутреннюю дистанцию» по отношению к внешним ритуалам «тоталитарной» идеологии, они все-таки следуют этим ритуалам и, таким образом, цинично воспроизводят эту идеологию.²⁴

Эрнст Топич приводит пример того, как идеологии примысливается статус науки.²⁵

²³ Так, формула Ленина «учение Маркса всеильно, потому что оно верно» не тавтологично, но банально: это всего лишь парафраз выражения «знание — сила».

²⁴ *Slavoj Žižek*. For they know what they do. Enjoyment as a political factor. London — New York, Verso. 1991. P. 243.

²⁵ *Ernst Topitsch*. Heil in und jenseits der Zeit. Weltanschauungsanalytische Betrachtungen // *Kurt Salamun*. Ideologien und Ideologiekritik... S. 67–68.

Пусть даже, — писал известнейший теоретик марксизма Дьердь Лукач, — будет безусловно доказана ошибочность конкретных положений Маркса, правоверие марксизма ни в коем случае не было бы потрясено. Ибо это правоверие зиждется исключительно на методе, на материалистической, революционной диалектике.²⁶

Другими словами, человек, овладевший методом, никак не связан необходимостью отдавать себе или другим отчет в подтверждении его практическими результатами. Маркс прямо изложил свой диалектический метод Энгельсу в письме от 15 августа 1857 года, говоря об одном своем прогнозе, опубликованном в американской газете:

Возможно, я попаду впросак, и все-таки диалектика меня вывезет. Ведь я изложил дело таким образом, что буду прав и в том случае, если дело повернется прямо противоположным образом.²⁷

Наконец, именно в этом смысле следует понимать и знаменитое утверждение Ленина «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно».²⁸ Оно обращено к человеку, ингаллирующему истину в форме броской и удобозапоминаемой фразы, и на том уровне отношения к идеологии, который Славой Жижек называет «циническим», переводится так: «жри что дают».

Язык идеологии можно, таким образом, понимать как сознательно-бессознательное и постоянно действующее преобразование естественного языка, преследующее воспитательные цели, или, говоря на самом языке идеологии, стремящееся создать из плохо организованного человеческого материала, из неправильной и неуправляемой размазни — нового человека.

Одной из первых идеолого-просветительских акций в Советской России была кампания ликбеза.²⁹ В ходе этого грандиозного мероприятия, осознаваемого «как фундамент строительства Р.С.Ф.С.Р.»³⁰, большинству населения страны именно язык идеологии был предложен как естественный литературный язык, вернее — как высшая форма языка, как запечатленное в языке великое будущее. И вместе с этим языком, внутри самого действия узнавания языка содержалось

главное идеологическое сообщение, помещенное в первом же предложении практического руководства ликвидаторам неграмотности:

Государству нужны квалифицированные рабочие силы для правильного социалистического строительства. Хозяйство не может быть организовано при 50–70% неграмотного населения. Нужно уничтожить это зло, и декретом 26/ХІІ 1919 г. было положено начало борьбы с неграмотностью. [...] Перед нами стоит задача массовой подготовки работников.³¹

Массовый человек, чаще всего, в обычном смысле слова — малограмотный, воспринявший не традиционную словесность, но новую идеологию как высшую реальность языка культуры, стал благодарным материалом художественной литературы. В 1920-е годы раннесоветский, идеологический человек представлен в литературе как карикатура и/или гротеск (М. Зощенко, И. Ильф и Евг. Петров, А. Платонов, М. Булгаков). Постепенно, однако, этот новый человек, говорящий на «обезьяньем языке», сначала обучил своему языку тех, кто «понимал ихний язык с трудом и хлопал ушами»³², а потом вытеснил и начал решительно истреблять презирающих его представителей отмененной советской властью культурной традиции.³³ При этом неидеологические языкотворцы-аутсайдеры видели в «новом человеке», возникавшем у них на глазах, — временное явление. Так, Георгий Оболдуев, обращаясь к советскому поэту, писал в 1933 году:

Я — не отпетый алфавит
Укладывал в огонь и лед:
Так что, коль время подождёт,
Твой правнук мной заговорит.

А ты, заткнувший гнев и стыд
За пазуху своих невзгод,
Будешь иметь неважный вид,
Хоть нынче он тебе идет.³⁴

³¹ Ликвидаторам неграмотности... С. 1.

³² См., например: *Мариэтта Чудакова*. Поэтика Михаила Зощенко. М., «Наука». 1979.

³³ Начало этой процедуры вытеснения описано, например, в воспоминаниях И. А. Бунина: «Меня в конце марта 1917 года чуть не убили солдат на Арбатской площади — за то, что я позволил себе некоторую „свободу слова“, послав к чорту газету „Социал-Демократ“, которую навязывал мне газетчик. Мерзавец солдат прекрасно понял, что он может сделать со мной все, что угодно, совершенно безнаказанно, — толпа, окружавшая нас, и газетчик сразу же оказались на его стороне. „В самом деле, товарищ, вы что же это брезгуете народной газетой в интересах трудящихся масс?“» (И.А. Бунин. Окаянные дни // Собрание сочинений. Т. X. Берлин, «Петрополис». 1935. С. 45).

³⁴ Оболдуев. С. 101.

²⁶ G. Lukács. Geschichte und Klassenbewußtsein // G. Lukács. Werke. Bd 2. Neuwied–Berlin 1968. S. 171.

²⁷ K. Marx, F. Engels. Werke. Bd 29. Berlin, 1963. S. 160–161. Ср. также: H.-C. Raub. Zur Herkunft, Vorgeschichte und ersten Verwendungsweise des Ideologiebegriffs bei Marx und Engels bis 1844 // Deutsche Zeitschrift für Philosophie 1970. Bd 6. S. 689–715.

²⁸ Из статьи «Три источника и три составные части марксизма» (1913).

²⁹ См. подробнее: Ликвидаторам неграмотности. Практическое руководство под ред. Д. Элькиной. Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности. М., ГИЗ. 1921. 151 с.

³⁰ Ликвидаторам неграмотности... С. 68–72.

Язык идеологии обеспечивал советского человека глубоко интериоризированным оправданием истребительных действий. И смертельно-серьезный, как у Андрея Платонова, и комикующий, как у Ильфа и Петрова, язык этот уже на самой ранней стадии своего бытования производил, насколько можно судить по реакции на него современников-традиционалистов, впечатление материи, не подвластной своим новым хозяевам.

Главной составляющей гротескности была та область языка и речевого опыта советских людей, в которой реализуется социальное. Называли ли этот язык «дубовым», «деревяннным»³⁵, «газетным жаргоном», «партийной феней», «новоязом» (Джордж Оруэлл)³⁶ или «канцеляритом» (Корней Чуковский), главные носители его были распознаны и узнавали друг друга уже на самой ранней стадии советской власти. В современный русский публицистический обиход новый человек вошел под именем «Шарикова» — героя повести Михаила Булгакова «Собачье сердце», часто воспринимаемого как новый Маугли.³⁷

Язык идеологии, который начал складываться еще в недрах революционной эпохи, постепенно «завоевал массы»; но механизм этого завоевания стал в советской России объектом пародии прежде, чем предметом изучения. Только очень внимательный наблюдатель-аутсайдер регистрировал сдачу «деревянному языку» даже самых выдающихся современников. Так, в «Мыслях до ветра» (1932) Георгий Оболдуев регистрировал приближение Бориса Пастернака к официальной идеологической линии:

«Кажущееся мастерство
Является его слабостью.
Оно не помирает, чтоб возродиться,

³⁵ Согласно Даниелю Вайсу, французский термин «langue de bois», применяемый исключительно к официальному языку коммунистической пропаганды (см. выше название книги Фрасузы Том), это не перевод с русского, но французский ветеринарный термин (fièvre aphteuse, разбухание языка). Daniel Weiss. Was ist neu am «newspeak»? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion // Renate Rathmayr (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1985. Referate des XI. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Innsbruck 10. mit 12.9.1985. München, Verlag Otto Sagner. 1986. S. 254.

³⁶ См. подробнее: Ю. А. Сорокин, О. Д. Кулешова. Дж. Оруэлл и принципы его новоязыка с лингвистической точки зрения // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. Сб. статей к 60-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова. М., «Наука». 1995. С. 80–90.

³⁷ См., например, оценку современного политического деятеля: «Примитивизация языка сегодня — это прежде всего идеологическое оружие. Классический пример — Анпилов: журналист-международник со знанием нескольких иностранных языков говорит на митингах языком Лёни Голубкова [см. Гасан Гусейнов. Карта нашей Родины: идеологема между словом и телом. Хельсинки, 2000]. Случайность? Нет — намеренное желание поставить себя в один ряд с люмпенами духа, где язык Шарикова — пароль: „Мы с тобой одной крови“». (Бухвалов. 1994).

А влачит жалобное прозябанье;
Оно требует мыслей всё ближе, ниже и подробней, —
Как с близорукую лупу, —
чтоб потухающий свет
Казался еще горячим.
Пастернак потерял тему.
Паллиативом „пятилеток“, „революционных воль“ и „генеральных планов“
Не заполнить этой пустоты:
Брякая, они проваливаются,
Вызывая смех
Даже у восторженных администраторов административного восторга».³⁸

А между тем, для огромного большинства населения страны деревянный язык составлял единственное реальное поле их мыслей, а ключевые формулы этого языка — руководство их действий. Поэтому каждое движение мысли к критике языка влекло за собой критику определенного типа человека, народного, простого человека. Всякий ли решался, будучи в твердом уме и ясной памяти, назвать вчера раскрепощенного раба быдлом, простонародье — злопамятной чернью?

Вспоминая свою комсомольскую юность, генерал Петро Григорьевич Григоренко, ставший впоследствии одним из столпов советского инакомыслия, так описывает первую свою настоящую встречу с языком идеологии:

То и дело я слышал модную тогда [в 1922 году] фразу, которую адресовали непролетарским элементам, пытавшимся вступить в комсомол: «Надо повариться в рабочем котле». Меня как ножом по сердцу резало, когда кто-то, кто сам еще труда настоящего и не видел, цедил: «В рабочем котле повариться тебе надо». Только сакраментальная фраза — «надо повариться». И как ни странно, но она покорила. Становилось стыдно, что до сих пор не «поварился».³⁹

К пониманию и этого идеологического, деревянного языка, и нового человека, имевшего быть носителем нового языка, можно прийти, попытавшись собрать и описать подобные «сакраментальные фразы» — минимальные значимые единицы, которые носитель языка отмечает как *чужое слово*⁴⁰, как принадлежность языкового поля, откуда он в той или иной ситуации принужден позаимствовать его для той или иной конкретной служебной надобности. Новизна предлагаемого

³⁸ Оболдуев. С. 68.

³⁹ Григоренко. 1981. С. 81.

⁴⁰ М. М. Бахтин.

здесь подхода состоит в том, что всю эту область речевого опыта я рассматриваю как единый свертхтекст. Признаки и философию этого единства можно показать методом вычленения идеологемы — по тем правилам, которые были в ходу в России на протяжении почти всего столетия, известного как советский период русской истории, и служили в конечном счете одному — разгадыванию подтекста.

В рамках русско-советского политического абсолютизма (деспотизма или тоталитарной демократии) язык со времен М. В. Ломоносова⁴¹ мыслился инструментом управления сознанием. Именно поэтому предметом заботы власти было выделение и поддержание в языке подобающей государственному величию языковой норме. Поскольку характер величия исторически менялся, менялся и характер языковой нормы, но установка на необходимость постоянного и целенаправленного «вычищения, удобрения и обогащения»⁴² языка с целью избавления его носителей от ошибок продержалась два столетия. Эта идеологическая установка зашла в логический тупик после революции: на первых порах одновременно с социальным переворотом предлагалось и русский язык переставить «низом вверх», оставить язык старых верхов и обратиться к «речи так называвшихся народных низов, крестьян и широких масс» (Н. Марр), начать «введение жаргонов как средства смыслового уплотнения, следовательно увеличения конструктивного эффекта» (К. Зелинский).⁴³ Против этой установки говорила, однако, вся история взаимодействия централизованной власти и носителей языка. Простая и ясная схема социального переустройства требовала такой же простой и ясной схемы развития языка в сторону унификации и гомогенизации на основе «наиболее точных, ярких и веских слов», которые, «начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса».⁴⁴

Классики, согласно этой горьковской установке, уже «создали тот «великий прекрасный язык», служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого».⁴⁵

На этой основе должна была складываться общенародная литературная норма. Но противоречие, в какое вступил литературоцентрический утопизм при встрече, с одной стороны, с языком официальной идеологии, а с другой — с хаосом живого народного просторечия и сквернословия, под давлением советского режима стало общественной драмой.

⁴¹ Гасан Гусейнов. Некоторые особенности риторической практики М.В. Ломоносова // Scando-Slavica 1994. Т. 40. С. 88–112.

⁴² Название речи В. М. Протопопова в Академии Российской в 1786 г.

⁴³ Цит. по: Фесенко. 1955. С. 60 и след.

⁴⁴ Максим Горький. О литературе. М., ГИХЛ. 1935. С. 141.

⁴⁵ Там же.

Каждое событие высказывания превращалось в политический акт, маниакальное стремление к воспитанию «чувства соразмерности и сообразности»⁴⁶ и — запрыгиванию содержания высказывания в подтекст.

Так, взаимодействие государства и общества в области языка увенчалось учреждением в 1937 году официального культа Пушкина — как «основателя русского языка на всем богатстве социальных диалектов русского общества».⁴⁷

Нашей родины степи, склоны
мы, как песню, берем на щит.
Пушкин смотрит на нас с колонны,
улыбается и молчит.
(«Со съезда писателей», 23. 8. 1934)⁴⁸

Подтекстом как самого стихотворения, так и молчания в нем Пушкина оказывалось не вполне твердое понимание того, что Пушкин имеет общего с советским строем. Культ великого поэта нарастает, а в советском просторечии за словом «Пушкин» закреплялось значение «кто-то, заведомо далекий от того, что обсуждается».⁴⁹ Чем ярче разгорался официальный культ «солнца русской поэзии», тем яростней отвечал на него простой носитель языка. Действовавшее в русле предначертаний власти «пушкиноведение

немало потрудились, чтобы надеть на Пушкина бремена неудобноносимые, превратить его в некий социальный миф, который можно использовать в идеологических целях («оппозиционных» ли, «официозных» ли — все едино).⁵⁰

В литературных источниках советского времени обнаруживаются лишь следы этой сцепки лицемерия и цинизма («стыда и страха», С. Гандлевский):

Никанор Иванович не знал произведений поэта Пушкина, но самого его знал прекрасно и ежедневно по нескольку раз произносил фразы вроде: «А за квартиру Пушкин платить

⁴⁶ Корней Чуковский. О чувстве соразмерности и сообразности // Литературная газета 3.3.1951. См.: Фесенко. 1955. С. 62–67, где сочувственно цитируются многочисленные советские писатели, объясняющие носителям языка, что от неумелого обращения с языком последний портится, засоряется, не может вовремя обогатиться обоснованными и полезными для него новообразованиями и т.п.

⁴⁷ А. Орлов. Язык русских писателей. М., Издательство АН СССР. 1948. С. 78.

⁴⁸ Корнилов. 1966. С. 222.

⁴⁹ «Получишь у Пушкина». Ильф/Петров. 1928. С. 272. Щеглов. 1995. № 1. С. 575.

⁵⁰ Александр Архангельский. Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» // Вопросы литературы. 1990. № 10. С. 105.

будет?» или Лампочку на лестнице, стало быть, Пушкин вывинтил?», «Нефть, стало быть, Пушкин покупать будет?»⁵¹

А убирать за тобой кто будет? Пушкин?⁵²

контора пишет
бумага терпит
чем черт не шутит
Лимонов скажет
а я молчит
пусть Пушкин пишет
Пушкин
все спишет
(1985)⁵³

Такая вот Йокнапатофа⁵⁴
Доигрывает в спортлото
Последний тур (а до потопа
Рукой подать), гадают, кто
Всему виною, Пушкин, что ли?
Мы сдали на пять в этой школе
Науку страха и стыда.⁵⁵

А валерьянку пусть тебе сейчас Пушкин достает за доллары, на хуй.⁵⁶

Ответственность за просроченные и неправильно составленные расчеты и платежи несут в порядке убывания оной:

- а) дядя Вася;
- б) Пушкин;
- в) Президент РФ.⁵⁷

Тема новых людей — тема голых, а значит, и упрощенных. Для них цветы культуры — роскошь, без которой можно жить. Это люди, для которых Пушкин — звук пустой, и не потому, что Пушкин им противен, они его просто не подозревают. А если знакомство с Пушкиным и происходит, то не столько в форме приобщения к «высокой культуре», сколько в качестве элемента мифологии повседневности: «А отвечать кто будет — Пушкин?» Можно привести и отрывочек из школьного сочинения, написанного в 1920-е годы: «Жили-были две шмары: Татьяна и Ольга. У них были два ухажеры: Ленский и Онегин» [Учительская газета 1926, No. 421].⁵⁸

Этот частный пример двудомности русского слова (в данном случае ключевой культурной идеологемы *Пушкин*) в условиях господства идеологии все время расширяется, открывая такой горизонт речевого опыта, на котором писатели незаметно усваивают себе роль прямых наследников и/или собеседников Пушкина. *Разговор с Пушкиным* стал литературным жанром — от хрестоматийного «Разговора» Вл. Маяковского до «Разговора» Бориса Корнилова 1936 года.⁵⁹ Студенты Литературного института, впоследствии принадлежавшие к литературному официозу, вспоминают:

Обычно в «Новый мир» мы приходили как бы в сопровождении бронзового Александра Сергеевича Пушкина — в те годы он еще стоял спиной к нам и лицом к «Новому миру». Так вот там, в «Новом мире», мне повезло: мои рассказы заметил В.Г. Лидин.⁶⁰

Зрелый Пушкин, вспоминая о своей лицейской юности, писал:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Никто из нас не равняет себя с гениальным лицеистом, но благословляли нас в дорогу тоже прекрасные поэты, и, к нашему счастью, не «в гроб сходя», а находясь на высшем подъеме творческих и жизненных сил.»⁶¹

Подтекст общественного напряжения, возникающий у носителей языка при упоминании имени «Пушкина, с которого весь спрос», восстанавливается только при сопоставительном анализе достаточно широкого массива документов эпо-

⁵¹ М. Булгаков. Мастер и Маргарита. Гл. 15.

⁵² А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. С. 447.

⁵³ Некрасов. 1991. С. 43.

⁵⁴ Топос из романа У. Фолкнера.

⁵⁵ Сергей Гандлевский // Личное дело. С. 218.

⁵⁶ Волохов. С. 148.

⁵⁷ Александр Беломоин (род. в 1969). Занимательная бухгалтерия // Соло. 1996. № 17. С. 100.

⁵⁸ Козлова. 1996. С. 70–71.

⁵⁹ Корнилов. 1966. С. 290–292.

⁶⁰ Семен Бабаевский. Прохожу по Тверскому // Литинститут. 1983. С. 59.

⁶¹ Сергей Наровчатов. Годы ученья // Литинститут. 1983. С. 100–101.

хи, более или менее удаленных от основных очагов идеологической индоктринации. Идеологический Пушкин — государственный поэт — был призван к одомашниванию нового поколения читателей и поэтов, пришедших на смену футуристам — сбрасывателям Пушкина с «парохода современности» (1913). В обиход 1930-х гг. пускается фраза Аполлона Григорьева «Пушкин — это наше всё». К переходу в поссоветскую эпоху этот культистский афоризм пришел как манифестация коллективного абсурда:

Людмила Донец: Искусство — наше всё. Даже христианство Древняя Русь признала, пораженная красотой церковного пения и убранства.⁶²

Волна почитателей нового течения, постмодернистского «угла зрения» растет, как царь Гвидон,— не по дням, а по часам. «Постмодерн — наше все!» — вот лозунг [...].⁶³

Ракетные войска — это наше всё.⁶⁴

Наконец, логическим завершением советского культа Пушкина стало так называемое обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным», — последнее крупное литературное мероприятие, объединившее на одной арене представителей всех наличных идейных направлений.⁶⁵ Прощание с идеологемой «Пушкин» обозначило и конец советской эпохи.

Итак, идеологический язык шире языка официальной идеологии. Ясна и его мельчайшая значимая единица — идеологема.

§ 3. Устройство идеологемы

Единственный значимый элемент идеологического сообщения — это интуитивная оценка правильности, точно угаданный подтекст слова, обычно реализуемый через контраст или борьбу. Фундаментальная оппозиция правильного и не-

правильного, своего и чужого, нормы и ошибки, нового и старого, советского и антисоветского, революционного и контрреволюционного определяет не только социальную практику идеологической борьбы в СССР, но и строение мельчайшей значащей единицы рассматриваемого нами языка — идеологемы (красный, партия, сознательность, беззаветно предан делу Ленина–Сталина, акула капитала, развитой социализм и т.п.).

Поскольку ее референтом не является ни обобщение или абстракция, ни предметная реальность, идеологема может быть представлена любым элементом естественного языка — от буквы до устойчивого словосочетания: семантика знака в языке идеологии исчерпывается прагматикой. Но идеологический язык шире языка (официальной) идеологии. Он разрастается за счет того простого обстоятельства, что живые люди заняты постоянным и неустанным переговариванием внушаемого. Применяя к нашей теме концепцию «личностных отграничителей» (Ich-Abgrenzung) Ю. Хабермаса⁶⁶, можно утверждать, что всякое порождение речи — в том числе идеологической — требует от носителя языка безостановочной и не обязательно осознанной критики основополагающих предписаний.

Сколь бы жёсток ни был предложенный носителям языка мыслительный каркас, они своєю речью и достраивают, и расшатывают его; если им предлагают деревянный язык, они и строят из него, но и точат, и пилят, и режут, и даже выгоняют из его опилок древесноязыковой спирт. В одних случаях это происходит бессознательно, в других — в порядке хорошо осознанной речевой атаки. Но во всех случаях такого взаимодействия можно выделить некоторые общие правила или закономерности.

Прежде чем перейти к ним, уточним понятие идеологемы: минимальный отрезок письменного текста или потока речи, предмет или символ, который воспринимается автором, слушателем, читателем как отсылка — прямая или косвенная — к метаязыку, или к воображаемому своду мировоззренческих норм и фундаментальных идейных установок, которыми должно руководствоваться общество. Сводя определение к метафоре, можно назвать идеологему простейшим переключателем с естественно-частного на казённо-публичный режим речевого поведения и наоборот.

Приведенное определение не позволяет рассматривать идеологический язык только как язык идеологии, или искусственное образование, насаждаемое

⁶² Когда же придет. С. 90.

⁶³ *Петр Алеиковский*. И снова упорствующий в правоверии. Не так страшен постмодернизм, не так страшны и его малютки // Независимая газета. 7 марта 1992.

⁶⁴ *Павел Фельгенгауэр*. Ракетные войска — это наше всё. Уже 35 лет РВСН противостоит мировому империализму // Сегодня. 10 декабря 1994.

⁶⁵ См. подробный обзор дискуссии: *Birgit Menzel*. Die russische Literaturkritik und das klassische Erbe. A. Tertz/A. Sinjowski: Promenaden mit Puschkin // *Elisabeth Cheauré* (Hrsg.). Jenseits des Kommunismus: sowjetisches Erbe in Literatur und Film. Berlin, Berlin Verlag A. Spitz 1996. S. 115–132.

⁶⁶ *J. Habermas*. Universalpragmatische Hinweise auf das System der Ich-Abgrenzungen // *M. Auwärter, E. Kirsch, M. Schröter* (Hrsg.). Seminar: Kommunikation, Interaktion, Identität. Frankfurt am Main, Suhrkamp. 1976. S. 332–347.

волей определенных — злых или добрых — сил или групп населения, в нашем случае, например, большевиков, Ленина, Сталина и т.д. Я исхожу из того, что континуум языкового опыта конкретен и нуждается в интегральном описании. Практически это значит, что под идеологемой мы должны понимать не только элементы языка самой власти (колхоз, город-герой, колыбель революции, сын за отца не отвечает, беспощадный массовый террор и т.п.), или тоталитарного языка, но и поддающиеся фиксации элементы так называемого языка самообороны⁶⁷, (например, *большевизан, совдетия, совок, мудак*; восходящие к прецедентным текстам паремии подсоветского выживания: *рукописи не горят, никогда не снимайте абжур* (Михаил Булгаков), *не верь, не бойся, не проси* (Александр Солженицын), *день кантовки — месяц жизни*, и даже: *когда б вы знали, из какого сора растут стихи* (Анна Ахматова) и т.п.).

Какими бы всеобъемлющими ни были официальные идеологические тексты, трактующие правильную картину мира и правильное ее осознание, филологический анализ только самих этих текстов не достаточен ни для описания идеологии, ни для исторического осмысления созданного на ее основе общества.

Статусом идеологического целого эпохи обладает для историка и филолога лишь всё поле обращения текстов, речевых отрезков и фрагментов, связанных для носителей языка с общим представлением об идеологии — вне зависимости от того, каково их собственное к ней отношение. Критерием принадлежности фрагмента языка к идеологеме служит именно документированное узнавание его в качестве таковой современниками.

Так, в приведенном выше фрагменте воспоминаний П. Григоренко идеологема надо повариться в рабочем котле была узнана автором и воспринята как «ключевое слово текущего момента»⁶⁸ уже в самый первый момент встречи с нею. Автор, по-видимому, уже тогда воспринял воздействие этой идеологемы как «странное». В дальнейшем, повествуя о своей жизни, Григоренко часто возвращается к метафоре «варки» или «вываривания» нового человека, восходящей к одному из первых юношеских воспоминаний о встрече с идеологией. Вычленение идеологем в сколь угодно мелких языковых фактах, привлекающее внимание носителя языка к нормативной картине мира, необходимо поэтому для возможно более достоверной исторической реконструкции. Мы можем увидеть если и не движущие пружины событий, то, по крайней мере, обычно скупо вербализуемую эмоционально-интеллектуальную атмосферу, о которой сообщает идеологический язык.

Идеологический язык можно пространственно описать как место встречи и частичного взаиморастворения языка идеологии с обыденным, пошлым или банальным⁶⁹ языковыми горизонтами, включающими, как будет показано ниже, и так называемый ненормативный пласт русского языка, или матерную брань и, особенно, матерную речевую смазку.

Сверхтекстом идеологического языка является и язык идеологии, и язык сопротивления этой идеологии. В качестве примера рассмотрим произвольно выбранный фрагмент сверткста — идеологему гражданский брак. Первое, собственно словарное значение может совпасть с одним из вариантов официальной кодификации:

(А)

«Декрет о гражданском браке издан 31 декабря 1917», Карманный словарь 1926, с. 98;
«Брак, оформленный в соответствующих органах государственной власти без участия церкви» (СЭС 1989, с. 336).

Сверхтекст идеологемы включает, далее, развернутое нейтральное описание современника, освоившего идеологему на собственном историческом опыте:

(Б)

Затем женился Гришка Федоров на Полечке Насоновой. У них была показательная, комсомольская свадьба — с речами, с поздравлениями, с торжественной записью в «Книге актов гражданского состояния». А после был диспут — нужно ли платить попу за свадьбу? и какая свадьба лучше? Я для себя решила, что никакая свадьба не нужна. [...] Мне даже показалось, что присутствие посторонних и всякие «оформления» оскорбляют и оскверняют человеческое достоинство. Приравнивают брак к сделке. [...]

«Гражданские» браки тогда [в 1921 году] были узаконены и это больше всего устраивало отца и маму — полная финансовая, юридическая и прочая независимость супругов; юридически такие браки не могли обязывать людей отвечать за поступки друг друга, наследовать права, имущество и прочее. Фактически же от репрессий пострадали все, не только «гражданские» супруги (те, кто не скрывался и не изворачивался, а даже просто знавшие того или другого человека, а часто даже и не знавшие преследуемого). Мама понесла полную меру ответственности и страданий за своего мужа.⁷⁰

⁶⁷ Этот термин я заимствую у А. Вежбицкой: *Анна Вежбицка*. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания 1993. № 4. С. 107–125.

⁶⁸ Т. В. Шмелева. Ключевые слова текущего момента // Collegium. Международный научно-художественный журнал. 1993. № 1. С. 33–41.

⁶⁹ Я заимствую термин «банальность» у Ингрид Майер: *Ингрид Майер*. Банальности — тип городского фольклора // Slovo [Uppsala universitet, Slaviska institutionen] 1991. № 40. С. 33–46.

⁷⁰ Кудерина-Насонова. 1994. С. 56–57; 259.

Он, наконец, включает и продукт «языкового сопротивления», или переосмысления:

(В)

Ячейка заставила Сашка жениться. Расписались. (По тогдашней дразнилке: «гражданским браком — в сарае раком».)⁷¹

Только внутри такой стереоскопической картины оправдано введение и категории тоталитарности, и категории сверхтекста. Семантические уровни сверхтекста восстанавливаются на основе приведенных текстов как последовательность мотивировок. Исходную точку занимает официальная версия — текст (А). Практическое преломление и внутренние мотивировки принятия развернуты в тексте (Б). Наконец, полное отрицание официальной идеологии, сведенное в идеологическую же формулу, находим в тексте (В). Итак, смысловые слои, в реальности воспринимаемые как подтекст выражения гражданский брак, можно представить в виде списка:

а) официальная мотивировка — ‘освобождение семьи от церковных пут’;

б) неявная официальная мотивировка — ‘ликвидация отношений собственности’, в том числе, например, б’) ‘возможность присвоения государством выморочного имущества’;

в) микрогрупповая мотивировка — ‘материальная независимость’;

г) неявная микрогрупповая мотивировка — ‘уклонение от репрессий’;

д) просторечная антисоветская формула-вывод — ‘скотство’.

Предлагаемый подход позволяет не только проследить логику исторического развертывания идеологии, но и сохранить лица носителей языка, непосредственных участников и подопытных социокультурного эксперимента. В этом смысле идеологический сверхтекст остается для нас принципиально открытым, а развертывание в нем идеологии — от официального «ядра» до разнообразной и живой социальной «периферии» — неостановимым.

При ином подходе, согласно которому

сверхтекст тоталитарной эпохи — это относительно закрытый сверхтекст», чья «категориальная целостность обеспечивается идеологическим монизмом⁷²,

исследователь принужден будет отказать в субъектности носителям естественного языка и изучать свой предмет по его, предмета, предписаниям. На этом пути успехи возможны, когда анализируется одна идеология или гнездо идеологием. Так, в книге Э. Маттиаса и Г. Ширбаума⁷³ дан не только анализ, но и сравнительно-историческое исследование русской и немецкой идеологии достижения-завоевания (Errungenschaften) в хронологических рамках от Ленина и Геббельса до Хрущева и Ульбрихта. В основе исследования Маттиаса и Ширбаума — развитие именно языка официальной идеологии. Если расширить его план и рассмотреть подобным образом целое поле категорий официальной идеологии, выяснится, что такое описание тоталитарного языка ведется из позиции «жертвы». Велика опасность попасть в ловушку, заготовленную собственным ходом мысли: гипостазировать идеологический язык в некоего надмирного экспериментатора, общавшегося со своими подопытными как кошка с мышкой.⁷⁴ От этого публицистического подхода (извинительного, как хотелось бы думать, для определенных эпох, например — «холодной войны» или «перестройки») придется отказаться в пользу исторического, а местами и биографического описания (индивидуально-авторская окраска идеологием может играть ключевую роль в завоевании ими их статуса идеологии).

В предлагаемом опыте филологического анализа корпуса идеологии за пределами исследования остаются, с одной стороны, собственно лингвистические проблемы идеологического языка, а с другой — история формирования официальной советской идеологии от Ленина до Горбачева.⁷⁵ Лингвистический анализ советского русского языка представлен в обобщающих работах А. и Т. Фесенко⁷⁶, Б. Комри и Дж. Стоуна⁷⁷, Патрика Серию⁷⁸, Даниеля Вайса⁷⁹, а в поссоветские годы

⁷³ *Matthias Erich, Hansjürgen Schierbaum. Errungenschaften. Zur Geschichte eines Schlagwortes unserer Zeit. Pfaffenhofen-München, Ilmgauverlag. 1961. 307 с.*

⁷⁴ И я не избежал этой ловушки. См. подробнее: *Г. Ч. Гусейнов. Ложь как состояние сознания // Вопросы Философии 1989, 11.*

⁷⁵ См. *Илья Земцов. Советский политический язык. London. Overseas Publications Interchange. 1985; Илья Земцов. Реальность и грани перестройки. Справочник. London. Overseas Publications Interchange. 1989. 470 с.*

⁷⁶ *Андрей и Татьяна Фесенко. Русский язык при советах. Нью-Йорк, Rausen Bros. 1955.*

⁷⁷ *Bernard Comrie and Gerald Stone. The Russian Language since the Revolution. Oxford, OUP. 1978.*

⁷⁸ *Patrick Sériot. Analyse du discours politique soviétique. Paris, Institut d'études slaves. 1985.*

⁷⁹ *Daniel Weiss. Was ist neu am «newspeak»? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjetunion // Renate Rathmayr (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1985. Referate des XI. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Innsbruck 10. mit 12.9.1985. München, Verlag Otto Sagner 1986. S. 247–325; см. также: *Hans-Georg Heinrich. Was blieb von der sowjetischen Politsprache? // Ruth Wodak, Fritz Peter Kürsch (Hrsg.). Totalitäre Sprache — Langue de bois — Language of Dictatorship. Wien, Passagen-Verlag. 1995. S. 181–194.**

⁷¹ *Солженицын. 1995. С. 13.*

⁷² *Кутина. 1995. С. 53. Подробнее об этом весьма ценном исследовании см. в библиографическом обзоре.*

привлекает всё больше внимания как в Европе и США⁸⁰, так уже и в самой России и в ее бывших колониях.⁸¹

Наблюдая, как действует идеологема на выходе из советской эпохи, мы видим не только завершение советского периода русской истории (1920–1990-е гг.), но и хорошую сохранность в русском поссоветском дискурсе — в отличие от полуколониальных в идеологическом отношении стран Восточной Европы, — всей полноты вчерашнего идеологического опыта.

В отличие, например, от послевоенной Западной Германии, где с 1945 года действовал цензурный запрет на идеологическое наследие национал-социалистов, официальная идеология советского периода не исключена из того общего поля, в котором носители языка воплощают свои социокультурные стратегии. В Германии, где национал-социалистическая партия как главный очаг идеологии и основные государственные институты были уничтожены, а уцелевшее население страны было подвергнуто коллективному перевоспитанию в рамках нового демократического государства, с 1960-х гг. проводится столь же интенсивное, сколь детальное изучение механизмов идеологического успеха национал-социалистов⁸², а также прослеживаются способы выживания определенных мыслительных форм нацистского двенадцатилетия в условиях социалистического и плюралистического обществ соответственно в ГДР и ФРГ.⁸³

⁸⁰ Ср., например, попытку с помощью лингвистической статистики выявить, какая политическая речь «способствует демократии», а какая, наоборот, «способствует авторитаризму»: *Richard D. Anderson, Jr., Valeri I. Chervyakov and Pavel B. Parsbin*. Words Matter: Linguistic Conditions for Democracy in Russia // *Slavic Review* 1995, winter; *Richard D. Anderson, Jr.* Speech and Democracy in Russia: Responses to Political Texts in Three Russian Cities: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/newthr2.htm>

⁸¹ См., в частности: *А. Д. Дуличенко*. Русский язык конца XX столетия. Предисловие и подготовка к изданию Werner Lehfeldt. Slavistische Beiträge. Hrsg. von Peter Rehder. Bd. 317. München, Verlag Otto Sagner. 1994. 347 S.; *Н. А. Кутина*. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь, Уральский государственный университет. 1995. 143 с. [анализ Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова как свода идеологем советской эпохи — основы тоталитарного языка; привлечены также многочисленные другие источники: от Вл. Маяковского до «языка сопротивления» — анекдотов, «гариков» Игоря Губермана и др. авторов]; *Г. Н. Склярёвская* (СПб). Русский язык новейшего времени: эволюция или революция? // *Vallan kieli — kielen valta*. Esielmat. Venäjän ja Itä-Euroopan Instituutti [Власть языка — язык власти]. Helsinki. 1996. С. 7–14; Русский язык конца XX столетия. Коллективная монография. Ответственный редактор Е. А. Земская. М., «Языки русской культуры». 1996. 480 с.; *А. В. Дмитриев, В. В. Латынов, А. Т. Хлопьев*. Неформальная политическая коммуникация. М., Издательство «Российская политическая энциклопедия». 1997. 197 с.

⁸² Библиография опубликованных в Германии научных работ, посвященных языку национал-социализма с 1920-х по 1945 г., включает тысячи названий. См., в частности: *M. Kinne*. Zum Sprachgebrauch der deutschen Faschisten. Ein bibliographischer Überblick // *Diskussion Deutsch* 14. 1983. Н. 73. S. 518–521; *Erich Straßner*. Ideologie — Sprache — Politik. Grundfragen ihres Zusammenhangs. Tübingen. 1987. S. 185–217.

⁸³ Наличие у больших групп носителей немецкого языка столь непохожего социально-политического опыта создает поле для исследования, которого нет у русских. К тому же развитием полити-

В России же сама верхушка коммунистической партии начала переустройство социально-политической системы. Вот почему ценные исследования, появившиеся в короткий начальный период этого переустройства, чье пропагандистское самоназвание было — «перестройка», — по инерции должны были рассматривать «горбачевские» изменения как движение по замкнутой траектории внутри советского политического языка, не приближаясь к той реальности «циничного идеологического человека» (Славой Жижек), которая в конце концов и привела систему к самораспаду.⁸⁴

С другой стороны, советское языкознание столь долго само было частью мощного идеологического аппарата, что может похвастаться лишь более чем скромными результатами в анализе именно идеологического горизонта новой языковой реальности. Подобно тому как в средневековом европейском университете философия была служанкой богословия, институциональное советское языкознание слишком деятельно обслуживало культурно-нормативный отдел идеологического ведомства, чтобы теперь без труда приблизиться от «великого, могучего, правдивого и свободного» к реально существующему русскому языку.⁸⁵

Разумеется, в советское время попадание слова, например, в словарь проходило через цензурное сито. Так, вышедший в 1980 году первый выпуск серии «Новое в русской лексике», включает по меньшей мере две важные новые идеологемы, вошедшие в язык в 1977 году. Об одной из них сказано в предисловии к словарю:

«1977 ознаменовался важнейшим политическим событием в жизни советского народа. В этом году была принята новая Конституция (Основной Закон) СССР. Проект Конституции был опубликован в центральной прессе в июне 1977 года. Обсуждение его «продолжалось почти четы-

ческого языка советского типа в ГДР занимались в обеих частях Германии. См.: *Peter von Polenz*. Die Sprachrevolte in der DDR im Herbst 1989 // *Zeitschrift für germanistische Linguistik* 1993. Bd. 21. S.127–149; *Claudia Fraas*. Kommunikationskonflikte vor dem Hintergrund unterschiedlicher Erfahrungswelten // *Zeitschrift für germanistische Linguistik* 1994. Bd. 22. S. 87–90.

⁸⁴ Так, в упомянутой выше работе «Что нового в новоязе?» Даниель Вайс, подводя итоги исследованиям советского новояза, выполненным как в самом СССР, так и на Западе, рассматривает советский дискурс в контексте противостояния официальной идеологии ее воображаемому большому противнику, а не реальному «маленькому человеку» советской эпохи (см., например, с. 315–317).

⁸⁵ Об истории идеологических преследований в языкознании позднесоветской эпохи, об их связи с нынешним состоянием науки и «состоянием языка» см., в частности: *В. П. Григорьев*. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики. М., «Наука». 1993. 175 с.; *Ю. Д. Апресян*. Предисловие ко второму изданию // *Ю. Д. Апресян*. Лексическая семантика. М., Школа «Языки русской культуры». 1995, с. I–VIII; *Ю. Н. Караулов* (редактор-составитель). О состоянии русского языка современности. М., «Наука». 1991 (авторы статей: *Ю. Д. Апресян, В. Г. Гац, В. Е. Гольдин, В. П. Григорьев, Ю. Н. Караулов, О. Б. Сиротина, Е. Н. Ширяев*).

ре месяца и было в подлинном смысле слова народным».⁸⁶ В этот период получили широкое распространение такие новые понятия, как народный депутат, Советы народных депутатов, описанные в выпуске.»⁸⁷

В соответствующих словарных статьях, действительно, содержится новая официальная идеологема, хотя и умалчивается смысл новизны — замена эпитетом «народный» прежнего выражения «депутатов трудящихся». Здесь не место вдаваться в выяснение причин перемены одной из ключевых советских идеологем именно в 1977 году. Наряду с этой официальной единицей в «Список слов без описания»⁸⁸, включающий 500 единиц, попало — вероятно, контрабандой — слово «откáзник».⁸⁹ В устном обиходе «отказником» именовался «еврей, не получивший разрешения на эмиграцию из СССР и вследствие этого более или менее продолжительное время выбитый из нормальной жизни»; такой человек, как правило, лишался работы, его детей исключали из учебных заведений еще до получения отказа и т.д.; цепная реакция создала за несколько лет определенный социо-культурный тип, быстро получивший имя. Один за другим ежегодно выходили следующие издания словаря, включавшие всё новые словарные материалы, описывались и слова из «Списка слов без описания». Но слово «отказник» не могло быть описано: оно касалось абсолютно запретной для словаря темы.⁹⁰ Лишь в 1986 году в очередном выпуске НРЛ появляется статья «отказник» с таким толкованием слова:

«Тот, кто отказывается регистрироваться для постановки на военный учет в США (разговорная речь)»⁹¹

Весь этот скорее юмористический эпизод имел продолжение в 1995 году. Сводное издание словаря под редакцией Н. З. Котеловой (не дожившей до выхода книги в свет) охватывает период с середины 50-х до середины 80-х годов.⁹²

⁸⁶ Брежнев Л.И. О проекте Конституции (Основного Закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения. М., 1977. С. 4.

⁸⁷ Н. З. Котелова. Предисловие к кн.: Новое в русской лексике. Словарные материалы-77. М., «Русский язык» 1980. С. 6.

⁸⁸ Новое в русской лексике-77. С. 172–175.

⁸⁹ См. подробнее: Korten. 1992. P. 96–97.

⁹⁰ Сопоставление фамилий соавторов НРЛ за 1980 и последующие годы, позволяет предположить, что один из них, Ю. Е. Штейнсапир, ответственный за буквы от л до п, и был, по-видимому, означенным «отказником», впоследствии отпущенным в эмиграцию: это имя не встречается в следующих выпусках словаря.

⁹¹ Новое в русской лексике. Словарные материалы-82. М., «Русский язык». 1986. С. 131–132.

⁹² Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов). Под редакцией Н. З. Котеловой. СПб, Издательство «Дмитрий Буланин». 1995. 877 с.

Здесь — и теперь уже без всякого объяснения новизны — воспроизводится статья «народный депутат», но для «отказника» места по-прежнему нет. Если историю развития официальной идеологемы — «депутаты трудящихся»? «народные депутаты» — еще можно проследить, пользуясь ссылкой на словарные материалы-77 в сводке 1995 года издания, то эпизод *отказничества (сидения в отказе)* 1970–1980-х гг. нужно будет отслеживать уже по другим словарям.⁹³

В конце столетия произошли слишком большие изменения, советская правящая верхушка лишь на короткий период — между потерей власти М. Горбачевым и утверждением у власти Б. Ельцина в 1991–1992 гг. — была несколько потеснена и на первых порах даже поделилась властью с новыми людьми. В первой половине 1990-х гг. прежняя правящая идеология разветвилась и уже в новых формах определяет русский общественно-политический дискурс. Характеризуя этот период с лингвистической точки зрения, исследователь политического языка уже готов признать, что

«новый политический плюрализм проявляется в сосуществовании как дружественных, так и враждебных реформам средств массовой коммуникации. Анализ русского политического дискурса последних восьми лет приводит нас к выводу, что, говоря о языке политических текстов горбачевского и ельцинского периода, мы уже не можем больше ссылаться на новояз в оруэлловском смысле слова; это — тот же публицистический стиль, с каким мы имеем дело в западноевропейских странах.»⁹⁴

Если лингвистические данные дают основания для такого вывода, не значит ли это, что трудности носителей языка лежат в другой плоскости, чем даже сам пресловутый «деревянный язык»? С другой стороны, способность советского общества после десятилетий господства одной идеологии резко обновить политический язык, обратившись к дореволюционному прошлому, должна оживить интерес к преемственности советской и русской политической истории⁹⁵, к бо-

⁹³ В.И. Максимов и др. Словарь перестройки. СПб, «Златоусть». 1992. С. 145; В. Елистратов. Словарь московского арго. М., «Русские словари». 1994. С. 301 (ср. Ожегов/Шведова. 1992).

⁹⁴ Renate Rathmayr Neue Elemente im russischen politischen Diskurs seit Gorbatschow // Ruth Wodak, Fritz Peter Kirsch (Hrsg.). Totalitäre Sprache — Langue de bois — Language of Dictatorship. Wien, Passagen-Verlag, 1995. S. 210. Ср.: Dominique Leveillé. Notes sur l'évolution récente de la langue russe dans les médias et les discours officiels // Paralleles. Cahiers de l'Ecole de Traduction et d'Interpretation de l'Université de Genève. Printemps 1995. Nr. 17. P. 99–110.

⁹⁵ См. подробнее: Kristian Gerner. Ritualization and Apotheosis. The Archaic Face of the Soviet Union // Slavica Lundensia 1986. Vol. 10. P. 93–108 [Slavica Lubomiro Durovic Sexagenario Dedicata. Lund, 1986].

лее прямой постановке старого вопроса о русской культурно-исторической природе советской истории.⁹⁶

§ 4. Методы исследования языка идеологии

Рассматривая формы представления идеологемы, или срез физического состава идеологического языка (от буквы и акцента до предложения и целого произведения), я опираюсь на различные методики, разработанные в ряде дисциплин.

Прежде всего, разумеется, речь идет о методиках, разработанных в языкознании, а точнее — в лингвистике, или области науки, восстанавливающей на более высоком, чем любой естественный язык, уровне абстракции структуру, управляющую самими языками. Это влиятельные в России лингвистические методы «интегрального описания языка»⁹⁷, «конструирования концептов» и «тренированной интроспекции»⁹⁸; методики воссоздания надязыковых «картин мира», по необходимости тоже словесно обустройстваемых, или вербализуемых, но — с помощью метаязыка, свободного от неудобной многослойности и нестрогости живых языков.⁹⁹

Разработка подобных исследовательских методик часто заставляет ученого отказаться от некоторых старых и новых общих правил построения мысли¹⁰⁰, — и уж во всяком случае хотя бы отчасти отказаться от повседневного языка, создавая абстрагирующую замену с опорой на греколатинскую *lingua franca* ученого сообщества.¹⁰¹ При работе с языком на слишком высоком для него уровне абст-

⁹⁶ *Emmanuel Sarkisyanz*. Rußland und der Messianismus des Orients. Tübingen. Verlag J. C. B. Mohr. 1955; *Dietrich Geyer*. Modern Imperialism? // *W. J. Mommsen, J. Osterbammel* (eds.). Imperialism and After. Continuities and Discontinuities. London, Allen & Unwin. 1986. P. 49–62; *Milan Hauner*. What is Asia to Us? Boston. Unwin Hyman. 1990.

⁹⁷ См. прежде всего: *Ю. Д. Апресян*. Интегральное описание языка и системная лексикография // *Ю. Д. Апресян*. Избранные труды. Т. 2. М., Школа «Языки русской культуры». 1995; *И. А. Мельчук, А. К. Жолковский*. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена. Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 14. 1984.

⁹⁸ *Ревекка М. Фрумкина*. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // *Ю. С. Степанов* (ред.). Язык и наука конца 20 века. М., РГГУ. 1995. С. 74–117.

⁹⁹ См.: *Е. С. Яковлева*. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., «Гнозис». 1994; *Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев*. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., Школа «Языки русской культуры». 1997.

¹⁰⁰ От «бритвы Оккама», запрещающей исследователю считать построения мысли существующими в действительности, до формулы позднего Л. Витгенштейна «что невозможно высказать, о том надобно молчать». См. подробнее: *Ю. И. Левин*. Истина в дискурсе // Семиотика и информатика 1994. Вып. 34. С. 127–128.

¹⁰¹ Некоторые языковеды считают этот язык одним из современных аргос. См. подробнее рассуждения В. Елистратова о «герметически-логосической тенденции» в языке интеллигенции (*Елистратов*. 1995. С. 599–607).

рации выясняется: чем выше уровень формализации, тем сложнее — по сравнению с изучаемым предметом — получаемый лингвистом продукт. Научное описание предмета рискует стать всего лишь одним из новых литературных произведений, созданным с использованием частей предмета. Лапидарно эту трудность сформулировал Л. Виттгенштейн в «Логико-философском трактате»:

«Предложение может представить всю полноту действительности, но оно не может представить своей логической формы, или того общего, что у него должно быть с действительностью для ее представления. Для того, чтобы суметь представить логическую форму, мы должны были бы выйти за пределы логики, что означало бы и выход за пределы этого мира.»¹⁰²

Во избежание этой ловушки лингвистам и пришлось создавать в условиях советского идеологического государства в сущности новый аппарат самоописания и представления своего предмета, «протаскивая», как говорилось в советское время, «идеологически вредные или чуждые концепции». Чуждыми они были не в том смысле, что излагали взгляды, своим содержанием враждебные идеологии, но в том, что посягали на важнейшую часть арсенала самой идеологии как равноправные пользователи арсенала. Начиная с *lingua mentalis* А. Вежбицкой, «языка для описания значений слов» Ю. Апресяна или «модели семантического синтеза СМЫСЛ ⇔ ТЕКСТ» И. Мельчука и А. Жолковского¹⁰³, лингвистические теории подступали к языку с целью дать «полное теоретическое описание языка». Но в зрелое советское время полное теоретическое описание чего бы то ни было давала идеология, и только она одна. Начиная книгу, например, словами:

«Полное семантическое описание содержательных единиц языка, даваемое словарем теоретического типа, оказывается естественной основой для строгого определения любых лингвистических понятий, в основе которых лежит представление о семантических тождествах и различиях соответствующих языковых объектов», —

начиная книгу¹⁰⁴ такими словами, Ю. Д. Апресян бросал официальной идеологии недвусмысленный вызов: такие хорошо знакомые идеологу слова, как *полное описание, основа для строгого определения любых понятий*, действительно от-

¹⁰² *L. Wittgenstein*. Logisch-philosophische Abhandlung (1921), 4.12.

¹⁰³ *А. К. Жолковский, И. А. Мельчук*. О возможном методе и инструментах семантического синтеза // Научно-техническая информация. 1965. № 5. С. 23–28; *Ю. Д. Апресян, А. К. Жолковский, И. А. Мельчук*. Об одном способе изучения сочетаемости слов // Русский язык в национальной школе. 1969. № 6. С. 61–72.

¹⁰⁴ *Ю. Д. Апресян*. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., «Наука». 1974.

сылают читателя к новой реальности, к новому смыслу. Больше того, даже слово *смысл* воспринималось носителями языка, а тем более лингвистами, как антитеза официальной категории *идея* или *идеи*.¹⁰⁵

В этом отношении лингвистика была, возможно, единственной областью науки, на субстанциальном уровне противостоявшей идеологии тем, что создавала для себя новый язык с использованием некоторых важных элементов обывденного языка, дабы обеспечить межпоколенческую преемственность, а главное — показать, что имеется общественный дискурс, способный растворить в себе сколь угодно агрессивную идеологию. Грандиозный проект, предпринятый в порядке эксперимента по преодолению идеологии как «ложного сознания», по отказу от самой установки на мыслимость идеологии, лингвистика направления Апресяна, Жолковского, Мельчука и их многочисленных учеников создала основу для любого последующего описания и анализа в том числе и русского идеологического языка советского времени. В кратчайшей формуле один из соавторов называет

построение моделей типа «Смысл ⇔ Текст» моделированием способности носителя языка преобразовывать подлежащий выражению смысл в соответствующий ему текст (или в разные синонимические тексты) и, обратно, извлекать из текста содержащийся в нем смысл.¹⁰⁶

В этой схеме для идеологии просто не остается места, ибо носителю языка приписывается свободное и творческое обращение со своим инструментом («язык»), с сырьем («подлежащее выражению») и с продукцией («тексты»). В идеологии языковому сообществу даны «тексты», называемые «первоисточниками»; требующие выражения смыслы мыслятся раз и навсегда выраженными; носитель языка должен уметь применять их на практике, или, слегка перефразируя К. Маркса, «он не обязан их понимать, но должен действовать в соответствии с ними».¹⁰⁷

¹⁰⁵ Например, в речевке *Идеи Ленина живут и побеждают* (как лозунг в обиходе с 1955 г., см. *Душенко*. 1997. С. 435). Ср. анекдот о Хрущеве, непрерывно переспрашивающем художников на выставке в Манеже: «Идея?!.. Идея?!..» и получающем невразумительные ответы, что-де «идея моего произведения состоит в том-то и том-то», пока, наконец, Хрущев не произносит свой вопрос полностью: «Иде я нахожусь?!» Этот анекдот позднее был перенесен на гораздо более косноязычного Брежнева.

¹⁰⁶ А. К. Жолковский. К описанию выразительной структуры паремий (разбор одной сомалийской пословицы) // Г. Л. Пермяков (ред.-сост.). Паремиологический сборник. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М., 1978. С. 136.

¹⁰⁷ О происхождении теории идеологии см. подробнее: *Tim Dant. Knowledge, ideology and discourse. A sociological perspective.* London and New York, Routledge. 1991. P. 10, 27–28, 55–76. Тим Дант показывает, в частности, что в контексте, подобном приведенному мною выше, категории «дискурса», «идеологии» и «знания» для марксиста тождественны.

Таким образом, модель «смысл у текст» связана с окружающей ее идеологической действительностью лишь в точке истолкования и воспроизведения. Говоря обывденным языком, языковое сообщество должно правильно себя вести, научившись правильно распознавать любой доходящий до него сигнал.

Идеальный носитель языка, действующий в рамках модели «смысл ⇔ текст», истолковывая данный ему текст, снова формулирует понятый им смысл, причем без обязательных притязаний на правильность своего понимания.

Идеологический человек исходит из того, что смысл уже получен им в виде текста, от носителя языка требуется не личное истолкование понятого на свой страх и риск, но правильное понимание подтекста, вычитывания прагматического указания на тот или иной способ поведения в обществе. Вне СССР такой трудности не возникало и появлялись работы, вполне свободные от необходимости самому исследователю чего-то не договаривать, прятать что-то в подтексте. Поэтому элементы игры мышки с кошкой, острое внутри, но едва заметное извне сопротивление жертвы манипуляций властному манипулятору, могло и не находить места в ценных работах, описывающих методы идеологической обработки населения.¹⁰⁸

Роль антиидеологии играла в СССР и семиотика тартуско-московской школы. Она пользовалась похожим на лингвистический словесным арсеналом и пыталась, если говорить только об отношении к идеологии, вывести носителей языка на тот уровень мышления о современности, с которого идеологии либо не должно быть видно вовсе, либо она должна являться как анекдот и карикатура.¹⁰⁹ При таком генеральном подходе чрезвычайно велика была опасность попадания в тень врага и усвоения собственной теории некоторых основополагающих свойств самой идеологии, очерченных этой тенью. Такова предустановленная семиотичность и мифологичность всего во всем; «основной миф» В.Н. Топорова и Вяч. Вс. Иванова и их школы изоморфен не только всеобъясняющей «лингвистической модели СМЫСЛ ⇔ ТЕКСТ» И. Мельчука и А. Жолковского, но и фундаментальным положениям марксистско-ленинской философии, постепенно накрывавшей все области науки в СССР шатром универсалистской догмы. Лингвистические и семиотические методики, возникшие внутри системы, обладают тем не менее высокой теоретической ценностью: не являясь частью идеологии, они принуждены были строить свои отношения с нею по идеологическим правилам, обнажая, таким образом, сам механизм действия идеологического сознания.

¹⁰⁸ См. подробнее: *W. Betz. Sprachkritik. Das Wort zwischen Kommunikation und Manipulation.* Zürich. 1975; *W. Betz. Verändert Sprache die Welt? Semantik, Politik und Manipulation.* Zürich. 1977.

¹⁰⁹ Это хорошо видно, например, по письмам Ю. М. Лотмана, по кратчайшему мемуару Михаила Безродного о З. Г. Минц (*М. Безродный*. Конец цитаты. С. 57–58).

Приведу пример полной спрятанности идеологического смысла в подтексте, закамуфлированном под научную акрибию, — полный текст статьи коробка скоростей из Толково-комбинаторного словаря (ТКС) русского языка Мельчука, Жолковского и их соавторов:

«Коробка скоростей, жен.

Коробка скоростей X-а = устройство для регулирования скорости 1а автотранспортного средства X посредством изменения скорости З, являющееся частью X-а.

Ср. АВТОМОБИЛЬ (Части автомобиля)

1 = X

[какое автотранспортное средство]

Срод

[...] [Пример:] «Коробка скоростей моей «Чайки» вышла из строя (что-то барахлит).»¹¹⁰

В статье не произносится ни слова о двойной абсурдности примера: во-первых, не может быть никакой *моей* «Чайки» («Чайка» — казенная машина высокопоставленных чиновников, предшественница «членовоза» — ЗИЛа брежневской эпохи); во-вторых, невозможно себе представить, что в «Чайке» что-то барахлит. В подтексте статьи, таким образом, спрятана шутка, точнее — воспользуюсь исторически более достоверными просторечными жанровыми определителями — хохма, или прикол. Система, предложенная авторами ТКС и успешно реализуемая в некоторых других статьях словаря, позволяет без труда описывать такого рода семантические приколы.¹¹¹ То, что авторы словаря не предпринимают никаких попыток этого рода, свидетельствует об их полной уверенности в читательском восприятии примера и всей статьи именно как прикола и хохмы.¹¹² Эта, как выразились бы авторы, не экспонируемая семантика эксплицируется реципиентом только на уровне невербализуемой эмоции; другими словами: чужой (идеологический) человек, человек, говорящий на деревянном языке, отзовется только на набор правильных слов; свой читатель испытает умственное наслаждение от установления дистанции меж-

¹¹⁰ И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. С. 381.

¹¹¹ Ju. D. Apresjan, I. A. Mel'cuk, A. K. Zholkovskij. Materials for an Explanatory Combinatory Dictionary of Modern Russian // Trends in Soviet Theoretical Linguistics. Dordrecht, Reidel. 1973. P. 411–438.

¹¹² Словосочетание у моей «Чайки» барахлит коробка скоростей может играть и роль *кукиши в кармане*, или идеологического разоблачителя: 'барахлящая, т.е. плохо работающая, правительственная машина'.

ду собой и официальной. Тот же прием действует как на уровне заголовочного слова

— *административный восторг*: отсутствует указание на литературный источник фразеологизма;

так и — в большинстве статей — на уровне примеров;

так, в лексеме *грамотный* примером невозможности выражения «спортивно грамотный» сообщается подтекст абсурдности официальной идеологеме «политически грамотный»;

допрашивать, допрос: вводится неожиданный, по сравнению с другими статьями словаря, экскурс «Статус допроса в уголовном праве СССР»; наукообразное убранство статьи подразумевает нарушение статуса допроса как проявление привычного или типичного беззакония в Советском Союзе; так, в словарной части словаря говорится, что «разговорное *конвейер* — такой допрос, в ходе которого несколько „иксов“, последовательно сменя друг друга, в течение длительного времени допрашивают „игрека“»; таким образом, само наличие разговорной формы для описания явления дезавуирует текст «Статуса допроса в уголовном праве СССР»: «[...] запрещается устраивать „конвейер“ и применять для получения нужных показаний пытки»;

доска почёта: статья выведена из словарного поля [просто] доски и оформлена как неразложимое идеологическое понятие; приведенный пример дезавуирует словарное содержание статьи, исполненное предельно лапидарно («устройство для морального поощрения работников X организации или территориальной единицы Y»):

Чсть Андрея велика:

Хороша работа.

Фотография Дубка

На доске почета.

(А. И. Недогонов)

и мн. др.»

Главная трудность для носителя языка, живущего в идеологическом окружении и состоит, как видно, в невозможности отказаться от расширения подтекста — основополагающего принципа построения любой речи. Методологическим уроком и заданием является для меня очевидная необходимость прояснения подтекста идеологического и выяснения того, как этот принцип действует в условиях ухода официальной идеологии.

Другая область наук о человеке, разработавшая свои приемы обращения с языком, — это учения о познавательных действиях, или широкая область т. н.

когнитивных дисциплин, в том числе психосемантики сознания¹¹³, а также исследований различных способов блокады языковой и мыслительной способности, которую практикует идеология в новых исторических условиях.¹¹⁴

Наконец, третья область — историография советского русского языка и культуры,¹¹⁵ а также историческая лексикография.¹¹⁶ Предлагаемый ниже анализ советских идеологием в посюветском дискурсе осуществляется по мере возможности с учетом достижений вышеназванных авторов и дисциплин.

Ввиду того, что в основе работы — редко описываемый материал, я счел себя вправе не экономить места на цитатах. Использование метода «плотного описания»¹¹⁷ (*dichte Beschreibung*) необходимо при анализе дискурса по двум причинам.

Во-первых, этот метод позволяет непосредственно моделировать дискурсивный поток, когда речь идет о текстах, и симулировать визуальный континуум масс-медиа, когда речь заходит о визиотипах.

Во-вторых, он структурно воспроизводит фасеточно-клиповый способ обращения с информацией, распространяемый с огромной быстротой в связи с развитием новых технологий коммуникации. Основные признаки этого способа сводятся к тому, что гипертекст предлагается пользователю не в виде беско-

нечного ряда «пирамидально» растущих в объеме текстов, продолжительное время приковывающих внимание читателя-зрителя, а в виде отдельных окон-фасеток или кластеров, указывающих на дальнейшее виртуальное развертывание, но в реальном времени данных лишь как быстро сменяющие друг друга клипы.¹¹⁸ Такое конструирование ментальной карты требует испытания новых подходов к анализу дискурса, которые делали бы возможным в перспективе показ его сегментов в реальном масштабе времени.¹¹⁹

¹¹³ В. Ф. Петренко. Психосемантика сознания. М., Издательство МГУ. 1988. 208 с.; В. Ф. Петренко, О. В. Митина. Психосемантический анализ общественного сознания. Смоленск, Издательство Смоленского Гос. Университета. 1997. 213 с. См. также яркий эксперимент Ю. Н. Караулова по забрасыванию ассоциативно-вербальной сети против естественного хода времени и реконструкции виртуальной русской языковой личности (Ю. Н. Караулов. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности [Пушкин читает Маканина]. М., РАН. 1992. 168 с.).

¹¹⁴ См., например: *Michael Urban*. The Politics of Identity in Russia's Post-Communist Transition: The Nation Against Itself // *Slavic Review* 53. 1994. № 3. P.733–765.

¹¹⁵ *Daniel Weiss*. Prolegomena zur Geschichte der verbalen Propaganda in der Sowjetunion // *Slavistische Linguistik* 1994. Referate des 20. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Zürich 20.–22.9.1994, München 1995. S. 343–391; А. Д. Дуличенко. Русский язык конца XX столетия. Предисловие и подготовка к изданию *Werner Lebfeldt*. Slavistische Beiträge, Hrsg. von Peter Rehder, Bd. 317. München, Verlag Otto Sagner. 1994. 347 S.

¹¹⁶ Кроме уже упомянутых, см.: *Harry Hodgkinson*. Doubletalk. The Language of Communism. London 1955. 149 p.; C. Hunt. Wörterbuch des kommunistischen Jargons. Freiburg i. Br. 1958; *Kurt Marko*. Sic et non. Kritisches Wörterbuch des sowjetrussischen Marxismus-Leninismus der Gegenwart. Wiesbaden, Otto Harrassowitz. 1962. 294 S.; *Meyer Galler and Harlan E. Marquess*. Soviet Prison Camp Speech. A Survivor's Glossary. Supplemented by Terms from the Works of A. I. Solzenicyn. The University of Wisconsin Press, Madison, Wisconsin. 1972. 216 p.; *Irina H. Korten*. Vocabulary of Soviet Society and Culture. A Selected Guide to Russian Words, Idioms, and Expressions of the Post-Stalin Era, 1953–1991. London, Adamantine Press. 1992. 176 p.; *Феликс Розинер* (редактор и автор проекта). Словарь советской цивилизации [дайджест из газеты «Новое русское слово» с 3. 9. 1993 по 30. 12. 1994]. Б. м., 1995, 68 с.

¹¹⁷ *Clifford Geertz*. Dichte Beschreibung: Beitrge zum Verstehen kultureller Systeme. Frankfurt am Main, Suhrkamp. 1983².

¹¹⁸ Подобно видеоклипам сводки новостей или передачи MTV. См. об этом: Page to screen: taking literacy into the electronic era // Ed. by *Ilana Snyder*. — London [u.a.]: Routledge. 1998; см. также: *Eva-Maria Jakobs / Ulrich Püschel*. Von der Druckstraße auf den Datenhighway // *Heidrun Kämper und Hartmut Schmidt* (Hg.). Das 20. Jahrhundert: Sprachgeschichte — Zeitgeschichte. Berlin-New York, De Gruyter. 1998. P. 163–187.

¹¹⁹ Ср.: *Rudolf de Cillia, Martin Reisigl, Ruth Wodak*. The discursive construction of national identities // *Discourse & Society. An International Journal for the Study of Discourse and Communication in their Social, Political and Cultural Contexts*. Volume 10 Issue 02, April 1999, p. 149–174.

Идеологема — от буквы до цитаты

§ 1. Идеологема-буква

Ъ.

Первыми буквами-идеологемами стали в 1918 году удаленные из русской азбуки ижица, фита, ять, и десятеричное, ерь в конце слова. Хотя реформа правописания была задумана задолго до Октябрьской революции 1917, ее осуществление в 1918 году приспособило реформу под нужды идеологии под знаком демократизирующего упрощения и революционного переустройства всего мира, в том числе — переустройства языка. Буквы-идеологемы дореволюционного «проклятого прошлого» стали идеологемами в тот момент, когда они исчезли из живого языка. Вторичное появление в качестве идеологемы пережила буква ерь, или «твердый знак», употреблявшаяся до реформы 1918 года в конце слова как показатель или твердости произношения согласного (коль), или рода (волкъ). В годы перестройки «твердый знак» вернулся на конец слова в ударных, ключевых словах новой рыночной эпохи, а именно в словах банкъ (на последних советских монетах, отчеканенных летом 1991 года) и коммерсантъ.

В первом случае ерь на конце слова Банкъ в названии государственного банка должен был указать на модную историческую преемственность этого старого советского учреждения и отменить естественную ассоциацию со сберегательными кассами последних лет существования СССР. Ерь на конце слова «коммерсантъ» появился в названии первой независимой газеты для предпринимателей и быстро распространился как товарная марка газеты и других финансовых проектов.¹²⁰

Обозначающая новую, советскую реальность, буква ерь на конце слова обнаружилась в полной мере как идеологема советского времени, причем — идеологема подспудная. Восстановить в полной мере восприятие современниками ее отсутствия трудно. Но тот, кто готов увязать индивидуальные языковые предпочтения и определенную политическую ориентацию как составляющие одной картины мира, легко подводит идеологическую базу под поиск корня всех проблем России в упрощающих изъятиях из новой, «большевистской» азбуки. Чем меньше знание или, лучше сказать, чем слабее память о том, как применялась буква в старой орфографической системе, тем сильнее потребность задним числом наделить знак семантическим сверхбогатством.

Ъ — ЕР, твердый знак. Ставился после каждого слова, независимо от его принадлежности, имеющего окончание на согласную: и Богъ, и кнугъ, и дубъ, и такъ, и Федоръ, и т.д. Это укрепляло слово, обособливало его, но важнее: в написанных фразах давало графическое пространство для чтения, для глаза. Глазу был дан отдых на странице. Вычеркнув «ер» из Азбуки, экономят бумагу, но у текстов промежутков нет, сплошной, нечитаемый, шрифтовой, ряды и колонны букв.¹²¹

Эта запоздалая поэтическая рецепция советизации русского языка не отражает, по всей вероятности, даже в малой степени массового восприятия того, что представляла собой новая «советская» азбука. Для нашей темы важно, что источник идеологической скверны разыскивается не на уровне теорий и концепций, и даже не на уровне слов, но на уровне азбуки, словно в порядке буквального прочтения фразеологизма «азбучная истина».

С конца 1980-х гг. тема вмешательства в язык на уровне буквы только-только перестала быть запрещенной. Идеологический подтекст в действиях упрощителей азбуки образца 1918 года невольно воспроизводился по схеме «теории заговора». Эта схема вбирала в себя такие аргументы.¹²²

Языковое строительство началось с незначительного и на первый взгляд полезного вмешательства в исторически сложившиеся языковые горизонты — с реформы русского правописания 1918 г. Теперь, по прошествии нескольких десятилетий, кажется, что некоторые последствия реформы легко было предусмотреть: так, отмена трех-четырёх букв лишила носителей языка мгновенного узнавания в слове его истории и, таким образом, радикально снизила общую грамотность первого же пореформенного поколения читателей. В каждом кон-

¹²¹ *Соснора*. 1995. С. 102.

¹²² *Гусейнов*. 1989. С. 66.

¹²⁰ Ср.: *Александр Агеев*. Восставший «Ъ» // *Знамя*. 1995. № 4. С. 184–190.

кретном случае мы имеем дело с мелочами: неразличение восьмеричного и десятиричного «и», превращающее, например, в омографы слова «мир» и «mip», привело не только к ставшим уже хрестоматийными рассуждениям о смысле названия толстовской эпопеи; куда существеннее, например, непонимание значения строгих терминов: есть историки, полагающие, что «мировые судьбы» имели какое-то отношение к «миру» — сельской общине и что это они выносили «мирские приговоры». Изъятие «фиты» (theta), прямо указывающей на происхождение слова и потому — смысловозначительной буквы, было обосновано преобладанием в головах реформаторов фонетической целесообразности над смысловой; удаление традиционного твердого знака в конце слов после твердых согласных и в качестве показателя мужского рода привело к ослаблению и важнейших функций этой буквы внутри слова, вызвав, например, чередование и/ы («надысторический», «безынициативный»). Стремление во что бы то ни стало унифицировать написание трудных случаев (например, исправить укоренившиеся безграмотные написания) привело к уничтожению важнейшей буквы «ять», которая, по старой шутке министра просвещения Уварова, нужна была «для того, чтоб отличать грамотных от неграмотных», а в действительности, конечно, делала каждого грамотного человека грамотным вдвойне, ибо позволяла ему уже в написании слова видеть его историческую глубину, была ключом к славянским родичам русского языка. Существовавшие до реформы 1918 года в написании ряда слов вызывали у многих самонадеянное желание заключить язык в жесткие рамки нормативов, желание, которое оказалось сильнее научной добросовестности.

Отказ от старой орфографии под предлогом ее усложненности привел к отчуждению носителей языка от самого облика классических литературных текстов минувших десятилетий и столетий, вдобавок сильно притупив у носителей русского языка способность к легкому освоению других славянских языков, а главное — отрезал от религиозной литературы. Но — и это главный аргумент — дело не в изменениях как таковых, неизбежных, сопровождающих любой язык потерями и приобретениями, дело в том, что была реализована принципиальная возможность глубокого вмешательства в самое историю языка, создана ситуация освобождения от «старой (и сложной) лжи» через обращение к «новой (и простой) правде». В этом усматривалась аналогия — и в предпосылках, и в организации дела, и в следствиях — с централизованным управлением севооборотом в сельском хозяйстве. Это был первый шаг к сокращению языковой свободы.

Первые шаги этого заговора начинали усматривать задолго до октябрьской революции 1917 года, а именно уже в восстании декабристов, имевших в советской традиции, несмотря на дворянское происхождение, статус предтеч большевиков. В порядке потрясения привычных кумиров «Независимая газета» пуб-

ликует карикатуру¹²³, изображающую повешенных декабристов; один из них обращается к другому из петли со словами: «Как декабрист декабристу должен вам заметить, что царь, все-таки, большая сволочь [sic!]!».

Цитата из собственной истории и есть сухой остаток идеологического языка. Внешним образом остаток этот, конечно, очень похож на настоящее предложение (message), но в нем обязательно либо отсутствует что-то важное, либо присутствует что-то лишнее, нечто безвозвратно чужое, независимо от того, намеренно или нет допущено такое написание. Карикатурист Вадим Мисюк хотел, возможно, образованностью щегольнуть, но оконфузился, сменив мягкий знак как показатель женского рода в слове «сволочь» на твёрдый — мыслимый как потешно-солидный носитель «дореволюционного» достоинства.

От читателя, пережившего раннюю социализацию в СССР, требуется известное нервное напряжение, чтобы потеснить в себе гнев идеологического человека и увидеть, что для автора карикатуры «декабристы» — не историческая реальность, знание коей принято присваивать себе старшим поколениям, но только ленинские персонажи, которые «разбудили Герцена».¹²⁴ Появление твёрдого вместо мягкого знака свидетельствует о том, что окончательная победа идеологии над орфографией одержана не на входе в революционную эпоху с отменой буквы в определенной позиции, но на выходе из нее.

Б.

Другой буквой-идеологемой следует считать идеологическую пару «б» вместо «Б» в слове Бог: в советское время это слово нельзя было печатать с прописной. Во избежание богохульства следовало либо вообще не поминать Бога, либо начинать с него только новое предложение. Нарушения этого правила приводили к административным взысканиям. После отмены цензуры сложилось определенное равновесие между советским и досоветским написанием, так что мы имеем дело с той же идеологической парой, хотя и в новой иерархии: «б» — «Б».

Вот как восстанавливает «азбучный смысл» этого противостояния поэт Виктор Соснора:

Большинство букв Русской Азбуки имело и названия, к примеру:

Б-Буки — боуки, т.е. буквы. С букв сняли значения и оставили строчное «б». А строчное «б» уже вне филологии личности: это может быть и баба, и барабан, и бомба, и баланда, и балбес, но не БУКВЫ.¹²⁵

¹²³ Вадим Мисюк. // Независимая газета. 24 сентября 1992.

¹²⁴ См. об этом подробнее в главе о цитатах.

¹²⁵ Соснора. 1995. С. 101.

Хотя частотный словарь русского языка не подтверждает какого-либо особого положения слов этого микрословника, да и «буквы» лишь незначительно уступают по частоте употребления «бабе»¹²⁶, сам частотный словарь имеет дело с корпусом опубликованных, прошедших цензуру официальных текстов. Между тем, невысказанность переживаний вслух и не может стать объектом словарного описания. Выбранная В. Соснорой форма представления буквы как идеологема опирается на совсем другой опыт — изустного, повседневного бытования слова в живом языке. Поэт реконструирует словарь живого языка как подтекст буквы. В его понимании изустный опыт заставляет букву алфавита, лишённую имени, служить неправильным, или, точнее, несправедливым словам. И здесь мы с удивлением обнаруживаем подтверждение запальчивым словам поэта.

Как часть языка идеологии отдельно стоящее *б* присутствует в названии коммунистической партии ВКП(б), где безошибочная расшифровка — «большевики» — породила множество ложных («народных») этимологий.¹²⁷ Но как самостоятельная, вне любых аббревиатур стоящая идеологема, буква *б* десятилетиями означала одно из ключевых и одно из самых частотных русских слов повседневного обихода — блядь. Ректор театрального института в Москве М. Горбунов, сообщавший на собрании преподавательского состава в 1960–70-х гг., что педагогам следует чаще бывать у студентов в их общежитии по адресу Трифонова улица, д. 4б *б*, добавлял: «Но их там, конечно, намного больше», опираясь на общезначимость принудительной ассоциации и ожидая взрыва смеха. В воспоминаниях политической заключённой 1960-х гг. засвидетельствован тот же способ реакции на букву *б*, на этот раз — в зоне.

[...] дней через 10–12 меня вызвали из камеры на допрос («Кто здесь на «Б», на выход!» — на что моя сокамерница неизменно откликнулась: «Мы обе на «б!»») [...]»¹²⁸

Таким образом, предмет сарказма в словах поэта об искалеченной азбуке — получившаяся из буквы новая идеологема. В новом дискурсивном поле идеологический подтекст «Божественной Буквы» заняла «большевистская блядь». С точки зрения лингвистики, *б* вместо блядь — один из эвфемизмов, естественно насыщающих речь в обществе, где царит официальный культ общеобязательной

нормы.¹²⁹ Но сама эта ссылка на лингвистическую обыкновенность эвфемизма оказывается частью традиции двоемыслия — попыткой отбросить неприятную реальность сознания носителей современного русского языка, пренебречь естественной нуждой в истолковании явления.

Культура подтекста создает такой режим речевого поведения, при котором продумывание, или развертывание дискурса, не строится по логической (или ее заменяющей) схеме, но нанизывается на общепонятный идеологический стержень. Рассмотрим один из случаев такого построения мысли вокруг буквы, сцепления слов как звеньев легко узнаваемой цепочки. Анализируемый текст вышел из-под пера советского литератора и опубликован в газете русских националистов, адресованной далеко не самой подготовленной читательской прослойке.

Очень поучителен для истории сопоставительный анализ харизматических личностей разных стран и эпох. Харизматические личности (древнегреч.) обладают даром или поразительной способностью, данной божеством. К ним относят Аттилу, Александра Македонского, Петра Первого, Кромвеля и др. В 20 веке к таким судьбоносным личностям относятся Мао, Сталин, К.У. Черненко, Б. Ельцин, Гайдар, Бурбулис. Из деятелей культуры — маркиз де Сад и А. Нуйкин. Возьмем, к примеру, [Г.Э.] Бурбулиса и [Дж.] Бейкера. Нельзя, правда, сказать, что харизматы эти — оба молодые, оба Пети¹³⁰, но как много общего у них! Оба они на «Б», что тоже немало важно. Оба, так сказать, близнецы-братья — государственные секретари, потерявшие посты. Оба — братья по духу и вере в американские ценности, братья по неистребимой вере в американскую мечту и доллар. А теперь они братья по несчастью отстраненные. Ничего не поделаешь: блеск и нищета куртизанок. Лишь бы только эти кровные братья не стали братьями-разбойниками.¹³¹

Итак, изложение строится на игре с целым гнездом понятий, группируемых авторском сознанием по причудливой, но принудительно раскрываемой конфигурации: близнецы-братья (Маяковский: «Партия и Ленин — близнецы-братья»), на *б*, т.е. бляди, братья по духу, по несчастью, братья-разбойники (источник: хрестоматийная драма Фр. Шиллера и многочисленные переименования-пересмысления типа «братья-писатели»), блеск и нищета куртизанок (источник: хрестоматийный перевод романа О. де Бальзака). Механизм такого обращения с цитатами закрепился в языке еще в конце 20-х годов, был применен в живой

¹²⁹ См. подробнее: Л.П. Крысин. Эвфемизмы в современной русской речи // РЯКС. 1996. С. 384–408.

¹³⁰ Петя — здесь: бранно о гомосексуалисте; «обвинение» в гомосексуализме адресуется, таким образом, только одному из героев статьи.

¹³¹ Михаил Деллаграмматик. Не для «желтой» прессы // Русский пульс. Москва-Тушино. 24 марта 1993 (выпуск 10).

¹²⁶ Л.Н. Засорина (ред.). Частотный словарь русского языка. Около 40 000 слов. М., «Русский язык». 1977. С. 27, 44, 72.

¹²⁷ Второе Крепостное Право (большевиков), Всем Крестьянам Погибель (большевики) и т.п.

¹²⁸ Богораз. 1986. С. 90.

и острой сатирической форме в ставших культовыми романах И. Ильфа и Евг. Петрова, после чего прочно вошел в повседневный речевой обиход советских граждан. Подробнее техника обращения с чужими текстами рассмотрена ниже в главе «Цитата: акрибия в безответственном дискурсе», здесь важно отметить одно: приведенная публицистическая конструкция строится как ответ на вопрос «что у нас есть на букву б?»; далее мысль пишущего перемещается толчками от одного знакомого фразеологизма к другому, пробуждая карикатурные ассоциации.

В тех случаях, когда речь идет об издании классических авторов, цензор, выступающий в роли идеолога, если он — из почтения к классику — сохраняет букву б, добивается эффекта, обратного тому, на который рассчитывал. Поскольку читателю предлагается самому выставлять матерное слово, б-идеологема попутно устраняет всякого рода промежуточные, стилистически более мягкие варианты. Так, в издании писем А. П. Чехова читатель вынужден сам вчитывать в текст писателя слово «блядский», тогда как в подвергнутом цензуре оригинале стояло «блядоватый», т.е. всего лишь «похожий на блядский»; в другом месте ему приходится вчитывать «блядей» в контекст, где Чехов поместил «блядишек». ¹³² Эта упрощающая роль идеологема-буквы ставит носителя языка в трудное положение: любая недосказанность задает додумыванию непристойный ход.

Вернемся теперь к вышеупомянутому каталогу («блеск и нищета, близнецы-братья, братья-разбойники, бляди Бейкер и Бурбулис»). Несмотря на примитивность самого принципа построения мысли или текста, нанизываемых на фрагмент каталога повседневных банальностей или глоссария нежелательных слов, он выказывает известную историческую эффективность и легко запоминается. Так, запомнилась и сохранилась в городском фольклоре частушка, сочиненная по случаю обмена в конце 1976 года советского политического заключенного правозащитника Владимира Буковского на чилийского политического заключенного коммуниста Луиса Корвалана:

Обменяли хулигана
На Луиса Корвалана.

¹³² «В письме И. П. Леонтьеву от 12. 4. 1889 г. Чехов дает меткую характеристику В. В. Билибину, которая в печатном варианте выглядит так: «Он хороший фельетонист; его слабость — францужисто-водевильный, иногда даже б... тон». Догадаться, что надо читать не напрашивающееся «блядский», а «блядоватый», почти невозможно; утерян важный оценочный оттенок. В письме Суворину 25.11.1889 читаем: «Напрасно Вы бросили Марину Мнишек; из всех исторических б... она едва ли не самая колоритная». В оригинале находим: «Из всех исторических блядишек (рифма к Мнишек) она едва ли не самая колоритная». Убрав слово, текстолог вынужден был убрать и непонятное теперь замечание про рифму. Игра слов полностью пропала.» А. Чудаков. «Неприличные слова» и облик классика. О купюрах в изданиях писем Чехова // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 54.

Где найти такую блядь,
Чтоб на Лёню обменять.¹³³

Здесь первая буква бранного слова оказывается развилкой для спрятанных в подтексте хулигана, т.е. Владимира Буковского, и Лёни, т.е. Леонида Брежнева. Заманчиво было бы предположить, что само оживление б-идеологема было хотя бы отчасти обеспечено длительным пребыванием у власти человека на «Б» — Л. И. Брежнева, бывшего в силу многих обстоятельств объектом вербально-игровых поношений; см., например, «жить по-брежнему» (по-прежнему: доперестроечная анаграмма «застоя»), «бровеносец в потёмках» («Броненосец Потёмкин», фильм С. Эйзенштейна) и т.п. Но предположение такое не выдерживает критики.

Собственно, считать букву б идеологемой исследователей русского языка XX века заставляет, как мы видели, парадоксальная потребность советских цензоров — как официальных, так и добровольных, — постоянно расширять список подлежащих запрету слов, иногда — в пределах одного издания. Сказавший «а» вынужден говорить «б» и идти до конца алфавита, невольно навязывая им непристойный подтекст. Это явление описывает, не стараясь, впрочем, дать ему объяснения, А. Илюшин:

У нас принято печатать «Сашку» [А. Полежаева] с купюрами, хотя в последнее время от издания к изданию намечилась тенденция к всё более откровенной подаче текста. Кстати, не вполне ясны мотив, по которым еще недавно утаивались те или иные строки. То вдруг запрет накладывается на такой сравнительно целомудренный и ранее уже публиковавшийся стих, как «Мне Танька, а тебе Анюта», то заменяют точками — ладно бы безвредную б<...>, но нет же, и другие слова на вторую букву алфавита, кому-то, видимо, показавшиеся непристойными: бандерша, блевотина, бордель. В других же случаях эти слова непечатными не считаются, так что последовательности в отношении к ним нет. Возможно и такое: вчера слово вообще было запрещено и заменялось точками, сегодня следят, чтобы точек было ровно столько же, сколько букв в запретном слове, завтра разрешат воспользоваться аббревиатурой типа б<...>, послезавтра признают это слово и его равные права с другими, напечатают открыто и полностью — но... и послезавтра какие-то издатели будут, конечно, жить по-вчерашнему, отставая от «прогресса» и не пропуская в печать «блевотину». ¹³⁴

Логика запрета на одно-единственное слово, необычайно распространенное в устной речи и часто встречавшееся в литературе, ведет носителей языка к тому,

¹³³ В словаре К. В. Душенко. 1997. представлен художественно упрощенный вариант: «...Где б найти такую блядь, / Чтоб на Брежнева сменять?».

¹³⁴ Илюшин. 1991. С. 12.

что отдельно стоящая буква *б* начинает отбрасывать тень непристойности на любое с неё начинающееся слово.

Н.

Эффективность идеологической речи прямо зависит от объема печатаемых или электронно транслируемых канонических текстов. Наличие и откладывание таковых развивает у носителей языка обостряющуюся со временем способность вычленять в тексте любой сложности даже самый слабый идеологический сигнал. Пример такого сигнала употребление или неупотребление второго *н* в имени Таллинн, как того требовали в начале перестройки представители Эстонии в тогда еще союзном центре. Метод расшифровки сигнала можно свести к редукции любого текста до основополагающего идеологического примитива¹³⁵ — правильно — неправильно.

Так, до перестройки написание Таллин, а не эстонизированная форма Таллинн, включала эстонское имя города в группу названий русских городов (впрочем, мало продуктивного типа) — Алексин, Калязин, Лихвин, Мышкин и др. По этому типу в советское время осуществлялось переименование городов, при котором новым именем становилась полная форма фамилии партийно-государственного деятеля (Калинин ← Тверь), знаменитой советской личности (Тагарин ← Гжатск, Чекалин ← Лихвин) или идеологически приемлемого национального классика (Пушкин ← Царское Село). Таким образом, нарушение национальной эстонской формы записи могло восприниматься как русификаторский жест.

Это соображение подкрепляется своеобразной тактикой переименования, принятой после войны в отношении некоторых городов Восточной Пруссии — Калининградской области. Так, город Людвигсорт получил новое имя Ладушкин, Гумбиннен — Гусев, город Лихвин — Чекалин: в одном случае обеспечивалась отнесенность фонетическая (псевдо-паронимическая)¹³⁶, в другом — формообразующая преэственность.¹³⁷

¹³⁵ Здесь идеологический примитив должен быть противопоставлен примитиву семантическому, теория которого разработана Анной Вежбицкой. См. *Anna Wierzbicka. Semantic Primitives. Frankfurt am Main. Athenaeum. 1972.* Как высказывание, часть смысла которого не должна и не может иметь прямого словесного выражения, идеологема сопротивляется теории Вежбицкой, имеющей дело с, так сказать, честным (наивным) языком. Ср. также: *Ю.Д. Апресян. О языке толкований и семантических примитивах // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. М., 1995. С. 466–482.*

¹³⁶ Ср. также Энгельс (бывший Покровск, 1914–1932) — город, стоявший в конце Эльгонского тракта, по которому везли соль с озера Эльгон; между именем Ф. Энгельса и названием озера Эльгон есть хоть минимальная фонетическая связь. Более распространены были все же нарочито обезображивающие, антитрадиционные переименования: так, например, Божковка стала Юнокоммунаровском.

¹³⁷ Такое переименование оказывается частным случаем универбизации — «сведения внешней синтагмы имени к внутренней. Примеры: Земляной вал ← Землянка; ижор. *Kukkusikula* («петушиная деревня») ← рус. Куровицы» (*Подольская. 1978. С. 154.*)

В период перестройки, но до формального распада СССР новое написание Таллинн могло быть развернуто в такой подтекстуальный пассаж: «Пишущий это слово считает необходимым выказать уважение к Эстонии, ставшей жертвой советской агрессии в 1940 году, и призывает своих читателей уважать волю эстонцев, причем не только в отношении написания имени их столицы».¹³⁸

Пишущий «Таллин», наоборот, сигнализировал «отказ идти на политические уступки и против природы собственного языка; не требуют же французы, чтобы имя Парижа на всех языках звучало только по-французски». В представлении малограмотного носителя языка удвоение согласной вообще бывает знаком повышения статуса слова.¹³⁹

Меньше чем два года спустя после распада СССР и создания независимого эстонского государства в России 15 сентября 1993 г. был принят специальный закон, разрешающий средствам массовой информации вернуться к старому написанию имени Таллин. Теперь уже неупотребление второго *н* не обязательно означает, что носитель языка — противник независимости Эстонии. Для части изданий, действительно, возвращение к советской доперестроечной форме имени — содержит признаки словесной агрессии.¹⁴⁰

¹³⁸ См. посвященные этому событию стихи:

Это море знамен утомительно-красных,
Украшавших народов семью..
До свидания, Таллин, где четыре согласных.
Здравствуй, Таллинн с пятью!

(Дановский. С. 33).

¹³⁹ Ср., например, старую советскую сентенцию: «Член партии есть член с двумя эн.» (*Волохов. С. 22.*) В бытность преподавателем истории западноевропейских литератур в ГИТИСе, я просил студентов составлять списки прочитанных ими по программе авторов; весьма часто попадались написания: «Фауст» Гётте, «Дон Кихот» Сервантесса, не говоря уже о «Ниб(б)ел(т)унгах» или «Деккамероне»; поэтому в массовом возмущении против второго *н* в имени Таллинн можно усмотреть простейшую реакцию — «много чести». Можно привести и другие примеры такой невольно микроскопической игры: в телефонном справочнике Можайского района Московской области название населенного пункта Спас в советское время исправили на Спасс. Ср. автоэпигramму Н. А. Некрасова (1857):

Наконец из Кенигсберга
Я приблизился к стране,
Где не любят Гуттенберга
И находят вкус в говне.

Цит. по: *Владимир Марков. История одних точек // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 45.*

¹⁴⁰ Вот как писали в газете «Русский вестник»: [19 августа 1991] У дебилдинга [имеется в виду Белый дом] по приказу начальства выросли «баррикады». Стоят панелевозы. Ждут крана, чтоб сделать всё, как в Риге, Таллине (с одним «н») и Вильнюсе. Водители панелевозов курят и по случаю жары вяло матерятся. *Куркин. 1992. С. 8.*

Другая часть носителей языка исходит, наоборот, из следующего соображения: «Пока Эстония входила в состав СССР, русские должны были, в порядке преодоления великодержавного шовинизма, максимально приспособить свой язык к пожеланиям языкам народов СССР слышать так, а не иначе имена своих городов и республик. Так возникли Кыргызстан, Саха-Якутия (с 1997 имя «Саха» постепенно выходит из употребления), Молдова. Теперь же нам позволительно вернуться к своей традиции».¹⁴¹

Третьи вовсе не думают об идеологии и предпочитают просто говорить и писать, наконец, как все. Так, в изданиях академического типа сохраняется «перестроечное» имя Таллинн.¹⁴² И лишь немногие метят собственные воспоминания точной исторической меткой.¹⁴³

В каждом приведенном случае буква алфавита на первый взгляд кажется лишь маргинальным сигналом перехода от одной идеологической реальности к другой. Отчасти это и верно: статус идеологема присваивается букве как не значащему элементу языка лишь соответствующим подтекстом. Но процедура идеологического означивания отдельных букв с самого начала советской истории, или с реформы правописания 1918 г., распространялась на всю русскую азбуку как систему. В первые годы советской власти это распространение не замечалось, поскольку отмененные буквы — ять, фита или ижица — хоть и канули в небытие, всё же без трудностей подменялись другими. Но уже в ходе послевоенного обращения к национальным корням возникали новые поводы идеологического освоения отдельных букв.

Ё.

Решением Народного комиссариата просвещения от 24 декабря 1942 было введено обязательное употребление в школьной практике буквы ё. Хотя, как это нередко случалось с подобными нововведениями, реальным поводом к нему мог послужить вполне случайный частный эпизод, интересна официальная мотивировка, идеологически сближавшая букву ё — предложенный Н. Карамзиным русско-немецкий гибрид для обозначения io — с некоторыми атрибутами старой России, возвращенными армии в ходе второй мировой войны. Как

патриотический жест большевиков было воспринято, например, возвращение понятия «офицер» и его атрибутов (погоны, кортики и т.п.). В предисловии к напечатанному в конце войны справочнику для работников просвещения введение в широкий обиход буквы ё описано как один из эпизодов «возвращения к корням».

В русском алфавите издавна существовала буква ё, которой фактически в печати и при письме редко пользовались. Употреблялась она преимущественно лишь в словарях, офрографических справочниках, в учебниках для нерусских и в детской литературе. За последние годы употребление буквы ё широко распространилось и в центральных газетах, журналах и в книгах, выпускаемых центральными издательствами. Всё это вызвало необходимость издания настоящего словаря-справочника. Он предназначен главным образом для работников печати и преподавателей школ.¹⁴⁴

Итак, буква ё, «обычно опускаемая на письме» грамотными людьми, «широко распространилась» и в порядке дальнейшего упрощения грамоты, и в целях более легкого усвоения ее нерусскими. Носителю языка предложено озираться на этот двоякий подтекст; ему предписано пользоваться буквой, напечатанной для тех, кто умеет читать только по складам. Идеолог высказывается здесь с предельной прямоотой и создает новую букву-идеологему, одними воспринятую как подспорье для простого человека, другими — как костыль для малограмотных.

«Восстановление в правах» буквы ё получило неожиданное развитие в послевоенное время. После отмены — в порядке демонстративной десталинизации — обязательного употребления этой буквы в школе и в издательской практике у нее остался один, но сильный пользователь и, к тому же, самый известный борец против советского строя — Александр Солженицын. Отстаивая букву ё во всех своих изданиях, Солженицын, с одной стороны, лишь старается помочь читателю, как бы прочитывающему вслух его романы.¹⁴⁵ С другой стороны, за этой очевидной мелочью — определенный идеологический подтекст, а именно растворенный в тексте протест против ложного разрыва с прошлым. Этот идеологический подтекст выявился в полной мере только в послевоенное время, когда «архаичная» бук-

¹⁴¹ «Мы не будем устраивать митингов, даже если Таллин будут писать с тремя «т», но на эстонском языке». Григорий Бухвалов. Во дни сомнений... Язык и достоинство нации // Век 7–13 октября 1994. С. 11.

¹⁴² Например: Города России. Энциклопедия. Гл. ред. Г. М. Лаппо. М., Большая Российская Энциклопедия. 1994. С. 150, 188 и др. См. подробнее ниже, в § Идеологема-топоним.

¹⁴³ «Крупный карточный долг заставил однажды взяться за перевод эстонских стихов. Когда подборка переводов готовилась к публикации в журнале «Таллин» (тогда еще с одним «н»), позвонил редактор и попросил кое-что переделать.» *Безродный*. 1996. С. 64.

¹⁴⁴ К. И. Былинский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев. Употребление буквы Ё. Справочник. М., ОГИЗ-ГИС. 1945. С. 3. В декрете Совнаркома от 23 декабря 1917 употребление буквы ё было признано желательным, но не обязательным; в издании 10 октября 1918 этот пункт был опущен (см. *Фесенко*. 1955. С. 155).

¹⁴⁵ Укажу, в этой связи, на склонность А. Солженицына выделять ударные слова в тексте разрядкой или курсивом, а также драматизм авторского чтения (см. его регулярные выступления по «Немецкой волне», «Голосу Америки», «Радио Свобода» до 1991 года, а затем — на «Радио России», особенно в 1996–1997 гг.)

ва ё графически выделила произведения Солженицына на фоне соседствующих публикаций «Нового мира».¹⁴⁶

Вчитывание подтекста в букву происходит на разных горизонтах речевого опыта. Поэта Семена Липкина, написавшего после 1967 года¹⁴⁷ стихотворение о доблестном и упрямом народе «И», тогдашние органы надзора за литературой клеймили за то, что поэт, по мнению официальных лиц, старался вызвать этим своим стихотворением принудительную ассоциацию с государством Израиль, победившим в шестидневной войне 1967 года), не называя его по имени. Принудительная ассоциация с буквой, возникает лишь в среде, для которой само понятие значения (значения слова или значение предложения) связано не с тем, что говорит собеседник, а с тем, что тот, возможно, имеет в виду.

Сходную же болезненную реакцию выказало литературное начальство при публикации поэтом-верлибристом Геннадием Айги стихотворения, состоящего из одной-единственной буквы *а*. Буква спровоцировала ожидание неопределенного подтекста по принципу «сказавший *а*, должен сказать *б*». Таким образом абсолютно пустая семантически буква становится в глазах читателя семантически «переполненной» — тем, чего он не в состоянии угадать. Такое напряженное ожидание значения и создало общий климат избыточной семантизации азбуки, обостренно сформулированной поэтом Виктором Соснорой. На фоне описанной процедуры раскрытия буквы-идеологемы целесообразно привести здесь более обширный фрагмент «допроса советской азбуки», принятый Соснорой в начале 1990 годов.

«У криминального элемента есть термин «круг», «общак». Убивает один, отвечают все. Убивает один, но в льющееся кровью тело вся группа втыкает ножи; каждый. У юристов это звучит «круговая порука». Круг рук начал с Азбуки.

АЗ — первая буква русского алфавита, означает Я с высоким венцом: АЗ, АЗ БОГ, АЗ ЦАРЬ, АЗ ПРОРОК, АЗ ПАТРИАРХ, АЗ ПУШКИН. В массовом же употреблении АЗ просто «а». А впрочем любой мог сказать: АЗ — ЕСМЬ! Я — есть! АЗ вычеркнули и оставили ни к чему не обязывающее «а». Аморфное «а» может сказать и немой. Еще: большинство букв Русской Азбуки имели числительное значение. АЗ — единица, 1. И вообще все числительные значения букв уничтожили, как излишнюю роскошь. [...]

Г — имело название ГЛАГОЛЬ. Никаких глаголений, вычеркиваем, пусть будет «г» — гад, гнида, говно, гудок, гопля, горох, график.

Д — Добро. Было 9 значений, все сняты, осталось вечное, строчное: дурак. И производное — дурында, это что-то прессованное из шелухи семечек, гороха, конопли, также дурында — ласковое обращение к женщине.

Е — ЕСТЬ. Я — есть? Отнюдь. Значение вычеркивается и оставляется «есть», еда. Правда, потом они и еду вычеркнули и оставили «есть!», солдатское, мне командуют, я стучу сапогами и кричу «есть!» — подчиняюсь.

Ж — ЖИВЕТЕ. Вычеркиваем. Никаких жизней, многовато. Оставим голос ж: жопа, железо, жмых, жила, жетон, жлоб.

З — ЗЕМЛЯ. Употреблялось, как земля, отчизна, одушевленное. Осталось: земля-планета, аппарат материи.

И — имело 17 значений, в женском роде ласкательное мати. Снято. Никаких ласк, борьба. Оставим мать со всем исходящим отсюда матом. 15 значений снято, осталось 2: союз и междометие.

Л — ЛЮДИ. Люди уехали, «товарищи», «трудящиеся». Л имело пять значений, осталось два: лук и липа — овощное и сомнительно-древесное.

М — МЫСЛЕНИЕ. Я-то сейчас понимаю, что это слишком. Декрет понял тогда и разумно вычеркнул эту дурь: МЫСЛЕНИЕ! Осталось просто «м»: макароны, метла, мерзавец, мудака, мешок, мука (и «муку» вычеркнули, заменив мамальгой).

О — ОН, божественное, подобное Я. Осталось нарицательной «эй ты, он!» Никто.

П — ПОКОЙ. Еще А. Блок после декрета написал в поддержку: «И вечный бой! покой нам только снится». Осталось строчное «п»: паспорт, папка(канц.), пуля, петля, плакат победа, перестройка, палец о палец (не ударить), первач (самогона), подлец.

Р — РЦИ, изрекай, пророчь. Предупреждали же, что вычеркнуто, нет, изрекали, пророчили, пришлось применить меры пресечения, неологизм в «расход». Остались на «р»: ружье, рот и ряд.

С — СЛОВО. Не боги, обойдемся без слов. Снято, оставлено «с»: сука, свистун, сволочь, связист, снаряд, свеча, станок, страх, стена.

Т — не имело названия. Единственная буква, у которой не сняли, а дали название: Т — ТРУД. В лагерях и на заводах стояли плакаты на фанере: «Труд — дело чести, доблести и героизма. А в аптеках и сейчас плакаты: «Труд — лучшее лекарство». Оставили и еще одно слово на «т»: труп.

Х — ХЕР: снято название буквы, но «хер» — одно из любимейших слов советского человека.

Ч — ЧЕРВЬ. Название снято, непонятно, почему, ведь червь, черви — самое популярное слово, охотно применяется ко всякой личности в группе.

Я — была первая буква Русской Азбуки, стала последней «я», нечто безличное, вроде номерного знака арестанта на перекличке:

— Номер 299.999.999?

— я».¹⁴⁸

¹⁴⁶ Ср., например: Александр Солженицын. На изломах. Двучастный рассказ // Новый мир. 1996. № 6. С. 3–25.

¹⁴⁷ // Москва. 1968. № 12.

¹⁴⁸ Соснора. 1995. С. 101–103.

Если отвлечься от содержания разоблачительно-обличительного пафоса и посмотреть на сам предложенный поэтом подход к языку, то легко убедиться, что готовность к исполнению роли идеологема усваивалась букве самими носителями языка. Именно на этом уровне языка, т.е. задолго до появления какой бы то ни было семантической общеобязательности (ср. официальные идеологемы «партийности», «ленинизма», «народа» и т.п.), сама русская буква мыслится носителем языка рекрутированной для той или иной идеологической надобности — будь то надобность казенная или частная.

§2. Русский алфавит у нерусских народов России как макроидеологема империи

До сих пор речь шла о микроидеологическом устройстве идеологема-буквы. Но для многомиллионного нерусского населения СССР русский алфавит как таковой стал и макроидеологемой. Произошло это не сразу. Более того, реформа азбуки и правописания 1918 года означала известный отход от традиции и может быть — пусть с преувеличением — охарактеризована как антирусская акция. В первые годы после революции антитрадиционалистская и потому в большой мере антинациональная природа идеологии воплотилась даже в проекте перевода русского языка с кириллицы на латиницу. И только с конца 1930-х годов эта идея была окончательно похоронена, а другие языки народов России (Советского Союза), успевшие к тому времени перейти на латиницу с арабского письма или получить латинские буквы в качестве первой письменности, в кратчайшие сроки были переброшены на русский алфавит.

Акция эта имела двоякую цель. Во-первых, отдалить народы от носителей родственных языков за пределами СССР.¹⁴⁹ Во-вторых, обеспечить условия для ускоренной гомогенизации разноплеменного населения страны на основе самого крупного этноса и его языковой основы. Из носителей языков, обитавших на территории СССР до 1940 года, этот мощный объединяющий толчок не затронул лишь армян, грузин и евреев (сохранивших национальные системы письма), а после войны — латышей, литовцев и эстонцев (сохранивших латиницу). Вслед за носителями тюркских и некоторых других языков, вторично за свою историю получили кириллическое письмо румыноязычные молдаване. Формально вся эта грандиозная акция имела лишь прагматический смысл, а культурно-языковая ру-

¹⁴⁹ Отсутствием такой задачи объясняется, например, то, что были оставлены в покое обладатели собственных древних алфавитов — армяне и грузины.

сификация, во всяком случае, никогда не была официальным знаменем ассимиляторской политики. Но в сознании большинства народов союза, выказавшем себя в полной мере в ходе политического распада СССР 1989–1991 годов, идеологема «русский алфавит» сосредоточила в своем подтексте все другие формы структурного угнетения, которые в действительности и/или на уровне стереотипов массового восприятия описываются категорией империи.¹⁵⁰

§3. Идеологема-акцент

Другой важной составляющей русского имперства следует считать такую важную, хотя и эфемерную идеологему, как акцент. Идеологическую роль акценты в политической истории России приобрели только в советское время, когда власть обратилась к своим подданным с помощью радио, кино и граммофонной пластинки. Уже индивидуальные особенности выговора Ленина самым тщательным образом воспроизводились и даже утрировались в советском театре и кино. То, что делалось в порядке сохранения так называемых драгоценных черт образа любимого Ильича, в том числе, его косноязычия и, например, неспособности выговаривать букву «р», — сознанию современников могло представляться как специфически еврейская картавость¹⁵¹ вождя мирового пролетариата. Еврейский акцент воспринимался большей частью образованной России именно как акцент новой власти.

[1/14 сентября 1929] В Музей заявился товарищ Стеклов за книгой, и таким образом в моей небольшой коллекции личных большевических впечатлений прибавилось еще одно звено. Это плотный, высокий жид, которого выдаст не тип, но акцент.

6/19 октября. Был приглашен в «Наркомат Внеш. Торг» по вопросу распределения книг, приобретенных в Англии «товарищем Красиным». Был в обществе Кауфмана, Леви, Френкеля и Каценеленбаума и еще одной Ривки. Это ли не Россия?! Нужно, впрочем, отдать им справедливость, что они рассуждают более здраво, нежели тов. Покровский. Сегодня был в Наркомпросе у жида [З. Г.] Гринберга, который положительно произвел на меня хорошее впечатление. Толковый и благожелательный человек; петербуржцы недаром о нем хорошего мнения. Но, Боже, какой акцент!¹⁵²

¹⁵⁰ См. подробнее: В. М. Алтатов. 150 языков и политика 1917–1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., Институт Востоковедения РАН. 1997. 191 с.; Гусейнов. 1988.

¹⁵¹ «Пукать надо чуть картаво, с еврейским акцентом.» Ерофеев. 1995. С. 301.

¹⁵² Ю. В. Готье. Мои заметки [1920–1922] // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 142, 144.

В первые десятилетия после революции мало кто из высших советских руководителей говорил без акцента — грузинского (Сталин, Орджоникидзе), армянского (Микоян), украинского (Каганович). За неимением достоверных источников трудно теперь установить, в какой мере именно официальный лозунг интернационализма отражался таким образом в повседневной политической практике. Лишь во время войны, когда официальная линия усвоила черты русской национальной идеологии, подвергся фонетической ретуши главный голос страны: так, на смену актеру Геловани, игравшему канонизированного Сталина с грузинским акцентом, пришел актер Алексей Дикий, говоривший в соответствии с правилами московской театральной школы, которые распространялись на все русские радио — и телевещательные каналы.

Инородные акценты в русской речи по возможности не допускались в системе массовых коммуникаций, так что русская речь всегда звучала по радио как голос Москвы.¹⁵³ Появление персонажа с акцентом в средствах массовой информации нуждалось в советский период в специальном оправдании.

Кавказскими акцентами воспроизводились характерологические признаки в диапазоне от безрассудства и сумасбродства до глупости и похотливости; украинским акцентом, суржилом или южнорусским говором — простонародность (как, например, в парном конферансе киевлян Тарапуньки и Штепселя); после водворения генеральным секретарем ЦК КПСС Брежнева южнорусский говор и похожий на него украинский акцент озвучили чиновную тупость. Еврейский акцент отсутствовал в кинематографе, но, наряду с кавказскими или украинским, был широко представлен в устной словесности — анекдоте и хохме.¹⁵⁴ Кроме этих основных акцентов послереволюционной России можно указать идеологически окрашенные как 'западный' или 'заграничный' польский и прибалтийские акценты (на эстраде 1960–1970-х гг. — это, например, голос певицы Эдиты Пьехи), а также карикатурный японский и фонетически тождественный ему в устной словесности чукотский акценты. Оба последних были семантически полярны: носитель японского акцента — это, как правило, наивный представи-

тель гораздо более развитой цивилизации; носитель карикатурного чукотского акцента, иногда представленного частым употреблением слова однако¹⁵⁵, — воплощение тупости в высшей мере.¹⁵⁶

Шовинистическая идеологическая окраска вполне обнаружилась и была отчасти записана на прочных носителях информации лишь с начала 1990-х годов, когда появились соответствующие сборники анекдотов, да и вся тема перестала быть запретной. Только благодаря публикациям новейшего времени в русском обществе появилась возможность почувствовать напряжение и действенность шовинистических представлений даже у самых выдающихся представителей русской интеллигенции.¹⁵⁷ Вместе с тем, снятие преград с выказывания сколь угодно острой неприязни к представителям другого народа или языка стало приводить к межкультурным трениям второго порядка, вызванным почти исключительно пренебрежительным отношением бывшего «старшего брата» к «младшим братьям» — носителям так называвшихся в СССР национальных языков. Так, в обстановке очередного обострения словесного конфликта вокруг культурно-государственного суверенитета Крыма (являющегося частью Украины, но населенного преимущественно русскоязычным населением), в газетах России появляются публикации, противопоставляющие «украинскую мову» «нормальному», т.е. русскому, языку.¹⁵⁸

¹⁵⁵ «Скандал с „АУМ Синрикэ“ и избиение католиков на Малой Грузинской — события прискорбные. Дела нешуточные. И все же, услышав и о том, и о другом (а еще и о насилии, примененном «людьми при исполнении» к буддийским монахам, участникам марша протеста солдатских матерей в Чечне) буквально на одной неделе марта, я вспомнил анекдот из «чукотского цикла» — про знатного оленевода, созерцавшего целый час паденье в пропасть, одного за другим, особей вверенного ему стада и излившего свои чувства в двух словах: «Тенденция, однако!» [Имеется в виду анекдот: Сидит чукча в чуме, читает газету «Правда» с материалами съезда. Вбегает человек: «Чукча! Там твой олень в пропасть прыгнул!» Чукча не отрывается от газеты. Вбегает второй человек: «Там два твоих оленя в пропасть прыгнули!» Чукча спокойно читает газету. Вбегает третий: «Там все твоё стадо в пропасть прыгнуло!» Чукча меланхолично: «Однако, тен-ден-ция». Анекдоты наших читателей. Выпуск 3 [№. 4] М., «Студенческий меридиан» 1994. С. 19]» *Михаил Поздняев*. Тенденция, однако. Религиозные войны в России становятся реальностью // Общая газета. 6–12 апреля 1995.

¹⁵⁶ См. раздел «Чукча, однако» в кн.: Анекдоты из коллекции Жириновского. СПб. 1994. С. 38–39.

¹⁵⁷ Так, об украинофобии русской поэтессы и украинки по происхождению Анны Ахматовой (брезгливо отвергавшей, например, антисемитизм), пишет Лидия Чуковская: «Я спросила, любит ли она Шевченко.

— Нет. У меня в Киеве была очень тяжелая жизнь, и я страну ту не полюбила и язык.. «Мамо», «ходимо», — она поморщилась, — не люблю.

Меня взорвало это пренебрежение.

— Но Шевченко ведь поэт ростом с Мицкевича! — сказала я.

Она не ответила.» ЛКЧ. Т. 1. С. 54.

¹⁵⁸ «Симферополь («Крымформ»). Президиум парламента Крыма вынес окончательный вердикт: сериал «Санта-Барбара», как и все прочие горячо любимые народом «мыльные оперы», дол-

¹⁵³ См., например, кинофильм О. Иоселиани «Листопад» (1966), где события в грузинском городке разыгрываются на фоне постоянно вещающей на московском русском языке радиоточки.

¹⁵⁴ Ср.: «Она влюбилась в него, а он только и умеет что говорить: «Техника на грани фантастики», «Ключ от квартиры, где деньги лежат» — да рассказывать еврейские и армянские анекдоты... Она не в состоянии не ненавидеть его.» *Николай Аржак [Юлий Даниэль]*. Говорит Москва. Гл. IV. (1963). «7. 12. 1957. Как отвратительны наши писательские встречи. Никто не говорит о своем — о самом дорогом и заветном. При встречах очень много смеются — пир во время [чумы] — рассказывают анекдоты, уклоняются от сколько-нибудь серьезных бесед.» *Корней Чуковский*. Дневники. Т. 2. С. 260; *H. Sacks*. An Analysis of the course of a joke's telling in conversation // Explorations in the ethnography of speaking. London, Cambridge University Press. 1974. P. 337–353.

Политическая значимость акцента проявилась тотчас за распадом СССР, когда с политической сцены России ушли люди, говорившие с сильным акцентом.¹⁵⁹ Процедура скрадывания акцента для достижения признания в качестве своего вполне осознана поссоветским русским дискурсом.

Ценнейшее приобретение ОРТ — Валдис Пельш. Это гомерически смешной и патологически серьезный человек, почерпнутый для ведения программы «Угадай мелодию» из чудесной команды А. Кортнева «Несчастный случай». В шоу «Случая» он честно изображал прибалта, каким и является, — но прибалта гипертрофированного, с чудовищным акцентом и невозмутимым фейсом горяч-чего эстонского паарня. Теперь Пельш и говорит без акцента и, умудряясь оставаться серьезным, со множеством полузаметных подколок ведет последний проект Листьева — «Угадай мелодию».¹⁶⁰

Чувство обиды за отвергнутую колониями державу отзывается не только в устной словесности, но и в политических заявлениях. Форсируемый акцент — вполне в духе вышеописанной официальной тенденции ограждения от него русской системы телерадиовещания — неожиданно сделался знаком предательства:

Чем скорее ближнезарубежные господа новые демократы, вмиг забывшие русский язык (помните, как почти все лидеры — Кравчук, Горбунов и др. — враз заговорили по-русски с сильным акцентом?), перестанут учить ему [русскому языку] нас — тем лучше.

А то ведь эта болезнь уже становится заразной — уже в самой России Калмыкия принимает решение о том, что она теперь по-русски будет называться «Халыг Тангч», Башкирия — «Башкоргостан».¹⁶¹

Любопытно, что определенные этнические группы, легко усваивающие русскую разговорную речь, тоже могут дожидаться от носителей языка обвине-

жен транслироваться только на русском языке. Для меня звучит дико, сказала при обсуждении одной из эпохальнейших для Крыма и Украины в целом проблем женщина-депутат, когда герой говорит героине: «Я так тэбэ кохаю» вместо нормального «Я так тебя люблю». Украинское ТВ нашло огромные деньги на передублирование сериала с русского на «мову», теперь парламентарии полуострова будут искать меньшие, чтобы возратить Сиси и его семейку в привычное «языковое поле». Я так тэбэ кохаю // Куранты. 16–17 сентября 1995.

¹⁵⁹ Прежде всего, министр иностранных дел в правительстве Э. А. Шеварднадзе, вернувшийся в Грузию.

¹⁶⁰ Дмитрий Быков. ОРТ ориентируется на обывателя // Общая газета. 13–19 апреля 1995. С. 13.

¹⁶¹ Григорий Бухвалов. Во дни сомнений... Язык и достоинство нации // Век. 7–13 октября 1994. С. 11.

ний в этно-культурном двурушничестве. Так, судя по некоторым сообщениям, еврейский акцент часто сливался в сознании великороссов с южнорусским или одесским говорами, но в целом по степени социальной значимости он быстро уступил свое место другим акцентам. Писатель-почвенник, вспоминая свои студенческие годы, пишет об особенностях межэтнических отношений во время оттепели:

В университете в одной со мной группе учились Арнштам и Балцвиник; их еврейство воспринималось нами как некое чудачество, прозвище для подтрунивания. Особенность психического склада Арнштама и Балцвиника ровно ничего не значила для нас, поскольку Арнштам и Балцвиник утратили территориальную, экономическую, культурную, языковую общность с другими евреями, обрели общность с нами, стали наши. В группе были еще эстонец, азербайджанец, украинка, белорус, болгарин — тоже наши, но с акцентами в речи; Арнштам с Балцвиником говорили, как мы. Наш «антисемитизм» проявлялся разве что в юморе.¹⁶²

Украинский акцент принял на себя в поссоветском русском дискурсе в России роль означивателя взаимоисключающих для общественного сознания концептов — как советского централизованного правления (а), так и сепаратистских устремлений других республик СССР (б)¹⁶³:

(а)

Власти не заставили партийных функционеров покаяться, не поставили их на колени, вот они и пакостят как только могут. И не найдет с ними мира наш президент. Пусть лучше об этом и не мечтает, а берет хорошую метлу и выгребает из своей конюшни всевозможных «патриотов» своих собственных желудков. А то они вновь запели соловьями и, весьма возможно, скоро поведут нас по сталинскому шляху.¹⁶⁴

¹⁶² Горьшин. 1994. № 6. С. 166–167.

¹⁶³ См. об этом подробнее: Гасан Гусейнов. Исторический смысл политического косноязычия. Украина и русское общество // Знамя. 1992. № 9; Юрий Каграманов. Украинский вопрос // Дружба народов. 1993. № 10. С. 174–184; Свобода, карбованец и Крым. Несколько мнений об украинской «незалежности» [отклики читателей] // Новое время. 1994. № 3. С. 2–3; Дмитрий Затонский. Ценности или есть — или их нет // Литературная газета. 13 апреля 1994; Владимир Коваленко. Русский по-украински (свинья, подложенная большевиками) // Независимая газета. 20 апреля 1994; Владимир Алтатов. Политика и орфография // Независимая газета. 30 апреля 1994; Д. Руденко. Пространство: грань бытия // Философия языка: в границах и вне границ. Науч. ред. тома Д. И. Руденко.— Харьков, «Око». 1994 [Т. 2]. С. 129–167; см. также: Hans-Georg Heinrich. Was blieb von der sowjetischen Politsprache? // Wodak/Kirsch. 1995. S. 187 [о хохлобаксах — украинских карбованцах].

¹⁶⁴ Рудольф Клюковкин. [Письмо в редакцию] // Новое время. 1994. № 23. С. 2–3.

Раскулачивания шли по «указивкам»¹⁶⁵ сверху — сколько должно быть кулаков в том или ином месте.¹⁶⁶

Мы отвыкли бегать за разрешениями хоть на какую площадь, мы отвыкли смотреть в рот главному редактору, ожидая судьбоносных указивок. И цензоров в Китайском проезде давно уже нет.¹⁶⁷

(б)

Совет Федерации едва не конституировался как самостийный орган.¹⁶⁸

Галдящая и неорганизованная толпа «самостийных батьков» пытается подобраться с левого фланга к рычагам власти, при этом нещадно топчя друг друга и постоянно ввязываясь в разборки между собой. Стыд на весь белый свет!¹⁶⁹

[В кабинете председателя Насиминского исполкома Баку] стоял сильный шум на чистом азербайджанском языке. Преобладали голоса двух замов. О чем шел крик, не знаю, ни один из моих солдат азербайджанскую мову «не розумил» [...] ¹⁷⁰

Маргарет Тэтчер ненавидит чиновников и бюрократию, особенно бюрократию в Брюсселе. Много раз жаловалась мне на Европейское Сообщество. Выступает за «самостийную» Великобританию.¹⁷¹

Тот факт, что именно политики столь высокого ранга, как Лебедь и Немцов, начитав на магнитофон свои произведения, не спрятали растворенные в атмосфере страны шовинистические проговорки и оставили их в окончательной ре-

дакции, говорит о высокой степени привычности, усвоенности идеологемы. Совсем другая культурно-языковая ситуация сложилась в Украине, где русский язык долго и неуклонно сокращал области применения украинского языка, вытесняя последний в быт и фольклор; ползучий характер противоборства обоих языков привел к тому, что расширилась область применения суржика — смешанного русско-украинского говора.¹⁷² Ясно, что дальнейшее сосуществование России и Украины в одном государстве привело бы к такому же ослаблению и постепенному вымиранию украинского языка, как это фактически происходит в Белоруссии, где булышная часть населения полностью перешла на русский язык, сохранив лишь элементы акцента.

Жители обеих столиц часто склонны считать «провинциальный» говор собеседников выражением культурной неполноценности, что вызывало и вызывает сильную ответную реакцию.¹⁷³

§ 4. Идеологема-падежное окончание

Идеологема-падежное окончание наблюдается в двух вариантах речевого опыта — как вполне осознанное явление официальной политической риторики и как выявляемая чутким носителем языка невольная проговорка режима о своей сущности. В первом варианте рассмотрим идеологемы Федеративная Республика Германии и Федеративная Республика Германия.

Русский советский термин Федеративная Республика Германии¹⁷⁴ содержит в подтексте представление о существовании двух государств на территории разделенной Германии. Этому русскому термину соответствовал принятый в ГДР

¹⁶⁵ Ср. традиционную русскую форму «жить по указке»: «В Голландии, в Амстердаме, меня хорошо встретили и разместили в небольшом уютненьком отеле, но никакой бумаги, никаких программ мне не вручили, и я, привыкший жить по указке и согласно плану, на котором указано: когда спать ложиться, когда вставать, когда завтракать, обедать, какие и где мероприятия проводить, — несколько даже растерялся от такой воли [...]. Виктор Астафьев. Мультигули // Континент. 1993. № 75. С. 112.

¹⁶⁶ Лев Игошев. О путях России [по поводу статьи А.Зубова «Пути России» // Континент. 1993. № 75. С. 124–159] // Континент. 1994. № 81. С. 178–191; здесь: с. 185.

¹⁶⁷ Эхо. 15 июля 1991. С. 87.

¹⁶⁸ Андрей Новиков (г. Рыбинск). Геополитизация кризиса власти // Век. 1993. № 42 (61).

¹⁶⁹ Александр Лебедь. Россия сейчас — место, где воруют и дерутся. Изменить положение сможет коалиция левых и патриотических сил // Независимая газета. 5 октября 1995.

¹⁷⁰ Александр Лебедь. За Державу обидно. Киров, «Вятское слово». 1995. С. 190.

¹⁷¹ Борис Немцов. Провинциал. Политические мемуары. М., «Вагриус» совместно с Нижегородским журналом. 1997. С. 104.

¹⁷² «Есть острая необходимость в создании нового поколения учебников для распространения украинского литературного языка. При этом крайне важно не допустить дальнейшего расползания «суржика», глубоко изучить границы возможного проникновения и взаимодействия близкородственных языков в процессе их контактирования, пропагандировать и прививать литературные нормы этих языков» (В. И. Мамвеев. Языковая ситуация в студенческой среде (на примере Киевского пединститута иностранных языков) // Философская и социологическая мысль. 1989. № 6. С. 11–12).

¹⁷³ Так, в воспоминаниях украинского писателя о Викторе Некрасове читаем: «Десять лет прошло с тех пор, как умер в изгнании Виктор Некрасов, русский писатель, украинский гражданин [...] Он был патриотом Киева, с его вечным украинским очарованием [...]. В языке Некрасова не было этого милого украинского акцента, какой сохранил во всех чужбинах Николай Бердяев. При всей своей русскости, язык Некрасова звучал в унисон с украинским, всегда был несовместимым с официальной фальшью». (Евгений Сверстюк. Отчий дом Виктора Некрасова // Mirror Weekly. 1.3.1997; интернет: <http://www.mirror.kiev.ua/paper/1997>)

¹⁷⁴ СЭС. 1979–1990; Немецко-русский юридический словарь. Под редакцией П. И. Гришаева и М. Беньямина. М.–Берлин. 1988?. С. 97.

парный термин *Deutsche Bundesrepublik* — *Deutsche Demokratische Republik*¹⁷⁵. Логическое ударение в обоих случаях — на равноправии двух германских государств. Очевидно, что используемый в СССР термин Федеративная Республика Германии — не точный перевод словосочетания *Bundesrepublik Deutschland*, как значится в словарях¹⁷⁶, но идеологический перевод со встроенным в него политическим комментарием: ‘с учетом гдээрковского термина *Deutsche Bundesrepublik*’. И наоборот, в словарях, например, западногерманского издательства «Лангеншайдт» (Берлин–Мюнхен) наряду с термином Германская Демократическая Республика употребляется и термин Федеративная Республика Германия. В таком наименовании как политическая элита ГДР, так и их советские патроны усматривали принижение статуса ГДР как равноправного с ФРГ германского государства. Воссоединение Германии, следовательно, парадоксальным образом содержалось в идеологеме Федеративная Республика Германии в контуре чистого отрицания, легко снятого лишь после того, как ГДР почти без всякого политического остатка растворилась в ФРГ.

Другой вариант той же идеологемы: мистико-идеологическое истолкование чисто языкового явления (вытеснения дательного падежа родительным). В первом томе «Архипелага ГУЛаг» А.И. Солженицын обращает внимание на возвращение в казенный политический обиход в 1934 году слова Родина¹⁷⁷. Солженицын, арестованный в конце войны по политическому обвинению, оказался в тюрьме и лагере вместе с тысячами бывших советских военнопленных, попадавших из немецкого лагеря в советский как «изменники Родины».

Иногда мы хотим солгать, а Язык нам не даёт. Этих людей объявили изменниками, но в языке примечательно ошиблись — и судьбы, и прокуроры, и следователи. И сами осужденные, и весь народ, и газеты повторили и закрепили эту ошибку, невольно выдавая правду: их хотели объявить изменниками Родине, но никто не говорил и не писал даже в судебных материалах иначе, как «изменники Родины!».

Ты сказал! Это были не изменники ей, а её изменники. Не они, несчастные, изменили Родине, но расчетливая Родина изменила им [...]¹⁷⁸

¹⁷⁵ См., например: *Edmund Daum, Werner Schenk. Deutsch-Russisches Wörterbuch. Lpz, VEB Verlag Enzyklopädie. 1969. S.715.*

¹⁷⁶ *Е. И. Лепинг и др. Большой немецко-русский словарь. Т. 1. М., 1980?. С. 300. Правильный обратный перевод на немецкий должен был бы звучать Bundesrepublik Deutschlands*.*

¹⁷⁷ Вместо «социалистического отечества» (термин Л. Д. Троцкого, 1918; *Душенко. 1997. С. 362. Архип. Т. 1. С. 72.*

¹⁷⁸ *Архип. Т. 1. С. 245.*

Высокая чуткость солженицынского уха к словам социальной лжи, потребовавшая от писателя главную книгу жизни построить, в сущности, как толковый словарь языка неволи, сама по себе является одним из тех путей освобождения от идеологии, которым прошли, кроме Солженицына, Андрей Синявский или Петро Григоренко. Именно сохранение техники умственной работы, постоянное уточнение значения позволяло этим людям безошибочно выделять ключевую идеологему времени.

§ 5. Идеологема-предлог

Та же, что в случае с падежными окончаниями, динамика смены идеологического подтекста наблюдается в простых конструкциях — предлог + название страны. Рассмотрим ее на примере идеологемы в Украине / на Украине; с Украины / из Украины.

Хотя и само имя страны — Украина (Украйна) — может быть исторически реконструировано как «окраина [России]», все же именно оно, а не другое традиционное название этой страны — Малороссия, — стало в 1991 году именем нового независимого государства. Идеологемой стало не самоназвание республики, но лишь предложная конструкция.

Начало идеологического противопоставления можно усмотреть в словоупотреблении первого — весьма короткого — периода государственной независимости Украины в 1918–1919 г. Так, в дневниковых записях академика Владимира Ивановича Вернадского, опубликованных в 1994 году, предлоги «в» и «на» почти равнозначны, во всяком случае они не противопоставлены другу другу:

11/24. 3. 1918. [Полтава] Ужасно, что город ждет немцев как избавителей. Нет суда, полный произвол [...]. А тут позорный мир, гибель России и ужасы убийства из-за угла. [...] Некоторые даже считают, что и сейчас борьба с немцами в Украине — сговор большевиков [...].

4. 6. 1918. В сущности, дряблость в Москве, нет сил, нет подъема. Создание государственности на Украине признается и Струве.

6. 6. 1918. Заходил Илья Исаакович Гинзбург, оказия в Петроград. С ним разговор о необходимости оставаться в Украине местным людям с русской ориентацией.¹⁷⁹

Можно предположить, что в тех случаях, когда Вернадский говорит «в Украине», он имеет в виду государство, а когда «на Украине» — область, страну, где

¹⁷⁹ *Вернадский. 1994. С. 61, 91, 93.*

только предстоит создание «государственности». Но предположение такое нуждается в проверке по более репрезентативной выборке. Из приведенного контекста ясно одно: никакого напряжения, идеологического конфликта в присутствии обоих вариантов на одной странице нет.

Должно было пройти семь с лишком десятилетий пребывания Украины в составе уже советской империи, сохранившей русский язык в качестве языка управления, чтобы на таком малозаметном материале смогла развиваться идеологема. После распада СССР и образования на его территории новых государств эта идеологема приобретает различный вес в России и в самой Украине.

Поскольку *на* подразумевает географическое положение части «единого политического пространства» (на горе, на острове, на окраине), а в — самостоятельную политическую единицу (в Англии, в Грузии)¹⁸⁰, понятно, что выбор предлога обставляется в средствах массовой коммуникации и в частном общении высказываниями общеполитического характера. В нейтральных русских и русскоязычных изданиях Украины оба способа мирно уживаются — иногда в рамках одной статьи.

К нашим подписчикам в Украине. [...] подписку на «КП» в Украине с 10 октября принимают практически все отделения связи этого государства. [...] На все вопросы, касающиеся подписки на «Комсомолку» в Украине, вам ответят работники Донецкого агентства.¹⁸¹

На Украине зафиксирован самый низкий за три года уровень инфляции. [...] В Украине назревает демографическая катастрофа.¹⁸²

Здесь, подобно записям в дневнике Вернадского почти восьмидесятилетней давности, государственная независимость Украины воспринимается в худшем случае как не совсем своевременный продукт политического развития, в лучшем — как долгожданное освобождение. Отсюда это неконфликтное соседство в/на Украине в средствах массовой информации посюветской Украины.

Иначе в самой России, где новое предлоупотребление постоянно нуждается в оговорках. Вплоть до середины 90-х годов держится пренебрежительное

изумление перед Украиной — суверенным государством, не зависимым прежде всего от России. Подобно приведенному выше Таллинну, идеологема в Украине воспринимается как выпад против русского языка.

Чеченский вождь генерал Дудаев повелел своему народу забыть русский алфавит и перейти на латиницу, — пишет российский публицист. — На или, как нынче положено говорить, в Украине до этого, даст бог, не дойдет.¹⁸³

Ироническая ссылка на «положенное» высказывание демонстрирует идеологическую агрессивность, неготовность к переходу в СМК на режим относительной «политической корректности».¹⁸⁴ Патриотические архаизмы «повелел», «нынче», «даст Бог» воспринимаются на общем фоне антиукраинских настроений в России.¹⁸⁵

Другая идеологическая проговорка публициста — соединение в одном пассаже чеченского и украинского сепаратизмов. Носитель языка воспринимает правило, навязываемое ему новыми политическими обстоятельствами, как преступление мысли. При этом идеологема государственной независимости Украины рассматривается на фоне чеченских требований вообще отказаться от кириллицы и перейти к новому алфавиту, латинскому. Два года спустя Чечня откажется и от имени, данного ей в XIX в. русскими. Чеченская Республика Ичкерия станет идеологемой-топонимом.

¹⁸³ *Ан. Макаров*. Русское слово // Культура. 1993. № 24.

¹⁸⁴ Подобные языковые трудности переживают и другие страны, имеющие опыт отдаления от своих бывших владений. Так, в современном датском языке политически варьирует обозначение «в Гренландии» (т.е. островном государстве) и «на Гренландии» (т.е. на острове в составе одного государства). Благодарю за эту информацию Хелен Л. Краг (Копенгаген).

¹⁸⁵ См. подробнее: *К. Плешаков*. Крым: куда нас толкают голубые националисты // Новое время. 1993. № 31; Свобода, карбованец и Крым. Несколько мнений об украинской «незалежности» // Новое время. 1994. № 3. С. 2–3; *Дмитрий Фурман*. Украина и мы. Национальное самосознание и политическое развитие // Свободная мысль. 1995. № 1. С. 69–83. См. также лит. в § 3 (Идеологема-акцент).

¹⁸⁰ Ср., впрочем распространенное мнение: «Есть капризы языка, которые нельзя подвести ни под какое правило. Приехали из Гаванны, долго жили на Кубе, бывал на Кавказе и жил одно время в Альпах; эта раковина с острова Таити, называется каури... В одном случае на, в другом в, в одном случае из, в другом с. Никак нельзя объяснить, почему именно так, но так должно быть, и это ясно для русского уха и глаза» (*Вл. Крымов*. Портреты необычных людей. Париж. 1971. С. 279).

¹⁸¹ Комсомольская правда. 15 октября 1993.

¹⁸² Названия заметок на с. 12 газеты «Одесский вестник» 13 августа 1994.

Все имена сменились на Руси
(Политика — расклейка этикеток,
Назначенных, чтоб угаить состав),
Но выверты мышления всё те же...
Максимилиан Волошин, «Россия»

Традиция переименования городов, деревень, улиц возникла задолго до Советской власти, но размах переименований¹⁸⁶, а также относительная частота, с какой в СССР один населенный пункт на протяжении нескольких лет мог получать имена, одно причудливее другого¹⁸⁷, представляют собой неповторимое в мировой практике явление. Для анализа имени города как идеологема приведем характерные образцы. (Таблица I)

Таблица I.

Санкт-Петербург 1703	Петроград 1914–1924	Ленинград 1924–1991	Санкт-Петербург с 1990
имя города — знак вступления в Европейское пространство; Петер (от первоначального С.-Петербурга, 1703–1724)	русификация имени: германизация (в связи с началом первой мировой войны) и десакрализация: не в честь апостола, но в честь императора; просторечное: Питер	Ленин — ключевое идеологическое имя: в 1954 г. в СССР — 16 городов названо его именем; просторечное: Питер	[в ходе обсуждения А.И.Солженицын предлагал новое идеологическое имя: Свято-Петроград или Невоград]; просторечное: Питер
Владикавказ 1784	Орджоникидзе 1931–1944, 1954–1990	Дзауджикау 1944–1954	Владикавказ / Дзауджикау с 1990
«владеющий Кавказом»	в честь Серго Орджоникидзе (1886–1937); столица Северо-Осетинской АССР	по названию осетинского села; возможно, в связи с депортацией ингушей, живших вокруг города;	уникальный случай вращения двойного имени; возвращение осетинского имени сопровождает удержать депортирован-

¹⁸⁶ Так, в топонимическом словаре Поспелова зафиксировано не менее 2000 переименований: *Е.М. Поспелов. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992). Топонимический словарь. М., «Русские словари». 1993. 249 с.*

¹⁸⁷ См., например, поселок городского типа в Красноярском крае Памяти 13-ти борцов. *Поспелов. 1993. С. 13–14.*

новое имя — знак
«осетинизации»

в 1944 ингушей от
возвращения в родные места

Екатеринослав 1783	Новороссийск 1796–1802	Екатеринослав 1802–1926	Днепропетровск с 1926
назван в честь Екатерины II	переименован сыном Екатерины Павлом I	Александр I возвращает городу имя бабки	в честь советского партийного деятеля Г.И.Петровского (1878–1958)
Енакиево 1883	Рыково 1928–1937	Орджоникидзе (1937–1943)	Енакиево с 1943
рабочий поселок, при Петровском металлургическом заводе близ Донецка; назван по имени инженера Ф. Енакиева	в честь А. И. Рыкова (1881–1938)	в честь Серго Орджоникидзе; переименован в связи с арестом А. И. Рыкова	возможно, в связи с началом кампании русификации

Сопоставление до— и пореволюционных переименований свидетельствует: отношение к имени города в России и СССР не как к имени только, но как к подручному средству идеологии, вполне традиционно. Проследим судьбу всецело иностранного топонима, находящегося в самом сердце России, до революции — в Самарской губернии, ныне — в Саратовской области.

Баронск 1765	Екатериенштадт 1774–1914	Екатериноград 1914–1927	Марксштадт 1927–1941	Маркс с 1941
-----------------	-----------------------------	----------------------------	-------------------------	-----------------

Немецкая колония, получившая первое имя в честь барона де Бергар(д)а и сожженная Емельяном Пугачевым в 1774 году, должна была постоянно менять имя в зависимости от текущих отношений России и СССР с Германией. Избавившись от немецкой формы в 1914 году¹⁸⁸, а от имени императрицы Екатерины

¹⁸⁸ Тогда же и Санкт-Петербург стал называться Петроградом. Разумеется, примеры такого рода легко можно найти и вне России; укажем на перевод, например, в Германии названий улиц с французского на немецкий в начале Первой мировой войны; так, в ганзейском городе Бремене все «шоссе» (chaussee) были переименованы в «военные дороги» (Heerstrasse) и сохранили эти названия до сих пор, тогда как в соседнем Гамбурге «французское» название «шоссе» осталось нетронутым.

Второй в 1927, город вернул имени утраченную немецкость в разгар формирования политической стратегии СССР по отношению к этническим меньшинствам. После возвращения немецкого имени (правда, не императрицы, но основоположника марксизма), его нового патрона — Карла Маркса — уже невозможно было отнять у города, хотя перед депортацией немцев Поволжья из имени города в начале войны выпала часть «штадт».

Мы наблюдаем здесь довольно редкий случай столкновения двух несмыкаемых идеологических тенденций — русификации военного и послевоенного времени и сохранения религиозного культа. В бывшей АССР НП (Республике Немцев Поволжья) место привычных советский вождей или лидеров коммунистического движения¹⁸⁹ заняли классики марксизма — Маркс и Энгельс (бывший Покровск).¹⁹⁰ Основанный в 1817 году немецкими колонистами в недавно присоединенной к Российской империи Грузии поселок Екатериненфельд (Екатеринофельд), названный в честь императрицы Екатерины II, был в 1921 году переименован в Люксембург (Люксембург–Грузинский) в честь Розы Люксембург, а в 1943 стал называться Болнисси — по названию реки, на которой находится.¹⁹¹ Идеологическая игра, подобная затеянной в последнем случае, могла вестись и по гораздо более сложным правилам.

Так, более тонкий случай, граничащий с попыткой исторической фальсификации, — попытка стереть из общественной памяти название города Катънь, близ которого в 1940 году спецчастями НКВД были расстреляны тысячи польских офицеров. Поскольку уже в ходе войны было неопровержимо доказано, что преступление совершено советскими карательными органами, а не немецкими оккупантами, советская сторона переключила общественное внимание на белорусское местечко Хатынь, сожженное гитлеровцами в 1943 году. Загадочным образом, однако, это переключение началось лишь спустя два десятилетия.

Так, ни во втором издании Большой советской энциклопедии, ни в Исторической энциклопедии статей о Хатыни нет.¹⁹² Только в 1969 году недалеко от Минска был открыт мемориальный комплекс, состоящий из нескольких памятников; в их названиях назойливо повторяется в разных формах название деревни («Ха-

тынский набат», «Дымы Хатыни» и т.д.). Вместе с тем, обнаруженное немцами в 1943 году в Катъни захоронение польских офицеров объявлялось в советской пропаганде следом преступлений вермахта и вовсе не включалось в массовые официальные справочные издания. Это событие превосходило по политическим масштабам локальный эпизод и вызвало далеко идущие последствия для всей послевоенной Восточной Европы.¹⁹³ Тем интереснее создание для Катъни отвлекающего имени-двойника.

Первое официальное упоминание катынского преступления в нормативном советском справочном издании начинается с сообщения не о расстреле польских офицеров в 1940 году, но о том, что «урочище Катънский лес в 1930-х гг. было местом массового захоронения советских граждан — жертв необоснованных репрессий»¹⁹⁴. Никаких сведений о замалчивании на протяжении нескольких десятилетий обоих обстоятельств в небольшой энциклопедической статье не содержится.

Оставим в стороне реальные события в Катънском лесу (от преступлений должностных лиц в 1940 году до публикации сохранившихся секретных документов и передачи их польской стороне¹⁹⁵ уже в поссоветскую эпоху) и обратим внимание лишь на методы организационно-пропагандистской работы советского руководства.

Доказывая 3 марта 1959 года тогдашнему первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву, что «представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции»¹⁹⁶, председатель КГБ А. Шелепин прямо заявляет, что хранение такого огромного массива документов опасно для советского правительства; следует воспользоваться тем, говорит он, что общественное мнение за рубежом склонно видеть убийц в немецких оккупантах.¹⁹⁷

¹⁸⁹ Ср. СЭС. 1989: Хатынь. С. 1463; Катънь — статья отсутствует; после неудачного для СССР расследования, проведенного Международным Красным Крестом по настоянию польского правительства в изгнании, Советский Союз уже в апреле 1943 года порвал отношения с этим правительством (см.: *The New York Times*. 23. 12. 1952).

¹⁹⁴ БЭС. т. 1. М., 1991. С. 559.

¹⁹⁵ Дела расстрелянных в марте 1940 года 21.857 поляков (в Катънском лесу, Смоленская область, а также в лагерях в Харьковской и Калининской областях) были уничтожены в 1959 году. Факсимильные копии сохранившихся документов о расстреле людей (представление Л. Берия и решение от 5 марта 1940) и о ликвидации учетных дел (представление председателя КГБ А. Шелепина от 3 марта 1959 и недатированное решение 1959 года) были опубликованы: *Вопросы истории*. 1993. № 1. С. 17–22.

¹⁹⁶ Там же, С. 21.

¹⁹⁷ «С момента проведения названной операции, т.е. с 1940 года, никаких справок по этим делам никому не выдавалось и все дела в количестве 21 857 хранятся в опечатанном помещении. Для со-

¹⁸⁹ Например, Тольятти (1737–1964 — Ставрополь-на-Волге; в честь итальянского коммуниста Пальмиро Тольятти), Торез (1780-е — 1867 Алексеевка; 1867–1964 — Чистяково; в честь французского коммуниста Мориса Тореза).

¹⁹⁰ Со временем эти топонимы перестают ассоциироваться с личными именами-источниками, что можно заметить, например, по усвоенному им склонению: «Активисты антиавтомобильного движения из четырех районов выехали на встречу с президентом в совхоз «Осиновский» Энгельского района». *П. Наконечников*. Мегафон, ставший реликвией // *Русский Вестник* 1992. № 10.

¹⁹¹ *Поспелов*. 1993. С. 61.

¹⁹² БЭС. Т. 46. М., 1957; *Историческая энциклопедия* (1974).

Вслед за уничтожением дел и началась топонимическая операция Хатынь: одна из многих деревень, дотла сожженных в Белоруссии, вдруг — с начала 1960-х годов — стала символом-прикрытием собственных преступлений советского режима.

Аналогию такому обращению с топонимом составляет практика публикации отретушированных фотографий.¹⁹⁸ Однако, если в случае с Катынью-Хатынью мы имеем дело с попыткой злонамеренного уподобления имени, то все же гораздо более распространен обратный прием: расподобление имен, которое вынуждены были предпринимать, например, однофамильцы репрессированных деятелей. Так, хотя Троцкий — и псевдоним Л. Бронштейна, у него были однофамильцы, сменившие свои фамилии после высылки Льва Троцкого из СССР.¹⁹⁹

Катынско-хатынская методика оказалась столь действенной, что была использована и в дальнейшем, причем в сфере не столько топонимов, сколько антропонимов. В определенной степени продолжает действовать она и в посюветской России. Так, в 1995–1996 гг., в разгар конфликта президента России Бориса Ельцина с его тогдашним советником по правам человека, правозащитником, отбывшим длительный срок в советском лагере Сергеем Адамовичем Ковалевым, последний лишился всех своих постов и в администрации Президента, и в Госдуме, где он был омбудсманом (уполномоченным по делам о правах человека и о помилованиях). На фоне тогдашней популярности С.А.Ковалева и, например, сведений о выдвижении его кандидатуры на Нобелевскую премию мира 1996 года, правительство России стремительно назначает на пост министра юстиции

ветских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот, какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции со всеми нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существуют официальная версия, подтвержденная произведенным по инициативе советских органов власти в 1944 году расследованием Комиссии, именованной: «Специальная комиссия по установлению и расследованию расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров».

Согласно выводам этой комиссии, все ликвидированные там поляки считаются уничтоженными немецкими оккупантами. Материалы расследования в тот период широко освещались в советской и зарубежной печати. Выводы комиссии прочно укрепились в международном общественном мнении. Исходя из изложенного, представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции. *А. Шелетин*. Товарищу Хрущеву Н. С. 3 марта 1959 // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 21.

¹⁹⁸ См. богатый иллюстрациями альбом таких ретушей: *David King*. *Stalins Retuschen: Foto— und Kunstmanipulationen in der Sowjetunion*. Hamburg: Hamburger Edition. 1997. 192 S.

¹⁹⁹ Так, известный историк античной литературы И. М. Троцкий стал Тронским и с середины 1930-х гг. публиковался уже под этой фамилией.

России однофамильца С.А.Ковалева — Валентина Ковалева, дабы те, кто и без того с трудом различает российских политических деятелей, по крайней мере на первых порах пребывали в уверенности, что речь идет об одном и том же человеке, не уволенном за строптивость, но, напротив, получившем важное новое назначение.

Установка на простоту сменяемости имени или названия создает у политических и общественных деятелей едва ли не потребность в постоянном переименовании существующих населенных пунктов — от городов до переулков, — а также всякого рода учреждений в знак придания уверенности собственному присутствию.

На ранней стадии советской власти преобладающей была идея стереть как можно больше следов старого мира и поставить печать своего вечного присутствия: обычным официальным объяснением переименования было увековечение (увековечивание) памяти. На деле новые названия лишь в сравнительно редких случаях продержались в одной советской форме на протяжении всего этого исторического периода.²⁰⁰ Подлежащие увековечению вожди или события меняли политический знак и заменялись новыми. Так, преобразенная в 1931 году в город станица Баталпашинская²⁰¹ в 1936 году получила имя Сулимов (в честь председателя СНК РСФСР Д.Е.Сулимова, арестованного и расстрелянного в 1937 году); всего на два года в названии города было увековечено имя наркома внутренних дел Н.И.Ежова — Ежово-Черкесск. После ареста и казни Ежова в 1939 у города осталась только половина нового имени — Черкесск.

Как видно, значимым для идеологии является не официально декларируемое увековечение памяти того или иного деятеля, но само событие переименования, постоянная включенность именнаярекающих органов в сизифов труд подбора всё новых и новых имен.

На ранней стадии советской власти страсть переименовывать всё и вся могла еще подвергаться насмешкам.²⁰² Насмешки эти били мимо цели: они точно узнавали явление, но давали ему обыденное объяснение. Печатью вечного присутствия становились не имена конкретных людей с одной стороны, и не грандиозность предпринимаемых усилий с другой, но сама каждодневная доступность любого названия для новой переделки.

²⁰⁰ *Egon von Bader* // Osteuropa. 1952. Heft 3. S.186.

²⁰¹ Названная так в 1804 году в честь разгромленного близ этого места в 1789 году турецкого генерала Батал-паши (см. *Лоспелов*. 1993. С. 32).

²⁰² Например, эпизод в шахматном клубе города Васюки в романе И. Ильфа и Евг. Петрова «Двенадцать стульев» (1928), где авторы играют с мыслью о переименовании Москвы в Старые Васюки, а Васюков в Нью-Москву.

Это обстоятельство обычно заслонено тем, что новые имена городов и улиц воспринимаются многими носителями языка как безобразные, часто анекдотически неудобопроизносимые и потому едва ли пригодные именно в качестве названий²⁰³, так что некоторые исследователи готовы не метафорически, но даже и вполне буквально говорить о «топонимическом вандализме» или «топонимическом беспределе».²⁰⁴ К концу советской эпохи переименования прошедших десятилетий воспринимались многими как широкомасштабное глумление над национальной традицией. Так, один из лозунгов митинга на Дворцовой площади Ленинграда/Петербурга 9 сентября 1990, посвященного возвращению городу его имени, гласил: «Меняю город дьявола на город святого»²⁰⁵. Сочинителям этого лозунга было, разумеется, известно, что первое переименование Петербурга имело место еще до революции, а именно в начале «германской войны», и меняло имя патрона — апостола Петра — на имя исторического основателя города — императора Петра, как раз имевшего в русском народе славу «Антихриста».²⁰⁶

Между тем в переименованиях, если рассмотреть весь массив за десятилетия советской власти, была общая политическая логика, сохраняющая силу и сегодня, в эпоху возвращения старых названий. В центре Союза ССР, а также в крупных городах бывших национальных окраин, в исконно русских или украинских городках и поселках начинали с вождей —

Александрополь — Ленинанкан
Зеленск — Ленинск
Кольчугино — Ленинск-Кузнецкий
Петроград — Ленинград
Риддер — Лениногорск
Симбирск — Ульяновск
Ходжент — Ленинабад
Царицыно — Ленино

²⁰³ Чего стоит, например, Шарикоподшипниковская улица в Москве; по русской пословице, «такое прозвание, что с морозу не выговоришь».

²⁰⁴ «...ужасные «новоделы» типа улицы Моснефтекип, названием которой можно разве что пугать (хотя это и непедагогично) непослушных детей» (*Горбаневский*. 1996. С. 136).

²⁰⁵ *Синдаловский*. 1994. С. 316.

²⁰⁶ Это обстоятельство стало, возможно, одной из помех для партии «Демократический выбор России» в 1993 году: Медный всадник — конный памятник Петру и главный нейтральный символ города (наряду с «Авророй» — символом политическим) — был избран тогда предвыборной политической маркой этой партии: в массовом сознании предлагаемые модели «либерализации» увязывались с именем жестокого сумасброда — царя Петра.

Бобрики — Сталиногорск
Дюшамбе — Сталинабад
Новокузнецк — Сталинск
Хашури — Сталинисси
Царицын — Сталинград (с 1925)
Цхинвали — Сталинири
Юзовка — Сталин (позже — Сталино)²⁰⁷

Точно так же в дореволюционной России населенные пункты назывались по имени царствующих особ. Эти имена в раннесоветское время особенно охотно заменялись эпитетом Красный, сочетающим значения 'главный политический цвет' с исконно русским 'очень красивый, прекрасный':

Александровск — Краснопартизанск
Екатеринодар — Краснодар
Екатеринодон (Сорокино) — Краснодон
Константиноград — Красноград
Петрозаводск — Краснозаводск и мн. др.²⁰⁸

Отказ от чуждых имен мог иметь и другую подоплеку — хоть и не политическую, но идеологически значимую; в порядке борьбы с неконтролируемым подтекстом, или с померещившейся непристойностью²⁰⁹, были переименованы десятки названий станций, городков, поселков городского типа, сел и деревень:

дер. Суково (от слова сук — 'толстая ветка') представителям переименовывающих органов показалась происходящей от бранного сука — и переименована в Солнечную;
Сукинó Нижегородской губернии стало Липовкой;
Липовкой стало и Польское Сучкино в Горьковской области;
подмосковная Опредловка — Апрелевкой;
Блевачи Минской области — Прибрежной;
Бордели Витебской области — Искрой;
Вчерашние Щи — Калиновкой;
Дрочилово Гродненской области — Гагариным;

²⁰⁷ См. подробнее: *Фесенко*. 1955. С. 72–75.

²⁰⁸ *Фесенко*. 1955. С. 73; *Поспелов*. 1993. С. 62.

²⁰⁹ В духе известной советской присказки: «каждый понимает в меру своей испорченности» (см., например: *Живая речь*. 1994. С. 69).

Дураково — Дубровым;
Дуричи — Знаменкой;
Забегалово — Заречной²¹⁰;
Ибаково в Мордовии — Нагорной;
Кукиши Витебской области — Гвардейской;
Поздютки — Радугой;
Херовка Смоленской области — Красной Пристанью;
Хреновщина — Ясной Поляной;
Чертовщина Витебской области — Парижской Коммуной и десятки других.²¹¹

К концу 1920-х годов в силу ограниченного числа вождей первого ряда, новых одноименных населенных пунктов (в том числе с именем Ленина) стало так много, что пришлось возвращаться кое-где даже к прежним названиям. Так, Талдом (1677) был Ленинском в 1918–1929; Чарджев (Чарджуй) — в 1924–1927 гг.²¹²; в 1919 стал Ленинском Пришиб (Царицынская губ., с 1925 — Сталинградская область), в 1922 городом Ленинском стало село Кольчугино (Кемеровская область), в 1925 переименованное в Ленинск-Кузнецкий; поселок Ассаке (Асака) в Узбекистане, был Ленинском с 1937 по 1991 год.²¹³

Упрощенчески-пуриганский пафос переименовательской оргии 20-х годов схвачен Георгием Оболдуевым:

Нас нравственность одолела:
Околеть с неё! —
Пуританская добродетель;
Валетная честность.
Пруденты! Паиньки! Целки!
Мильтгошки по заутренним ночам
Тормозят рукояткой перчатки
Граждан Марксквы,
Перебросавшихся допоздна-дорана в картишки:
«А может и нельзя?»
«Быть может запрещено уж?»
«Посадют может статья!»?

²¹⁰ Любопытный случай, когда старому названию приписывается советская ассоциация с забегаловкой — уничтожительно о дешевом ресторанчике или кафе-стоячке.

²¹¹ Подробнее см.: *Поспелов*. 1993. С. 173–185.

²¹² *Фесенко*. 1955. С. 74.

²¹³ *Поспелов*. 1993. С. 79.

Впросак попадают граждане
Под ренонс отсутствующего вопроса;
Проноят, как от дамы трефей,
Слова,
Не могущие укрыть неказистой тайны;
Лепечут ремизным голосцем
Бескозырную околесицу,
Все-таки расплачиваясь за исповедь
По-крупной:
подневольным показом документа,
Бьющего через край «интимнейшими» сведениями:
«Петр...
«(О, эта наглая муниципальная мразь,
Издевающаяся со скуки,
Может безнаказанно пощекотать:
„Петенька, Петруша, Петушок“...)»
...Александрович...
«(Ага, не подкопаешься,
Зараза, чорт!)»
...За — дни — цын...
«(О, оскорбленье, негодяйство, дерзость!!)»
«Нет, товарищ милиционер, Вы ошиблись;
Ошибочка произношенья:
За — rrr — ницын! —
Темновато здесь»...²¹⁴

Итак, в Москве, ставшей Марксквой, Петр Александрович Зарницын превращается в Петушка Задницына, а милиционер - в мильтгошку.

Важной (а в количественном отношении — основной) чертой русской и советской ономатопоэтической практики оставалась русификация с верноподданнической окраской (уже в царской России: Царицын ← Сары су; Царское Село ← Сарская мыза (финск. Саари), Царёв Курган ← Сары курган в Самарской обл.). Обрусение названий и имен вовсе не обязательно было связано с умыслом ономатетических органов: в империи с постепенно расширявшимся полем применения общего языка это явление редко фиксировалось в русской среде публично как часть политической стратегии, но роль главного языка-посредника

²¹⁴ *Оболдуев*. С. 61.

в многонациональной стране и без такой стратегии отлично осознавалась и была предметом научного описания и изучения. Так, в работах о личных именах народов СССР, написанных в конце советского периода, подробно описана ситуация постепенного отказа от собственных имен в традиционной национальной форме, например, среди молодых армян, живущих в Абхазии²¹⁵, или среди бурятского населения России.²¹⁶

После войны в области топонимики происходило то, что можно назвать солдатской русификацией, в ходе которой стирается всякая индивидуальность топонима: Морское (← Капсихор)²¹⁷; Волжский (Царёв Курган → Царёвосанчурск → Санчурск → Волжский); Волгоград (Царицын → Сталинград → Волгоград). Эти события можно сравнить с учреждением городов-форпостов империи, предпринятым царским правительством в ходе продвижения на юг и на восток: таковы Владикавказ, 'Владей Кавказом' (в 1784 — крепость, с 1860 — город); Владивосток, 'влады Востоком' (1860); Верный (1854; впоследствии — Алма-Ата (1921), Алматы — до 1998 года столица Казахстана); Грозный (1818).²¹⁸ Старые топонимы-вехи колонизации быстро выходят из дискурсивного оборота: так, названия городов-крепостей, основанных русскими в ходе строительства империи на территории ныне независимых республик Средней Азии или Закавказья (например, Верный) даже не упомянуты в энциклопедии «Города России», выпущенной в середине 90-х годов. Сочетание старой цензурной практики и новой политической корректности привело к тому, что в словник издания оказались включены только города, входящие в нынешние границы Российской Федерации.²¹⁹

²¹⁵ «Среди поколения до 25–30 лет [в отличие от 50–80-летних] все более наблюдаются случаи, когда армянские имена и отчества трансформируются в русские. Родившегося в армянской семье ребенка обычно называют армянским именем, а затем в быту, в школе или в учреждении он приобретает второе, русское, имя, нередко образующееся по созвучию». (Т. Ф. Аристова. Трансформация личных имен армянского населения пос. Эшери Сухумского района Абхазской АССР // Р.Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов (отв. редакторы). Этническая ономастика. М., «Наука». 1984. С. 96–98).

²¹⁶ «Шло широкое заимствование канонических имен русского языка как результат дружественных отношений между бурятами и русскими тружениками». (А. Г. Митрошкина. Из истории развития системы бурятских личных имен // Р. Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов (отв. редакторы). Этническая ономастика. М., «Наука». 1984. С. 93–96).

²¹⁷ В Крыму после депортации оттуда в 1944 году всех крымских татар были переименованы не все населенные пункты, а только те, что носили татарские имена. Городу Бахчисараю сохранил имя пушкинский «Бахчисарайский фонтан». Это — редчайший случай сохранения имени населенного пункта из соображений сохранения культурного наследия.

²¹⁸ Города России. Энциклопедия. Главный редактор Г. М. Лаппо. М., Научное издательство Большая Российская Энциклопедия. 1994.

²¹⁹ См. подробнее: Г. М. Лапто. Города России // Города России. Энциклопедия. Главный редактор Г. М. Лаппо. М., Научное издательство Большая Российская Энциклопедия. 1994. С. 7, 11.

Стирание индивидуальности после 1945 года было связано и с попытками увековечить в топониме сами советские идеологемы, в том числе, например, нейтральные слова с правильным классовым содержанием (например, Железнодорожный район Москвы, Шарикоподшипниковская улица, Трудовая аллея, улицы Тружеников и мн. др.). Известна неудавшаяся попытка переименования Старого Оскола в Юбилейный — в честь ключевого термина и основной ритуальной единицы измерения времени в советской культуре.²²⁰

Острота переживания и потребность вытеснения переименовательской оргии на протяжении советского периода проявились вполне, когда в конце 1990-х по всему бывшему СССР началась период возвращения исторических имен. К середине 1990-х гг. процесс этот остановился на пол-пути. Эта остановка запечатлелась в современной поэзии.²²¹ Так же, как Екатеринбург остается центром Свердловской области, Санкт-Петербург — по-прежнему административный центр области Ленинградской.²²¹ Ясно, что главная проблема поссоветского периода — это трудности с установлением точки отсчета. Наиболее бесспорным и значительным по откликам на него в России был эпизод возвращения части исконного названия Санкт-Петербургу.²²³

[...] возвращение городу «прекрасно-страшного», как звала его Зинаида Гиппиус, имени. А мы-то десятилетиями, стыдясь навязанного силком прозвища, старались заменить его то фамильярным «Питер», то высокопарным «Петрополь». Ведь даже предреволюционное переименование в «Петроград» с его славянщиной было ошибочным. Оно оказалось предпочтением земного, пусть и царского, покровительства — покровительству небесному, свято-апостольскому. Такая

²²⁰ Кутина. 1995. С. 122.

²²¹ Например, у Беллы Ахмадулиной:

В Санкт-Петербург пишу. Звучит неплохо.
Но так играет в шахматы эпоха,
чья сложность вкратце — наша жизнь и смерть,
что улица: «им. Ленина» — как прежде
зывается [...].

(Ахмадулина. 1997. С. 47. «Надпись на книге. Виктору Конечному»).

²²² Впрочем, некоторые жители городов области, по случайности не утративших исторических названий, избегают написания этого названия и пользуются сокращениями, которые скрадывали бы имя Ленина: например, г. Тихвин (Ленобл.); сообщение В. М. Максимова.

²²³ Во-первых, как уже было сказано, город остался центром Ленинградской области, население которой высказалось на референдуме против возвращения имени; о второй причине мимоходом говорит Михаил Безродный: «Переименования Ленинграда [Георгий Тотс, 1892–1991] не дождался, а то бы, наверное, пошутил по поводу неполноты восстановления имени — без еров. К переименованиям относился равнодушно, к буквам же был безразличен.» Безродный. 1996. С. 89.

словесная безвкусица и создала прецедент: если можно звать город именем одного властителя, можно называть и именем другого.²²⁴

Приведенные примеры, как мне кажется, свидетельствуют: специфика русской ономастопозэтической практики все-таки не в том, что города называют именами властителей или правителей (от деспота Александра Македонского до демократа Джорджа Вашингтона). В этом отношении Россия не представляет собою ни исключения, ни даже слабого отклонения от правила. Характерна сама практика: необыкновенная легкость лишения населенного пункта привычного старого названия и награждения его новым именем уживается с ничем не оправданными ожиданиями исторической достоверности при попытке вернуться к старому названию.²²⁵

Ведь основная, возможно — приобретенная только за годы советской власти, особенность этой практики: преобладание интереса момента, или идеологического начетничества, над минимальной исторической рефлексией.

Прочитал в газете сообщение, что крупнейший колхоз в запорожской области будет носить имя батьки Махно. Интересно, как он назывался до этого? Колхозникам, наверное, все равно, ко всему привыкли, а Нестор Махно должен переворачиваться в гробу. Лиха беда начало. Теперь можно ждать, что какой-нибудь уцелевший совхоз в Ленинградской области назовут именем Николая II.²²⁶

Такое переименование объяснимо: ни колхоз (в Запорожской области по-украински — колгосп), ни совхоз не воспринимаются их жителями, уже в третьем-

четвертом поколении знающими только эту форму коммунальной жизни, как идеологические образования: для большинства носителей языка это — единственная реальность памяти. Анархист и враг большевиков Нестор Махно, наоборот, — желательная идеологическая марка. И погибший от рук большевиков царь Николай, имевший у русского народа до 1917 прозвища Николашки и Кровавого, сам стал народной жертвой. В этом своём качестве он в 1990-х гг. был причислен Русской Православной Церковью к лику мучеников и в самом деле может освящать своим именем любое учреждение или предприятие, включая колхоз.

Быстрая смена знаковых имен была частью социальной игры массы малообразованных представителей советской власти на просторах СССР, подражавших центральной власти: та распорядилась именами крупных объектов — больших городов или, например, горных вершин²²⁷; эти довольствовались объектами поменьше.

Я еще застал время, когда принято было называть школы, улицы, дворцы пионеров, предприятия и колхозы не только в честь вождей Октябрьской революции и членов Политбюро, но и именами благополучно царствовавших секретарей обкомов. Так, в нашем городе дворец пионеров носил имя В. И. Чернявского, о чем извещала надпись на огромной арке при въезде на его территорию. Винничане поняли, что Владимир Ильич (так звали секретаря) «оказался врагом народа», в то утро, когда железная вывеска над аркой была убрана.

Киевская радиостанция, естественно, носила тогда имя первого секретаря ЦК КП(б)У Станислава Косиора. Ежедневно, в 6 утра повторялось: — Увага! Говорить Київ, радіостанція імені Косіора.

Но однажды, проснувшись, я услышал: — Увага! Говорить Київ, радіостанція імені... радіостанція РВ-87!

И вся Украина не могла не сообразить, что с сегодняшнего дня у нее новый фюрер.²²⁸

«Нестойкость благонадежности»²²⁹, как видно, нисколько не мешала пополнению этой бочки Данаид всё новыми и новыми именами.

Традиция идеологического переименования сохранилась и в поссоветское время. Так, например, в украинском городе Ивано-Франковске (бывший Стани-

²²⁴ *Бобышев*. 1993. С. 309.

²²⁵ «Разрушающийся и ветшающий на глазах Ленинград решили переименовать в Санкт-Петербург. Исключительно плодотворная затея. Поскольку, как говорят, «в России каждая муха — вертолет», школы стали лицеями, вузы — университетами, кандидаты наук — академиками, мастерские — творческими, кинофильмы — авторскими. Величественно. Замелькали слова «Санкт-Петербург.. Санкт-Петербургский...» Впрямь, всё, как в прекрасном прошлом. А в прошлом, между тем, ничего подобного не было. Приставка «Санкт» употреблялась в исключительных, официознейших случаях, сочетаясь со словами типа «тезоименитство» и оборотами «милостивейше повелеть соизволил». В великой нашей литературе и в быту нормой было только «Петербург» (а нередко и «Питер»). Поэтому «в Санкт-Петербурге сегодня три градуса мороза» или «я хочу поехать в Санкт-Петербург» никаких традиций не имеют и представляют собой уродливый новодел.

Жителей Петербурга, естественно, называли «петербуржцами» [и «петербурженками»]. Тут существовало немало интересных слов. Была и «питерщина» и даже «питерщик», что обозначало бывалого, тертого человека, промышлявшего в Питере. Но вот таинственные «санкт-петербуржцы» в нашем городе за всю его историю никогда не проживали. Это, как выражался Николай Васильевич Гоголь, „выходит просто: Андроны едут, чепуха, белиберда, сапоги всмятку“. *Лисочкин*. 1995.

²²⁶ *Лазарев*. 1997. С. 323.

²²⁷ «Желание Сталина затмить имя Ленина нашло свое отображение и в том, что в «Пик Ленина» был переименован быв. Пик Кауфмана — высочайшая снеговая вершина Заалайского хребта (7.130 м), тогда как «Пиком Сталина» названа высшая точка всего СССР — 7.495 м, находящаяся в горном хребте Академии Наук на Памире» (*Фесенко*. 1955. С. 74). В 1962 году, в порядке десталинизации, последний был переименован в «Пик Коммунизма».

²²⁸ *Жовтис*. 1995. С. 40.

²²⁹ *Фесенко*. 1955. С. 76.

слав) было переименовано не менее трети улиц, в том числе — все главные. При этом смена имени осуществлялась симметрично: идеологический термин менялся на идеологический или физиономический термин (старое название):

бульвар 40-летия победы → Южный бульвар,
Советская → Независимости,
Чапаева → Сечевых Стрельцов,
Коммунаров → Стрелецкая,
Советской Армии → Национальной Гвардии,
Фрунзе → Короля Данилы,
Чекистов → Академика Сахарова;

имя русского или советского военачальника или политического деятеля менялось на одиозное для советской власти имя украинского деятеля:

Куйбышева → Степана Бандеры,
Ушакова → А. Головатого,
Дзержинского → гетмана Мазепы,
Белинского → Драгоманова,
Мичурина → Семеренко,
Нахимова → П. Чубиньского;

иностранные имена иногда менялись на иностранные же то по признаку общности судьбы или профессии:

Фучика → Дудаева,
Карла Маркса → М.Грушевского,

то по контрасту:

Дарвина → Марийки Подгорянки

Единственное переименование, в котором сохранено историческое единство русских и украинцев: улица Декабристов стала называться улицей Украинских Декабристов.²³⁰

²³⁰ Информация Василия Чобитка.

Но идеологический выбор подавляет не только историческую рефлексию. Несмотря на декларируемую нацеленность идеологизированного общества на будущее, не только официальные органы власти, но и многие рядовые граждане, простые носители русского языка в 1920–1940-х годах занимались активной ономатопоэтической деятельностью, мало заботясь о том, как придется существовать названному ими ребенку уже в ближайшем будущем: это город легко переименовать в тот день, когда его патрон вдруг объявляется «врагом народа», человек для изменения имени должен затратить несоизмеримо больше усилий. Ниже приводится неполный список имен с указанием происхождения; в квадратных скобках приводятся известные автору носители того или иного имени.

Авангард [киноактер Авангард Леонтьев];
Авксом: авангард коммунизма советская молодежь;
Вил, Виль: Владимир Ильич Ленин [татарский писатель Виль Ганиев];
Вилён, Вилёна: Владимир Ильич Ленин;
Виленин, Виленина;
Вилёр, Вилёра: Владимир Ильич Ленин, Октябрьская революция²³¹;
Владилён, Владилёна;
Владлён, Владлёна [писатели В. Бахнов, В. Дозорцев];
Гертруда: героиня труда;
Даздрапёрма [уменьшит. — Пёрмочка]: Да здравствует первое мая;
Декабрин: декабристы;
Догна́т-Перегна́т: лозунг «догнать и перегнать Америку»;
До́на: [в быту — Нонна];
Жорес: французский социалист Жан Жорес [биолог Жорес Медведев, см. Рой]
Заклеме́на: превращенный в имя эпитет пролетариата из «Интернационала»: «Вставай, проклятым заклеянный весь мир голодных и рабов...»;²³²
Зарем: Заря революции и мира
Иде́я: сокращение от Марксида;
Индустрий, Индустрия: индустриализация;
Ине́рция; в обиходе — Инна, Ина;
Инициатива; в обиходе Ина, Инна, Тита;
Искра: большевистская эмигрантская газета «Искра» [критик Искра Денисова];
Ка́ра: Карл Маркс;²³³

²³¹ Вариант: В.И.Л. — организатор революции

²³² Сообщено Савелием Абрамовичем Колмановским.

²³³ См.: *Жовтис*. 1995. С. 54.

Кир [полное имя, в отличие от сокращенной формы имени Кирилл]: С. М. Киров;
Красáрм, Красáрма: Красная армия;
Лагшмива́ра: лагерь Шмидта в Арктике;
Ленин, Ленина;
Лентрóш: Ленин, Троцкий, Шаумян;
Лира: Ленин и революция;
Лорикэрик: Ленин, октябрьская революция, индустриализация, коллективизация, электрификация, радиофикация, интернационал, коммунизм;
Май: месяц май, собственно в честь 1 мая;
Маркс: К. Маркс;
Марксида: Марксистская идея. См. Ид́ея;
Марксина;
Марксэн: К. Маркс, Ф. Энгельс;
Марлén, Марлэ́на: Маркс, Энгельс, Ленин [кинорежиссер Марлен Хуциев];
Мэлóр: Маркс, Энгельс, Ленин, Октябрьская революция [журналист Мэлор Стуруа, сын Роберта Стуруа];²³⁴
Мюда: Международное юношеское движение / международный юношеский день [искусствовед Мюда Яблонская];
Нинéль: обратное чтение имени Ленин;
Новомир: новый мир;
Ноябрина: в честь Октябрьской революции;
Нера: новая эра; ср. Эра;
Октябрин, Октябрина: в честь Октябрьской революции;
Орр: отец русской революции;
Осцéл: освоитель целины;
Перкосра́к: первая космическая ракета²³⁵;

²³⁴ Носители подобных имен, звучащих как иностранные, могли столкнуться с неприятностями к концу 1940-х гг., в разгар борьбы с «безродным космополитизмом» и «низкопоклонством перед Западом». Малограмотные и/или идейные сторонники режима, наблюдавшие оргию переименований и принявшие ее за норму, нередко попадали впросак. Так, в национальных республиках, в порядке отказа от национальной ограниченности, дети получали имена литературных героев (Гамлет, Онегин), названия сложных агрегатов (Трактор) или престижных должностей (Прокурор). Бывали и случайные политические ошибки: «Недавно к знакомому советскому доктору привезли девочку Марию Антуанетту (!!)?»

— Почему вы назвали ее Марией Антуанеттой? — спросил он у ее матери.

— А я увидела в календаре строчку: «Казнь Марии Антуанетты» и решила, что она революционеркой была» (*Корней Чуковский*. Дневник. 1930–1969. М., «Современный писатель» [бывший «Советский писатель»]. 1995. С. 132; запись 1936 г.).

²³⁵ Сообщено С. А. Колмановским; имя Перкосрак, звучащее для русского уха неблагозвучно, возникло в среде носителей другого родного языка — армянского, для которого имя это не менее благозвучно, чем, например, Аршак.

Побéда: напрашивающаяся аналогия — Вера, Надежда, Любовь;
Пятвчét: пятилетка в четыре года²³⁶;
Ра́да: рабочая демократия [дочь Н.С.Хрущева Рада Аджубей];
Рев, Рéва: революция;
Ревмир, Ревмира: революция мировая;
Рéво и Лю́ция — брат и сестра;
Ревóлт: Революция, Ленин, Троцкий [диссидент Револьт Пименов];
Рем: революция мировая [ректор МГУ Рем Хохлов];
Ремизáн: революция мировая занялась;
Ренáт, Ренáта: революция, наука, труд;
Рикс: рабочих и крестьян союз;
Роблén: родился быть Лениным;
Рой: основатель компартии Индии [историк Рой Медведев, см. Жорес]
Рэм: революция, Энгельс, Маркс;
Сталина: [после XX съезда многие переименованы в Ли́ны]²³⁷;
Тéльман: Эрнст Тельман [Тельман Гдя́н];
Энгельс: Фридрих Энгельс [Энгельс Габбасов, литературовед];
Энгельсина;
Эра: ср. Нера.

Имена-сокращения стали последней ступенью волны аббревиирования, накатившей на Россию уже в начале века как языковое сопровождение индустриальной революции и глобализации с их новыми требованиями к интернационализации словаря и вообще нового языка.²³⁸

Основным процессом в советском языке явилась политизация его при широком применении сокращений. Если Ленин пытался определить новый общественный строй формулой: советы + электрификация = коммунизм,

²³⁶ Источник: *Т. Е. Никольская* (Н. Новгород). Эволюция системы русских личных имен и культура // Русская культура и мир. Тезисы докладов участников международной научной конференции. Нижний Новгород, НИПИИЯ им. Н. А. Добролюбова. 1993. С. 220–223.

²³⁷ Следует добавить, что в честь Сталина многие давали своим сыновьям имя Иосиф; так, в еврейских семьях это имя иногда оказывалось удачной альтернативой русским именам-прикрытиям происхождения.

²³⁸ См. подробнее в диссертации: *Riitta Lehtikoinen*. Словарь революции — революция в словаре? Аббревиатуры и иноязычная лексика в русском языке первого послереволюционного десятилетия. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. Хельсинки. 1990. Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja 32. Helsinki. 1990. 295 с.

то говоря о состоянии русского языка в начальный период существования советской власти, можно для образности воспользоваться аналогичным построением:

политизация + аббревиация = советский язык²³⁹

Обращаясь только к одному слою аббревиации — именам-сокращениям, — можно заметить, что таковые практически вышли из употребления, сошли, как массовое поветрие, уже во время войны, когда Сталин начал политику своеобразного национального возрождения России. Носители новых имен образовали, таким образом, компактную поколенческую группу: услышав определенные имена, можно с уверенностью сказать, что носители их появились на свет не раньше начала 1920-х и не позднее конца 1930-х гг.; в отдельных случаях, раскрывая имя-сокращение, можно довольно точно определить время наречения (например, Осцел, освоитель целины; Перкосрак — первая космическая ракета). Но социально заметными эти имена стали, конечно, лет 15–20 спустя, когда выросли их носители, сами стали родителями и вынуждены были скрадывать в своих именах самые острые углы. По-видимому, именно в этой поколенческой среде, как своеобразный рецидив сталинского периода русской истории, происходит оживление прочно, казалось бы, забытой традиции образования слоговых и буквенных имен-аббревиатур. Если в 1970–1980-х годах эта традиция лишь теплилась, пробавляясь новыми расшифровками готовых сокращений²⁴⁰ или превращением в аббревиатуры слов, таковыми не являющихся²⁴¹, то приход к власти Ельцина оживил традицию. Инициалы президента России, или, точнее, его ФИО²⁴² —

Е. Б. Н. — стали матерной кличкой Ельцина на устах так называемой непримиримой оппозиции самой пестрой политической ориентации.²⁴³ Интенсивность, с какой матерные клички Ельцина распространяются в органах печати так называемых красно-коричневых, национал-большевиков, русских фашистов или коммунистов, заставляет предполагать, что основные носители ментальности переименования принадлежат старшему поколению, живущему не вполне вытесненными воспоминаниями об оноματοпоэтической традиции их детства и юности. Только тогда это были дети, радостно, по мысли их родителей, получавшие свои новые, неслыханные, осененные великой славой, имена. Сегодня это — отчаявшиеся и никому не верящие люди, по им самим едва ли понятным причинам взявшиеся за ту же модель, что действовала во времена их детства и юности.

Уже после окончательной (но не бесповоротной) победы «демократии» злоречивый А. Невзоров, оценивший события в тот же час как провокацию, сообщил, что ожидается появление новых «демократических» имён наподобие Владленов и Сталинов. Одно из них — Елбелдос (Ельцин, Белый дом, свобода). Кстати, сам Белый дом (прежде — «Кресло Соломенцева») тоже получил свое новое имя — «дебилдинг» (демократический билдинг).²⁴⁴

ЕБН, с несмываемыми следами оглобельно-весельного воспитания на роже, так внимательно прислушивается к вашим сообщениям и рекомендациям по прихватизации народного добра.²⁴⁵

В первопрестольной печат свои указы некто Брумелъ — он приобрел скандальную известность, присвоив Е.Б.Н. титул «великого князя» (за «августовскую победу», кажется). Сергей Волков — «белогвардеец» того же разряда. [...] Нынешним летом Сергей Волков снова напомнил о себе — в связи с очередной инициативой Е.Б.Н.²⁴⁶

— Фамилия, имя, отчество!

— Хуя!

— Харитоновна Ульяна Яковлевна!

²⁴³ В словаре В. Елистратова (*Елистратов*. 1994), исключая собственно матерные слова из московского арго, набор матерных кличек-аббревиатур Ельцина снабжен пометами иронически и шутливо: «ЕБЕЛДОС, ирон. Сторонник Б. Н. Ельцина в августе 1991 г. <Аббрев.: Ельцин, Белый дом, Свобода, возм. с нецензурными аллюзиями; из арго политической оппозиции>. ЕБОН, собств. Ельцин Борис Николаевич. <Шутл. аббрев. с нецензурными аллюзиями; из арго политической оппозиции>».

²⁴⁴ *Борис Куркин* (полковник МВД, кандидат юридических наук). О злом ГКЧП и храбром елбелдосе. Воспоминания православного офицера о событиях 19–21 августа 1991 года в городе-герое Москве // *Русский Вестник*. 1992. № 32. С. 8–9.

²⁴⁵ *Я.Н-ов* (пенсионер СССР, г. Клайпеда). Письмо на «Радио Свобода» 20 июля 1992. Бремен, Архив. Ф. 13.

²⁴⁶ *Казинцев*. С. 153.

²³⁹ *Фесенко*. 1955. С. 25.

²⁴⁰ РСФСР — Разогнали Солдат-Фронтовиков, Собрали Разбойников; Русская Сеledка Фунт Сорок Рублей, Разная Сволочь Фактически Сlopала Россию, Раздача Соли Фасоли Советским Рабочим, Рабочим Соль Фасоль Себе Рябчики, Россия Спешно Формирует Старый Режим, Редкий Случай Феноменального Сумасшествия Расы, С краю — Розы, потом Слёзы, а в середине — Фига, Рабочие Сняли Фуражки Снимут Рубашки, Ребята Смотри Федька Сопли Распустил (Чукоккала. С. 301); ОБХСС — Обеспечение Безопасности Хищений Социалистической Собственности; ДОСААФ (после включения Г. Алиева в Политбюро и назначения Федорчука министром внутренних дел в 1982 году): Добровольное общество содействия Андропову, Алиеву, Федорчуку. (см.: *Раскин*. 1994. С. 12, 36).

²⁴¹ Например, после появления дешевой водки (как последнего средства залатать бюджет) в период правления Андропова ВОДКА расшифровывалась так: «Вот Он Добрый Какой, Андропов; водка подешевела тогда с 5 р. 12 коп. до 4 р. 70 коп. ЭКСТРА: 1) Эх, Как Стало Трудно Русскому Алкоголику; А Разве Так Строят Коммунистическую Экономку? (якобы сокращение, читаемое слева направо и справа налево; появилось в 1974 г. в связи с подорожанием водки с 3 руб. 62 коп. до 4 руб. 12 коп.) — о водке марки «Экстра». (Живая речь. С. 31); «Горбачев: Граждане, Обрадовались Раню: Брежнева, Андропова, Черненко Еще Вспомните» (*Раскин*. 1994. С. 12).

²⁴² Те. — фамилия, имя, отчество; в 1960-х годах ходил анекдот об отделе кадров. Кадровик спрашивает:

— Ф.И.О. [произносится: фио]?

— Что-о-о?

В стране случилась полная реализация романов А. А. Зиновьева [«Зияющие высоты»]: ебанцы²⁴⁷ наконец выбрали в Ебанске в качестве президента Е. Ба-На-первого.²⁴⁸

Е.Б.Н. и его окружение не думают, что произойдет через несколько месяцев. Под прикрытием новой кавказской войны попытаться ввести чрезвычайное положение в стране — это глупо. Ведь на штыках долго не усидишь.²⁴⁹

По той же модели было переименовано название партии ЯБЛОКО. Придуманное самими организаторами название, восходящее к инициалам трех основателей, помещенных в порядке убывания политического веса Явлинского, Болдырева и Лукина и к нейтральному в политическом отношении символу яблока, предлагается понимать как 'национальный плод, поклонение коему сулит процветание'²⁵⁰. Оппозиция же немедленно переименовала название политического партии, расположив инициалы ее основателей в алфавитном порядке.

Самые смелые лексические и фразеологические решения можно обнаружить в двух рубриках газеты «Завтра» — «Табло» и «Агентство «Дня». В «Табло» активно используются свои жаргонизмы-номинации: Шумейко — «господин Шу-Шу», Черномырдин — «чирик», Ельцина уже давно именуют аббревиатурой интимно-инвективного свойства — «Е. Б. Н.», но в последнее время встречается и словечко «банан». Про партии «Выброс» [«Демократический Выбор России», самоназвание «выбороссы» или «демвыбор»] и «Бля» [«Яблоко»] и говорить не приходится.²⁵¹

Хотя общий стиль перечисленных прозвищ — бранное снижение, не выходящее за рамки советского бытового хамства, игра со слоговыми сокращениями представляется продолжением и развитием конкретной исторической тради-

ции с весьма архаичными корнями. Горизонты их переплетения оказались близко к поверхности общественной жизни в силу того, что сохранилась вся эта игра в устно-телесном советском обиходе. Широкое распространение просторечных скороговорок-загадок, скопившихся во второй половине XX века в устном обиходе и составлявших атмосферу игрового аббревиирования, — вот, наряду с именами-сокращениями предыдущей эпохи, культурный контекст, в котором возник ЕБН. Движение от идеологемы к аббревиатуре, а от нее — к новой, истинной, расшифровке, в том числе — эсхрофемизму, — может быть представлено схемой:

политпросветработа, партполитработа → ППР → попиздели-разошлись;
отдел рабочего снабжения → ОРС → обеспечить раньше себя, обеспечить родственников своих,
остальное раздай соседям.

Телесный горизонт такой речевой практики представлен в опыте заключенных. В этой многомиллионной среде, которую А. И. Солженицын предлагал считать советской субэтнической группой, сложилась культура насильственной межтелесной коммуникации; текстуальный горизонт этой коммуникации — наколки, татуировки-аббревиатуры — либо те же, что на воле, но иначе расшифровываемые для посвященных, либо созданные в зоне и оттуда распространяющиеся на воле²⁵²:

Объединенное Государственное Политическое Управление → ОГПУ → О, Господи! Помогите Убежать!
Секция Внутреннего Порядка → СВП → Сука Выпрашивает Половинку
АГМД → Адольф Гитлер — Мой Друг
Бог → БОГ → Бог Отпустит Грехи; Был Осужден Государством; Буду Опять Грабить
Вор → Вождь Октябрьской Революции²⁵³

²⁴⁷ У Зиновьева — не ебанцы, а ибанцы: контаминация имени *Иван* и матерного причастия *ёбан*.

²⁴⁸ Ю. В. Громыко. Стыки. Как перейти из одной системы общественных отношений в другую. Опыт религиозно-научно-методологического самоопределения. М., 1993. С. 5.

²⁴⁹ С. Э. Ш. Табло // Завтра. 1994, декабрь, 49 (54).

²⁵⁰ На некоторых предвыборных листовках 1995 года этот первичный замысел был грубо искажен добавлением выползающего из яблока карикатурного червяка. Ср. политизацию символики яблока в следующем пассаже из статьи о юбилее известного лирического поэта-барда: «В дни юбилея мы все-таки отправили к Новелле Матвеевой курьера, который вручил ей большие-большие яблоки — символ Любви, Поэзии, России, символ Жизни и ее прекрасной осенней поры — поры высокой мудрости и творческого озарения.» *Александр Щуплов*. «В политике я — за маленького человека...» Звонок Новелле Матвеевой // Книжное обозрение. 25 октября 1994.

²⁵¹ *Алексей Беляков*. Последние панки империи. «Завтра» как явление плюралистического авангарда // Столица. 1994. № 32 (194). С. 12–13. Ср. также: «ПУКЕР — гарант конституции, издающий ПУ-Ки. ПУК — президентский указ.» Эпоха в штампах и жаргоне. Толковый словарь ельцинизма // Ленинский путь. 1996. № 24. С. 3.

²⁵² А. Г. Бронников. Татуировки осужденных. М., 1980; Г. Гусейнов. «Видели кочегара...» // Знание — сила. 1989. № 1. С. 48–49; Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., «Края Москвы». 1992. С. 344–352; *Сергей Васильев*. «Супруги» // Уральский следопыт. 1993. № 2. С. 74–75; *Ольга Воронцова*. «Не забуду мать родную...» // Вечерняя Москва. 8 февраля 1993; А. В. Кучинский (консультант центра общественных связей УВД Донецкой области). Преступники и преступления. Законы преступного мира. Обычаи, язык, татуировки. Донецк, «Сталкер». 1997. С. 134–143; Понятие татуировки, ее социальная, психологическая обусловленность и распространенность. Политический отдел войсковой части 14298. 9 с. Машинопись. Б/г, б/м [конец 1980-х гг.].

²⁵³ Новый политический строй в России так называемая непримиримая оппозиция называет той же аббревиатурой ВОР — «временный оккупационный режим». В какой мере мы имеем здесь дело с абберрацией сознания у сочинителей аббревиатур, а в какой — с сознательным использованием привычной и очень широко распространенной лагерной «загадки», — сказать трудно.

Всероссийская Коммунистическая Партия (большевиков) → ВКП(б) → Всероссийское [вариант: Второе] Крепостное Право Большевиков
Высшее Учебное Заведение → ВУЗ → Вечный Узник Зоны
Джон → Души Жидов, Они — Несчастье
дно → ДНО → Дайте Немного Отдохнуть
Ева → ЕВА → Ебал Весь Актив
Европа → ЕВРОПА → Если Вор Работает, Он Падший Арестант
жук → ЖУК → Желая Удачных Краж; Жизнь Украли Коммунисты
зло → ЗЛО → За всё Легавым Отомщу
Ира → ИРА → Иду Резать Актив
Ирак → ИРАК → Иду Резать Актив Коммунистов
кат [палач] → КАТ → Каторжный Арестант-Тяжелая
кент [друг, товарищ] → КЕНТ → Когда Ебут, Надо Терпеть
клен > КЛЕН > Клянись Любить Его/Ее Навек
Куба → Коммунизм У Берегов Америки → КУБА → Когда Уходишь, Боль Адская
кот → КОТ → Коренной Обитатель Тюрьмы
лев → ЛЕВ → Люблю Её Вечно; Люблю Ебать Веселых; Лягавых Ебать Весело
лорд → ЛОРД → Легавым Отомстят Родные Дети; Любовь Один Раз Дается; Легавые Отняли Радость Детства
ЛСКЧВ → Люби Свободу, Как Чайка Воду
маг → МАГ → Мой Адольф Гитлер
ОРВЕА → Октябрьская Революция — Величайшая Еврейская Авантюра
оса → ОСА → Оставьте Смерть Активистам
папа → ПАПА → Пиздец Активистам, Привет Анархистам
пес → ПЕС → Плохо Её Слушался
ПВРС → Пусть Вкалывают Рабы Совдепии
РЭВЧАП → Революция — Это Вытряхнутый Черный Ящик Пандоры
САТУРН → слышишь, а тебя разлюбить уже невозможно
Соловецкий Лагерь Особого Назначения → СЛОН → С Любимым Одним Навеки; Смерть Лягавым От Ножа; С Малых Лет Одни Несчастья; Суки Любят Одно Начальство; Сердце Любит Одну Навеки
сэр → СЭР → Свобода Этой Рай
Томск → ТОМСК → Ты Один Моего Сердца Коснулся
Христос → ХРИСТОС? → Хочешь, Радости И Слёзы Тебе Отдам, Слышишь?
яблоко → ЯБЛОКО → Я Буду Любить Одного, Как Обещала²⁵⁴
ЯССССВД → Я Съел Свою Совесть С Соплями В Детстве

Приведенные выше татуировки, составляющие примерно одну десятую часть собранного в словарях, фотоальбомах и в доступных мне картотеках, представляют собой не совсем привычное, но всё же только ответвление весьма архаичной традиции, давно известной в своей возвышенно-религиозной форме и только в последние годы ставшей предметом изучения как явление низового фольклора. Говоря о возвышенной традиции, я имею в виду монограммы, буквенную тайнопись, широко применявшуюся в русском религиозном искусстве и, возможно, непосредственно перешедшую от заключенных мастеров иконописи-монахов к первому поколению советских зэков²⁵⁵:

ББББ → бич Божий бьет бесов;
 ср. у зэков: БЖСР → бей жидов, спасай Россию!
ДДДД → древо добра — досада диавола;
 ср. у зэков: ДМНТП → для меня нет тебя прекрасней
КАС → крест — ангелам слава;
 ср. у зэков: КРЕСТ → как разлюбить, если сердце тоскует
КЕЯ → крест, к Елене явился;
 ср. у зэков: КЕНТ → когда ебут, надо терпеть.

Религиозная символика составляет основной сюжетный фонд зэчьих татуировок. От простейших крестов и распятий, означающих принадлежность зэков в воровской масти, до виртуозно исполненных копий известных икон или изображений храмов, по числу куполов которых в 1940–1960-х гг. можно было судить о количестве посадок заключенного, — вся эта церковная иконография татуировок представляет собой зримое инобытие, или визуализацию, советского идеологического принципа «Религия в СССР отделена от государства». Того же принципа дистанцирования от государства с его законами и основополагающими ценностями держатся носители татуировок с нацистской символикой.²⁵⁶

Итак, определенный способ обращения с буквенно-слоговыми сокращениями, метод сложения ключевых слов или превращения в шифр любого значащего слова, — это часть подневольного речевого опыта, который носители русского

и второго порядка; как сын начальника исправительно-трудового учреждения Г. Явлинский мог иметь доступ к словарям-справочникам для работников ИТУ и запомнить эту странно-неагрессивную аббревиатуру.

²⁵⁵ Т.В.Левина. Деревянные поклонные кресты на Русском Севере // Древнерусская скульптура. Сборник статей. Под редакцией А. В. Рындиной. М., «Наука». 1991. С. 245–261; см. также: В.И.Плужников. Термины российского архитектурного наследия. Словарь-гlossарий. М., «Искусство». 1995. С. 152.

²⁵⁶ Sergej Vasiljev. Зона — Zone. Fotografien aus den Straflagern Rußlands. Hrsg. von Anja und Andrzej Klamt. Mit einem Text von Dorothea Schuler und einem Interview mit Sergej Vasiljev. Berlin, ex pose verlag. 1994. 86 S.

²⁵⁴ Весьма сильно искушение объяснить происхождение вербально-визуального символа партии Григория Явлинского «Яблоко» как аббревиатуры не только первого (инициалы основателей), но

языка приобретали на протяжении жизни нескольких поколений. Можно предположить, что и официальные имена-аббревиатуры опирались в своем развитии на отпущенную на свободу языковую способность. В первые десять лет советской власти предполагалось вычистить все ненормативное из языка, так что оно осело на устном и вообще закрытом от массового интереса горизонте. Но с политической гласностью весь этот устный опыт смело всплывает в поссоветскую эпоху. Тут и оказывается, что навыки позапрошлой словесной жизни диктуют обращение с новыми политическими лицами. Отсюда и идут Ебон, ЕБН, Ебелдос или господин Шу-Шу.

§ 7. Имена денег

Революционная практика смены всех значимых имен коснулась нарицательных и собственных имен. Сразу после революции была отменена ненавистная большевикам идеологема деньги, а вместо нее вводились новые, промежуточные, термины для перехода к безденежному обращению.²⁵⁷

Деньги, бумажки — все то, что называется теперь деньгами — эти свидетельства на общественное благосостояние действуют разлагающим образом и опасны тем, что буржуазия, храня запасы этих бумажек, остается при экономической власти. Чтобы ослабить это явление, мы должны предпринять строжайший учет всех имеющихся бумажек для полной замены всех старых денег новыми.²⁵⁸

Сначала были введены расчётные знаки, имевшие вид почтовых марок и украшенные первым гербом РСФСР, купоны «Займа свободы» и другие суррогаты денег, имевшие хождение и на не подконтрольных большевикам территориях. 30. 4. 1920 Советом народных комиссаров был принят декрет «О введении трудового продовольственного пайка», 4. 12 1920 — декрет о «Бесплатном отпуске населению продовольственных продуктов», 17. 12. 1920 — «О бесплатном отпуске населению предметов широкого потребления».²⁵⁹ Грандиозная акция по замене

денежного обращения товарообменом, продержавшаяся только до осени 1921 года, интересна с историко-филологической точки зрения — как атака на понятие денег в форме ликвидации конкретного рубля. Изъятие одного имени привело к параллельному существованию множества псевдонимов, которые должны были отменить старорежимный рубль и вытеснить из обихода все его многочисленные полублатные клички. Так, большие надежды возлагались на треды — трудовые единицы учета, — декрет о которых так и не был принят.

Вынужденное возвращение к деньгам происходило через параллельное существование на протяжении нэпа полновесной советской денежной единицы, т.е. червонца, и советских денег — так называемых совзнаков, или госзнаков. Употребление этого сокращения, продержавшееся вплоть до отмены нэпа, легко оказалось жертвой собственного же семантического поля снижения, ибо призвано было символизировать коммунистическое презрение к «деньгам», а реально символизировало лишь презрение к режиму, не способному удержаться в системе рыночных отношений.

1/14 ноября 1921.

Вновь надвигается кризис безденежья, точнее, отсутствия «гос-знаков». Опять нигде не платят: мне должны «миллионы», и ниоткуда их нельзя получить.²⁶⁰

После того, как отмена денег привела к необходимости организовать в стране карточную систему, советский рубль на протяжении всей советской истории был постоянно окружен не-деньгами (карточками, купонами, транспортными и «березовыми» сертификатами, купонами «Арктикуголь», талонами), выполнявшими функции денег, но деньгами не являвшимися. И всякий раз в ходе денежных реформ²⁶¹ имя собственной денежной единицы — рубля — претерпевало в общественном дискурсе новые теневые превращения в поразительной лексической гармонии с советским языком. В отличие от твердых («металлических») валют западных стран и Японии, рубль стали называть деревянными деньгами (ранее — слово-прикрытие для обозначения сертификата, или берёзовых (каштановых) чеков (или чинариков²⁶²) Внешпосылторга, дающих право на покупку в магазинах системы «Березка», «Каштан» или «Чинар»).

²⁵⁷ Уже Временное правительство ввело новые денежные знаки — с конца апреля 1917 года — так называемые думские деньги, а — с августа 1917 г. — керенки, среди прочего «нарушавшие многолетнюю традицию русских бумажных денег, никогда не выпускавшихся достоинством в 20 и 40 руб.» (Ю. П. Бокарев, А. Н. Боханова, Л. А. Катыхова, Ю. А. Петров, В. Л. Степанов. Русский рубль. Два века истории. XIX–XX вв. М., «Прогресс-Академия». 1994 [далее — Русский рубль]. С. 182).

²⁵⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 354.

²⁵⁹ Подробнее см.: Русский рубль. С. 194–195.

²⁶⁰ Готье. 1993. № 4. С. 85.

²⁶¹ Безостановочная реформа на протяжении 1920-х гг., отмена карточной системы на продовольствие в 1935, деноминация и конфискация 1947 года, деноминация 1961, «павловские» конфискационные мероприятия января 1991 и, наконец, «гайдаровская» реформа 1992 года, получившая название либерализации цен и частично открывшая переход к рыночной экономике.

²⁶² В просторечии середины двадцатого столетия чинарик = окуроч.

Бессилие рубля воспроизводится носителями русского языка общим для посюветского периода методом стебного снижения. Подобно тому, как это было в 1920-х годах, с их официальной попыткой избавиться от «проклятого наследия» царистского прошлого и просторечным ответом на эти официальные попытки, носители языка 1990-х годов пользуются всем накопившимся изустным фондом советского времени, дополняя его всё новыми терминами.²⁶³

§ 8. Идеологемы-эргонимы

У политических деятелей посюветской России наблюдается частичная утрата чувствительности к недавним историческим коннотациям. Так, например, переименованный в Библиотеку имени В. И. Ленина Румянцевский музей, получивший в советском разговорном языке кличку «Ленинка», был по горячим следам августовской революции 1991 года переименован в Российскую государственную библиотеку, или в РГБ. Частичная паронимическая близость к пресловутому КГБ не смутила переименователей, вернувшихся на пути от коммунистической России не к позавчерашнему (дореволюционному), но лишь ко вчерашнему (советскому) прошлому, с его кульгом государственности.

Известны и другие случаи, когда переименования осуществляются в массовом порядке, вступая во взаимодействие с новой реальностью. Так, изъятие имени С.М.Кирова и возвращение исторического названия Немецкая одному из главных проспектов Саратова²⁶⁴ последовало за выступлениями жителей этого города против восстановления немецкой автономии в Поволжье, поначалу обещанной президентом России.²⁶⁵

Напротив, переименования негосударственного уровня дают во множестве примеры того, как принимает официальный статус укоренившееся обиходное

имя-кличка. Так, московский театр имени Ленинского Комсомола, в просторечии Ленком, обрел это грубовато-ласкательное название в качестве официального имени. Переименования последнего типа вполне вписываются в русло вековой русской традиции, отвергнутой как большевиками, так и их аристократическими противниками послереволюционного времени.²⁶⁶ Мещанское, или, дабы избежать излишней оценочности, связанной с понятием мещанства в советском обиходе, скажу — простецкое снижение нормативного имени стало предметом любования в новой России, почувствовавшей послабление советского нормативистского ригоризма.²⁶⁷

Одних перечисленных примеров довольно, чтобы утверждать: в посюветской России переименования осуществляются вполне свободно и хаотически; государственные лозунги «возрождения» вступают в живое противоречие с государственными же лозунгами «сохранения достояния». Вот почему достойны самого пристального внимания случаи парадоксального обращения к именам, образующим средоточие советского опыта.

§ 8. 1. Идеологема ЧК (чекист, чрезвычайка и др.)

В рамках усиления контроля налоговой дисциплины 11 октября 1996 году указом президента Б. Ельцина была создана специальная комиссия, получившая название «Временной чрезвычайной комиссии по укреплению налоговой и бюджетной дисциплины», сокращенно — ВЧК. Тут же появилось официальное подтверждение того, что, в отличие от чрезвычайек конца 1917 года, имятворческая процедура в данном случае протекала в обратном порядке: задана была — в память о главном карательном органе Советского Союза — именно аббревиатура ВЧК²⁶⁸, под которую подгонялась расшифровка — полное название нового

²⁶³ См. в ДСП: рванный, арбуз, тонна, у.е., зайчики, суворики, шайминки, немцовки/явлинки и т.д.

²⁶⁴ «Постоянная комиссия Саратовского горсовета по науке, образованию, культуре приняла решение вернуть двум улицам в центральной части города их исторические названия: просп. им. Ленина будет именоваться Московский проспект, а проспект им. Кирова — Немецкой улицей. Площадь Революции будет носить прежнее название — Театральная, Коммунистическая площадь — Соборная, Фрунзе — Ильинская, Дзержинского — Привокзальная. [...] Вопреки распространенному мнению о гигантских затратах на переименование улиц, новая акция обойдется городу всего в 15 тыс. рублей» (О. Михайлов. Деленинизация Саратова // Вестник. Газета производственного объединения «Волгодизельаппарат». 26 июня 1992. С. 2).

²⁶⁵ См.: Эхо. 9 января 1992; П. Наконечников. Мегафон, ставший реликвией // Русский Вестник. 4–11 марта 1992; на фотографии мегафона в газете плакат с надписью: «В этот мегафон Президент России Б. Н. Ельцин 8 января 1992 г. объявил о том, что на Саратовской земле немецкой автономии не будет!»

²⁶⁶ Ср. старые московские топонимы Остоженка, Воздвиженка, Солянка и новые названия середины 1990-х, пока получившие официальный статус лишь в названиях выставочных залов: «На Каширке» (Каширское шоссе), «Варшавка» (Варшавское шоссе). Русская коллекция. 1997. № 9–10. С. 23. А вот как на это явление русской речевой традиции смотрели филологи-фундаменталисты: «Неправильно называть учреждение, в котором сам служишь или служит собеседник, уничижительными кличками: столовка, читалка, лавочка (последнее, например, про университет или министерство). Неуважение юридического лица признак некультурности.» (Волконские. 1927. С. 61).

²⁶⁷ Апологию московского мещанства и его словесной атмосферы см. в послесловиях лексикографа В. С. Елистратова к его словарной диалогии: Елистратов. 1994. С. 592–674; Елистратов. 1997. С. 646–702. Ср. также: Ольга Никольская. Московские мещане в союзе с традициями. Беседа со старостой Союза мещан С. В. Ямщиковым // Вечерняя Москва 13 мая 1993.

²⁶⁸ «Была когда-то грозная Всероссийская чрезвычайная комиссия во главе с Ф.Дзержинским. Теперь будет Временная чрезвычайная комиссия по налогам и бюджету. Но трепет она должна вызывать не меньший, чем детище Октябрьской революции. И первыми, кто должен трепетать, —

государственного органа. На фоне указов и деклараций о департизации²⁶⁹ и, например, о переименовании самого КГБ в ФСБ²⁷⁰ — требуется понять, как и почему в посюветской России оказывается возможным оперировать в качестве политически общезначимого термином, составляющим квинтэссенцию советскости. Напрашивается сравнение с названиями соответствующих немецких учреждений военного времени, например, гестапо.²⁷¹ Почему же чекист в значении ‘разведчик-контрразведчик’, ‘сотрудник спецслужбы’ не утратил своего места в лексиконе как рядовых граждан, так и политических деятелей?

Самое общее и вместе с тем интимное объяснение дал в начале 1970-х годов русский писатель и философ Андрей Синявский:

Чрезвычайная комиссия. Ни «комиссия», ни «чрезвычайная» ничего не говорят русскому сердцу. А вот «чека» обещает нам много приятного. Потому что это значит — стоять начеку. А начеку всегда надо стоять. И тот факт, что нынешняя Госбезопасность старается возродить это слово — «чекист» и «чека», — говорит не только о том, что ей хочется вспомнить романтику революции и чистые руки Дзержинского (хотя, вероятно, те руки были действительно почище всех последующих рук). Само слово «чека» звучит выразительно. В нем есть какая-то твердость, какая-то чеканность. На это слово можно положиться — не выдаст.²⁷²

Здесь сталкиваются оба соперничающих и поддерживающих друг друга свойства русского ономастического процесса уходящего столетия: устойчивость и даже неизменность институциональной сердцевины (в данном случае — аппарата репрессий) и калейдоскопичность смены значимых имен.²⁷³ Известно, что на протяжении всей советской истории и вплоть до настояще-

это коммерческие банки. К ним ВЧК поступится прежде всего». (*Владимир Златоустов*. Кому дрожать от стука ВЧК? // Век. 18 октября 1996. № 41).

²⁶⁹ Указ о запрещении деятельности партийных ячеек в государственных учреждениях и организациях был принят президентом РСФСР еще 20 июля 1991 года (ср.: Занимательная перестройка. История в картинках // Московский Комсомолец. 23 апреля 1992). Словарь перестройки: департизация — устранение решающего влияния одной партии, в данном случае КПСС; *Haudressy*. департизация — «decommunisation»; *Korten*. P. 38–39.

²⁷⁰ Деятельность ФСБ регламентируется Федеральным законом от 22 февраля 1995 г. «Об органах Федеральной службы безопасности в РФ» и Указом Президента РФ от 23 июня 1995 о первоочередных мерах по реализации этого Закона. (КРФЭС. 1997. С. 43–44).

²⁷¹ Трудно представить себе обстоятельства, при которых политический деятель современной Германии заикнулся бы о том, чтобы налоговая служба, не справляющаяся в полной мере со своими задачами, была усилена и преобразована, например, в *гестепо (*Gestepo, *Geheime Steuern Polizei).

²⁷² *Синявский*. 1974. С. 170.

²⁷³ Ср.: Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропоники. М., 1970; А. В. Суперанская. Общая теория имени собственного. М., «Наука». 1973; В. А. Никонов. Имя и общество. М., «Наука». 1974; *Ernst Eichler, Wolfgang Fleischer, Alexandra Vasil'evna Superanskaja* (Hrsg.). Sowjetische Namensforschung. Berlin, Akademie-Verlag. 1975 [библиография: с. 212–217].

го времени в массовом речевом обиходе было несколько постоянных обозначений для репрессивно-карательных органов советского государства — *чекá* и (для Москвы) *Лубянка*²⁷⁴, или *Большой дом* (для Ленинграда и некоторых других городов), а также *органы* или *система*.²⁷⁵ Известно и другое: официальные названия вышеозначенного учреждения и всех его подразделений постоянно менялись, причем частота и интенсивность этих перемен не всегда и не обязательно связаны с кадровыми чистками.²⁷⁶

ВЧК 1917–1922; в 1918 учреждаются ЧК на местах, наделенные столь широкими полномочиями, что за короткое время слово *чекист* и стало обозначением скрытого всевластия советского режима. Ключевые слова периода *чекá*, *Лубянка*, *чрезвычайка* утвердились на всю советскую эпоху именно за это пятилетие.

ГПУ при НКВД: 1921–1922. ВЧК реорганизовано в Государственное политическое управление при Народном комиссариате внутренних дел.

ОГПУ при СНК: 1922–1934. Объединенное государственное политическое управление СССР было создано после образования СССР и подчинено непосредственно Совету народных комиссаров.

Разговорными обозначениями организации и ее сотрудников становятся: *генеу* и *генеушник / генеушница*.²⁷⁷ Но как внутри системы, так и в разговорном обиходе термин *чекист* остается родовым понятием и в этот период²⁷⁸. За ним закрепляется такое значение: ‘кадровый, наиболее опытный сотрудник, ведущий самую ответственную секретную работу в органах ОГПУ’. Термин, с одной стороны, деформа-

²⁷⁴ «Наконец, Лубянская площадь. Все здесь осталось почти без перемен. Только между Мясницкой и Малой Лубянской снесли старенький дом. Остальное по-старому, но с другим, чисто советским содержанием. Вот дом Первого Российского Страхового Общества — страшлище обывателя и главный нерв соврежима. На нем вывеска О.Г.П.У.» (*Громов*. 1927. С. 35). «В Ленинграде гебисты приглашают в местный филиал Лубянки членов инициативной группы [художников] Ю. Жарких, А. Леонова и Е. Рухина [...] и обещали каждому — три года лагерей.» (*Глезер*. 1976. С. 407–408).

²⁷⁵ «Существует ряд эвфемизмов, сознательно насаждаемых властью для прикрытия террористической сути большевистской системы. Так, в отношении явных сотрудников наркомата или министерства внутренних дел стал применяться эллипсис-эвфемизм — „Он работает в системе (органах)“.» (*Фесенко*. 1955. С. 49).

²⁷⁶ Наиболее полный исторический обзор структуры карательных органов см. в книге: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1960. М., Международный фонд «Демократия». 1997. 349 с.

²⁷⁷ *Росси*. 1991. Т. 1. С. 79.

²⁷⁸ «Чекисты не раз показали себя энтузиастами всякого нового дела. Энтузиазм и энергия чекистов создали и укрепили Соловецкие лагеря [...]. Приказываю: открыть запись добровольцев из чекистских кадров на руководящую работу в имеющихся и вновь организуемых лагерях». Приказ ОГПУ No. 131 от 25 апреля 1930. Подпись: Г. Ягода. (Цит. по: *Кокурин, Петров*. 1997. С. 182–183).

лизован, ибо ни ЧК, ни должности чекиста больше не существует. С другой стороны, однако, он в кратчайший срок стал именем нарицательным, вобрав в себя квинтэссенцию секретности. То, что в системе ВЧК/ЧК называлось Секретно-Оперативным Отделом²⁷⁹, приобретает название оперативно-чекистского отдела.

Принципиальное терминологическое отличие чекиста от гепеушника состоит в том, что второе слово употреблялось как бранное, и притом — в основном не служившими в этой организации или враждебными ей. Чекист же был общим достоянием языкового сообщества, отмеченным страхом и уважением.²⁸⁰ В дальнейшем это соотношение внутренней и внешней маркировок повторялось при всяком следующем переименовании:

НКВД СССР: июль 1934 — февраль 1941; июль 1941 — апрель 1943;

НКГБ СССР (выделен из НКВД): февраль–июль 1941; апрель 1943 — март 1946;

МГБ СССР: март 1946 — март 1953;

МВД СССР: март 1946 — март 1953;

МВД СССР (слияние МГБ и МВД): март 1953 — март 1954;

КГБ²⁸¹ при Совете Министров СССР: март 1954 — февраль 1960;

МВД СССР — март 1954–1960.

Чехарда с переименованиями и постоянным созданием параллельных карательных структур, часто вступающих в конкурентные отношения, сопровождается столь же быстрым появлением уничижительных или, по крайней мере, недружелюбных наименований для их сотрудников²⁸²; это: *энкавэдэшник*,

²⁷⁹ «§ 25. Губернские ЧК разделяются на следующие отделы: Иногородный, Секретно-Оперативный, Юридический и Транспортный отдел, где таковой, согласно постановлению 2-й Всероссийской Конференции Чрезвычайных Комиссий, полагается». Инструкция Чрезвычайным Комиссиям на местах (принятая в основе на 2-й Всероссийской Конференции Чрезвычайных Комиссий и окончательно проредактированная ВЧК 1 декабря 1918 г.). Ф. Дзержинский и др. (Цит. по: *Кокурин, Петров*. 1997. С. 170–171).

²⁸⁰ Единственным только бранным являлось, по-видимому, выражения сопля чекистская — о стукаче (см. *Росси*. 1991. Т. 2. С. 399, 446).

²⁸¹ Ср. саркастический комментарий А. Синявского ко всем этим «модным буквенным перестановкам, в которых сам чёрт ногу сломит и можно с ума сойти, придя к непозволительным и безответственным гиперболам. Например. Было: ВКПБ. Стало: КГБ. На первый взгляд ничего, недурственно, даже — лапидарнее. Но в ходе подобных новшеств остается всегда неясность, кто здесь над кем командует и что из чего в результате происходит. [...] Простите, товарищи, но, трезво рассуждая, КГБ для русского уха тоже звучит не слишком уж поэтично. КГБ — походит немного на крематорий, на гроб, в лучшем случае — на шаги Командора по гробовым плитам.» (*Синявский*. 1974. С. 171–172).

²⁸² Подробности см. в каталоге переименованных подразделений советских карательных органов в кн.: *Кокурин, Петров*. 1997.

эмгэбэшник, кагэбэшник, гэбэшник, госужас; менее уничижительно звучали: *энкаведист, эмведист, эмгебист*.²⁸³

Термин *чекист* остается внутренним термином карательных служб, применяемым для описания либо духа учреждения в целом, либо его специальной, самой ответственной, оперативно-сыскной и собственно карательной сердцевины. Чекист — кадровый, наиболее бескомпромиссный и суровый сотрудник специальной службы, он — опытный разведчик и безжалостный контрразведчик. Об этом значении говорят и производные термины: *чекобслуживание* или *чекистское обслуживание* [с. предприятия: слежка за ненадежными кадрами, контроль за соблюдением секретности и т.п.; например, «чекистское обслуживание производства минометного вооружения»; *чекстаж*, т.е. чекистский стаж; *оперчекработа* — оперативно-чекистская работа²⁸⁴].

Естественное семантическое старшинство *чекиста* над всеми сотрудниками-наследниками органов хорошо показал А.И.Микоян в речи по случаю 20-летия со дня основания ВЧК-ОГПУ-НКВД 20. 12. 1937:

Товарищ Ежов Николай Иванович, придя в НКВД, сумел быстро улучшить положение в НКВД [...] Ежов создал в НКВД замечательный отряд чекистов, советских разведчиков, изгнав чуждых людей, проникших в НКВД и тормозивших его работу.²⁸⁵

Методы работы Ежова Николая Ивановича и его отряда надолго определили чекистскую семантику.²⁸⁶ Но, по-видимому, — только в языке людей, непосредственно столкнувшихся с карательными органами.

Только в лагере я впервые услышал, что слово «чекист» произносится с каким-то странным отвращением (как поется в блатной песне: «А на вышке маячит ненавистный чекист...»²⁸⁷).

²⁸³ *Фесенко*. 1955. С. 46.

²⁸⁴ *Кокурин, Петров*. 1997. С. 18, 31, 80, 157.

²⁸⁵ Цит. по: *Кокурин, Петров*. 1997. С. 16.

²⁸⁶ Вот, например, как толкуется слово чекист в словаре *Galler and Marquess*. 1972. С. 205: 'hangman'. Комендант нашей зоны вел себя, как настоящий чекист. За ничто сажал заключенных в БУР [барак усиленного режима].

²⁸⁷ Вот еще примеры из лагерного фольклора, широко ходившего и вне зоны по всему СССР, где чекист — стрелок охраны или заплечных дел мастер:

Ильич, Ильич, за то ли ты боролся,
Чтобы рабочий гнул в три дуги,
За свой же хлеб слезами умывался
И целовал чекистам сапоги.

Или:

Передо мной икона и запретная зона,
А на вышке маячит надоевший чекист.

А на воле — прямо признаюсь — это слово пользуется большой популярностью.²⁸⁸

Судя по тому, что чекистами по-прежнему и вполне добровольно называют в просторечии сотрудников спецслужб журналисты и обыкновенные граждане, сама идея назвать в середине 1990-х годов федеральную налоговую службу ВЧК оказалась продуктивной. Произошла реализация старого, еще двадцатых годов, пророчества о судьбе «большевицкого словесного наследства».

Какая захватывающая задача разобраться в отвратительном языковом наследстве большевиков, в этих, по приказу рожденных, словах, сляпанных из обрубков нескольких слов или склеенных из двух, с полным презрением к законам русского языка, — без соединительной гласной. Далеко не всё большевицкое наследие умрет; слово «чека», например, окажется бессмертным. Собачьи же клички для будущих государственных и общественных учреждений и должностей, все эти «профсоюзы» и «селькоры», а равно и до большевиков родившиеся «главковерхи» должны быть в официальных сношениях (иначе, как в зашифровке) воспрещены.²⁸⁹

Быстрое переименование секретных служб и оперативно-чекистских органов (из КГБ в ФСБ) с сохранением значительной части прежних кадров дает объяснение положительной государственнической составляющей в семантическом ореоле ВЧК и делает вполне понятной парадоксальную на первый взгляд готовность воспользоваться именем организации для новой демократической инсти-туции и даже для целой системы органов:

Премьер-министр Виктор Черномырдин, поясняя задачи ВЧК, отметил, что на региональном уровне аналоги таких комиссий уже существуют. В них также участвуют первые лица, которые, как правило, и создают местные ЧК. Например, довольно давно работает нижегородская комиссия.²⁹⁰

Или в куплете знаменитой песни Г. М. Александрова «Я помню тот Ванинский порт...»:

От качки стонали зека,
Стояли, обнявшись, как братья,
И только порой с языка
Чекистам срывались проклятья.

(Фольклор ГУЛАГа. С. 54, 67, 197).

²⁸⁸ *Синявский*. 1974. С. 170.

²⁸⁹ *Волжонские*. 1928. С. 61. См. также: *Р. Менский*. О языке // Литературный современник. Журнал литературы и критики. Мюнхен. 1951. № 2. С. 79–83.

²⁹⁰ *Юлия Ульянова*. С рубля рубль тридцать не возьмешь. С каждым должником в бюджет ВЧК намерена разобраться отдельно. Разберется ли? // Известия. 15 октября 1996.

Итак, в официальной расшифровке новой аббревиатуры составляющая временная учитывается в последнюю очередь, а старая структура — «Всероссийская ЧК в центре и повторяющие ее чрезвычайки на местах («местные ЧК») — воспроизведена, по крайней мере, в сознании одного из соавторов идеи, «пояснявшего» свой замысел корреспондентке газеты.

С другой стороны, высказанное мною выше сравнение терминов ВЧК и гестапо всё же не вполне правомерно: десятилетия использования терминов *чека*, *чекист* и их производных в значении «секретный», «ответственный», «неумолимый» и т.п. смыли с них как раз-таки терминологический смысл. Эти слова для носителей языка, возможно, уже успели стать глубокой архаикой, чем может объясняться известная беззаботность, с какой ими оперируют в новой исторической ситуации.

Не указывает ли всё это на историческую пропасть, отделяющую новое поколение от советской истории как целого? Даже люди ельцинского поколения, или те, кто были детьми и подростками в годы Второй мировой войны, люди, прекрасно осведомленные о житейском историческом содержании первых пореволюционных лет и особенно эпохи построения социализма, начинают утрачивать с этой эпохой непосредственный эмоциональный контакт.

Правда, есть и третий, вполне внеидеологический и конечно экстралингвистический фактор, придающий исторической теме остроту текущего момента, — это привлечение в поссоветские российские налоговые и финансовые службы кое-кого из разбегающейся армии чекистов — сексотов и кагэбэшников, ищущих профессионального применения.²⁹¹ В этом отношении и название ВЧК для российской налоговой службы должно быть признано прагматически удачным, а мое исходное утверждение о слабой чувствительности политической элиты к старо-новым эргонимам — ошибочным. Наоборот, избрание названия ВЧК для современного государственного органа России оказывается, в таком случае, скрытым сигналом, адресованным открытым противникам режима.

Заигрыванию Ельцина с прежней и по-прежнему наделенной огромными полномочиями кадровой силой советского режима можно найти параллель в относительно недавней истории. Так, во времена первой, хрущевской оттепели уже была успешно предпринята попытка примирить привычную для официоза семантику слова с очевидной бандитской практикой режима. Исполнение этого примирения прослеживается в литературе тех лет.

²⁹¹ Чтобы понять масштабы взаимодействия чекистов и новых русских, достаточно назвать бывшего высокопоставленного сотрудника КГБ Ф. Д. Бобкова, ставшего одним из руководителей крупнейшей финансовой группы МОСТ.

Так, в романе Юрия Германа «Один год»²⁹² описывается задушевная беседа старых чекистов — Альтгуса и Лапшина, — в описываемое время работавших в уголовном розыске.

— Я вот недавно с курсантами беседу проводил, задал им вопрос о первом применении высшей меры, о первом расстреле органами ВЧК. И, знаешь, Иван Михайлович, удивился: никто на мой вопрос не ответил.

— Чего ж тут не ответить — князь Эболи.

— Хорошо, а почему именно князь Эболи? — резко перебил Лапшина Альтгус. — Тут ведь вопрос чрезвычайно глубокий, серьезный, в этом расстреле очень многое можно увидеть, много понять и навечно извлечь выводы...

— Князя Эболи при мне привезли, — не торопясь, задумчиво сказал Лапшин. — Я тогда, конечно, не понимал, а теперь, предполагаю, разобрался. Тут дело в чем? Сволочь эта — Эболи — выдавал себя за чекиста, так?

Так, — кивнул Альтгус.

— И под видом чекиста обыскивал и грабил. А на нас лились помои, что мы-де грабители и бандиты. И здесь не только наказание было со стороны Феликса Эдмундовича, но и предупреждение всем навсегда, и даже тот смысл, который уже позже он сформулировал, помнишь, Алексей Владимирович? «У чекиста должны быть горячее сердце, холодный ум и чистые руки». Верно? Так что расстрел Эболи есть не просто наказание, а утверждение всей нашей будущей морали — как нам жить и что такое настоящий чекист. Правильно я говорю?²⁹³

Топорность внедрения положительного образа чекиста не бросилась в глаза и самому автору: расстрел того, кто выдавал себя за чекиста, преподносится здесь как личная акция Дзержинского, совершенная из назидательно-террористических соображений; Чека по существу прямо называется инстанцией, запрограммированно убивающей каждое предыдущее поколение своих сотрудников («...не просто наказание, а предупреждение и утверждение всей нашей будущей морали...»). Соединению проповеди и террора в одном действии, характеризующему практику Дзержинского и его сотрудников, логически изоморфна литературная практика советского писателя, который должен был любой ценой отделить «бандитов» («тех, кто только выдавал себя за чекистов»), от «чекистов настоящих». Эта процедура, необходимая для бесшовного склеивания сталинского и послеста-

²⁹² Сын писателя, кинорежиссер Алексей Герман, снял по мотивам этого произведения художественный фильм «Мой друг Иван Лапшин» (1984), сместивший отмечаемый ниже политический акцент романа (фильм попал в прокат только в годы перестройки).

²⁹³ Герман. 1960. С. 72–73.

линского периодов политической истории СССР, с куда большим размахом повторяется в посюветской России, особенно после подписания 28 февраля 1994 года Договора об общественном согласии и отказа общества и государства от политики люстраций, в том числе — от суда над КПСС.²⁹⁴

То обстоятельство, что из *чекиста* много десятилетий выскабливалась семантическая сердцевина ‘бандит’, хорошо объясняет законсервированность в общественном сознании атмосферы немого страха перед правоприменительными органами, называемыми официально правоохранительными в подтекстном значении ‘органы, охраняемые правом’, и системой в целом. Опасность перестройки для наследников режима состояла в избавлении от страха: как только страх уходит, восстанавливается семантическое целое. Приведу фрагмент из типичного разговора в очереди 1991 года:

Д. Но на коммунистов-то не нужно бочку катить, пожалуйста. [...] Вы не путайте коммунистов с руководителями коммунистов.

В. Так выйдите из партии!

Д. А на каком основании я буду выходить?

В. На том основании, что это партия бандитов.

Е. (к В.) Я вам тоже скажу, что вы бандитка!

Д. Еще какая бандитка!

В. Не я же довела эту страну до такого состояния!

Д. А кто же как не вы?

В. (изумленно) Я довела ее?

Д. Вы-ы конечно!

Е. Нет, она демокра-ат, что вы!

В. Я что ли довела страну до такого состояния, как вы, коммунисты?

Д. А кто же?

В. А кто довел страну до такого состояния?

Д. Кто же, как не вы?

В. Коммунисты довели до такого состояния страну!²⁹⁵

Пары чекист=бандит и коммунист=бандит претерпевают определенное внутрисистемное развитие: объявляя себя борцами с бандитами (собственно с «бандитизмом»), те и другие столь прочно ассоциированы в массовом сознании со своими декларируемыми противниками, что должны сами производить посто-

²⁹⁴ Процесс о конституционности запрета КПСС был начат 26 мая 1992.

²⁹⁵ *Китайгородская, Розанова*. С. 110–111.

янное разделение на настоящих чекистов или коммунистов (т.е. «хороших», «таких, как сам Дзержинский», и «таких, как мы, нынешние») и ненастоящих («замаскированных бандитов», «которые были здесь вчера»). Это — стадия хрущёвской оттепели и ранней перестройки, проходивших под знаком так называемого восстановления ленинских норм партийной жизни. В резолюции XX съезда КПСС, принятой 24 февраля 1956 года, говорится:

Съезд полностью одобряет решительные меры, принятые ЦК КПСС по пресечению преступной заговорщической деятельности опасного врага партии и народа Берия и его банды [курсив мой — Г.Г.]. Тем самым был нанесен серьезный удар по планам империалистических разведок, достигнуто дальнейшее укрепление боеспособности партии.

Съезд целиком одобряет проведенную Центральным Комитетом большую работу по восстановлению ленинских норм партийной жизни, развитию внутрипартийной демократии, внедрению принципов коллективного руководства на основе проведения марксистско-ленинской политики, по совершенствованию стиля и методов партийной работы.²⁹⁶

Послание, содержащееся в тексте резолюции, повторяет схему, уже бывшую предметом наблюдения в эпизоде из романа Юрия Германа. Чекист-бандит объявляется просто бандитом и уже в этом качестве нечекиста отдается на словесное растерзание по-прежнему насмерть перепуганной толпе. Вся сосредоточенная за десятилетия ярость исторгается на «опасного врага партии и народа», к тому же оказавшегося агентом «международных разведок», но чистота слова чекист должна остаться незапятнанной. Как нетронутыми остаются и основополагающие принципы партийно-государственной жизни («коллективное руководство на основе проведения марксистско-ленинской политики...»). Только тот, кто учитывает и этот дополнительный подтекст, понимает, что перевод последнего сталинского поколения чекистов в бандиты означает не смену режима, но лишь его внутреннюю перестройку: операционная система — коллективное руководство — остается прежней, только вот устаревшая программа — Берия и его банда — должна быть удалена из памяти общественной машины целиком. Получатель такого сообщения и становится передатчиком желаемой отправителю-манипулятору версии.

И в 1996 году внедрение в стране «американских» отношений налогоплательщиков и государства вызывает двуслойную реакцию, в которой одни — старшее поколение, в том числе, разумеется, и бывшие боевые (и опасные) чекисты, — с радостью услышат знакомый сигнал, а в других, привыкших читать между

строк, вернется всё тот же страх, но несколько иначе сфокусированный в новых поссоветских условиях. Место идеологии и причастности к «государству в государстве» здесь должны занять законы монополистического рынка, ВЧК — его нового всеобщего часового и, конечно, неподкупных чекистов-налоговиков.²⁹⁷

Обширный экскурс понадобился мне для того, чтобы понять живучесть категорий *чекист* и *ВЧК* и, главное, приемлемость их в качестве идеологем государственного строительства поссоветской России. То, что начиналось как одна из нескольких десятков аббревиатур, возвращается в поссоветскую эпоху в новом обличье, но с прежней двуслойностью ключевого высказывания.

Как руководители ельцинского набора и ближайшие к ним поколения, так и молодые носители русского языка, пишущие в независимых и свободных от идеологических пут популярных изданиях, рассуждают о ВЧК-1 и ВЧК-2 так, будто чекисты декабря 1917 года были частью законного государственного аппарата, законным и лишь в силу его очень больших полномочий — грозным госучреждением. Это значит, что временная дистанция между организациями-носителями общего имени перестала быть для сегодняшних носителей русского языка вместительным экзистенциально значимых событий. Если на стадии перехода от старых советских имен к новым поссоветским и декларировалась потребность в покаянии, в разоблачении конкретных преступлений, в реабилитации жертв этих преступлений, то поссоветская эпоха отодвинула всю эту проблематику в окончательное прошлое, извлекая из него лишь словесные оболочки с потребной коннотацией.²⁹⁸

²⁹⁷ В новом слове налоговый характерна словообразовательная модель советского термина кадровик — заведующий отделом кадров, обычно — штатный или нештатный сотрудник КГБ. Ср. радиointервью с сотрудником налоговой полиции — сотрудником ФСБ: «Президентом поставлена задача разрешить этот кризис, и уже задействованы все силы. Мы расскажем все тогда, когда придет время, а сейчас не мешайте нам делать свое дело профессионально, так чтобы налогоплательщики чувствовали, что нам не зря платят зарплату.»

Радиостанция «Эхо Москвы» 12 января 1996, 16.00.

²⁹⁸ Для представления перестроечной идеологемы покаяния в поссоветском дискурсе ограничусь тремя фрагментами 1993–1995 гг.: «Литература и жизнь [во время перестройки — Г.Г.], впрочем, смыкались. Бурные восторги по поводу красивого, но внутренне фальшивого грузинского фильма «Покаяние» генерировали идею всеобщего покаяния (разумеется, не в христианском смысле), озвученную академиком Лихачевым. Раз покаяться нужно всем, значит, не нужно никому. Не согрешишь, не покаешься. Валяй, грехи дальше. Вернее, даже не так живи, как жил; живи в полном убеждении, что лично в тебя никто не имеет права бросить камень, потому что он тоже грешен, а значит и в равной мере грешен. Так следователю, которому лень заводить заведомо гиблое дело о групповом изнасиловании, выговаривает потерпевшей: а ты что ж, дрянь, к ним на квартиру пошла?» (Виктор Топоров. Критический кнут и писательский пряник // Постскрипtum. 1995. № 1. С. 273); «Самоочевидно, что едва ли не все бедствия, происходящие ныне — последствия того, что бандит остался на свободе, а безнаказанность развратна. Тем более, что ему не свойственны покаяние, самоограничение, природа его — это природа людоеда и злокачественной опухоли вместе

²⁹⁶ Резолюция XX съезда КПСС. Ч. III. ССППО. 1960. С. 25.

Реальное осознание того, кто «довел страну до такого состояния»²⁹⁹, было частью общественного дискурса до августовского путча 1991 года, когда создание Госкомитета по чрезвычайному положению — ГКЧП — рассматривалось как нелепая попытка вернуть советскую чрезвычайку. Тогдашние средства массовой коммуникации, пользуясь новизной положения и растерянностью карательных органов, были полны разоблачений всего советского строя и конкретных чекистских преступлений, за которые никто еще пока не понес наказания. Поэтому само слово ГКЧП было мгновенно подвергнуто снижению — как в устном обиходе, так и в окончательно освободившейся тогда от цензуры публичной письменной речи:

Неуклюжая аббревиатура ГКЧП обрастает различными саркастическими, уничижительными производными. Таково произведенное скрещением с именем одного из инициаторов путча — Пуго, фамилия которого порождает выразительные ассоциации с глаголом пугать: ГКЧПуга (пишется через а). Вот броский заголовок: Чекисты и чеписты (НГ. 4 сентября 1991), от ЧК и ЧП.³⁰⁰

Но глумлению над чекистами очень быстро был положен конец.

Для того, чтобы понять значение имени ВЧК в поссоветском российском дискурсе, рассмотрим, какую именно семантическую проекцию избирали для сооб-

взятые» (*Аброр Джамалов*, г. Ташкент. Открытое письмо президенту США. Август 1993. Бремен. Архив. Ф. 13); «Молох власти перемалывал отдельных людей, семьи и целые народы. Кромсал, рвал, рубил, не утруждая себя разборательствами, кто прав, а кто виноват. И никогда, ни разу Власть не склонила голову перед народом в знак покаяния». (*Лебедь*. 1995. С. 340). «Не ебёмся — так занимаемся онанизмом. И об этом надо говорить прямо — как гондон Ленин у гондона Шатрова, на хуй, без покаянки, сука». (*Волохов*. С. 146).

²⁹⁹ «Довести Россию/страну/людей до такого состояния» — важная самооправдательная идеология времен перестройки и после нее, теневой вариант официальных «врага народа» или «внутреннего врага». Ср.: «Какое унижение, Господи... Мне больно, что людей довели до такой степени, что они за подачку готовы драться, сражаться...». (*Вартазарова*. 1994. С. 16); «Сталин и Троцкий вроде как по разную сторону баррикад, а вот частушка, опять же открыто пели, в ней они объединены:

Сидит Сталин на березе,
Троцкий выше — на ели.
До чего, христопродавцы,
вы Россию довели.»

(*Владимир Крутин*. «Едрит твой налево», — сказала королева // Реалист. Литературный альманах. Выпуск первый. М., 1995. С. 92–93). «Вот по этому и стоять на ринке ведро картофеля 200 000 рублей, килограмм сала 180 000. Вот до чего евреи довели всю страну.»

(*Андрей Иванович Г.* (г. Смела). Письмо на «Радио Свобода» [зима 1994/1995]. Орфография и пунктуация оригинала. Бремен. Архив. Ф. 13).

³⁰⁰ *Земская*. 1996. С. 93.

щения о ВЧК органы печати, хоть и представляющие различные политические направления, но в целом явно оппозиционные возрождению любых собственно советских государственных структур или отношений.³⁰¹

Во всех случаях характеристики вновь организуемой службы представляют собой перечень впечатлений, которые вызывают или должны вызвать исторические реалии (ВЧК и чекист) и ключевое слово чрезвычайный. Рассмотрим полный перечень характеристик:

а)

ВЧК собирается «выбивать долги» (президент международной Нижегородской ассоциации предприятий и организаций Владимир Лузянин);

ВЧК «немедленно соберет налоги» (Анатолий Чубайс);

«сдерет с предприятия третью шкуру» (президент конфедерации объединений промышленников и предпринимателей Юрий Токарев);

от неплательщиков ожидается, что они «испугаются ВЧК»;

«в зависимости от обстоятельств [ВЧК будет] применять весь веер возможностей — от самых жестких до самых нежных» (Александр Лившиц);³⁰²

б)

«грозное решение создать ВЧК и тем самым увеличить собираемость налогов»;

«в сети ВЧК попадут злостные неплательщики налогов»;

«коммерческие банки должны испугаться грозного ВЧК»;

«трепет она должна вызывать не меньший, чем детище Октябрьской революции»;

«первыми должны трепетать коммерческие банки»;

«к ним ВЧК постучит прежде всего»;³⁰³

в)

«Всем должно стать ясно, что речь идет об очень серьезных вещах» (сотрудник аппарата правительства);

«Если честно, то совпадение не случайно. Самим своим названием комиссия предупреждает:

«Ребята, платите! [...] Мало не покажется!» (представитель президента в Думе);

«Черномырдину нужно быстро и решительно переломить ситуацию»;

«Решения необходимо принимать в обход привычного бюрократического аппарата»;

«ВЧК — продукт подлинной власти»;

³⁰¹ Еженедельник «Коммерсантъ», газеты «Век», «Известия» и «Сегодня»; тексты из данных изданий были подобраны экономистом и лингвистом Якобом Фрухтманом, руководствовавшимся по моей просьбе совершенно посторонним для данной темы критерием: велся поиск содержательных статей, излагающих суть дела в доступной непосвященному читателю форме.

³⁰² *Юлия Ульянова*. С рубля рубль тридцать не возьмешь...

³⁰³ *Владимир Златоустов*. Кому дрожать от стука ВЧК? // Век. 18 октября 1996.

«монстр, собирающий недоимки и выбивающий долги»;
«быстро и беспощадно собрать налоги»;
«жесткий орган прямого государственного управления экономикой»;
«держат в постоянном страхе любое предприятие и любую компанию, а через них влиять на любого политика»;
«имеет возможность раздеть до нитки или обанкротить за долги»;
«реальная власть над регионами до конца года»;³⁰⁴
г)
«Планы действий ВЧК масштабны и грозны»;
«методологический трезубец власти: банкротства, пресечение вывоза капитала, борьба с укрытием доходов»;
«очень скоро ВЧК начнет суровую борьбу с уклонением россиян от налогов»;
«в строй вступит система всеобщего контроля и учета»;
«туго, по расчетам чекистов, придется и должникам из СНГ»;
«в любом случае придется идти на нарушение российских законов».³⁰⁵

Как следует из высказываний лиц, ответственных за «методологический трезубец» ВЧК, исходящая от этого органа угроза состоит в запрограммированном нарушении закона, а стало быть — в неизбежном конфликте с теми, кто стремится к утверждению нового, небывалого еще в России режима законности, правового общества. Для этой части носителей языка неприемлема не столько историческая нагрузка понятия чрезвычайная комиссия, сколько непосредственная семантика чрезвычайности:

Как крупные, так и средние коммерческие банки комментируют появление ВЧК крайне уклончиво. Но глава Ассоциации российских банков Сергей Егоров высказался вполне определенно: «Если для эффективного сбора налогов не хватает налоговой службы и полиции, то не помогут никакие чрезвычайные меры».³⁰⁶

К этому простому умозаключению трудно прийти, сосредоточившись не на анализе текущей политики, а на принудительном сравнении современной экономической ситуации в посюветской России с тем, что происходило в стране 80 лет назад. В какой мере именно такое сравнение вообще имеет смысл в текущей со-

циально-политической ситуации, авторы статей не выясняют вовсе. Введенный правительством в политическую игру термин ВЧК немедленно принимается не только в качестве исходной точки, но и как платформа всего дальнейшего рассуждения. Имя ВЧК вызвало в средствах массовой коммуникации (и притом — в самых спокойных по тону и политической ориентации!) принудительную ассоциацию с революцией, так что даже либералы из газеты «Коммерсантъ» оказались вынуждены признать террор государства по отношению к «саботажникам» оправданной мерой:

«Правда, на этот раз комиссия не всероссийская, а временная, и не по борьбе с контрреволюцией и саботажем, а по укреплению налоговой и бюджетной дисциплины. Тем не менее аббревиатура не случайна — злостные неплательщики должны быть наказаны, а голодные и разутые (пенсионеры, рабочий класс и армия) срочно накормлены и обуты (выплачены пенсии и зарплаты)».³⁰⁷

Приведенные в четырех анализируемых текстах характеристики ВЧК оказались двойной ловушкой. Заготовленное для злостных неплательщиков налогов словесное пугало не только выдало образ мысли правительственных чиновников, но и показало пределы готовности средств массовой коммуникации критически осмысливать политические действия властей. Только автор текста (а), ни разу не дающая читателю почувствовать, что она знает об историческом прототипе новой институции, пытается сосредоточиться на реальной исполнимости предложенного правительством и суммирует трезвые мнения в заглавии статьи: «С рубля рупь тридцать не возьмешь».

В трех других случаях авторы не выходят за пределы заданного аббревиатурой ВЧК дискурсивного поля. По самому скромному счету, можно различить три уровня развертывания чекистского дискурса:

- революционно-исторический, или собственно советский;
- блатной стёб;
- новорусский синтез.

В центре журнального разворота со статьей Виктора Островского помещены фотографии первых послереволюционных лет с подписями: *Продотряд идет на дело* и *Зерно для трудового народа*. Отсутствие кавычек не мешает читателю понять, что выражение *на дело*, взятое из уголовного жаргона, характеризует ироническое отношение автора статьи к продотряду — «вооруженной банде, по заданию центральной власти большевиков изымающей у крестьян запасы продовольствия». Словосочетание *трудоу народ* тоже употребляется в контек-

³⁰⁴ Виктор Островский. Три буквы, которые потрясут деловой мир. ВЧК-2: зачинщики // Коммерсантъ. 1996. № 40. С. 22–25.

³⁰⁵ Эльмар Муртазаев. ВЧК вплотную займется доходами граждан. Комиссия определила три составные части своей работы // Сегодня. 29 октября 1996 [под рубрикой: «Учет и контроль»].

³⁰⁶ Юлия Ульянова. С рубля рубль тридцать не возьмешь...

³⁰⁷ Виктор Островский. Три буквы, которые потрясут деловой мир...

сте, не оставляющем сомнений в авторской иронии: трудовой народ и мыслится ограбленным бандитами-большевиками. Ирония усилена до сарказма текстовой иллюстрацией под общим заголовком «Чрезвычайная история», занимающей половину разворота и содержащей выписки из документов о создании ВЧК-1 в декабре 1917 года и книги М. Лациса «Два года борьбы на внутреннем фронте» 1920 года. В названии статьи — «Три буквы, которые потрясут деловой мир» — сразу угадывается намек на книгу Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир»³⁰⁸. Сквозь весь текст протянута нить революционной риторики. Здесь об-суждаются следующие концепты:

«окончательные результаты борьбы ВЧК с саботажем»; «неумолимость политических законов в посткоммунистической России: побеждает тот, у кого есть сила и деньги»; «массы не любят слабых лидеров и бедные правительства»; «быстро и беспощадно собрать налоги»; «жесткий орган прямого государственного управления»; «стабильность в обществе, в экономике, наконец, в аппарате надо и дальше твердо поддержи-вать и оберегать [...]. Главное, чтобы ВЧК не пошла уже проторенным путем — ВЧК, НКВД, КГБ...»

Сопоставление этого уровня политического комментария с изложенным вы-ше иллюстративным материалом из времен ВЧК-1 воспринимается и как пародия на правительство, и как автопародия поддавшегося на провокацию юморис-та. Читателю журнала предлагается проследить параллелизм, провоцируемый общей идеологией и ее импликациями. Интересно, что вместе с исторической аббревиатурой в язык публицистов 1990-х годов приходит излюбленная чекистско-большевистская идеологема *беспощадности*, ставшая объектом пародиро-вания уже в конце 1920-х годов.³⁰⁹

Из отчета ВЧК-1:

За всё время деятельности чрезвычайных комиссий ими расстреляно за спекуляцию 100 человек, за хи-щения — 819, а штрафов наложено на 127 миллио-нов рублей. Обнаружено и конфисковано в одной Москве за по-следние месяцы:

Из отчета ВЧК-2:

Размер недоимки по бюджету 1996 года составил на 1 октября 53,6 трлн рублей, а сумма отсроченных платежей — еще 18,4 трлн рублей; налогоплательщиками не уплачено 36,5 трлн рублей в виде штрафных санкций [...] В сентябре в консолидированный бюджет России

³⁰⁸ *John Reed. Ten Days That Shook The World. New York. 1919.*

³⁰⁹ «Беспощадная борьба с головоунытием, пьянством, обезличкой, бесхребетностью и перевер-зевщиной»; см.: *Ю. К. Щеглов. Комментарии к роману «Двенадцать стульев» // Илья Ильф и Евгений Петров. Двенадцать стульев. М., «Панорама». 1995. С. 530.*

Сахара 13 вагонов
Спичек 26 вагонов
Веревки 16 вагонов
Селедок 7 вагонов [...]
60 пудов шоколада
Олифы 400 пудов и т.д.
М. Лацис, 1920 год.

было собрано 30,3 трлн рублей, на 24,1% меньше, чем в августе [...]
Такое падение чревато политической дестабилиза-цией.

Эта *беспощадность*, бывшая одной из центральных советских, ленинских идеологием, встречает нас и в стихах советского поэта 1920–1960-х гг.:

Пей, товарищ Орлов,
Председатель Чека.
Пусть нахмурилось небо,
Тревогу тая, —
Эти звезды разбиты
Ударом штыка,
Эта ночь беспощадна,
Как подпись твоя.
Пей, товарищ Орлов!
Пей за новый поход!
Скоро выпрыгнут кони
Отчаянных дней.
Приговор прозвучал,
Мандолина поет,
И труба, как палач,
Наклонилась над ней.³¹⁰

Ср. высказывание Л. Троцкого:

Революционный централизм есть жесткий, повелительный и требовательный принцип. В от-ношении к отдельным людям и к целым группам вчерашних единомышленников он принимает нередко форму безжалостности. Недаром в словаре Ленина столь часты слова непримиримый и беспощадный. Только высшая революционная целеустремленность, свободная от всего низменно-личного, может оправдать такого рода личную беспощадность (1929)³¹¹.

³¹⁰ *Михаил Светлов. 1968. С. 127–128. «Пирушка» (1927).*

³¹¹ *Лев Троцкий. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Иркутск. 1991. С. 163.*

Второй дискурсивный уровень, на который выводит автора аббревиатура ВЧК, — это стёб, пронизывающий всю статью от начала до конца; автор сообщает, что стиль этот едва ли не предписан ему самими изобретателями ВЧК-2:

Если министр финансов Александр Лившиц в одном из своих публичных выступлений сразу после выхода указа еще пытался иронизировать по поводу «совпадения» и возможных исторических параллелей, то ближе к концу прошлой недели комментарии из высших политических сфер стали отдавать металлом. «Журналисты будут стебаться? — переспросил корреспондента «Ъ» один из информированных сотрудников аппарата Кремля. — Да пусть себе стебаются. Мы не против того, чтобы всем стало ясно, что речь идет на самом деле об очень серьезных вещах. [...]

А пойманный в одном из переходов Думы представитель высшего руководства правительства прямо ответил на вопрос о наличии связи между двумя ВЧК: «Если честно (не для печати!), то совпадение не случайно. Самим своим названием комиссия предупреждает: „Ребята, платите! Погашайте задолженность, реструктурируйте, делайте что угодно, только не пытайтесь играть с бюджетом в игры. Мало не покажется». Так все и задумывалось. Чувство юмора у правительства или его отсутствие тут ни при чем».

В заголовке статьи, — «Три буквы, которые потрясут деловой мир» — другое ухо услышит по меньшей мере два дополнительных намека. Один — сквернословный — три буквы — распространенный эвфемизм хуя/хера, а вовсе не ВЧК³¹²; другой намёк — блатной — потрясти кого-либо = 1) заставить кого-либо расстаться с деньгами или имуществом; 2) допросить подследственного. Стебными являются и другие ключевые пассажи статьи:

Аббревиатура не случайна — злостные неплательщики должны быть наказаны, а голодные и разутые срочно накормлены и обуты.

Несмотря на пояснение («выплачены пенсии и зарплаты»), слово *обуть* в современных средствах массовой коммуникации употребляется почти исключительно в своем блатном значении³¹³, так оно должно читаться и в контексте ста-

³¹² Ср. известный анекдот времен строительства БАМа (Байкало-Амурской Магистрали): «Если тебя посылают на три буквы, это вовсе не значит, что тебя посылают на БАМ.

³¹³ «Меня, Сергея Роботу, знакомые кавказцы «обули» на несколько «лимонов» [...] (Олег Гнозов, Дмитрий Севрюков. Как «кинули» лейтенанта. Не найдя у милиции защиты от мафии, офицер вспомнил заветы Рэмбо // Комсомольская правда. 3 сентября 1994); «Ты понимал, что сидел перед янычаром и тебя водили за нос, обули, говоря попросту» (Сергей Гандлевский. Трепанация черепа // Знамя. 1995. № 1. С. 119); «Помню, Стиляга раздел Кио, а потом пронесся слух, что сам просадил

ты В. Островского³¹⁴ рядом с другими просторечно-блатными выражениями («Ребята, не надо играть в игры. Мало не покажется»).

Наконец, своего пика весь блатной пласт стебной статьи «Коммерсанта» достигает, когда премьер-министр В. Черномырдин называется «лидером крупнейшей и наиболее могущественной финансово-промышленной группировки».

Черномырдин и почти конституционный преемник Ельцина. В силу этого именно ему нужно быстро и решительно переломить ситуацию. Этого ждут от него финансисты и бизнесмены, сделавшие ставку на нынешнего президента.³¹⁵

Здесь игра построена на контаминации выражений финансово-промышленная [группа] и [преступная] группировка, дающей словосочетанию итоговое значение: 'главарь банды'.³¹⁶

В этом качестве главаря упомянут далее и тот, кто считается шефом ВЧК-2 и носит, как сказано, «аппаратную кличку»:

Черномырдину и Чубайсу удалось полтора года назад нанести первый решающий удар по финансовой базе группировки А. Коржакова — Национальному фонду спорта. Выдержав ответный удар, Чубайс с полным правом стал носить аппаратную кличку «железобетонный»³¹⁷

миллион Сереже Психу-младшему. Миллион, когда зарплата была 120 рублей. Через неделю Бабай обул Психа и попал под меня.» (Андрей Колобаев. Ставка больше, чем жизнь // Совершенно секретно. 1996. № 5. С. 9).

³¹⁴ В этом контексте и лексема *накормлены* вызывает у читателя принудительную ассоциацию с известным афоризмом министра сельского хозяйства РФ Александра Заверюхи: «Россия должна накормить своих крестьян» (из выступления на заседании кабинета министров РФ 3 февраля 1994). Фраза эта обильно цитировалась и успела войти в словарь современных цитат (Душенко. 1997. С. 136).

³¹⁵ Виктор Островский. Три буквы, которые потрясут деловой мир. С. 24.

³¹⁶ Слово *группировка* применительно к России употребляется исключительно в значении 'преступное сообщество'; см., например: «Сотрудники управления по борьбе с организованной преступностью задержали 19 представителей так называемой солнцевской преступной группировки.» (Сергей Михайлович. Солнцевских «захомутали» // Куранты. 10 марта 1993); «Уральская столица четко поделена на три сферы влияния, три преступных группировки контролируют город. «Центральная», «уралмашевская» и «синие» (то есть татуированные, прежде судимые). В прошлом году был убит глава центральной группировки Олег Вагин» (Дворухин. 1993. С. 27); «Многие даже не знают, как много было сделано в 1958 году в пенитенциарной системе по нейтрализации враждующих преступных группировок» (В. Ковалев. Если не мы, то кто же? // Преступление и наказание. 1994. № 2. С. 5–8); «Ну а хуже всего работает в ресторане, когда одна криминальная группировка передает его под покровительство другой» (Сергей Киселев. «Братки» балдеют от Шуфутинского, Аллегровой и «Яки-Да» // Комсомольская правда. 23 сентября 1995).

³¹⁷ Виктор Островский. Три буквы, которые потрясут деловой мир. С. 25.

И в последнем случае — намек на известные прозвища Феликса Дзержинского и других деятелей советского правительства и посюветской России разных лет.³¹⁸

Та же схема повторяется в статье Э. Муртазаева. В названии — «ВЧК вплотную займется доходами граждан. Комиссия определила три составных части своей работы» — действует, хотя и менее ярко, тот же двойной подтекст: один — займется доходами — криминально-актуальный; другой — три составных части — историко-юмористический.³¹⁹ Стебной эффект, возникающий от соседства в одном пассаже советских и блатных идеологов, сходится в ключевом слове чекист:

Банкротства, безусловно, — главное оружие чекистов. Среди претендентов на разборку в ВЧК называются «Газпром» и предприятия ТЭК [топливно-энергетического комплекса]. [...]

Дальше — больше. Очень скоро ВЧК начнет суровую борьбу с уклонением россиян от налогов. [...]

Чтобы проконтролировать нерадивых юридических лиц, в строй вступит система всеобщего контроля и учета — то есть так называемая «Единая таможенно-банковская система ведения счетов». Туго, по расчетам чекистов, придется и должникам из СНГ.

Отказавшись от объяснения того, что представляет собой эта новая российская институция и как именно она действует, по какому образцу была создана и т.п., автор текста принуждает своего читателя повторять упражнения в остроумной комбинаторике. В итоге новорусская реалья, например, — «Единая таможенно-банковская система ведения счетов», — представлена как монструозное сочетание чекистского застенка (разборки, суровая борьба, туго придется) и социалистического сверх-министерства (социализм — это учет и контроль).³²⁰

Обширные затраты остроумия приводят к тому, что стебной дискурс подавляет содержательную коммуникацию уже на стадии информирования общества о том, что собирается сделать правительство.

³¹⁸ Железный нарком — о Л. М. Кагановиче, наркоме путей сообщения; железный Феликс — о Ф. Э. Дзержинском; (*Душенко*. 1996. С. 126); железный Шурик — об А. Н. Шелепине (председателе КГБ в 1958–1961, по аналогии с «железным Феликсом» — Дзержинским); в 90-е годы применялось также к тележурналисту, впоследствии — депутату Госдумы Александру Невзорову; железный Виктор — о лидере одной из коммунистических партий Викторе Анпилове.

³¹⁹ Хрестоматийная для всех советских выпускников школ до начала 1990-х гг. статья Ленина «Три источника и три составных части марксизма» (1913).

³²⁰ «Учет и контроль — вот главное, что требуется для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества». В. И. Ленин. Государство и революция (см.: *Душенко*. 1997. С. 199).

Пакет, предложенный по итогам долгих споров и заседаний российских чекистов, несмотря на свою объемность, тем не менее не впечатляет. Уже при первом прочтении документа становится очевидно, что его материальный эффект по крайней мере непрогнозируем. Чтобы расширить налогооблагаемую базу, в любом случае придется идти на нарушение российских законов.³²¹

Назвав себя чекистами, налоговые чиновники должны приступить к нарушению закона.

Вне зависимости от того, в какой мере схематически перечисленные здесь элементы и уровни речевого опыта осознаются носителем языка в момент чтения газеты или журнала, порождающим стимулом для их возникновения в тексте стали исторические идеологемы ВЧК и чекист. Игра, заданная «чувством юмора или его отсутствием»³²² у правительственных чиновников, делает сходство (структурное и стилистическое) исторического опыта 1917 и живой повседневности 1996 года дискурсивной ловушкой.

Хватательная способность этой ловушки такова, что идеологема *чекист*, не утратив своего исторического содержания, приобретает современное уточняющее значение: 'государственный служащий, сохраняющий прежнюю задачу выслеживания и поимки граждан в рамках нового государственного учреждения'. Приемлемость такого рода словоупотребления может означать, что непосредственная преемственность по отношению к советскому режиму для носителей языка существенней, чем стремление преодолеть это советское прошлое или утратить его из общественной жизни.

Семантическая ясность подчеркивается в данном случае и тем обстоятельством, что сотрудники ВЧК-2 не называются в приведенных контекстах как бы чекистами, чего можно было бы ожидать в связи с широким распространением моды на уступительное как бы,³²³ которое позволило бы дополнить указанное значение: 'согласно новым критериям'. И без этого гипотетического *как бы* словосочетание российский чекист не нуждается более ни в какой уступительно-извиняющей интонации. Возвращаясь к водоразделу, отмеченному четверть века назад Андреем Синявским, можно утверждать, что в посюветском русском дискурсе преобладает тогдашнее — 1970-х годов — официальное представление о чека и чекистах.

³²¹ *Элмар Муртазаев*. ВЧК вплотную займется доходами граждан.

³²² *В. Островский*. Три буквы, которые потрясут деловой мир. С. 23.

³²³ См. подробнее в словарных материалах ДСП.

Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная с расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как парадоксально это ни звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи.

Н. И. Бухарин.

«Экономика переходного периода». 1920.

Социальная приемлемость эргонима ЧК/ВЧК в современном российском обществе и даже возможность для его семантического возрождения проясняются вполне при взгляде на другую важнейшую идеологему-эргоним советского времени — расстрел. На протяжении всей советской эпохи, а особенно — в период между началом гражданской войны и смертью Сталина, расстрел был одной из ключевых категорий общественной жизни. В некоторых случаях само употребление термина было знаком приобщенности к власти, тогда как к простому гражданину в частном порядке могла обратиться и с эвфемизмом (например, «десять лет без права переписки»).

В Толково-Комбинаторном Словаре под ред. И. Мельчука и А. Жолковского семантика глагола расстрелять³²⁴ —

1. убивать посредством стрельбы в порядке казни;
2. уничтожать беззащитную цель посредством многократной стрельбы по ней в условиях, гарантирующих попадание —

представлена таким образом, что во втором значении присутствует — благодаря эпитетам «беззащитный» и «многократный» — политический подтекст, указывающий на историческое, советское, содержание первого значения. Этот идеологический подтекст весьма интересен и важен для понимания чрезвычайно широкого его употребления в русском языке поссоветского времени.

«Хлопнуть», «угробить», «отправить на шлепку»,
«Духонину в штаб», «разменять» —

³²⁴ Авторы статьи — Ю. Д. Апресян и издатели словаря (С. 823).

Проще и хлеще нельзя передать
Нашу кровавую трепку.³²⁵

Неимоверная простота, с какой осуществлялся сначала быстрый уличный расстрел гражданской войны, а потом — расстрельное правосудие советского времени, позволила этому слову сопровождать носителей языка на протяжении нескольких десятилетий в роли почти мистического источника силы, являемой государственной властью. Событие расстрела стало восприниматься в России как обыденное явление, его угроза — как явление природы, автоматическое следствие определенного стечения обстоятельств (случайного ареста, исключения из партии).

21 сентября 1921. Вчера вечером в нашем подъезде очутился пьяный молодой человек, который долго грозился и ругался, когда его оттуда выдворяли. По документам он оказался член РКП Александр Петрович Минкин, бывший начальник поезда Троцкого и бывший член ВЦИК. Белобрысый, плюгавый, с незначительным лицом, весь развинченный, видимо, сбитый со всех устоев, если таковые у него когда-либо были, он то кричал, что всех расстреляет, то просил, чтоб его расстреляли. Видимо, он одинаково готов и на то, и на другое. Типичный представитель «русской революции».³²⁶

Для сравнения приведу симметричное по жанру («монолог пьяного в кутузке») высказывание из поссоветского периода:

«Другая мадам была задержана у коммерческого ларька, где представилась сотрудникам Комитета мэрии по торговле и потребовала «выпить-закусить», обещая в противном случае всевозможные кары (вплоть до расстрела). В отделении «чиновница» пообещала немедленно всех громить, но смилостивилась и заснула в «аквариуме».³²⁷

В речи людей 1920–1930-х гг. слово расстрел принудительно выскакивает после слов «арестовать» или «исключить из партии». Так, в секретном стеногра-

³²⁵ *Максимилиан Волошин.* 1920. Ср. у любующегося этой лексикой советского поэта:

Награжу тебя тесьмой
Крепкой, холеной.
Ты свезешь мое письмо
В штаб Духонина.

А. Прокофьев. Простор. М., «Гослитиздат». 1945. С. 67.

³²⁶ *Ю. В. Готье.* Мои заметки [1920–1922] // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 79.

³²⁷ *Юлия Липавская, Игорь Одушко.* Зло по имени «бытовуха» // Смена. 9 ноября 1995.

фическом отчете «Четвертого совещания ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г.», опубликованном лишь 69 лет спустя³²⁸, читаем:

Хадыралиев:

Бывали явления, что товарищи, называющие себя совершенно левыми, совершали большие глупости, но когда эти глупости переходят границы не только партийные, но и советские, то соответствующие т.т. получают за это, что им следует. Бывали очень большие глупости и когда эти глупости превышали всякую меру и превращались в преступления, они получали кару, вплоть до расстрела. [...]

Икрамов:

Их не нужно исключать из партии, а нужно воспитать, а их 300 чел. исключили. Вы не встретите ни одного на окраинах, кто был бы вполне доволен нашей политикой, но он не может получить разъяснение и за ним не обращается. Он не может сам прийти и сказать тов. Сталину или тов. Каменеву: «Товарищ, я не доволен этим, скажите, разъясните, в чем дело?» Он не может это сказать, он боится, у него представление, будто бы здесь его арестуют, расстреляют. [...]

Ходжанов:

Я полагаю, что тут надо всецело принять предложенную резолюцию и оттенить немного сильнее, что султан-галиевщина — это политическая авантюра и что подобные ей в ближайшее время, как следствие существующей общественной обстановки, неизбежно, и что впредь мы должны с ними успешно бороться и ставить себе целью изжитие этих самых авантур как внутри партии, так и вне ее, переработать почву, на которой они вырастают, для чего создать общественность и общественно-партийную организацию. А что касается дела самого Султан-Галиева, я бы предложил по вопросу о расстреле или помиловании не говорить в резолюции ничего. [...]

Рыскулов:

И без меня достаточно людей, и без меня ЦКК вполне разработал обвинение, так что особенно выпячивать тот момент, что Султан-Галиева нужно чуть ли не расстрелять, я в этом заседании, чтоб показать лишь себя, не хочу. Резолюция, вынесенная ЦКК совершенно правильна. [...]

Троцкий:

Это либо ошибка, либо — верно. Если верно, то по законам Гражданской войны мы Султан-Галиева в 19–20 гг. расстреляли бы наверное. [...]³²⁹

Сталин:

Наконец, два слова о судьбе самого Султан-Галиева. Тут говорили одни, что его нужно расстрелять. Другие сказали, что его нужно судить и проч. Я и до совещания говорил и теперь уверждаю, что товарищ Куйбышев прав, думая, что его надо освободить. [его можно использовать на советской работе]³³⁰

Для Сталина 1930-х гг. обычной формулой стало «исключение из партии и расстрел».³³¹ Итак, расстрел понимается как ‘кара’, ‘наказание’, ‘последняя для казнимого и постоянно действующая для всякого иного человека мера устрашения и воспитания’, в духе вышеприведенной сцены из романа Юрия Германа:

Так что расстрел Эболи есть не просто наказание, а утверждение всей нашей будущей морали — как нам жить и что такое настоящий чекист. Правильно я говорю?³³²

Декабрь 1930. С девятилетними детьми учительница прорабатывает тему о необходимости расстрела Рамзина и К° [процесс Промпартии]. Затем «резолюция» и вопрос: «кто за расстрел, поднимите руку». Поднимают все, кроме двух. Смущенная учительница: «ребята, а вы что же?» Один мальчик наивно отвечает: «а я не хочу, чтобы расстреливали», на что его сосед, не менее наивно, сообщает: «Мария Александровна, они новенькие, они не знают, что поднимать руку обязательно».³³³

Взбесившихся псов — расстрелять всех до единого!³³⁴

«Колхоз — дело добровольное: хочешь — вступай, не хочешь — расстреляем.» Присказка эпохи коллективизации.³³⁵

Там возвеличивались, меркли
Районной важности царьки,
Там быстро разрушались церкви
И долго строились ларьки.

³²⁸ Тайны национальной политики ЦК РКП. С. 39–40, 41–42, 45, 66, 74, 85.

³³¹ ИВС. Т. 5. С. 376.

³³² Герман. 1960. С. 73.

³³³ Шитц. С. 264.

³³⁴ А.Я. Вышинский. Обвинительная речь на процессе «троцкистско-зиновьевского террористического центра» 22 августа 1936.

³³⁵ Александр Сидоров. Словарь современного блатного и лагерного жаргона (южная феня). Ростов-на-Дону, Гермес. 1992. С. 172.

³²⁸ Тайны национальной политики ЦК РКП. «Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г.» Стенографический отчет. М., «ИНСАН». 1992. 293 с.

³²⁹ В этом не приходится сомневаться; см., например, у Ленина: «Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов (Вас, Маркина и др.), навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т.п.» (Ленин — председателю Нижегородского губсовета. 9 августа 1918).

Там песен яростно-безбожных
Немало в детстве я пропел,
И там же услышал тревожный
Холодный шепоток: «Расстрел».
*Яков Аким. Галич (1957).*³³⁶

Осмысливая длительный исторический период «холодного шепотка», мы увидим, что 'казнь' не вполне передает смысл слова расстрел. В идеологему по необходимости включено и другое: это внесудебная, почти мистическая манифестация власти, но одновременно — действие, передаваемое другим глаголом — пристреливать, которому в ТКС дается такое толкование: 'убивать посредством стрельбы из легкого стрелкового оружия с близкого расстояния как неполноценного'.³³⁷

Этот дополнительный оттенок значения слова и превращает его в мощную идеологему. Расстрел — это действие власти, которое происходит или не происходит не потому, что расстреливаемые, например, в чем-нибудь виноваты, за что они могли бы быть подвергнуты казни. Это именно словесное выражение концепта: 'ожидание-опасение возможного смертельного действия власти по отношению к любому человеку, попавшемуся ей на пути'.

1 декабря 1983. Расстрелян директор крупнейшего Елисеевского магазина. Директор Смоленского гастронома [магазин на Смоленской площади в Москве] застрелился сам. Еще трое выдающихся гастрономических директоров арестованы. [...] Вообще за торговлю взялись крепко. Но если подымать ее таким образом, то надо расстрелять всех, без исключения, директоров, завмагов, даже овощников из пустых смрадных палаток, потому что все воруют.

Если же распространить этот метод лечения общества на другие сферы, то надо казнить врачей, в первую голову хирургов, получающих в лапу за любую операцию, ректоров университетов и директоров институтов, а также членов приемочных комиссий — без взятки к высшему образованию не пробьешься, прикончить надо работников ГАИ, авторемонтчиков, таксистов, театральных, вокзальных и аэропортовых кассирш, многих издательских работников, закройщиков ателье, жэковских слесарей и водопроводчиков, всю сферу обслуживания. Если же кончать не только тех, кто берет взятки, но и тех, кто их дает, то надо ликвидировать все население страны.

По счастью, внимание нашего руководства как всегда устремлено на литературу. Главное — исправить литературу, ибо она вечна, а жизнь брэнна и скоротечна — черт с ней.³³⁸

Мне удалось вытребовать у тюремного начальства Уголовный кодекс. «Что нам романы всех времен и стран!»³³⁹ Впервые я прочла его с начала до конца — и была поражена тем, как много его статей предусматривают в качестве наказания смертную казнь. Если считать с разделом «Воинские преступления» — получается, не меньше сорока процентов всех возможных преступлений могут караться этой «временной» высшей мерой наказания. А я вообще считаю смертную казнь недопустимой, но тем более за растраты, хищения и т.п., т.е. за деньги! Причем, я знаю, применение смертной казни в этих случаях определяется суммой растраты или хищения — на жизнь установлен как бы прецедент. Или — «Сдача в плен по трусости или малодушию» — наказание — «смертная казнь или 15 лет заключения». Какой-нибудь пацан семнадцатилетний, вроде моего Саньки, испугался, поднял руки вверх — под расстрел его! По-моему, это — позорный закон.³⁴⁰

Итак, люди, имевшие опыт понимания советского времени, воспринимают и слово расстрел исключительно в контексте неправомерной истребительной политики советского государства. Люди, идентифицирующие себя с государством, усвоили слово расстрел с дополнительным оттенком легитимации: 'по высшему закону', 'в соответствии с высшим правом'. В отношении этой идеологемы можно сказать, что она требует от носителя языка самоопределения: склонен тот отождествить себя с потенциальной жертвой, или с палачом, или этот носитель языка готов оставаться в той роли, что в 1921 году должен был исполнять член РКП Александр Петрович Минкин, «бывший начальник поезда Троцкого и бывший член ВЦИК», о котором несколько выше можно было прочитать в дневниках Ю. В. Готье. Приводимые ниже контексты дают представление о том, как глубоко идеологема расстрел усвоена простым человеком, как велико словесное упоение событием расстрела, в том числе — осуществленного собственной рукой.

На 6 съезде [народных депутатов] есть такие беспартийные, которые служили партии до усов, а потом дослужились и до бороды. И вот они с бородой машут оружием за старую конституцию, потому что старая конституция не против арестов и расстрелов за взгляды. [...] Я убедился в том, что коммуниста перевоспитать невозможно. Я с многими коммунистами знаком [ыми] веду разговоры, они как будто бы во всем согласны, но из газет читают газету только ДЕНЬ.³⁴¹

³³⁹ Цитата из песни Владимира Высоцкого «Уголовный кодекс» (1960-е гг.).

³⁴⁰ *Богораз*. 1986. С. 96–97.

³⁴¹ Экстремистская «газета духовной оппозиции» «День» (главный редактор — писатель А. Проханов) была запрещена во время так называемых октябрьских событий в Москве 1993 года за призывы к насилию, но вскоре была возобновлена под новым именем («Завтра»).

³³⁶ Цит. по: *ЛКЧ*. Т. 2. С. 695.

³³⁷ ТКС. С. 823.

³³⁸ *Нагибин*. 1995. С. 531–532.

Большинство из них говорят открыто то, что мало мы их расстреливали, нужно было больше расстреливать. В прошлом году мне довелось ехать в кабине с шофером-коммунистом. Я завел разговор такой: Польша страна была не агрессивная, миролюбивая. В 1939 году Советский Союз напал на Польшу, захватил большую часть территории, много пленных солдат и офицеров. В 1940 году Советский Союз поступил нечестно и недобросовестно, расстрелял 12000 польских офицеров. Шофер-коммунист мне ответил так, что правильно сделали и нужно было бы расстрелять и солдат. Дело заключается в том, что коммунист неисправим. Есть такая пословица, горбатого исправит могила.³⁴²

Будь я сейчас на месте И. В. Сталина, приказал бы расстрелять каждого второго проработавшего прокурором свыше трех лет без суда и следствия, ибо он уже сложившийся мракобес и садист, и объявил бы во всеуслышание, что это я приказал, дабы потом историкам не пришлось гадать, кто приказывал и кто виноват!³⁴³

Можно ожидать, что Ельцина ждет незавидная судьба. Как только коммунисты вернутся к власти — они не колеблясь отдадут Ельцина вместе с Горбачевым (если он не убежит за границу) под суд — за измену Родине — и уж доведут дело до конца, и если не расстреляют, то в тюрьму посадят. Чего-чего, а карать «врагов народа» коммунисты умеют.³⁴⁴

Лучше Жириновский, чем «незаменимый» Гайдар. И при всей дикости призыва [Жириновского] «расстреливать преступников на месте» это лучше, чем сегодняшнее поголовное освобождение их за взятки с отправкой в тюрьмы невиновных «подставных лиц» (см. «Московскую правду» за 6 января).³⁴⁵

Много лет коммунисты приучали людей к тому, что нужно сажать и расстреливать.³⁴⁶

Мне растолковали, и я сама поняла, почему ненавидят Сталина. Они говорят, что Сталин сажал и расстреливал людей. Я задаю вопрос: «А сейчас разве не нужно сажать и расстреливать?» Молчат. Глаза опускают, вместе с головой. Потому что знают, что нужно!!! [...] Воров и бандитов — к расстрелу!!! Никакой пощады врагу! Я считаю, что за отмену смертной казни голосуют те, кто на своей собственной шкуре никогда не испытал подлость бандитов. Они говорят, что нельзя че-

ловека лишать жизни. А разве это люди??? Можно ли их назвать людьми? Эту поганую нелюдь нужно уничтожать. Зачем нужно пожизненное заключение? Я не хочу, чтобы они жили на земле!!! Не хочу дышать с ними одним воздухом! [...] Есть такие подонки, которых нужно убить. Это мой двоюродный брат. Живет с нами по соседству. Делает нам гадости. Моя мать знает, что он с детства занимается воровством и бандитизмом. И таких, как он, много в нашей округе. Я голоую обеими руками за ужесточение наказания. За убийство невинного человека — расстрел!!!³⁴⁷

Война в Чечне меня просто «достает». Я решительно против. Я уверена, что никакие государственные интересы, даже те, которые я просто не могу понять, не могут оправдать гибель русских и чеченцев. Я абсолютно мирный человек, но будь у меня возможность, то, не задумываясь, расстреляла бы и Грачева, и Дудаева, развязавших бойню!³⁴⁸

Игорь Маляров, человек, еще не вышедший из комсомольского возраста: Президент, конечно, алкоголик, и его, конечно, надо расстрелять, но управлять он пока в состоянии...³⁴⁹

За правду готов пойти под рострел.³⁵⁰

Если бы кого-нибудь расстреляли за «джинсовый» материал, то люди, присутствовавшие на экзекуции, подумали бы, стоит ли рисковать жизнью ради того, чтобы потом встать у стенки и получить 9 грамм свинца. Поскольку же никого не расстреляли, а наоборот, все видят, что «джинсовщики» ездят отдыхать на Канары и отдают детей учиться в Кембридж, то я уже об этом говорил.³⁵¹

Не случайно, что в эпоху снятия цензурных запретов доступность всех каналов массовой коммуникации для сильных выражений, или слов, не отделимых от насильственной смерти и агрессии, воспринимается многими как реальная, а не словесная угроза для всего общества. Причем, такое представление равномерно распределено в посюветские годы как по изданиям различных направлений — от официозных до экстремистских, от коммунистических до либеральных. Идеология расстрел обнаруживает свою силу дискурсивной ловушки и там, где она осознается носителями языка в качестве опасно весомого символа непереработанности прошлого опыта.

³⁴² Иван Устинович П-й (г. Москва). Письмо на «Радио Свобода» 14 апреля 1992. Бремен. Архив. Ф. 13.

³⁴³ И.П.Б-в (бывший летчик, г. Вологда). Письмо на «Радио Свобода» 5 марта 1993. Бремен. Архив. Ф. 13.

³⁴⁴ М.П.Ч-н (штурман, Тульская обл.). Письмо на «Радио Свобода» 17 марта 1993. Бремен. Архив. Ф. 13.

³⁴⁵ Ю.А.Ш-в (проф., доктор хим. наук, г. Москва). Письмо на «Радио Свобода» [1993]. Бремен, Архив. Ф. 13.

³⁴⁶ Мариэтта Чудакова. Кому не верить // Труд, 10 декабря 1993.

³⁴⁷ А. С-ва (г. Пятигорск Ставропольского края). Письмо на «Радио Свобода» 20 февраля 1994. Бремен. Архив. Ф. 13.

³⁴⁸ Елена Гликман (директор программы «Репортер» РТВ). Мой пацифизм все убывает // Московский комсомолец, 27 января 1995.

³⁴⁹ Цитатник // Столица, 12 февраля 1995. С. 40.

³⁵⁰ Андрей Иванович Г. (г. Смела). Письмо на «Радио Свобода» [зима 1994/1995]. Орфография оригинала. Бремен. Архив. Ф. 13.

³⁵¹ Кирилл Танаев. Интервью // Среда, 1995. № 4. С. 8–13; здесь: с.11.

Грубо, как у олигофренов, нарушена словесно-образная связь. За словом «беззаконие» нет образа, картины беззакония. А самое печальное — за словами «кровь», «расстрел», «убитые люди» тоже нет соответствующих образов. Какие там убитые люди?! — уничтоженный враг.³⁵²

Итак, хотя в контексте политической дискуссии слово из революционно-коммунистического прошлого, возможно, означает только высокую степень возбуждения пользователя, все же, по мнению автора, само состояние сознания общества внушает опасение. Воздействие сильных, или дразнящих слов и выражений осознается, но осознание это приводит к инстинктивному требованию запрета на слово — вместо выяснения побуждений и познавательных ожиданий носителя языка от такого словоупотребления.

Вообще, принимаясь за карты и цифры, все время надо держать в уме и вести какой-нибудь отчет: от, например, событий 21 августа или от расстрела Белого дома 4 октября [1993]. (Впрочем, система координат может быть выбрана политически произвольно, хоть от 7 ноября 1917). [...] Лично я бы слово «расстреливать», да и все производные от глагола «стрелять», на всякий случай, дабы не вызывать ненужных ассоциаций, на пару лет президентским указом исключил из словаря и обиходного лексикона.³⁵³

Присутствующая в речи идеологема не только нарушает самооценку носителя языка, когда ответственный сотрудник крупнейшей телекомпании объявляет о своей, «абсолютно мирного человека», готовности, «не задумываясь, расстрелять» кого-либо. Как знак справедливой реакции «мирного человека» идеологема подхватывается — теперь уже не в порядке эмоционального возгласа — либеральной и абсолютно свободной от цензуры газетой, сочувственно цитирующей это утверждение. Наконец, в окончательный дискурсивный тупик идеологема расстрела в варианте посадить и расстреливать заводит носителя языка, который прозревает бессилие сознания своих соотечественников сопротивляться вторичному идеологическому самовнушению, или, если воспользоваться свойственной русскому дискурсу метафорикой, политическому похмелью после опьянения революционно-коммунистическим воспитанием.

«Легендарный комкор» Лев Рохлин, стремясь захватить президентский дворец, уложил весь 255-й и часть 33-го Волгоградских полков; считай на круг — человек четырехста.

³⁵² Из письма двух московских незнакомок А. Синявскому // Синтаксис № 34. 1994. С. 210.

³⁵³ *Сергей Есин*. Отступление от романа, или В сезон засолки огурцов. Педагогические размышления [мемуары 1991–1993] // Наш современник. 1994. № 8. С. 178–179.

Тожe мне рейхстаг, понимаешь. Так вот, этих новостей-слоностей вполне достаточно, чтобы руководство минобороны отдать под трибунал, а кого-то и расстрелять. [...]

За глагол «расстрелять» в России, к сожалению, еще не сажают. [...] Дело в том, что во всяком цивилизованном обществе наказывать надо за некоторые слова и сказанные публично выражения: за слово «расстрелять», за выражения «сажать в газовые камеры», «убивать без суда и следствия».³⁵⁴

Почти гротескный призыв «сажать» за публично высказанный призыв «сажать и расстреливать» стилистически укладывается в русло стебной традиции, принятой, в том числе, и на радиостанции «Эхо Москвы». Семантика легитимности и нормальности мыслительного устройства посадить и расстрелять обнаруживается в проговорах:

Драма [суда над издателем газеты «Еще» Алексеем Костиным] время от времени оборачивалась буффонадой. «Где тут нас расстреливают?» — вскричал с порога запоздавший писатель Игорь Яркевич и прямо в зале суда принялся ставить автографы на своей новой скандальной книге «Как я занимался онанизмом».³⁵⁵

Значение высказывания И.Яркевича — ‘суд есть такое место, где приговаривают к расстрелу’ — при всей его преувеличительной несерьезности, является частью той же идеологемы, о которой говорит — теперь уже в самом буквальном смысле — председатель комиссии по помилованиям при президенте России Анатолий Приставкин:

Следователь из Иркутска по фамилии Китаев, кроме чувства удовлетворения, ничего не испытывает, послав на смерть сорок человек: «Мне, как стороннику жестких мер, совсем не кажется, что расстрел десяти-пятнадцати тысяч подонков повредит обществу». Это признание недавно на полной полосе напечатала популярнейшая центральная газета. [...] Если глашатаями нравственности становятся следователи и добровольные палачи, то чего же удивляться, что дикость такая породила другую дикость. И нет этому конца. Хотя вот вопрос: люди страдают от засилья организованных банд, от мафиозных структур, от наемных убийц. Выстрелы не смолкают на улицах Москвы. А казним мы все тех же «бытовушников». Ни одного мафиозника, ни одного «крестного отца» к нам на комиссию [по помилованиям] не попало. Подчеркиваю, ни одного за два года! Таким образом, мы расстреливаем людей самого низшего не защищенного класса, ко-

³⁵⁴ Эхо. 24 января 1995; 27 февраля 1995. С. 312–313. Печальная ирония судьбы или суровое предвидение Андрея Черкизова, но, согласно официальной версии, генерала Л. Рохлина застрелила из его именного оружия жена Тамара 10 июля 1998 года.

³⁵⁵ *Александр Щуплов*. Прокурор не любит писателей и издателей // Столица. 5 марта 1995. С. 17.

торых мы споили, развратили за 70 лет и довели до скотского состояния, не способных защищать себя юридически. Мы внушаем испуганному обывателю, что война с преступностью ведется, вот только стрелять надо побольше, и тогда будет хорошо. Но эта ложь опровергается новыми преступлениями, новыми разборками и заложниками, и нет этому конца.³⁵⁶

Последнее замечание А. Приставкина и дает искомое объяснение своеобразному слиянию обоих значений слова расстрел в ТКС в одно новое посоветское значение, представленное следующими пробами из дискурса 1990-х годов:

32-летний коммерсант из Владивостока, приехавший в Москву в командировку, и две неопознанные женщины были расстреляны в упор из пистолета «ТТ» и автомата. Как произошло убийство, пока не ясно.³⁵⁷

«Следствие пришло к мнению, что группа, расстрелявшая Перевощикова и его семью, хотела совершить убийство зятя замминистра Бориса Культашева, 1970 г. рождения, бывшего сотрудника ОМОНа и, как считают, профессионального киллера.³⁵⁸

Подпадая под второе значение, приведенное в ТКС («уничтожить беззащитную цель посредством многократной стрельбы по ней в условиях, гарантирующих попадание»), новорусское слово расстрелять, расстрел омонимически поглощает часть советской идеологемы: «совершающие вышеописанные убийства люди — профессиональные убийцы, киллеры или вальщики, выполняющие свою работу в том же правовом поле, где с 1917 года трудятся чекисты». Торжество идеологемы безотчетно осознается носителями языка как проблема, но внутри дискурса вырваться из-под нее они не могут.

³⁵⁶ Анатолий Приставкин. Хочу работать палачом // Апрель. Альманах. Выпуск восьмой. М., РИА «Юго-Запад». 1995. С. 5–8.

³⁵⁷ Расстреляли на отдыхе // Московский комсомолец, 5 января 1994.

³⁵⁸ Фарит Ахметов (народный судья). Нашумевший расстрел. От руки наемного убийцы погиб заместитель министра МВД Удмуртии [полковник милиции Н. А. Перевощиков, Ижевск, 9. 10. 1994]. Но он был случайной жертвой — охотились за его зятем, который жил в той же квартире // Литературная газета. 1 марта 1995.

§ 9. Идеологема-цитата: сталинизмы

Трудно с Сосо говорить: ты ему — цитату, он тебе — ссылку; ты ему — вывод, он тебе — заключение.

Приписывается Карлу Радеку

В статьях Советского Энциклопедического Словаря могут быть цитаты только из произведений классиков марксизма-ленинизма. Советский Энциклопедический Словарь. Методические указания для авторов и редакторов. М., «Советская Энциклопедия». 1975. С.114.

Сталинская цитата и её исторические особенности

Идеологему-цитату я предлагаю рассмотреть на материале сталинизмов. Абортированная десталинизация эпохи оттепели (1950–1960-е гг.) и ранней перестройки (1986–1987) принуждала носителей русского языка, с одной стороны, к осмысливанию историко-политических итогов деятельности Сталина, а с другой — личности диктатора, взятой в своеобразном патопсихологическом аспекте. Миновавшее десятилетие гласности и свободы слова ставит перед историком, в том числе — перед историком языка и литературы, — новую заманчивую задачу: рассмотреть присутствие Сталина в современном, послесталинском, носителе русского языка как в культурно-историческом типе. Интересующий нас фрагмент этой большой задачи касается закрепившихся в русском языке сталинских цитат.

Над поколениями советских людей после 1953 года был поставлен своеобразный эксперимент. В предельно сжатом изложении сталинская составляющая этого эксперимента выглядела следующим образом. Вскоре после смерти Сталина общество на длительный период должно было сделать вид, что оно забыло своё недавнее идеологическое прошлое. В одночасье прекратилось заучивание наизусть многочисленных, хотя и довольно однообразных сталинских текстов. Благодаря цензуре хрущевского и брежневского времени³⁵⁹ прежний (1920–1950-х гг.) повседневный опыт ингаляции сталинских речений, его голо-

³⁵⁹ Из соображений экономии места я не говорю здесь о попытках в брежневское время вернуться к некоторым ключевым «сталинизмам» как фигурам речи и к «сталинизму» как идеологии.

са, фигур мысли, манеры говорить, — всё это было изъято из печатно-визуально-го обращения и законсервировалось в устном обиходе. Подобное изъятие практиковалось, конечно, в советском обиходе и раньше (например, с Троцким), но только устранение Сталина из медийной среды второй половины советской эпохи поставило советских граждан в особое положение. Теперь, два поколения спустя после смерти Сталина, оно говорит о носителях русского языка нечто такое, что им самим не было, да и, как любил говорить товарищ Сталин, не могло быть видно прежде.³⁶⁰

В 1990-е годы поиск цитат в литературном тексте превратился в увлекательный спорт. В отличие от постмодернистской литературы, свободной от опасной для жизни политической тени, советская литературная жизнь (как писательская, так и читательская) протекала в условиях, когда одно неосторожно сказанное слово, неточно воспроизведенная или сознательно искаженная цитата, упоминание имени могли прекратить существование человеческого существа. Эпизод такого рода описан в романе А. Рыбакова «Дети Арбата», чьи герои, играя с цитатой-лозунгом ««Кадры решают всё». Сталин», доходят — путём перестановки единственного знака препинания — до крамольной формулы: «Кадры. Решает всё Сталин». С такими и подобными им цитатами мы и имеем дело, когда говорим о сталинизмах.

Формально сталинизмы ничем не отличаются от, например, цитат из Маяковского, или из культовых для нескольких поколений советских подростков книг Ильфа и Петрова, или, наконец, от паремий из популярных кинофильмов. Словесные формулы из наиболее авторитетных текстов составляют гипертекст, в котором выражения типа «У вас вся спина белая» (Ильф и Петров), «партия и Ленин — близнецы братья», «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо» (Маяковский) сосуществуют с фрагментами авторитетных неофициальных текстов, например, «рукописи не горят» (Булгаков), «Мы живём, под собою не чуя страны» (Мандельштам) и мн. др. Изюминкой сталинизмов в этом гипертексте является, по-видимому, то, что их невероятная авторская нагрузка 1930–1950-х годов была резко снята в последующие два десятилетия, так что для многих носителей языка новая, «оттепельная» запретность имени Сталина сошлась без паузы с прежним запретом на ошибку в цитировании «корифея языкознания». Поэтому в литературной полемике начала 1960-х годов клеймо «сталиниста» можно было легко заменить знакомой цитатой. Например, в ста-

³⁶⁰ Философский анализ невозможности такого синхронного осмысливания дается в романе-эссе: А. М. Пятигорский. Философия одного переулочка, или История еще не оконченной жизни одного русского философа. М., «Прогресс». 1992.

тье, посвящённой тогдашнему бунтарю Евгению Евтушенко, критики этого поэта объявляются «сталинистами» таким образом:

Как бы ни оценивать его [Евгения Евтушенко] лирику, нельзя не признать, что подобное выявление общественной активности заслуживает серьезного анализа. Ведь ничего похожего не наблюдалось у нас со времен Маяковского.

«Как можно сравнивать! — слышу я возмущенные голоса. — Маяковский был и остается... То есть нет, не так... Ну, скажем, Маяковский стал поэтическим выражением целого этапа в жизни советского общества...»³⁶¹

Сталинская паремия «Маяковский был и остаётся лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» используется здесь в своей традиционной советской функции опознавательного знака и скрытой угрозы.

Избавление от страха в первое послесталинское десятилетие, получившее от Анны Ахматовой наименование «вегетарианской эпохи»³⁶², привело, однако, к тому, что Сталин и его высказывания, внедренные в виде цитат и обрывков цитат в речевую ткань носителей русского языка, сохранили странную, кажущуюся по прошествии лет противоестественной, или «демонической», силу. Тень сардонической ухмылки лежит едва ли не на каждом случае цитирования. Пользование сталинизмом — это отсылка к так называемому *до боли знакомому* опыту. Вот как тридцать лет спустя вспоминает об этом опыте 1960-х годов современник:

Когда в 1967 г. «Вопросы литературы» напечатали нашу со Щегловым статью в дискуссии о кибернетике и литературоведении, Мельчук, услышав, что этому способствовал редактор отдела теории некто Ломинадзе³⁶³, вскричал: «Морально-политический урод?!» — «Почему? Он симпатичный дядька». Оказывается, в «Кратком курсе» есть упоминание о «морально-политических уродах типа Шацкина и Ломинадзе» (причем последний — отец нашего редактора). Забавно, что знакомство с Ломинадзе, приведшее к публикации, началось тоже с соответствующей цитаты. Обратиться к нему посоветовал В.В. Иванов, сказав: «Есть у них один чудесный грузин...»³⁶⁴

³⁶¹ Б. Рунин. Уроки одной поэтической биографии (заметки о лирике Евг. Евтушенко) // Вопросы литературы. 1963. № 2. С. 18.

³⁶² См. К. В. Душенко. Русские политические цитаты от Ленина до Горбачева. Что, кем и когда было сказано. М., «Юристъ». 1996. С. 25.

³⁶³ Серго Виссарионович Ломинадзе, сотрудник журнала «Вопросы литературы».

³⁶⁴ А. К. Жолковский. Инвенции. Сборник статей разных лет. М., «Гендальф». 1995. С. 165. «Чудесный грузин» — высказывание Ленина в письме Горькому о Сталине, вошедшее во все биографии последнего.

Коммуникативная функция сталинизмов не исчерпывается хохмачеством шестидесятников. Рассмотрим подробнее избранные фрагменты этого речевого опыта — вплоть до той стадии, на которой источник паремии уходит из памяти носителя языка.³⁶⁵

Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселей

Основой стахановского движения послужило прежде всего коренное улучшение материального положения рабочих. Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится.

Речь на первом всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 г.
И. Сталин (ИВС. Т.14. С.89).

Стоило очередному мероприятию вроде увеличения рабочего дня или введения закона о тюремном заключении за незначительное опоздание на работу и пр. обрушиться на советского гражданина, как последний иронически изрекал пресловутую фразу Сталина «Жить стало лучше, жить стало веселее...».³⁶⁶

14 апреля
Маяковский
покончил жизнь самоубийством.
А жить
становилось лучше,
жить становилось веселей,
поэтому смерть поэта
устраивала генсека.³⁶⁷
Водка — выпив водки, уместно сказать: «Жить стало лучше, жить стало веселее!»³⁶⁸

³⁶⁵ Часть сталинского цитатного фонда в современном русском языке вошла в упомянутый первый словарь политических цитат советского времени, подготовленный К. В. Душенко; в данной работе сноски на сталинизмы даются по собранию сочинений: *И. Сталин*. Сочинения. Т. 1–13. М., Госполитиздат. 1949–1952; т. 14–16. Ed. by Robert H. McNeal. The Hoover Institution on War, Revolution, and Peace. Stanford University. Stanford CA. 1967.

³⁶⁶ *Андрей, Татьяна Фесенко*. Русский язык при советах. Нью-Йорк, 1955. С. 39.

³⁶⁷ *Ян Сатуновский*. Рубленая проза. Сост., подг. текста и предисл. Вольфганга Казака. Мюнхен, 1994. С. 94 (26 ноября 1968).

³⁶⁸ *Владимир Лазарев, Ольга Туганова*. Круг понятий. М., «Гуманитарный фонд». 1994. С. 11.

Однажды ночью Рачия Сергеевич Манукян проснулся от каких-то странных звуков. Вышел из барака: на вершине сопки в голубом свете луны плясал, чудовищно подпрыгивая, восемнадцатилетний Курт, радостно смеясь и без конца повторяя: «Жить стало лучше, жить стало веселей!.. Жить стало лучше, жить стало веселей!..» Наутро его увезли в сумасшедший дом.³⁶⁹

Вот речь Андрея Колесникова [передача «Радио Свобода» 26. 7. 1994 «Человек и общество»] о современном катастрофизме. Сразу же вспоминается характерный голос: «Жыт стало лючче, жыт стало вэсэлэе, товарищи!» Сказано было большевикским людоедом сразу после того, как 10 млн человек в СССР (и среди них мой дед) подошли с голоду, а другие десятки миллионов отправились по лагерям.³⁷⁰

Истолкование начала 1990-х гг:

Жить стало лучше, жить стало веселей (советский лозунг 30-х гг.) — жить стало труднее, опаснее.³⁷¹

кадры решают всё (т. 14, с. 61–62)

Старый лозунг ⇩ «техника решает всё», являющийся отражением уже пройденного периода, когда у нас был голод в области техники, — должен быть заменен теперь новым лозунгом, лозунгом о том, что «кадры решают всё».³⁷²

В 1935-ом году, то есть на год позже меня, Поплавский закончил академию. Был участником «счастливого» выпуска — присутствовал при произнесении Сталиным его знаменитой речи «Кадры решают всё». Послушавши эту речь, он и попал с ходу в руки «кадров». Им заинтересовался отдел кадров. При том, конкретным вопросом, — не поляк ли он.

- Нет, — говорит Поплавский, — среди моих родственников поляков нет.
- А почему же у тебя фамилия кончается на «ий»?
- Я не знаю, дорогие товарищи, не знаю!

³⁶⁹ *Ирина Маевская*. Вольное поселение. М., «Возвращение». 1992. С. 44.

³⁷⁰ *Анатолий Ф. А-ь* (диссидент с 1963 года, г. Челябинск). Письмо на «Радио Свобода» от 26 июля 1994. Бремен. Архив. Ф. 13.

³⁷¹ *В. П. Белянин, И. А. Бутенко*. Живая речь. Словарь разговорных выражений. М., Изд-во ПАИМС. 1994. С. 59. В словаре не содержится ссылки на источник этого выражения.

³⁷² *И. Сталин*. Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 (ИВС. Т. 14. С. 61–62).

Но «дорогие товарищи» не верят «не помнящим своего происхождения». Поэтому «изучают» его дальше и дальше, но, не находя ничего подозрительного, «на всякий случай», увольняют из армии, без мотивировки. Ну, а раз из армии уволили, то партийная организация не может же допустить такого беспорядка, чтоб уволенный попал в гражданские условия с партийным билетом (армия не доверяет, а партия будет доверять?! Непорядок!). И его исключают из партии за сокрытие своего польского происхождения. Это увольнение и последующее за ним исключение из партии, очевидно, и спасли его. Как раз наиболее массовые аресты Поплавский пережил не в своей обычной среде, а там, где его не знали. К тому же, он был занят только тем, что добивался восстановления в партии. И добился, наконец. Партколлегия ЦК признала, что одного только «ий» на кончике фамилии недостаточно для того, чтобы быть поляком. Как минимум, надо хотя бы уметь говорить по-польски. И его восстановили. В партии. А так как это был уже 38-ой год, когда ряды командных кадров поредели настолько, что кое-где даже из тюрем выпускать стали, то Поплавского заодно и в армии восстановили. Согласились и с тем, что он не поляк, и что не шпион. Снова началась его нормальная служба. [...] Так бы и продолжать ему службу, но беспокойный «ий» снова вмешался.

После того, как Андерс увел свою армию, состоящую из настоящих поляков, в Иран, пришлось подбирать всяческие «ий». И Поплавский снова был признан поляком, но теперь уже вполне нашим — положительным поляком. И он был направлен в 1-ую польскую армию и там дослужился до генерала армии. Может, и до сих пор служил бы верой и правдой Народной Польше, но полякам почему-то пришла на ум та же самая мысль, которая приходила в свое время и Поплавскому, что одного только «ий» явно не достаточно, чтобы быть поляком. И таким «полякам», как Рокоссовский и Поплавский, пришлось прекратить свою «полезную» деятельность в Польше и вернуться в Россию, где они и жили до тех пор.³⁷³

Многим [после смерти Сталина] рисовались в мечтах «умные» секретари обкомов и честные руководители ведомств, готовые прислушаться к голосу общественной критики. Сталинское «кадры решают все» оставалось узловым положением ортодоксальных мечтателей.³⁷⁴

«Кадры решают все». Помните, читали мы такие лозунги на каждом углу? Лозунги сняли. Но кадры остались, и решают они если не все, то положенное им по службе во всяком случае. [...] В СИЗО все держится на опытных работниках, составляющих костяк офицерского и контролерского корпуса.³⁷⁵

Лозунг «Кадры решают все» при любой политической системе остается в силе, но наибольшую актуальность он приобретает в условиях широкомасштабного реформирования.³⁷⁶

— *Вы согласны, что в рекламе кадры решают все?*

[Татьяна Петрова, консультант московской компании «Глобал Нэт»:]

— Во многих случаях да. [...] Кадры решают и будут решать если не все, то очень многое, как бы мы ни относились к автору крылатой фразы.³⁷⁷

«Кадры решают все», говорили когда-то большевики. То же самое, хотя и другими словами, повторяют предприниматели.³⁷⁸

братья и сёстры! (т. 15, с. 1)

Товарищи! Граждане! Братья и сёстры!

Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!³⁷⁹

Глубокоуважаемые отцы! Братья и сестры! [...] Содеянное Б. Н. Ельциным чудовищное попрание конституционных прав народов России в день Рождества Пресвятой Богородицы убедительно доказывает его лицемерное отношение к духовному возрождению Отечества.³⁸⁰

Братья и сестры студенты! Протестуйте против удушения сельского хозяйства правящим режимом!³⁸¹

Сходить на кухню, хлопнуть стопку спирта,

запить ситро и нехотя вернуться

к компьютеру. Сколь символично, братья

и сестры, что значочки на экране

в отличие от пушкинских, допустим,

³⁷⁶ *Ирина Андреева.* «Кадры решают все». Но только информированные // Московские новости. 1994. № 14В. С. 7.

³⁷⁷ *Влад Васюхин.* Кто продаст ожидания. Западные агентства заинтересованы в российских мозгах // Сегодня. 11 ноября 1995.

³⁷⁸ *Юрий Лужков.* Мы дети твои, Москва. М., «Вагриус». 1996. С. 154.

³⁷⁹ *Сталин.* Первое с начала войны обращение по радио к советскому народу в июле 1941 г.

³⁸⁰ *А.В. Руцкой.* Настоятелям и прихожанам православных храмов Москвы // Листовки Белого дома. С. 219.

³⁸¹ «Студенческая защита». Выплюнь «сникерс»! // Студенческая защита. Бумбараш 2017. Еженедельный московский выпуск. № 2. Апрель 1995.

³⁷³ *Григоренко* 1981. С. 282–283.

³⁷⁴ *Самойлов.* С. 344.

³⁷⁵ *Н. Иванова.* «Казенный» дом в Череповце // Преступление и Наказание. 1994. № 2. С. 24–27.

гораздо меньше связаны с материальным и пошлым миром [...]»³⁸²

Итак, вне зависимости как от политического устройства страны, так и от конъюнктуры, сталинская паремия сохраняет свою высокую руководящую силу, или, как сказали бы лингвисты, директивную валентность. Несмотря на то, что в одном случае она используется как старое, но верное оружие (экзальтированный оппозиционер Александр Рудкой и его товарищ по идеологии из «Студенческой защиты»), а в другом — как стилистическая метка минувшего (ироничный Бахыт Кенжеев), носители языка обращаются к одному источнику и хорошо поняли бы друг друга в прямом диалоге. Восстановление в памяти и переосмысление сталинского обращения к нации остаются в 1990-е годы формой преодоления прошлого, гомеопатической междуусобицей носителей языка:

Третьего июля Сталин по радио обратился к народу: «Братья и сестры...»

Василий Васильевич не без злорадства заметил:

— Напугалась-таки девчонка («Девчонка», или «усатая девчонка») было законспирированное название «вождя народов»). — Напугалась... Сразу стали мы и «братья» и «сестры»... Воду пить стал — зубы о стакан застучали!...³⁸³

Когда Сталин готовил текст своего знаменитого обращения по радио к народу 3 июля 1941 года, он последовательно и точно вспоминал монолог Алексея Турбина на лестнице в гимназии перед смятенными юнкерами несуществующего дивизиона.

Сталин использовал фразеологию и интонацию полковника Турбина, и Россия услышала голос вождя: «К вам обращаюсь я, друзья мои!»³⁸⁴

Фонд сталинских паремий насчитывает десятки единиц, из которых наибольший интерес представляют такие, что закрепили у носителей языка фигуры мысли, давно оставившей свою первоначальную оболочку и готовой принять любую другую, но надеваемую на сталинский каркас. Это движение можно рассмотреть на примере известного высказывания Сталина о сказке Максима Горького «Девушка и смерть» — надписи на титульном листе, растиражированной в миллионах экземпляров и непосредственно знакомой каждому советскому

школьнику, выросшему до 1960-х годов, а опосредованно перешедшей в качестве общего достояния и к следующим поколениям.

Эта штука посильнее, чем «Фауст» Гёте: любовь побеждает смерть

Фраза Сталина превратилась для образованных носителей русского языка в чертика из табакерки. Чёртик выскакивает при попадании в поле зрения говорящего любого слова, включенного в исходную цитату, а иногда даже фрагмента слова, просто в силу неконтролируемого сцепления ассоциаций. До начала 1990-х годов недержание цитаты контролировалось если и не издательско-редакторской цензурой, то авторской самоцензурой. Такого рода цитаты и их разнообразные шуточные искажения оставались целиком в изустном обиходе. Вот свидетельство И. Д. Гликмана, друга Д. Д. Шостаковича:

В 30-х годах у Шостаковича прямо-таки чесались руки, чтобы омузыкалить в пародийном плане ненавистные ему высказывания, лозунги и сентенции Сталина, которые бесконечно цитировались, заучивались наизусть «прогрессивными» людьми страны. Такое намерение Дмитрий Дмитриевич осуществил лишь много лет спустя, создав свой сатирический «Раёк». Разговоры с Шостаковичем на эту в высшей степени крамольную тему натолкнули меня на мысль сочинить по мере своих очень скромных сил цикл пародийных песен. [...] Песни эти, во избежание непоправимой беды, конечно, сохранялись в глубокой тайне и не доверялись бумаге, но они были известны узкому кругу моих друзей и в первую очередь Шостаковичу, любившему напевать их в сопровождении рояля. [...]

Историческое высказывание о сказке Максима Горького

Эта штука, эта штука, эта штука сильнее,

Чем гётевский «Фауст»:

Любовь тут побеждает смерть.

Любовь тут побеждает смерть.

Любовь тут побеждает смерть.

Тексты песен и музыка И. Д. Гликмана.³⁸⁵

В 1990-е свобода письменного слова выпустила этого джинна во всех его исторических лохмотьях.

Мы читаем воспоминания Симонова о Сталине, и нам хочется воскликнуть: «Эта штука посильнее, чем «Разговоры с Гёте» Эккермана».³⁸⁶

³⁸² Бахыт Кенжеев. Сочинитель звезд. СПб, «Пушкинский фонд». 1997. С. 36.

³⁸³ Н. Н. Ватолина. наброски по памяти. М., Литературно-художественное агентство «Тоза». 1992. С. 177.

³⁸⁴ Анатолий Гончаров. Мастер и вождь // Молодая гвардия. 1996. № 7. С. 258–265, здесь: с. 258.

³⁸⁵ Шостакович. 1942. С. 52, 314.

³⁸⁶ Леонид Баткин. Сон разума // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 13.

Политический театр абсурда России посильнее будет, чем эстетические потуги Чехова, Беккета, Ионеско вместе взятые.

Эхо. 12 декабря 1994.

В. Д. Столбун не простая штучка. Сталин бы про него сказал, что эта штучка посильнее гетевского Фауста. Почему? Да потому, что он, по-моему, суперпедагог и невероятной квалификации психолог.

Эдуард Успенский. Охота на Столбуна. Кто преследует психолога и педагога? // Огонек 1994. № 37–39. С. 36.

И я остался с пультом управления.
И я нажал на кнопку рефлекторно.
И вот увидел все, что заслужил
всей трудной жизнью, годами исканий...
То есть узрел совсем другое трио:
три силовых министра в камуфляже
предстали, откровенно брифингуя,
в посудной лавке бывшего Союза...
Я здесь фамилий их не изменяю
(а где министр спорта без ракетки?) —
да, потрясенье — штука посильнее,
чем «Девушка и смерть»... Мой телевизор
Сработал хорошо на поражение
всех сил моих душевных, прогрессивных.

Владимир Вишневский. Новый год в Вишневском саду. Текст стихотворения // МК 4. 2. 1995.

Наконец, один из последних по времени случаев цитирования сталинской паремии взят из русского интернета, где начинается следующий виток жизни сталинизмов в русском дискурсе.

Граждане, приславшие три самые крутые на наш взгляд телеги или статьи о группе «Чердак офицера», будут поощрены наградами в виде кассет с редкостными по мерзости бутлегами «Чердака». Телеги:

«Голос изнутри»

«Отдайте им их всё»

«Это будет подлиннее фаллоса Петел!»

Телега из сайта ЧЕРДАК ОФИЦЕРА [1997]

<http://www.rema.ru/komment/vadvad/cherdak/cherdak.htm>

Итак, ‘малозначительное Б посильнее, чем значительное А’. Это высказывание задаёт общеобязательный режим сравнения, имеющий прочную логико-философскую окраску и структуру. Здесь есть (а) безошибочный судья — вечный авторитет, унесший в могилу загадку своей безграничной власти над людьми, (б) обязательное умаление великого и есть (в) суждение, предлагаемое в качестве аксиомы собеседнику (г), разделяющему взгляды и имеющему общий с автором высказывания опыт.³⁸⁷

Сталинская цитата привлекается и в порядке, навязываемом содержанием того или иного пассажа или поворота мысли, и в порядке настоящей эхололии, или, учитывая печатный характер высказывания, — в порядке приступа графомании. Давление сталинских цитат могло быть непереносимым для наиболее чутких современников. Именно отсюда — пародийная песня И. Д. Гликмана, сочиненная в 1930-х годах. К 1970–1980-м гг. такой подход стал топосом соцарта и концептуализма (в широком диапазоне от Комара и Меламида до Д. А. Пригова и Тимура Кибирова).

Содержательно-бессодержательная вибрация сталинской цитаты в прежние годы сопровождала звучание самого имени Сталина в ушах и на устах носителей языка. Таковы и случаи невольного паронимического сбоя, приводящие носителей языка в тюрьму за невольно возникающие каламбуры. Так попал в тюрьму студент, сказавший, что он «учится в институте стали и лени», имея в виду московский институт стали и сплавов. По свидетельству рассказавшего мне эту историю литератора Григория Марковича Литинского, в намерения студента каламбур не входил, это был настоящий ляпсус, вызванный коротким замыканием по меньшей мере двух набивших оскомину цитат:

«Учиться, учиться и учиться». *Ленин.*

«Сталин — это Ленин сегодня».

Произнеся первые слова — я учусь в *институте стали*, — носитель языка спровоцировал сам себя, — постоянно пребывающего в напряжении из-за общего чувства цитатной вины, — на невольную шутку, вероятно, и воспринятую со-

³⁸⁷ Ср. следы сталинской паремии в воспоминаниях помощника М. Горбачева о впечатлениях последнего от чтения Солженицына:

«Он [М. С. Горбачев] меня остановил.

— Ты читал «Ленина в Цюрихе» Солженицына?

— Нет. (Книга была еще тогда в «гамиздате».)

— А я вот прочел. Сильнейшая штука. Злобная, но талантливая»

(*Черняев.* 1993. С. 277).

беседницей-доносчицей как заранее заготовленная хохма. С проблемой цитатной вины перед товарищем Сталиным связано и приведенное свежее цитатное искажение из рунета, объявляющее некое произведение под названием «Чердак офицера» предметом «подлиннее фаллоса Гёте». В литературе о сталинском наследии ключевая тема обшечности Сталина обсуждается всё ещё очень осторожно, будучи целиком спущенной по ведомству Лаврентия Берии.³⁸⁸

Матерное содержание сталинизма и вообще неограниченной и грубо отправляемой власти проявляется и в том, что власть эта предписывала носителям языка доводить овладение цитатой до усвоения самого её устройства в качестве инструмента для построения собсивенных мыслей. Именно таковы структурные сталинизмы.

Факты упрямая вещь.

Это, товарищи, печально, но это факт.

Невероятно, но факт.

Глупо, о факт.

Это тяжело признать, но это факт.

Сознание, товарищи, несколько отстаёт от фактов.³⁸⁹

Логика вещей сильнее всякой иной логики.

Логика вещей сильнее логики человеческих намерений.

Логика обязывает.³⁹⁰

Некоторые товарищи думают... Эти товарищи ошибаются.

Некоторые товарищи... Это неверно, товарищи...³⁹¹

Нет ничего удивительного в том, что миллионы людей, усвоив в медийной среде сталинской эпохи индивидуальные особенности речи одного-единственного человека, потом одарили этими, теперь уже своими, интериоризированными индивидуально-массовыми речевыми предпочтениями следующее поколение, так сказать, ни в чём не повинных носителей языка.

Имеются, однако, и случаи осторожной охоты на живую и не предназначенную для широких масс трудящихся цитату с целью извлечения из нее максимальной политической выгоды. Во всех обсужденных выше примерах сталинизмов

³⁸⁸ Подробнее об этом см. в Главе III, § 5.

³⁸⁹ *ИВС*. Т. 36. С. 281; Т. 11. С. 318; Т. 7. С. 331; Т. 8. С. 130; Т. 12. С. 232, 343. Возможно, немецкое слово *Fakt* вместо *Faktum*, воспринимаемое некоторыми в Германии как 'гэдээровская идеологема', есть продукт перевода с русского на немецкий именно сталинского «факта».

³⁹⁰ *ИВС*. Т. 4. С. 140; Т. 10. С. 213; Т. 12. С. 175.

³⁹¹ *ИВС*. Т. 12. С. 10; Т. 12. С. 109, 372 и др.

мы имели дело в основном с публичными высказываниями Сталина, предназначенными как раз для омассовления и внедрения их в повседневный речевой обиход. Другое дело — интимная, семейная сталинская речь.

Воспоминания дочери Сталина Светланы Аллилуевой дают живое описание зачастую неожиданных сторон сталинского к ней отношения.

«Целую мою хозяйшку». 22.7.1939; «Здравствуй, моя хозяйшка!» 8.8.1939. Отец подписывался во всех письмах ко мне одинаково: «Секретаришка Сетанки-хозяйки бедняк И. Сталин». Надо объяснить, что это была игра, выдуманная отцом. Он именовал меня «хозяйкой», а себя самого и всех своих товарище, бывавших у нас в доме почти ежедневно, — моими «секретарями» или «секретаришками». Не знаю, развелкала ли эта игра остальных, но отец развлекался ею вплоть до самой войны. В тон его юмору я писала ему «приказы» наподобие следующих (форма их тоже была выдумана отцом): «21 октября 1934 г. Тов. И. В. Сталину, секретарю № 1. Приказ № 4. Приказываю тебе взять меня с собой. Подпись: Сетанка-хозяйка. Подпись секретаря № 1: Покоряюсь. И. Сталин». Очевидно, дело касалось того, что меня не брали в кино или в театр, а я просила.³⁹²

Приведу теперь фрагмент из законченного в 1937 году романа Федора Панферова «Бруски».

На следующий день к обеду Аннушка ввела Кирилла Ждаркина [главного положительного героя этого хрестоматийного романа] в квартиру.

— Кирилка, я тебе потомство или нет?

— Что это ты такое, хозяйшка? Конечно, потомство. А кто ж? Ты мне потомство, а я твой секретаришка. Приказывай нам, что ты хочешь.

Аннушка захлопала в ладоши и со всего разбегу несколько раз перекувырнулась на ковре. Затем поднялась и серьезно произнесла:

— Кино. Но чтоб и мама видела, и все...³⁹³

В своё время Максим Горький, автор «штуки посильнее, чем «Фауст» Гёте», в странном литературном доносе, написанном в форме «открытого письма А. Серафимовичу», ополчился против Фёдора Панфёрова за натурализм первых книг «Брусков». 28 января 1935 года Панфёров ответил Горькому собственным «открытым письмом», в котором среди прочего замечал:

³⁹² *Светлана Аллилуева*. Двадцать писем к другу. New York and Evanston, Harper & Row. 1967. С. 143.

³⁹³ *Фёдор Панфёров*. Бруски. Книга третья и четвертая. М., «Советский писатель». 1949. С. 411.

Матерный пласт идеологического языка

«Мысль товарища Сталина о том, что кадры надо выращивать с такой же любовью, с какой садовник выращивает плодородное дерево»³⁹⁴. Вскоре после начала дискуссии Горький умер, Панфёров же неуклонно шёл к своему месту на советском литературном Олимпе. Трудно сказать, насколько помогла ему удачно инкрустированная цитата. Важно, что ожидания Панферова в связи с возможным узнаванием Сталиным фрагмента собственной личной жизни в советском колхозно-эротическом бестселлере были вполне серьёзны. Сталинская премия стала желанной наградой.

Другое дело Горький. Главный советский писатель хорошо знал, да и не мог не знать, что сталинская надпись на титуле его, Горького, произведения была не чем иным, как пародией на неосторожное высказывание самого Горького, написавшего о четверостишии В. А. Жуковского: «Это — выше Гёте».³⁹⁵ У Гёте смерть одержала победу над любовью, слова Сталина («любовь побеждает смерть») можно толковать двояко. Так и по отношению к богатому фонду изустных сталинизмов — общему достоянию носителей языка — участники дискуссии делятся на тех, кто узнает в цитатах ожившее прошлое, кто ужасается или радуется парадоксальному цветению исторической подоплеки, и на тех, кто видит в этих выражениях языковой *факт*, совсем ничего или мало говорящий о содержании новой русской общественной жизни. Бесспорным остаётся одно: цитата последнего живого классика марксизма-ленинизма — от «секретаришки» до «фаллоса Гёте» — сопровождала носителей русского языка весь советский век и бурно подошла к рубежу XXI века.

Подводя итоги беглому обзору сталинизмов различных типов в русском дискурсе, можно заметить омоложение советской старины в условиях новой для советской России бесцензурности. Живучесть сталинизма — неотменимого элемента этой старины — объясняется, по-видимому, не только хорошей сохранностью в устном обиходе в условиях временного цензурного притеснения в печати второй половины 1950-х — первой половины 1970-х гг., но и имманентными свойствами сталинской риторики, вновь всплывшей в сознании старшего поколения советской интеллигенции (в том числе шестидесятников) в эпоху перестройки.

§ 1. Мат — теневая генералия официальной идеологии

В канонических идеологических текстах советского времени мы не найдем указаний на то, что мат — такая же генералия официальной советской идеологии, как лозунг коммунистического манифеста «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» или как одно из тех «выработанных человечеством богатств», «знания» которых требовал от каждого коммуниста В. И. Ленин.³⁹⁶

Более того, можно утверждать, что на официальной поверхности советской идеологической речи всегда присутствовало требование «повышения культурности», или «культурного уровня».

Вот почему, даже если ничего не знать о существовании матерного языка или полагать, что он представлял собою в советское время едва заметное маргинальное явление, никак не соотносимое с разросшимся языком идеологии, даже и в этом случае наблюдатель вынужден был бы отметить, что конец советской эпохи сопровождался всплыванием на поверхность общественной жизни мата, вторжением его на страницы самых разнообразных изданий, движением по всем каналам СМИ и живейшим обсуждением данного факта общественностью.³⁹⁷

«Гласность наша имеет общую природу с матом»³⁹⁸.

³⁹⁶ «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» (Речь на Третьем съезде комсомола. 2 Мая 1920).

³⁹⁷ См., например: *Л. Радзиховский*. Новейшие русские страхи // *Огонёк*. 1992. № 44–46. С. 5. Характерно, что автор статьи тут же признает, что «ругаться матом — это дурной тон современной журналистики».

³⁹⁸ *Андрей Битов*. Барак и барокко (Барков и мы). Предисловие // *Иван Барков*. Девичья игрушка. СПб., 1992. С. 188.

³⁹⁴ Цит. по: *Е. Ц. Чуковская*. Комментарии // *Корней Чуковский*. Дневник 1930–1969. М., «Современный писатель». 1995. С. 482–883.

³⁹⁵ Русская поэзия 19 века. М., Гослитиздат [Библиотека всемирной литературы]. 1970. С. 631–632.

Сопrotивление мату было во время перестройки знаком сопротивления са-мой гласности.³⁹⁹

В сознании многих миллионов современников конец эпохи совпал с двумя публичными матерными высказываниями из высочайших уст Михаил Горбачев 21.08.1991 назвал членов ГКЧП «мудаками» и рассказал по ТВ, как в Форосе «он послал их куда русские люди посылают». На протяжении всего 1992 года слова Горбачева «Ну что, доигрались, мудаки?» переадресуются другим деятелям российской политики, становятся motto политических обзоров. В дни августовского путча 1991 г. виолончелист и дирижер Мстислав Ростропович, прилетевший в Москву на защиту Белого дома, в интервью радио «Свобода» (ставшего тогда одним из главных источников информации для десятков миллионов людей по всей стране) повторил свой ответ на вопрос пограничника в Шереметьево, не на конгресс ли соотечественников он приехал, — «да ебал я этот конгресс!».⁴⁰⁰

Это были немислимые (разумеется, немислимые — только в отношении публичности) — по старорусским и советским меркам — высказывания. Но слово было мгновенно пропечатано ударными перестроечными газетами — Коммерсантомъ и Независимой — на первой полосе.⁴⁰¹ Появившийся вскоре в продаже 11 номер «Литературного обозрения» с главными сочинениями матерной русской поэзии⁴⁰² и популярный русский философ, обозреватель радио «Свобода»

³⁹⁹ «В последние годы стало посвободнее с допуском мата в нашу печать, а впрочем, и сейчас это происходит не без трудностей, небесконфликтно и небесскандально. В одном случае дело чуть не дошло до суда — после того как рижский информационный бюллетень «Атмода» опубликовал (1989 г.) стихи московского поэта Тимура Кибирова. Вот вам сразу и Гутенберг, и мат, и о России:

Это всё моё, родное

Это всё хуё-моё!

То разгулье удалое,

То колючее жнивье,

То березка, то рябина,

То река, а то ЦК,

То зэка, то хер с полтиной,

То сердечная тоска!

Посерьезневший мат, чуждый какой бы то ни было «клубничке», звучит здесь как горьковатый упрек русской советской действительности.» (*Илюшин*. 1991. С. 14).

⁴⁰⁰ См., например, *Р. И. Розина, И. И. Сандомирская*. Переворот в текстах // *А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич*. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре). М., Изд-во «Знание». 1991. С. 63.

⁴⁰¹ *Леонид Ионин*. Разговор со слабослышащим. Какая политика, такая и лексика. Приличных слов уже не хватает // *Новое время*. 1991. № 41. С. 48.

⁴⁰² Впрочем, здесь матерный язык все еще предлагается рассматривать как «эротический жаргон». Поскольку как феномен эротика, так и феномен матерного языка относились к обширной области прежде запретного, то и приписывание, например, эротической и скабрезной поэзии к одному жанру не всем показалось тогда нелепым. Один из авторов специального выпуска журнала замечает: «По моему глубокому убеждению, эротика и употребление «непристойных», «нецензу-

Борис Парамонов, объявивший по радио и в Независимой газете «пиздец социализму»⁴⁰³, довершили дело «освобождения подсознания русской культуры от отягощающего ее бремени»⁴⁰⁴: матерный пласт русского языка начал публично сливаться с официальной нормой. Вот как — под рубрикой «Наболевшее» — откликается на это патриотическая газета:

Читатель наш неискушенный, у которого еще жива привычка верить печатному слову, видит воплощенную в книге брань и непотребщину и воспринимает их уже как литературный языковой обиход!⁴⁰⁵

Но об этой же «привычке верить печатному слову» за два года до автора «Литературной России» несколько иначе высказывался главный редактор самиздатского рок-журнала из Ижевска:

Силен страх русского народа перед печатным словом. Социологи упорно не рассекречивают данные, что в мозгу этого ёбаного народа слово «хуй» на печатной бумаге кажется в два раза длиннее и толще, чем на стенке лифта или заборе.⁴⁰⁶

Требования свободы совпали с требованием расстаться с морализаторским отношением к языку в той точке, где официальные требования идеологии совпадали с национальной традицией культурного лицемерия, или отграничения высокого и низкого.

До тех пор, пока повсеместно в литературных журналах табу на мат не будет последовательно преодолено, повседневная жизнь во всей ее сложности будет по-прежнему подвергаться лакировке.⁴⁰⁷

Другие увидели в этом же освобождении от перегородок

промискуитет, неразличение добра и зла.⁴⁰⁸

ных» слов в речи автора или персонажей относятся к разным, хотя и соприкасающимся областям» (*Н. А. Богомолов*. «Мы — два грозой зажженные ствола». Эротика в русской поэзии — от символистов до обэриутов // *Литературное обозрение*. 1991. № 11. С. 56).

⁴⁰³ 10 сентября 1991.

⁴⁰⁴ *Зорин*. 1991. С. 21.

⁴⁰⁵ *Татьяна Миронова*. Плач по русскому языку // *Литературная Россия*. 19 февраля 1993.

⁴⁰⁶ ПО ЕБЛУ [Печатный Орган Единого Блока Левых Удмуртов]. Ижевск. 1991. № 5Б. С. 6.

⁴⁰⁷ *Н. Конди, В. Падунов*. Макулакультура или вторичная переработка культуры? // *Вопросы литературы*. 1991. № 1. С. 114.

⁴⁰⁸ *Николай Компелёв*. Не напяливайте черных чулок, г-н профессор. Советы правого // *Независимая газета*. 2 апреля 1992.

Очевидно, что анализ русского дискурса совершенно немыслим без обращения к матерному языку — и как к одному из компонентов построения дискурса, и как к методу развертывания ключевых суждений.

§ 2. *Круги пользователей матерного языка:*
партийно-государственная элита; военные и блатные;
интеллигенция и «простой человек»

Матерщина присутствовала в советском идеологическом языке в двух или, по другому счету, в трех основных формах.

Во-первых, это приемлемый внутренний эмоциональный жаргон партийно-государственной элиты; здесь обценный язык существует в своей традиционной, или дореволюционной, российской функции, описание которой применительно к средним и низшим слоям общества мы находим у Пушкина, Достоевского, Толстого или Горького, которые, впрочем, не только описывали матерную речь или цитировали других; некоторые из них и сами были деятельными или искусными матерщинниками, как Пушкин и Некрасов, Чехов и Горький.⁴⁰⁹ Традиция эта — вместе с гражданской несвободой — перекечвала и в советское время.

Мат — выражение своих гражданских чувств. И своего слабодушия. Непристойные слова уместно употреблять в высшем обществе.⁴¹⁰

Можно предположить, что неупотребление сквернословия выделяло человека из микрогруппового сквернословного стандарта, а не наоборот.⁴¹¹

⁴⁰⁹ «Помню, однажды Н. А. Орлов показал письмо Максима Горького, которого он знал и которому на отзыв послал «Диктатора» [утраченный роман, написанный в 1920-х гг.]. Горький писал не обескураживающе, но без восторга, советовал кое-что переработать, но вот «эротика» в «Диктаторе» вызвала его грубый отклик: «уж если писать «эротика», надо писать ее так, чтобы ... до Полярной Звезды, а если этого нет, и писать не надо» (буквальная цитата из письма М. Горького, два слова из-за нецензурности заменяю точками, Р. Г.). По-босаяцки выразился Алексей Максимович, ничего не скажешь, но, увы, верно!» (*Роман Гуль*. Я унес Россию. Нью-Йорк, Изд-во «Мост». 1981. С. 304–305).

⁴¹⁰ *Лазарев, Туганова*. С. 38, 41.

⁴¹¹ Ср., например, фронтное письмо А. Туркова (28 июня 1944). «Мне пришлось облазить лагерь для военнопленных. Это меня очень сильно потрясло. [...] Если бы я ругался матом, то я бы построил небоскреб из всякого рода словосочетаний. За неимением этого, просто говорю: сволочи! Кто меня помнит, тот знает, что это мое самое страшное ругательство» (*К.Я. Ваншенкин, Е.Ю. Сидоров, А. М. Турков* (составители). Воспоминания о Литинституте. 1933–1983. М., «Советский писатель». 1983. С. 168).

В кратчайшей формуле матерщина сводится к богохульничеству и плебейскому ёрничеству, преобразуемому в микрогрупповую игру. Заповедниками и очагами распространения матерного языка остаются места скопления подневольных людей. В производственно-криминальном романе 1990-х гг. читаем:

За год работы в шахте [маркшейдером] Анфертьев ни разу не повысил голос, не отдал ни одного приказа, никого не послал по матушке, что уже само по себе ставило его в положение почти безнадежное. [...]

— Ты полагаешь, что мат — это главный производственный фактор? [...]

Начальник шахты как-то боком отошёл [...].⁴¹²

Подневольность стóит понимать широко. Согласно наблюдениям некоторых авторов, «чем выше был круг общения (академики, писатели), тем больше мата слышалось на их интеллигентских кухнях».⁴¹³ Широко известно, что на всех уровнях партийно-государственной иерархии мат обозначал своеобразное понимание товарищеских отношений и «мудрого руководства».⁴¹⁴ И наоборот, «в тюрьме и лагере, — согласно другому авторитетному свидетельству, — матом ругаются гораздо реже, чем на воле».⁴¹⁵

Имеются и другие свидетельства, согласно которым мат в зоне существовал на двух горизонтах общения: в нейтральном значении междометия, речевой смазки с выхолощенным содержанием, и в буквальном физиологическом значении:

Конечно, это [речь девочек-заключенных] был сплошной мат; казалось, что они других слов не знают вообще. «Махорку спиздили» — это просто термин, равноправный с «украли»⁴¹⁶. Мат слышался со всех сторон, на всех уровнях: и под потолком, и посередине, и с пола доносились те же выражения. Они так естественно звучали в «невинных детских устах», что я почти перестала их замечать, переключилась на этот язык. Но когда в камере вспыхивали ссоры (а они неизбежно и внезапно возникают в любой уголовной камере — здесь, в «детской», чаще и яростнее, чем во взрослых) — когда вспыхивали ссоры, матерные слова использовались в своей основной функции, т.е. как брань. И нигде, никогда, даже в перебранке уголовников-мужчин

⁴¹² *Пронин*. 1997. С. 10, 12, 83.

⁴¹³ *Виктор Кривулин*. «Великий и могучий». Свободный ли? О запретном в языке // *Столица*. 1992. № 27(85). С. 48.

⁴¹⁴ См., например: *Ю. Борев*. Сталиниада. Рига. 1990. С. 225, 296.

⁴¹⁵ *В. Ф. Абрамкин, Ю. В. Рыжов*. Как выжить в советской тюрьме. Красноярск, Агентство «Восток». 1992. С. 108.

⁴¹⁶ Впрочем, объясняя (например — иностранцам) семантическую разницу между «украли» и «спиздили», приходится уточнять, что последний глагол включает смешанный концепт 'сильной досады, вызванной безвозвратностью кражи, и диффузную брань по адресу невыявляемого вора'.

с конвоем, я не слышала такой грязной, такой омерзительной ругани. Девочки в минуты откровенности рассказывали, видно, в камере всю свою подноготную — и вот эти знания шли в ход, бранные слова в конкретном контексте возрождались в своем первоначальном, так сказать, словарном значении, каждое выражение становилось картиной: кто, когда, где, кого и каким способом. Это было ужасно слышать.⁴¹⁷

Неприменение мата в зоне может объясняться как наличием других речевых средств (переименованным нормативным словарем и обилием локальных жаргонов), так и парадоксальным на первый взгляд преследованием за мат со стороны начальства, узурпировавшего право исключительного распоряжения этим языком. На возможность такого истолкования указывают наблюдения Ларисы Богораз:

Лида сплетничала про подругу: «Вы с ней, тетя Лариса, не разговаривайте, она вредная. Она в СВП была, на меня 40 браней записала», — это значит, что девочка была лагерной активисткой, доносицей, записывала, кто сколько раз выругается матом. Лида, со своим ангельским личиком, материлась через каждое слово.⁴¹⁸

Во-вторых, это был прежде и есть по-прежнему специфический простонародный жаргон, широкое хождение которого традиционно объяснялось унынием и тяготами рабской народной жизни.⁴¹⁹ Изюминка матерного словоупотребления в советское время состояла в семантической пустоте, тем легче отмечаемой, чем шире становилось поле применения жаргона.

Матерную ругань или матерные слова, бессмысленно вставляемые в фразы, у нас слышно ежедневно и ежечасно в любом месте. Эти слова, как правило, употребляются не в споре, что имело бы какое-то оправдание, а в обычном разговоре между друзьями и знакомыми, мирно беседующими, идя по улице.⁴²⁰

⁴¹⁷ Богораз. 1986. С. 130.

⁴¹⁸ Богораз. 1986. С. 128.

⁴¹⁹ Не углубляясь в социально-историческое прошлое русского мата, приведу пример того, как понимался этот горизонт языка полтора столетия назад: «Неподражаемая русская брань, самая закатиная и с такими невообразимыми вариациями, что, кажется, услышав ее в первый раз, поняли бы и самые бесстыдные уши, сыплется на почтовом дворе свободно, с треском, как крупный горох из неосторожно развязанного мешка. Иной помолчит, да как закатит свое крепкое словцо, так только невольно подумается, что на выработку одного этого истинного-ядовитого слова пошла вся его безрассветно-темная, горькая жизнь» (*И. В. Федоров-Омулевский*. Сутки на станции. Рассказ из путевых впечатлений [1862, первая публикация 1904] // *И. В. Федоров-Омулевский*. Проза и публицистика. М., «Советская Россия». 1986. С. 60).

⁴²⁰ Федосеев. 1978. С. 277. См. подробнее: *Левин*. 1986; *Gussejnov*. 1996.

Под возрастающим давлением другой семантически не прозрачной реальности — школьного пуризма и тотального господства «высокой культуры» — носитель русского языка был героем встречи матерного и нормативного языков. По мере разрастания языка идеологии прибывал и всенародный матерный словесный продукт.

То говорит свобода. Как и молодежный сленг или интеллигентский жаргончик, блатная феня — язык сопротивления, лексика воли.⁴²¹

Поскольку открытое изучение этого массового продукта в советское время не предпринималось, филология сосредоточивалась на установлении ритуального происхождения матерного языка, архаизировала его.⁴²²

Третьей формой бытования матерного языка можно считать массовую игру с ним: те, кто не был в детстве или отрочестве активным матерщинником, становились все же, в определенных ситуациях, пользователями матерного языка.

Сверхтекст матерного языка представляет собою, как известно, непрерывное описание полового акта. В плане речевого поведения мат считается чем-то вроде оргии воинствующего бескультурья; изоморфизм тоталитарной реальности и матерного языкового подполья отмечался давно.⁴²³ На протяжении всей советской эпохи это был пласт языка, которого как бы не было: официально он существовал только в уголовном кодексе как наказуемое деяние за «умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу».⁴²⁴

И в этом своем качестве — как основание для возбуждения дела — он автоматически становился идеологическим объектом — критерием достоверности для одних и критерием антисоциальности для других членов общества.

⁴²¹ *Алексей Ерохин*. Колбаса с глазами // *Московские новости*. 15. 3. 1992.

⁴²² *Б. А. Успенский*. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. Статья первая // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1983. XXIX. P. 33–69; Статья вторая // *Ibid.*, 1987. XXXIII. P. 37–76.

⁴²³ См. подробнее: *Левин*. 1986; *Гусейнов*. 1989.

⁴²⁴ Статья 206, ч. II УК РСФСР.

§ 3. *Расширение матерного словаря в советское время; отношение к нему: между страхом и восторгом; константа достоверности*

Поскольку основной словарный состав матерного языка включает всего несколько слов, называющие мужской и женский половые органы (*хуй, хер, тизд́а, манд́а, муде́*), а также глагол *ебать / ебаться*, обозначающий совершение полового акта) и их производные, его чрезвычайно просто удержать за пределами дозволенного. Абсолютное табу, наложенное на эти слова во всех сферах общественной жизни, обеспечило такое пространство свободы, о котором не мог и мечтать никакой пласт литературного языка, включая локальные или поколенческие жаргоны — разрешенный объект официальной критики.⁴²⁵ Итогом невольного эксперимента — предоставления полной свободы весьма ограниченному кругу слов — стала необыкновенная семантическая продуктивность матерного языка. Чем больше слов естественного языка рекрутировала для себя — под лозунгом «борьбы за культуру речи» — идеология, тем больше новых слов создавалось на основе матерного подполья. Механизм приращения здесь, таким образом, тот же, что и в случае с частично табуированными локальными, поколенческими и/или эфемерными жаргонизмами.⁴²⁶ Официоз говорит, что мат — «пережиток капитализма», но это мало помогало сдерживать напор надклассовой матерщины. Матерному языку повезло: в отличие от иных форм сниженной речи, он не признавался «поправимым» речевым грехом и лежал в стопроцентно заповедной области, был настоящим, а не метафорическим табу, настоящей, всеобщей, а не локальной речевой альтернативой.⁴²⁷ И в этом последнем качестве — альтернативой идеологической.

⁴²⁵ Яркой критике подверг официозную «борьбу против жаргонов» В. П. Григорьев в середине 1960-х гг.; статьи автора были впервые опубликованы лишь в 1990-х гг. (Григорьев. 1993).

⁴²⁶ Приведу запрещенное к публикации в 1967 году суждение о причинах подъема жаргонизмов вообще на повседневный горизонт речевого общения: «Причины привлекательности жаргона в общем-то известны: разрыв между словом и делом, девальвация и инфляция многих правильных и высоких слов, художественная невзыскательность «важных по теме» изданий. [...] Жаргон вызван к жизни социальными условиями и бороться с ним можно, только обращаясь к этим условиям. Самоопределяющийся подросток рассуждает примерно так: «Вот этот взрослый мерзавец прячет свое нутро в лоскутья правильного, литературного языка, пускает пыль в глаза высокими словами и никто не разоблачает эту маскировку; я не хочу ни в чем походить на этого «типа»; чтобы никто не подумал, что я маскируюсь, я лучше откажусь от высоких и правильных слов; пусть судят обо мне не по словам, а по делам» Логика, конечно, уязвимая. Но опровергнуть ее чисто словесно-логическим путем едва ли удастся» (Григорьев. 1993. С. 82–83).

⁴²⁷ Эта специфика мата схвачена и представлена в двух немецких работах: *Wilhelm von Timroth. Russische und sowjetische Soziolinguistik und tabuisierte Varietäten des Russischen*. München, Verlag Otto Sagner. 1983 (Slavistische Beiträge, Bd. 164); *Ilse Ermen. Der obszöne Wortschatz im Russischen: Etymologie, Wortbildung, Semantik, Funktionen*. München, Verlag Otto Sagner. 1993 [Specimina philologiae Slavicae. 98].

Сквернословие парадоксальным образом становилось всё менее терпимым для официальной цензуры. Табу, распространяемое на физиологические отправления вообще — от событий зачатия и появления на свет до агонии и смерти, — создавало широкую серую зону между разрешенным и сквернословным речевыми горизонтами. Гротескный контекст запрета на мат можно восстановить, обратив внимание на то, как встречались официозом совершенно невинные обороты речи, бесконечно далекие и от сексуальности, и от грубости.⁴²⁸ Именно в этом невыносимо ханжеском контексте и складывалась повседневная функция мата как живой идеологической альтернативы. По словам Владимира Кавторина,

в нашем обществе человек, с самого детства матерясь, доказывает свою свободу. [...] Русские люди матерятся по той же причине, почему и богохульствуют.⁴²⁹

С другой стороны, возникали работы, пытавшиеся под любым соусом протащить живой мат хотя бы в исследовательский обиход.⁴³⁰

Вышеупомянутые статьи Б. А. Успенского о происхождении матерного сквернословия построены как отчет об открытии, которое могло бы раз и навсегда позволить всякому носителю языка, говорящему на разрешенном социолекте, выйти из этого унижительного состояния. К сожалению, вместо одной, официальной, фикции — «матерного языка нет» — на свет тотчас появилась другая, интеллигентская: «матерный язык — это рудимент древнего земледельческого ритуала», «след «основного мифа» и иных доисторических глубин».⁴³¹

⁴²⁸ Приведу эпизод из истории широко известного эвфемизма отлить в значении «пописать» («справить малую нужду», «сходить кое-куда», «сходить по-маленькому», «помочиться», «побрызгать», «посикать», «поссать», «попрудить»). Вот как описывает переводчик пьесы «Карьера Артуро Уи» встречу партийного вельможи и несомненного сквернослова секретаря Ленинградского обкома КПСС Василия Толстикова с живым просторечным словом в театре, т.е. в «общественном месте». «Ожидая Артуро Уи в гараже, Эрнесто Рома говорит своему помощнику:

...Только

Когда увижу труп мерзавца Гири,

Мне полегчает, будто я держался

И наконец отлил.

Толстиков был очень рассержен — его благовоспитанность не позволяла ему — в обществе дамы! — слышать такие непристойные речи. „Держался... отлил!...“, — повторил он, пылая негодованием. И добавил: „Может быть в Польше это принято. Но вы-то, неужели вы не понимаете, что это не в традициях русского театра?“» (Ефим Эткинд. Давно уж ветренная Лета // Время и мы. 1995. № 129. С. 224–225).

⁴²⁹ Смена. 21. 8. 1993. С. 5. Цит. по: *Найдич*. 1995. С. 187.

⁴³⁰ *Левин*. 1986, *Успенский*. 1987.

⁴³¹ По мнению Б. А. Успенского, выражение «ёб твою мать» — это продукт сокращения древнейшего мифологического комплекса, связанного с оплодотворением матери-земли псом-громовержцем. *Успенский*. 1987. С. 42–43.

Таким образом, отвергая официальную советскую установку на «несуществование» матерного языка, носителю языка предлагается признавать другую «бинарную оппозицию», в которой матерный становится не одним из важных феноменов живого, но изнанкой настоящего языка, а матерное речевое поведение — «антиповедением» или «антикультурой».⁴³² Как показала Илзе Эрмен, такой подход структурно повторяет официальную доктрину «великого и могучего русского языка», но не приближает к пониманию мата именно как речевого поведения, входящего в культуру данного народа.

В конечном счете миф Б. А. Успенского не сильно отличается ни от распространенных представлений о татарских корнях русской брани, ни от официальной советской теории «пережитков капитализма»: здесь слышится то же противоречие: «Не так уж мы и грязны». В одном случае вина за непристойности перекладывается на чужаков или на «преодоленную» историческую фазу, в другом случае у грязи отнимается ее субстанция, ее главное оружие, ибо это вовсе никакая не грязь, но святое дело, никакое не унижающее человеческое достоинство нарушение морального запрета, а вовсе даже часть религиозного обряда.⁴³³

Подробнее на полемике по поводу происхождения мата заставляет остановиться очевидная ее участникам отчетливая граница между матерным высказыванием — с одной стороны, и всем остальным массивом языка, в особенности — официально-очищенной, правильной речи, — с другой. То, что нетеоретизирующий наблюдатель опишет как ‘низовое’, ‘спрятанное’ или ‘грязное’, предлагает себя как идеологическая альтернатива в рамках общего речевого поля. При таком подходе нет необходимости мифологизировать и ритуализировать матерный язык более, чем любые другие сегменты этого поля. Каково бы ни было происхождение матерного языка, его повседневное советское и поссоветское бытование если и ритуализовано, то лишь в рамках культурной парадигмы советского двадцатого века, а не на той исторической глубине, где возникло выражение ёб твою мать, реконструируемое Б. А. Успенским. Более того, сама гипотеза происхождения и древнейшего функционирования мата, основанная на предлагаемой оппозиции поведение → анти-поведение, представляется продуктом идеологического спора между ограниченным официозом и жаждущим языковой и культурной свободы филологом. Статьи Б. А. Успенского о мате, появившись в середине 1980-х гг., вос-

принимались как удачно найденный способ заговорить на сверхщекотливую тему (в научном журнале дружественной страны) и не подвергались во внутрисоветском, а тем более внутрикружковом (московско-тартуская семиотическая школа) контексте собственно филологической критике. Как только советская эпоха кончилась (или, как только показалось, что эпоха кончается), анализ славянских древностей как метод реконструкции современности стал объектом безжалостной критики.⁴³⁴ Но вернемся к основному предмету главы.

Взглянем на словарный состав этой идеологической альтернативы⁴³⁵:

охуеть — удивиться сверх всякой меры, временно лишиться рассудка;
хуёво, хуёвый — плохо, плохой;
хуевато, хуеватый — неважно, неважный в знач.: плоховато, плоховатый;
хуёвина, хуёвинка — любой предмет, часто — уважительно — о сложном механизме, непонятной вещи [а это что за хуёвина у тебя на шкафу?];
хуета́ — контаминация *хуй* + *суета*, *маята* — напрасная и нудная возня, ерунда;
пó хую — безразлично;
похуист — тот, кому все безразлично, пó хую;
хуй положить на что-то — наплевать на что-то, манкировать чем-то;
захуячить что-то куда-то — закинуть что-то куда-то;
вхуячить — точно попасть во что-то;
отхуячить, -рить кого-то — избить (реже — отругать) кого-то;
хуячить, -рить — напористо совершать любые действия (идти, бежать, ехать и т.п.);
хуеплёт — болтун;
охуительно, -ый — очень хорошо, очень хороший, красивый, замечательный [такой, что охуеть можно];
однoхуйственно — безразлично [вариант: один хуй];
хуй в значении *не*:
хуй кто помог = никто не помог,
хуй когда = никогда или очень не скоро,
хуй тебе! — ничего тебе;
нёхуя — нечего;
ни хуя — ничего;
хули, хуй ли? какого хуя? — зачем? зачем, черт побери?

⁴³² Л.А. Диденко. Исторические корни русского мата и его функционирование в современной языковой культуре // Язык и культура. 1993. Т. 3. С. 181–182.

⁴³³ Ilse Ermen. Kritische Bemerkungen zu B. A. Uspenskij's Ätiologie des Mat // Norbert Reiter u.a. (Hrsg.). Sprachlicher Standard und Substandard in Südosteuropa und Osteuropa. Beiträge zum Symposium vom 12.–16. Oktober 1992 in Berlin. Berlin 1994. S. 65–78.

⁴³⁴ Впрочем, в русском языкознании ритуальная гипотеза исторической табуизированности мата остается общим местом. Ср.: «Не вызывает сомнения исконная связь мата с сакральной сферой, соотносённость матерщины с языческим культом [...]. Табуирование мата в большой степени объясняется этой связью» (Найдич. 1995. С. 187).

⁴³⁵ См. подробнее: Левин. 1986; Valentin D. Devkin. Der russische Tabuwortschatz. Русская сниженная лексика. Berlin u.a., Langenscheidt. 1996. 126 S.; Буй. 1995.

Итак, *хуй* — показатель предельной интенсивности, попавший в самую запредельную область языка, т.е. ставший служебным словом. Именно это новое свойство привело к такому странному для естественного языка положению, когда, как считается, с помощью матерных слов можно дать описание объекта или даже состояния высокой сложности.⁴³⁶ Речь идет при этом не о речевой смазке⁴³⁷, традиционной для обценных вариантов и других языков, но именно о создании с помощью матерной основы нового слова с усилительным или расширительным значением.

Рассмотрим ряд примеров с использованием глагола *ебать* и существительного *пизда*.

долбоёб, пиздюк — дурак, непонятливый человек;

ебануть — выпить;

ебать мозги кому-то — надоедать кому-то, морочить голову кому-то, вводить в заблуждение;

ёбнуть, пиздануть — ударить; украсть;

ебануться, ёбнуться — упасть, удариться;

заёба — назойливый человек;

заебать — замучить кого-то, надоесть кому-то;

злобучий — мучитель, садист;

наебать — обмануть кого-либо;

наебнуться обо что-то — поскользнуться обо что-то;

наёбывать — жадно есть; обманывать кого-либо;

невпроеб — невпроворот;

недоёбаный — придурковатый, слабый;

объебать — обогнать, переиграть кого-то;

отъебаться от кого-то — отвязаться от кого-то;

подъебать кого-то — подшутить над кем-то;

подъебала — провокатор;

приёбчивый — приставучий;

подъёбывать кого-то — дразнить, подначивать кого-то;

приёбываться к кому-то — приставать, цепляться к кому-то;

сьебаться — быстро и/или незаметно уйти;

уёбывать — убежать;

уёбище — неприятный человек, зануда; также: урод (слово и возникло по образцу: *уродище*);

разъебай, распиздай — нерадивый человек;

ебанутый — ненормальный, не в себе;

ебало, ебальник — лицо, рот;

остоебежить кому-либо — надоесть кому-либо;

колдоёбина — производное от колдобина;

пиздить — красть; бить кого-то;

спиздить — украсть;

пизде(и)ть — врать, много разговаривать; бояться;

отпиздить — избить;

пиздёж — пустая болтовня;

пиздёц (наиболее распространенные формулы: полный п-ц или п-ц всему) — конец («как результат деструкции»⁴³⁸);

пиздобол — болтун;

пиздюлей дать кому-то — избить, наказать кого-то;

отпизденеть — остолбенеть; сойти с ума;

пиздастый, пиздецовый — замечательный, очень хороший;

пиздык! хуяк! — междометие типа хрясь! бряк!

Итак, мы имеем здесь дело не с бранными словами, не с ругательствами в собственном смысле слова, но со словами-заменителями естественного языка для неестественных, мучительных условий. Перед нами — совершенно новый тип высказывания. Имя ему — эсхрофемизм.

Прибегаю здесь к помощи греческого термина-неологизма⁴³⁹ только потому, что вполне подходящие внешне русские синонимы заняты более широкими зна-

⁴³⁸ Левин. 1986. С. 71.

⁴³⁹ Мне приходится допускать здесь стилистическую погрешность против греческого: основа фем — в эвфемизме («благоречие») подразумевает возвышенный характер самого действия речения (молитва, голос божества и т.п.); с другой стороны, имеющийся термин «эсхрология» — «сквернословие» есть общее слово для явления обценной речи.

⁴³⁶ См., например, миниатюру, присланную на радио «Свобода» (*Ф. Седлецкий*. Анекдоты. Орфография и пунктуация оригинала. 10. 1. 1995. Бремен. Архив. Ф. 13.):

«Откровенный разговор.

Два собутельника решили отметить свою очередную встречу и, выпив две бутылки водки, — решили разойтись. Наутро хозяин недосчитался одной пятитысячной. При встрече состоялся такой разговор:

— Слушай, пиздюк! Ты вчера у меня спиздил пятитысячную?

— Да нет!

— Нет, ты ее пизданул! Что ты мне пиздишь? Кроме тебя никто в квартиру не заходил, и не пизди, а верни мне деньги.

— Да, на ты свои пять тысяч, я не такой жадный, как ты. А взял я понарошки, — заметишь или нет. Давай, лучше, опохмелимся».

⁴³⁷ В. Д. Девкин называет этот тип применения «парантезным»: «содержательно избыточные вставки при общем не обязательно раздраженном тоне сообщения». Указ. соч. С. 25.

чениями (злословие, злоречие, сквернословие и им подобные), мне же хочется подчеркнуть необычайную действенность того узкого способа высказывания, с каким мы имеем здесь дело. Терминология обценного языка вообще требует сугубой осторожности. Так, в попытке уточнить «не совсем научный термин «матерная смазка», предложенный мною⁴⁴⁰ для описания наиболее распространенного типа матерного поведения в СССР, Лариса Эриковна Найдич предлагает применить более нейтральную альтернативную терминологию, отвечающую требованиям научности:

матерные слова используются для заполнения пауз хезитации, как «контактные слова» и т.п., придавая речи непринужденный характер.⁴⁴¹

Критерием научности оказывается слово, идеально подходящее для описания категории эсхрофемизма: греко-латинская конструкция из давно обрусевшего греческого слова «пауза» и свежетранслитерируемой латинской хезитации (здесь: «замедление речи, вызванное поиском нужного слова») в разговоре о матерном языке весьма и весьма уместно, ибо вызывает у пользователя-филолога принудительную ассоциацию с блатным глаголом *хёзать*.⁴⁴² Эсхрофемизм в русской поэзии может появиться как сквернословная подмена принудительного агнонима. Так, никогда не выдавший, по его словам, Парижа⁴⁴³, Георгий Оболдуев пишет:

«Так я, видите ли, не о невинности,
Прикрытой загаром молодости,
Так как этого самого не вынести
Дямочкам, сосущим с голоду стих:

⁴⁴⁰ «Сколько ни таимничай, а будет сказаться...» // Знание-сила. 1989. № 1. С. 73–79.

⁴⁴¹ Найдич. 1995. С. 187.

⁴⁴² См. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). Составил по новейшим данным С. М. Потапов [начальник научно-технического п/отдела ОУР ЦАУ НКВД]. М., НКВД. 1927². С. 177: *хезать* — испражняться; *хезник* — уборная; *Росси*. Т. 2. С. 436: *хёзать* — срать; портить дело. «Сам нахезал, сам выкручивайся!».

⁴⁴³ Ср. Цит.27 из цикла «Мысли до ветру. В 30-ти цитатах» Георгия Оболдуева (1932):

«Лежит передо мной край Москвы;
В марте, в оттепель:
Париж!
Не видал его, голубчика,
А скажу:
Ну, прямо, Париж, да и...»

Оболдуев. С.74.

„Монпарнас,
Монпегас,
Мондье,
Мёндье.“

(Ах, как вы брюбы, Гёргий Николаевич!)⁴⁴⁴

Здесь выступающие в роли социально-культурных агнонимов «Париж» и «Монпарнас» подвергаются немотивированному снижению.

Для того, чтобы лучше представить себе не эсхрофемическое сквернословие, сравним это стихотворение Оболдуева с фрагментом из стихотворения Александра Ривина (ок. 1940 г.):

Мне не спится, не кимарится,
совесть снов не принимает,
все-то жизнь вспоминается..
Стыдно - но не виноват.
Ты зачем нас, житуха похезала с перцем?
Сердце, вой, заливай, заливной соловей!
На руке с нарисованным с порохом сердцем
куча жил шевелится, как куча червей.

В стихотворении Оболдуева пародируется «дамочка, сосущая стих», долго не распознающая подвоха и провоцирующая поэта на скверноречие. У Ривина сольное слово соответствует фактуре «житухи» с её кровавыми испражнениями и спазмами жилистой татуированной руки; в этом смысле стихотворение Ривина свободно от подтекста, обязательного для эсхрофемизма.

§ 4. Эсхрофемизм: высказывание нового типа

В приведенных выше примерах обценное, первичное значение образует оболочку высказывания, из-под которой всегда видна интенция говорящего, восстанавливаемая по схеме:

- а) префикс о-, за-, под-, раз— и т.д.
- б) матерное слово, приближенное к обыденному:

⁴⁴⁴ Оболдуев. С.73.

остобѣнить → остолбенѣть [ср. блядь → блин] (эвграфема⁴⁴⁵)

остолбенѣть → опизденѣть; (эсхрофемизм)

осточертѣть → остопиздеть⁴⁴⁶; (эсхрофемизм)

разгильдяй → распиздяй (эсхрофемизм)

оборвѣнец /-нка → пиздорвѣнец /-нка (эсхрофемизм)

в) новое слово, возникающее благодаря подстановке основного матерного значения обыденным с сохранением и семантической структуры обыденного, и иллокутивной силы матерного слова.

Если бы слово *тизда* сохраняло свое значение хотя бы в ослабленном виде, слово *опизденеть* должно было бы иметь хотя бы семантический оттенок, хотя бы след 'превращения в пизду'. Этого не происходит: семантически перед нами новый тип высказывания, который по аналогии с эвфемизмом и приходится называть эсхрофемизмом. Это не совсем удобопроносимое наименование и обозначает лингвистическую форму теневой идеологии, представляемой матерным языком. Вот типичный пример фольклорной эсхрофемии:

Разрубил березу на поленья

Он одним движением руки.

Мужики спросили: «Кто ты?» — «Ленин»...

И опизденели мужики.⁴⁴⁷

Связь мата с другим языком-заменителем, языком идеологии, крепнет, стбит только с уровня семантики спуститься к прагматике, к главным областям применения мата. Оставим за скобками такие очаги, как зона и армия.⁴⁴⁸

В советское время это, как правило, — микрогрупповое общение, тем более располагающее к разнузданности, чем сильнее давление на микрогруппу идеологической правильности в социальной публичности. Зерно истины можно рассмотреть и в характерном анекдоте, описывающем интересующий нас контекст как место встречи языка идеологии и мата:

⁴⁴⁵ *Остолбенеть* как эвграфема глагола *остобенеть* попало в подцензурную советскую печать уже в 1980-х гг. (в журнале «Иностранная литература»).

⁴⁴⁶ Ср. одновременно сверхэвфемистичный и сверхобценный вариант: «Мне это остозвездобрыздело!»; «цветуёчек» по аналогии со словом «смехуёчки» (в СМК употребляются, например, Андреем Черкизовым, «Эхо Москвы»).

⁴⁴⁷ *И. Раскин*. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса. Опыт словаря с анекдотами, частушками, песнями, поэзией, плагиатом и некоторым псевдотворчеством самого автора. М., 1994. С. 255.

⁴⁴⁸ Ср. часто повторяемую сентенцию: «В армии матом не ругаются, здесь матом говорят». (АНЧ. Вып. 5–6. С. 253; *Лебедь*. 1995. С. 95).

— В чем сходство и различие между матом и диаматом [диалектическим материализмом]?

— Мат все знают, но притворяются, что не знают. Диамат никто не знает, но все притворяются, что знают. Однако и то и другое является мощным оружием в руках пролетариата.⁴⁴⁹

В отношении к матерному языку советской интеллигенции представители поколения рокеров и панков (около 1960-го и около 1970-го гг. рождения) усматривают воплощенную модель соединения лицемерия и цинизма.

Когда быдло видит матерные слова, напечатанные на бумаге, оно вдруг вспоминает, что оно ведь вовсе и не быдло. И начинает трясти анкетами о выезде за границу, где в графе «родственники» написано: «Да, был у меня дядя-интеллигент! Так вот он говорил, что мат — это грех...»⁴⁵⁰

Орудийность матерного языка языковеды усматривают в его эмотивной силе, или способности поддерживать высокий градус общения вне зависимости от содержания высказывания.⁴⁵¹

Восприятие матерного языка как «вечного двигателя», как «силача», обладающего «убойным» ударом, характерно для филологов-русистов, воспитанных в духе преклонения перед «великим и могучим» литературным языком.⁴⁵²

Еще отчетливее культ матерного языка как олицетворения русской удали и духовного могущества России у поэтов и писателей конца советской эпохи. Распространена поэтическая этимологизация «мата» как «матёрого» языка, нутряного языка в собственном смысле.

Слышен, правда, снизу мат.

Ну так что ж такого!

Наповал, когда впадал

Матерное слово!

В нем матёрость, материк,

Вся мастеровщина.

⁴⁴⁹ Анекдоты из коллекции Жириновского. СПб., 1994. С. 9.

⁴⁵⁰ ПО ЕБЛУ. С. 6.

⁴⁵¹ «Мат относится к стойким неизнашивающимся (несмотря на заезженность) экспрессам. Он — «вечный двигатель» с бессрочной гарантией прочности на всё то время, пока существуют этические запреты. Табуированность мата спасает его от обесцвечивания и старения. Самый изящный и остроумный образ не выдерживает соревнования с матом, потому что оказывается потесненным хамским нажимом этого силача. Дурное всегда одерживает верх. Поскольку сказать что-нибудь умное трудно, действуют формой, внешним эффектом. Бесстыжие неприличия имеют убойную силу и действуют сильнее рационального начала». (*В.Д. Девкин*. Указ. соч. С. 31).

⁴⁵² См. также: *Елистратов*, *Эдлис* и т.п.

Бронетанковый язык —
Наша матерщина!»⁴⁵³

Обыгрывается коренное, опорное, «материковое» начало этого языка.

Вытирая юшку с губы,
пряча в горле бессмысленный рык,
поднимается на дыбы
матерящийся материк.⁴⁵⁴

Обыденное сознание тоже склонно мистифицировать матерное слово, подчеркивая его «перлокутивную» эффективность:

У моей подруги еще до войны муж по набору «двадцатипятипятитысячников» работал начальником МТС в дальнем колхозе. Она к нему часто ездила. На станции ее обычно встречал на телеге старичок. Так вот кобыла, в телегу запряженная, без матюга с места не двигалась. Так он просил женщину уши заткнуть, давал матерные указания лошади, и они ехали.⁴⁵⁵

Но той же природы и страх перед матом, зачисление его в разряд социальной и бытовой низости, выражение человеческой заброшенности.

А повседневное ежечасное унижение грязью, черной пастью подъезда, где перебито всё, мат, через который идешь как сквозь строй, страх грабежа, нападения.⁴⁵⁶

В порядке сопряжения этого документа с вышеприведенным утверждением Бориса Парамонова о том, что наступил «пиздец социализму», укажем на совсем иначе выраженное предчувствие этого события в начале перестройки, высказанное лингвистом и математиком Юрием Левиным:

Легко представить себе мир, описываемый перечисленной лексикой: мир, в котором крадут и обманывают, бьют и боятся, в котором «все расхищено, предано, продано», в котором падают, но не поднимаются, берут, но не дают, в котором либо работают до изнеможения, либо халтурят — но в любом случае относятся к работе, как и ко всему окружающему и всем окружающим,

с отвращением либо с глубоким безразличием, — и все кончается тем, что приходит полный пиздец.⁴⁵⁷

В широком диапазоне между страхом и восторгом за матерным высказыванием сохраняется, как мы видим, неприятная для современников и носителей языка смысловая константа: достоверность, подлинность, неважно — угрозы или раскрепощения. Эта константа является тем раздражающим фактором, который никого не оставляет равнодушным. И хотя нас интересует не эмоциональная оболочка, но социокультурный каркас явления, без фактора подлинности, достоверности невозможно было бы объяснить «матерную» встречу свободы в августе 1991 года.

Знарок «опальной словесности» В. Л. Гершуни так описывает не столь уж далекое 20 августа 1991 года, когда «люди с ровным характером в те дни не чувствовали достаточным наш словарный запас и выходили за его пределы, дабы полностью воздать «этим блядам», — такими словами закончил свою речь депутат из Петербурга Н. Аржанников на митинге у Белого дома, на который собрались сотни тысяч граждан». И это не единственный пример: вся Пушкинская площадь, узнав по включенному громкоговорителю о конце путча, дружно и долго скандировала: «Пиз-дец, пиз-дец!!» Да и люди, которых не заподозришь в низком культурном уровне, — Мстислав Ростропович и Елена Боннэр — открыто употребили в дни августовского путча опальную лексику.⁴⁵⁸

В предыстории этой встречи свободы — убежденность многих в глубокой русскости мата.⁴⁵⁹ Вместе с тем предполагается, что именно эта национальная сущность позволила мату сыграть роль объединителя и собирателя носителей других языков и культурных традиций.

Но сквернут ножи в руках
Вмиг у инородцев,
Если кто на языках
Ихних матюкнется, —
По-грузински или там,

⁴⁵⁷ Левин. 1986. С. 71–72.

⁴⁵⁸ Виркунен. 1996.

⁴⁵⁹ См. у драматурга-авангардиста: «Ты, бля, день не дай русскому человеку поматериться, другой день не дай, но на третий день он или с ума сбрыкнется, или с собой покончит, или тебя придушит, Дездемону, на хуй — не вечное наше терпение жидовское русское, блядь, мой хуй, ебать тебя, колотить, мать, сука, твою напополам» (Валюхов. С. 156).

⁴⁵³ Юрий Айхенвальд. Медитация о матерном слове // Айхенвальд. 1977. С. 118–119.

⁴⁵⁴ Михеев. 1995.

⁴⁵⁵ Сиротинина. 1993. С. 6.

⁴⁵⁶ Елена Б-на. Письмо на «Радио Свобода». 22 ноября 1992. Бремен. Архив. Ф. 13.

Скажем, по-тунгусски.
Хочешь матом по мозгам —
Говори по-русски!
Как романс нетопыря,
Тускло и помойно,
Мат наш ухаает не зря
Басом дальнобойным.⁴⁶⁰

Подчеркнуто коммуникативная функция русского мата по сравнению с чисто инвективной, бранной ролью других сквернословий «народов СССР» воплощает реальный низовый горизонт идеологического комплекса дружбы народов, или братства партий (литератур, кинематографий и др.).

В момент, когда были сняты все внешние запреты, появилась даже гипотеза русского мата как «международного знака космополитизма»; доступность и «печатность» русского матерного слова (как и всякого другого) в заграничной лексикографии и вообще издательской практике истолковывается как доказательство того, «что за границей русский мат давно нормирован печатью и другими средствами массовой информации».⁴⁶¹ К такому выводу автора этой гипотезы подталкивает незакрепленность матерной брани в «воинственно-русофильской», как он ее называет, поэзии.⁴⁶² Остается, правда, не проясненным, каким образом нормирующая инстанция может находиться за пределами самой языковой среды.

Такие взаимоисключающие оценки подводят к простому выводу о принадлежности матерной брани одному всепримиряющему горизонту — свободе, беспредпосылочной свободе, суррогатом коей пробавляется носитель языка, в том числе и патриотически настроенный, в условиях литературной и социальной несвободы.

⁴⁶⁰ Айхенвальд. 1977. С. 118–119.

⁴⁶¹ Илюшин. 1991. С. 11.

⁴⁶² «Идеям, претендующим на позитивность и созидательность, сквернословие едва ли органично, патриотическая же идея относится к их числу. Не так давно деревенщик Василий Белов пренебрежительно назвал эмигранта Василия Аксенова „матюкальщиком“. Это как же понять: певец русской деревни брезгует матерной бранью (богатством великого, могучего, правдивого и свободного)? В известном смысле, да. Наверное потому, что мат перестал быть специфическим русским явлением, на нем уже клеймо „масонства“ и позор всемирности» (Илюшин. 1991. С. 11).

§ 5. Матерщина — речевой контур свободы;
идеологическая весомость матерного слова и его семантические
составляющие: смешное, достоверное и опасное

Чем интенсивнее были попытки идеологии рекрутировать классическое наследие, вообще высокую культуру, в том числе культуру литературной речи, тем шире становилось поле применимости нецензурного языка. Язык, «искалеченный правильной жизнью»⁴⁶³, обнаружил в матерном подполье свободу от лицемерия и подтекста.

Прежде чем перейти к теоретическому осмыслению этого феномена, разберем сначала непосредственные исторические свидетельства идеологической валентности матерных слов. Обратимся к одной из многочисленных форм бытования матерного слова — к политическим частушкам — и рассмотрим место, занимаемое в них матерной составляющей.

[Сталин — император]

Ой, калина-калина,
Хуй большой у Сталина,
Больше, чем у Рыкова
И Петра Великого.⁴⁶⁴

[Ленин в Мавзолее]

Шел я мимо Мавзолея,
Из окошка вижу хуй.
Это мне великий Ленин
Шлёт воздушный поцелуй.⁴⁶⁵

[герб СССР с серпом и молотом]

Слева молот, справа серп —
Это наш советский герб.
Хочешь жни, а хочешь куй,
Все равно получишь хуй.⁴⁶⁶

⁴⁶³ Ерофеев. 1995. С. 303.

⁴⁶⁴ Частушки в современных записях // Топорков. С. 500. Автором частушки мог быть М. Д. Вольпин (1902–1988), перу коего принадлежит известная частушечная эпиграмма на Медного всадника (У Петра Великого / Близких нету никого. / Только лошадь и змея, / Вот и вся его семья), приведенная в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1930); Щеглов. 1995. Т. 2. С. 598.

⁴⁶⁵ Житейские. С. 255.

⁴⁶⁶ Житейские. С. 248.

[Н. Хрущев — распространитель кукурузы в СССР (конец 50-х)]

Вышла б замуж за Хрущева,
Побоялась одного:
Говорят, что вместо хуя
Кукуруза у него.⁴⁶⁷

[полет в космос первой женщины — Валентины Терешковой]

Валентине Терешковой
За полет космический
Наш Никита подарил
Хуй автоматический.⁴⁶⁸

[«Культурная революция» в Китае]

Полобила хуйвенбина,⁴⁶⁹
На стене висит портрет.
Утром встала, посмотрела,
Хуй висит, а бина нет.⁴⁷⁰

[слухи о «летающих тарелках», или НЛО — неопознанных летающих объектах
(с начала 60-х гг.)]

Над селом хуйня летала
Серебристого металла.
Много стало в наши дни
Неопознанной хуйни!⁴⁷¹

[из частушек о перестройке]

Перестройка, перестройка,
Я и перестроилась:
У соседа хуй большой,
Я к нему пристроилась.⁴⁷²

К Горбачеву я приду,
Подарю ему пизду.
Не для всяких глупых дел,
А чтоб на голову надел.⁴⁷³

Нас ебут и там и тут
Коммунисты разные
Неужели мы от ебли
Сами станем красные.

Коммунисты нас ебали
Чуть не весь двадцатый век.
И до смерти заебали
Миллионы человек.

Как на Крымском на мосту
Мильцанер ебёт блоху.
Он за что ее ебёт?
Она без паспорта живет.

Мой милёнок — демократ,
Он читает самиздат,
Он ебёт меня подпольно.
Хорошо, но очень больно.⁴⁷⁴

У Якунина у Глеба
Хуй все время смотрит в небо
И в парламенте пуганы
Лезут Глебу под сутану.⁴⁷⁵

Если встретишь коммуниста,
Подари ему гандон,
Чтоб случайно не наделал
Мудаков таких, как он.⁴⁷⁶

Прежде всего, бросается в глаза высокая активность матерной ассоциации и невозможность свести матерную брань к инвективной (оскорбительной) функции.⁴⁷⁷

⁴⁶⁷ Житейские. С. 244.

⁴⁶⁸ Житейские. С. 249.

⁴⁶⁹ хунвейбина

⁴⁷⁰ Житейские. С. 55.

⁴⁷¹ Житейские. С. 196.

⁴⁷² Частушки в современных записях // *Топорков*. С. 453, 501.

⁴⁷³ Житейские. С. 243.

⁴⁷⁴ Житейские. С. 240–260; ср. подтекст: боль = арест, заключение под стражу (*Балдаев*. 1992. С. 31).

⁴⁷⁵ Житейские. С. 256.

⁴⁷⁶ Житейские. С. 241.

⁴⁷⁷ Подробнее об инвективе (оскорблении) и о матерной брани как выражении эмоций см. в работе: *В.И. Жельвис*. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., «Ладомир». 1997. Б. А. Успенский говорит о «вторичности» оскорбительной интенции, объясняя ее тем, что первична ритуальная функция мата: *Успенский*. 1983. С. 40–41; см. также *Ermen*. 1994. S. 66–67.

Оскорбление — это лишь оболочка каждого высказывания. Вся же совокупность предложенных текстов отсылает к общественно-политическому сверткесту, который одинаково хорошо известен и безымянным авторам, и их слушателям-исполнителям: в этом матерном сверткесте недифференцированное множество политических вождей СССР присутствует в царстве истины, живет по законам «руководящего языка».⁴⁷⁸

«Хуй большой у Сталина» — не «оскорбительно» для вождя не только потому, что хуй у него в частушке «больше», чем у действующего главы правительства и даже чем у первого императора России. Перед нами — матерный псевдоним Сталина — «отца народов».

В сознании современников обценность Сталина как мотив увязывалась с двумя основными темами-страхами, поступившими в распоряжение читающей публики лишь в начале 1990-х годов. Одна тема — это страх опечатки Сралин вместо Сталин, — испытанный в 1930–1950-е гг. многочисленными машинистками и наборщиками. Объяснимый практически — близким соседством литер «т» и «р» в клавиатуре пишущей машинки, — страх этот соотносился с представлением о Сталине как грубияне-сквернослову: беря пример с Ленина, вождь любил вызвать смех грубым словом.⁴⁷⁹ В начале войны, накануне московской паники середины октября 1941 года, когда многие правительственные учреждения бежали из города, по Москве разнесся слух о словах Сталина, произнесенных на заседании Политбюро: «Ленин оставил нам великое пролетарское государство, а мы его просрали».⁴⁸⁰ Сталин-[про]сралин и остался проговороч-

⁴⁷⁸ Ср. характерный анекдот 1960-х гг. «Диалог в отделе кадров»:

— Какими иностранными языками владеете?

— Тремя: русским простым, руководящим и матерным.

— Запишем, голубчик, двумя: руководящий и матерный — одно и то же.

Ср. возвращение этого анекдота в середине 1990-х гг.

— Какими языками должен владеть депутат Думы?

— Тремя: командным, матерным и русским со словарем.

Анекдоты. Депутатский марафон. М., Изд. «Лана». 1995. С. 10.

⁴⁷⁹ «Да, я груб, товарищи [...]», *ИВС*. Т. 10. С. 175, 177, 193–194. См. также: Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М., «Россия молодая». 1995. С. 161, 217 и мн. др.

⁴⁸⁰ «Огонек» 1989, № 31; *Жельвис*. 1997. С. 52; имеет место вполне «сократическая» цепочка: документально зафиксировано сообщение Н. С. Хрущева, передавшего в свою очередь свидетельство адресата сталинского высказывания — Л. П. Берии. О словах Сталина говорили и в 1960-х гг., т.е. до публикации воспоминаний Хрущева. В воспоминаниях Константина Симонова переданы слова Сталина, произнесенные тем во время встречи в Кремле с писателями в мае 1947 года. «У Петра были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, потом французы, было преклонение перед иностранцами, — сказал Сталин и вдруг, лукаво прищурясь, чуть слышной скороговоркой прорифмовал: — засранцами, — усмехнулся и снова стал серьезным» (*К. Симонов*. Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. № 3. С. 59).

ным кошмаром в подсознании советского человека вместе с частушечным Сталиным-ёбарем, обладателем большого хуя.

В русской литературной традиции обладателем самого большого члена является Лука Мудищев — герой матерной поэмы И. Баркова, об эвентуальной публикации которой А. С. Пушкин сказал, что та станет когда-нибудь первым и главным доказательством отмены цензуры и установления свободы слова в России. Не случайно и автором предисловия к первому серьезному изданию поэмы в бесцензурной России был приглашен один из бесспорных лидеров современной русской литературы, представитель поколения шестидесятников Андрей Битов. Обратившись в предисловии к советской истории восприятия Баркова, Битов погружается в воспоминания отрочества и, в особенности, опыта отдельного школьного обучения: оно было восстановлено Сталиным в рамках политики возрождения русской имперской государственности после второй мировой войны. Битов так формулирует единство своего тогдашнего идеологического опыта:

Барков и отдельное обучение — две стороны одного медалированного комплекса: профиль Иосифа Сталина и член Луки Мудищева. Не знаю, как там у других поколений, а мое уж точно трахнуто могучим орудием Баркова прямо по темечку. Он загнал нам его в сознание под завязку, до самого подсознания, может, и прорвал его.⁴⁸¹ Какой там Фрейд!..⁴⁸²

Матерная символизация власти в жанре частушки продолжается и в отношении Хрущева: здесь оскорбительно опять-таки не употребление мата, но содержащееся в частушке осмеяние самого характера деятельности Хрущева, так сказать, употребление им органа власти не по назначению, в данном случае — растранивание средств на «кукурузу» и «космос». Итак, и эта частушка воспринимается одновременно как смешная, достоверная и опасная.

И в других случаях, попадая в идеологический контекст, матерное слово знаменует достоверность суждения, а не только степень оскорбительности для слушателя и/или персонажа. Такова частушка о гербе, связывающая серп и молот с изображением колосьев на гербе СССР.⁴⁸³

Таковы частушки о хунвейбинах — действующей армии «культурной революции» в КНР. Дело здесь не в насмешке над частыми проговорками советских по-

⁴⁸¹ Характерен этот неудержимый конкретный натурализм, выдающий в тексте Битова запись психоаналитического сеанса; ср. лагерную поговорку: «хорошие шутки — полхуя в желудке»; «о человеке, слишком поздно понявшем, что его надули» (*Росси*. Т. 2. С. 440).

⁴⁸² *И. Барков*. Девичья игрушка. СПб., 1992. С. 177.

⁴⁸³ В подтексте частушки читается известное выражение угрозы: «серпом по яйцам».

литинформаторов, произносивших «хуйвенбин»; дело в том, что параллельно с официальной антикитайской пропагандой 1960-х гг. наметилась тенденция называть «хунвейбинами» и советских цензоров, вообще наиболее рьяных представителей официоза («Он у нас главный хунвейбин», можно было услышать в редакции журнала о главном у них охранителе устоев; см. также упоминание термина в этом значении в дневниках Корнея Чуковского⁴⁸⁴). Снова идея власти-ебли и начальника-хуя воплощается как смешное.

В частушке о культуре неопознанных летающих объектов, распространившемся среди части научно-технической и литературно-художественной интеллигенции в середине 1960-х гг., матерное слово выражает не только ехидное сомнение (оболочка-оскорбление); оно здесь — идеологема бессилия интеллигенции, «не способной распознать хуйни».⁴⁸⁵

Социальное достоинство перечисленных матерных частушек — в их очевидной неуязвимости: официоз не может вступить с ними в публичные прямые пререкания. Поскольку употребление «нецензурной брани в общественных местах» есть противозаконное деяние, наказуемое преступлением, за исполнение и сочинение такого рода произведений полагается лишь кара. Риск необычайно повышает творческую активность. Помимо частушек в устной словесности бытуют сотни, тысячи анекдотов, прибауток, искаженных пословиц. Репертуар их ширится.

Совмещение уже названных факторов — смешного, достоверного и опасного — способствует хождению матерных жанров преимущественно в изустном исполнении. Массовая популярность этих жанров устной словесности обеспечена, конечно, не столько числом произведений, сколько их брутальным поэтизмом. В этом смысле, разумеется, не весь матерный «сверхтекст» входит в состав идеологического языка, хотя некие следы идеологической функции можно наблюдать и в самых скабрёзно-абстрактных матерных частушках типа:

⁴⁸⁴ 25. 5. 1968. В пять часов приехал ко мне Юрий Петрович Любимов, руководитель «Театра на Таганке» — жертва хунвейбиновского наскока на его театр. [...] 12. 7. 1968. Вчера была Софья Краснова с моим шестым томом. Хунвейбины хотят изъять из него: статью о Короленко, о Шевченко, «Жену поэта» и еще что-то. *Корней Чуковский*. Дневники. Т. 2. С. 444, 451.

⁴⁸⁵ Соединение смешного, опасного и достоверного — это специфика именно матерного текста. Рассмотрим для сравнения тематически родственную частушку:

Как над нашим над селом
Аура зеленая:
Карма ехать в гастроном,
Покупать креплёное.

Здесь вместо матерных слов — модные лексемы из интеллигентского свёрхтекста «восточная философия» (1970–1980-е гг.). Эффект насмешки (смешное и правдоподобное) достигается вне категории «опасного».

Светит месяц над Варшавой,
Девки любят хер шершавый.
В Александровском саду
Я нашел в кустах пизду,
Шкурку снял, а мясо съел и т.д.

В идеологическом языке, на котором росло поколение Андрея Битова, вышеупомянутый «медалированный комплекс» под названием «профиль Сталина — хуй Луки Мудищева» постоянно воспроизводится в разнообразных жанровых формах.

Так, действуя в традиции революционного сокращения слов в общезначимые аббревиатуры, хохмачи могли соревноваться в создании акростихов. Именно таков акростих, вмонтированный петербургским поэтом Николаем Голем в стихотворение «Группа освобождения труда»:

Плеханов, Игнатов, Засулич, Дейч, Аксельрод..
— За меньшего брата!
Бестрепетно глядя вперед!
Хихикая хмуро,
За это родная страна
В аббревиатуру
Навеки свела имена.
В акростих запрятав,
их помнит спасенный народ:
Плеханов.
Игнатов.
Засулич.
Дейч.
Аксельрод.⁴⁸⁶

Несколько десятилетий спустя перед глазами политического публициста пройдет череда сменяющих друг друга правителей СССР и России:

Итак, сегодня мы видим уже единый ряд: лежащий в маразме в Горках Ленин и правящая от его имени клика большевиков: Брежнев, осуществляющая над ним пассы Джуна и
Мазуров
Устинов

⁴⁸⁶ *Раскин*. 1994. С. 12.

Демичев
Андропов
Кунаев
И...

правлящие от его имени. И, наконец, все время опохмеляющийся Ельцин и опять какая-то группка, решающая, как выгодней и лучше приватизировать Россию.⁴⁸⁷

Масштабы бытования подобной словесной продукции в советский период трудно установить даже приблизительно, хотя, судя по личному опыту общения от Магадана до Таллинна, от Архангельска до Батуми, судя по граффити, сообщениям многочисленных частных лиц, матерно-политическое словесное творчество было весьма распространено в советской России.⁴⁸⁸ Выход его на общественно-политическую сцену в годы перестройки затушеввал специфические свойства обценного языка в советское время, хотя большая часть публикуемых в 1990-х годах сборников соответствующей тематики, журнальных и газетных статей черпает свой материал в основном из неподцензурных советских источников. Посоветский политический стиль ельцинского периода сделал эту советскую предысторию рельефнее. В обстановке новой для России политической свободы одновременно регистрируется партия ПИЗДЕЦ⁴⁸⁹, а президент страны обращается к соотечественникам с призывами не ругаться матом⁴⁹⁰, уподобляясь в этом отношении своим предшественникам — русским монархам прошлого и позапрошлого столетия.

⁴⁸⁷ Громыко. С. 6.

⁴⁸⁸ Даже принципиальные враги матерщины вынуждены признавать, что этот язык собственно заменяет русский для «части этноса»: «Русских делает русскими, во-первых и в-главных, язык. Потому что без языка, без настоящего русского языка, нет доступа к русской культуре. Замечу, что та часть нашего этноса, для которой родным является не русский, а матерный, считаются русскими лишь в силу записи в паспорте и за неимением иных возможностей...» Черемисина. С. 135.

⁴⁸⁹ Обстоятельство, нашедшее уже и литературную разработку: «у каждого блока свое хобби — пиво с эмблемой пенной кружки [...], а одна фракция в поисках собственного названия настолько увлеклась, что сумела протащить аббревиатуру Прогресс и Законность. Демократический Единый Центр (читай газеты).» Чингиз Гусейнов. Директория IGRA. М., Издательский Дом Русанова. 1996. С. 124–125.

⁴⁹⁰ Сообщение агентства Рейтер, июнь 1997.

§ 6. Начальственная искренность как матерная форма достоверности

Давно замечено⁴⁹¹, что матерщина — распространенное средство советского начальства эмоционально приблизить к себе подчиненных. Цензурным, или нормативным, соответствием этой практики предстает начальственное тыканье подчиненным, восходящее к двум источникам: внутрипартийному ты коммунистов и старорусской традиции разговора барина с холопом. Формула приближения с помощью матерного высказывания, произносимая во внутренней речи начальника, может быть представлена пассажем: «Если бы я не считал тебя своим, был бы другой разговор, казённый, да и оргвыводы последовали бы. Я же считаю тебя своим и готов предстать перед тобой в человеческой слабости: вот, видишь, матерюсь в твоём присутствии (или даже тебя самого матерю)».

Литературных фиксаций такого рода случаев мало в силу своеобразной интимности происходящего:

получив еле-еле свой паспорт
в домработницы я подалась.
Мой хозяин — солидная шишка —
был не гад никакой, не злодей,
только чуяла я без ошибки:
он из тех телефонных людей.
Обходился со мною без мата,
правда, вместе за стол не сажал,
но на праздник Восьмого марта
мне торжественно руку пожал.

(«Нюшка», глава из поэмы «Братская ГЭС», 1964)⁴⁹²

Обычно ни один из участников не заинтересован в разглашении реального речевого контура подобного взаимодействия.⁴⁹³ В целом, эти повседневные ма-

⁴⁹¹ Гусейнов. 1989; в начале 1970-х гг. своими наблюдениями над этой практикой поделился со мной филолог Валентин Михайлович Максимов (Тихвин).

⁴⁹² Евгений Евтушенко. Моё самое-самое. М., Изд-во АО «Х. Г. С. ». 1995. С. 213.

⁴⁹³ См., например, эпизод из воспоминаниях партийно-хозяйственного работника 1960–1980-х гг.: «Как-то вызвал он [Л. С. Максаков, председатель радиокомитета] меня «на ковер». Воспитательный раунд затянулся. Осторожно приоткрылась дверь в его кабинет, и в образовавшейся щели появился, едва протиснувшись, Иван Иванович Говалло, начальник технического управления комитета, интеллигент до мозга костей. Максаков опустил очки на кончик носа и спросил:

— У меня в приемной народу уже, наверное, до черта? (Набор слов был, понятно, не такой)

терные речевые практики оцениваются по-разному и самим начальством истолковываются обычно как способ повысить доходчивость сообщения. Так, когда после перестройки впервые появилась возможность задавать бывшему начальству вопросы о его речевых предпочтениях, М. С. Горбачев объяснился по поводу приязни к матерному слову В. С. Черномырдина, только что назначенному тогда премьер-министра России. Корреспондент «Литературной газеты» поделился с М. С. Горбачевым своими сомнениями относительно деловых качеств нового премьера:

— Вы симпатизируете Черномырдину. Меня его назначение удручило не по политическим и не по экономическим причинам. Скорее, по филологическим. В одном из своих первых телеинтервью в самолете по пути в Алма-Ату новый премьер как одно из своих положительных деловых качеств отметил умение крепко и громко ругаться на подчиненных.

[М. С. Горбачев:] — Это он сам отметил? Ну да, он строитель, на ветру оно так доходчивее.⁴⁹⁴

Любопытно, что, не будучи, возможно, матерщинником, Горбачев все же объявляет властный мат более доходчивым, понятным для подчиненных и подвластных.

Кроме функции приближения к начальству, отметим функцию добровольно включенного «детектора лжи». Эпизод инсценирования самозабвенного выбалтывания правды на матерном языке в присутствии начальства или в предположении, что разговор будет обязательно записан и прослушан начальством в записи, приводит в своем дневнике Юрий Нагибин.

18. 10. 1983. Разговор с [Н.Т.] Сизовым [генеральным директором «Мосфильма»] о «Рахманинове» [сценарий художественного фильма, режиссером которого должен был стать Андрон Сергеевич Михалков-Кончаловский]. За день до этого — странный звонок Сергея Михалкова. Смысл звонка в том, чтобы я канителил как можно дольше со сценарием. Видимо, тянуть надо около двух лет, чтобы его успели переизбрать на съезде писателей. С сыном-беглецом он провалится, а с сыном, работающим над новым фильмом, да еще о Рахманинове, — спокойно пройдет. Совершенно неожиданно Сизов сказал, что решили дать Андрону постановку без вся-

Я смотрел на Ивана Иванович и ждал, как он ответит. Держа в вытянутой руке папку с документами, он деликатно произнес:

— Примерно около того.

Я рассмеялся, а Максаков, даже не улыбнувшись, спросил меня:

— Что это с тобой?»

Дмитрий Квок. Это было недавно... Это было давно. (Рассказы москвича). М., «Луч». 1994. С. 277.

⁴⁹⁴ *Михаил Горбачев.* Если власть сохраняет обязательства перед народом, она не должна бояться новых выборов // Литературная газета. 3 февраля 1993.

ких предварительных условий, т.е. без обмена его вольного паспорта на общенародную «крепость». «При сложившейся ситуации... — бормотал Сизов. — Тарковский, Любимов⁴⁹⁵... куда же еще!.. Пусть поставит картину, там видно будет!..»

Мудрое решение. Слишком мудрое, чтоб осуществиться.

Реакция [Михалкова], которому я позвонил вечером, была непонятна. Он стал разговаривать, как пьяный конюх, с матом — в адрес шалуна-сына, его парижской семьи и т.д. Это было совсем не похоже на первый — сдержанный и любезный — разговор. Алла [жена Ю. Нагибина] догадалась потом, что всё это предназначалось для других ушей, ведь я звонил к нему на дом. Мат выражал его гражданский пафос и вместе — давал выход восторгу. «Пусть ставит настоящий фильм, мать его, а не всякое говно! Что он там навалял, в рот его так, какую-то видовуху сраную. Хватит дурить, работать пора. Не мальчик, в нос, в глаз, в зад, в ухо его!..» Это всё о блудном сыне. Библейское возвращение блудного сына решалось в другом ключе. Кстати, тут возвращения так и не состоялось (мудрое решение отменили), и Михалков не смог возложить руки на запаршивевшую голову странника-сына и омыть ее жидкой слезой из ослепших от горя глаз.⁴⁹⁶

Собеседники — Нагибин и Михалков — в нормальном разговоре, не будучи приятелями, едва ли широко пользовались матом. «Как пьяный конюх» заговорил Михалков для Нагибина в тот момент, когда он подверг матерным поношениям собственного сына. Нагибин воспринимает эскападу Михалкова как инсценировку благородного родительского гнева: поэт и автор слов гимна СССР обращается к невидимым третьим свидетелям беседы — представителям госбезопасности и партийного аппарата: 'Я вышел из себя, я больше не контролирую свою речь: живое чувство гнева на сына вырывается из моих уст отца и советского поэта. Я скажу свое последнее отцовское слово, и сын покорится'.

Вместе с тем, конечно, и для Нагибина матерная речь Михалкова отчасти оскорбительна: не будучи адресатом брани, Нагибин как потенциальный автор сценария находится в известной зависимости от успеха михалковского дела и принужден подыгрывать выходке Михалкова-старшего. К Нагибину тирада Михалкова обращена контрастом между «сановником» первого и «конюхом» второго телефонного разговора и могла быть истолкована примерно так: 'Прости уж, но такие дела, что по-другому я сейчас говорить не могу!' То обстоятельство, что Нагибин ощущает речь Михалкова как отчасти оскорбительную для себя, передается сарказмом завершающей тирады, с ее библейским культурным фоном.

⁴⁹⁵ Андрей Тарковский и Юрий Любимов жили тогда фактически в эмиграции.

⁴⁹⁶ *Нагибин.* 1995. С. 518–519.

Таким образом, участники разговора (оба писателя и прослушивающий, как им обоим казалось, их разговор человек «сверху») получают каждый свое сообщение из трех разных подтекстов одного матерного высказывания. Но в глазах начальства матерная коммуникация меж братьями-писателями — это и часть другого контекста, а именно — артистического мата.

§ 7. Артистический мат

Феномен артистического мата нельзя обойти потому, что именно артист, художник, постоянно работающий со словом звучащим, интуитивно извлекает ключевое речение из повседневности и возвращает его современникам уже в качестве поведенческой инструкции, пусть полусознанной или экстравагантной. Перекройка любого, в том числе — идеологического, материала лежит в природе творчества, да и само формирование идеологии как социокультурного явления это тоже в определенном смысле — продукт артистической творческой деятельности. Громадная литературная продуктивность Маркса, Ленина или Троцкого в не меньшей степени обусловила «оргию слова» (Вальтер Шубарт), царящую в тоталитарном государстве, чем массовая жажда политического действия у низших, угнетенных слоев общества.

На стадии вступления в новую эпоху мат и мог восприниматься как символическое выражение полного освобождения от «старого режима» с его традицией разделения речи на разрешенную цензурой и нецензурную. Заметным делало этот процесс живейшее участие в нем интеллигенции, особенно — писателей и артистов. Из множества документов эпохи приведу свидетельство Ивана Бунина:

2 марта 1919.

Новая литературная низость, ниже которой падать, кажется, уже некуда: открылась в гнуснейшем кабаке какая-то «Музыкальная табакерка» — сидят спекулянты, шулера, публичные девки и лопают пирожки по сто целковых штука, пьют ханжу из чайников, а поэты и беллетристы (Алешка Толстой, Брюсов и так далее) читают им свои и чужие произведения, выбирая наиболее похабные. Брюсов, говорят, читал «Гавриилиаду», произнося все, что заменено многоточиями, полностью. Алешка осмелился предложить читать и мне, — большой гонорар, говорит, дадим.

«Вон из Москвы!» А жалко. [...]

22. 4. 1919.

Город [Одесса] чувствует себя завоеванным каким-то особым народом, который кажется гораздо более страшным, чем, я думаю, казались нашим предкам печенегу. А завоеватель шатается, торгует

с лотков, плюет семечками, «кроет матом»... [...] Одна из самых отличительных черт революций — бешенная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна.⁴⁹⁷

Когда период революции закончился, язык не только вернулся в традиционные рамки, но и подвергся цензурной «чистке». Официальной политикой в отношении речевой практики населения стал пуризм. Никаких публичных чтоток (как, впрочем, и никаких «Музыкальных табакерок»), подобных тем, что описаны у Бунина, с конца 1920-х гг. уже быть не могло. Артистический мат ушел во второй план речи, но сохранил свою силу в подтексте. Будучи абсолютно закрытым для публичного (устного или письменного) высказывания, матерный подтекст оставался и своеобразным немым художественным средством, и двуострым (амбивалентным) зна́ком: для одних носителей языка это был знак определенной гражданской позиции, более или менее чуждой режиму; для других — словесное выражение цинизма, правдивый повседневный самоотчет в неискренности. Условную границу перехода от революционной раскованности к раннесоветскому ханжеству можно провести по 1925 году, к которому относится известный эпизод первой всесоюзной конференции пролетарских писателей (январь 1925):

На четвертый или пятый день съезда разыгрался скандал. Выступавший как представитель ЦК Партии Лев Сосновский, говоря о всевозможных литературных уклонах, хотя и не назвал имени, но бросил фразу, явно направленную против Маяковского:

— Есть у нас и такие поэты, которые вместо «рыдания матери» пишут «рыд матерный».

[...] Маяковский вышел на сцену, где сидел президиум съезда:

— Прошу слова!

Но предательствующий в тот день Демьян Бедный отказал:

— Вы не делегат съезда!

— Тогда я спрошу съезд, желает ли он меня выслушать.

По залу прокатилось — «желаем». Своим правом Маяковский воспользовался в полной мере. Попало от него и Сосновскому и руководителям печати. Закончил свое выступление он так:

— Я не знаю, насколько понятен или непонятен «рыд матерный», но приведу вам строки поэта, который имеет патент пролетарского.

И он процитировал сплошь «мифологическую» строфу Демьяна Бедного. Генерал от литературы и — в ту пору — единственный кремлевский поэт расшвырял:

— Эту шантрапу надо гнать отсюда, — заорал он, уже не выбирая выражений...

Маяковскому пришлось оставить зал заседаний...⁴⁹⁸

⁴⁹⁷ Бунин. 1935. С. 32, 72.

⁴⁹⁸ Гаев. 1952. С. 74–75.

Как видно, политическое содержание эпизода невозможно отделить от конфликта языкового: за спором о языковой форме — отчетливое противостояние вельможного партийного лицемера и несколько наивного борца за пролетарскую правду. Маяковский пытался нарушить правила игры, сломать границу между матерной привилегией начальства, играющего в народность, и артистическим вольным матом простонародья. Сделать это ему не позволили, а впоследствии и вовсе ограничили хождение мало-мальски пряных слов в литературе и публицистике.

В приводимых ниже примерах, взятых из воспоминаний популярного советского артиста Михаила Козакова, эпизод с актером Грибуниным падает на вторую половину 1930-х гг. и передается автором как известное театральное предание.

Иногда и на сцене, и в жизни актерские хулиганства есть некий протест против многозначительного серёза пуристов и ханжей от искусства. [...] Когда один из основателей старого МХАТа Грибунин играл разного рода купцов в пьесах Островского, он любил прямо на сцене легонечко, еле внятно, пустить матюшком, столь непременно для его персонажей. Кажется, в роли Курослепова к реплике выходявшего из жуткого похмелья купца: «Небо валится!» — добавлял: «Еб твою мать, небо валится!» Зал грохотал от смеха, но мат слышали только партнеры. А три тогда молоденькие актрисы-интеллигентки, будущие народные артистки всего СССР решили настучать про хулиганство Грибунина Станиславскому. Константин Сергеевич вызвал Грибунина для разговора. Но последний, со свойственной ему верой в предлагаемые обстоятельства и убежденностью, объяснил Станиславскому, что этот мат — лишь второй план, что ничего подобного вслух он себе на святых подмостках позволить не мог, — но в подтексте, вторым планом было. Станиславскому эти доводы показались убедительными, и он отпустил Грибунина с миром.

Тот, выйдя из кабинета Станиславского, обнаружил в предбаннике молоденьких доносчиц, которые с нетерпением ожидали Грибунина. Они были уверены, что их коллективный донос даст нужные результаты. Каково же было их удивление, когда из кабинета Станиславского вышел бодрый старик Грибунин и, проходя мимо своих доброжелательниц, бросил им тут же мимоходом: «Ну что, пиздюшки, нажаловались?»⁴⁹⁹

Истолковывая артистический мат как актерское хулиганство, Козаков указывает на два важных обстоятельства: публичное сквернословие в 1930-е годы уже является правонарушением; как подтекст, или «второй план», диктуемый «предлагаемыми обстоятельствами» (терминология «системы Станиславского»), мат приемлем в артистическом мире. В отличие от революционной матерщины, в пределе воспринимаемой как разнуданность дорвавшейся до власти обезьяны

(бунинский 1919 год), артистический «матюшок» советского времени — часть эстетики подтекста, продолжающей в новую эпоху старую русскую традицию так называемого «кукиша (фиги) в кармане»: незаметной для режима критики режима. Этот же тип речевого поведения, возбуждающий эсхрофемизм, наблюдаем в поэме Георгия Оболдуева «Устойчивое неравновесье» (1934):

Вы думаете, чудеса, милсдарь?
Молодцы, что такое ду-ма-е-те.
Идите в звязду. Звизда?
Много туды сунуто. Остатки? — Суньте и те.⁵⁰⁰

Как часть эстетики подтекста мат становится атрибутом мужества, постепенно складывается мода на него, он делается непременной составляющей мужского микрогруппового общения. В эссе подростка послевоенного времени пунктирной линией показано нарастание матерной эстетики повседневности:

[С 1945] Трофейный Харлей с коляской движется пируэтами. Свернул в переулочек и подпрыгивает на бульжниках. Принято матюгаться. Пацаны от скуки пускают «блинки». [...] Золотые коронки штабиста. Наследие тёмного прошлого. Отборный мат. Картофель в «мундире». Большой начальник! [...] Хризантемы — цветы на японском халате! У крестьян паспортов нет! Махровая матерщина. Паханы «держат мазу». Хозяйки к празднику моют окна.⁵⁰¹

Динамика советской послевоенной матерщины представлена здесь на фоне других знаковых бытовых мелочей по схеме:

- отдельные матерные высказывания как дань моде («принято матюгаться»);
- мат, применяемый как элемент красноречия («отборный мат»);
- мат, превратившийся в бессодержательную речевую смазку («махровая матерщина»).

В контексте нашей темы важно осознание современником функции матерной речи в культуре как элемента эстетики повседневности. Новым в это сердцевинное советское время — война и первые послевоенные годы — становится именно распространение артистического, или интеллигентского, мата как культурного жеста. На это указано и в другом достоверном историческом источнике — опубликованном лишь в 1990-х гг. дневнике С. М. Эйзенштейна.

⁴⁹⁹ Козаков. 1996. С. 411.

⁵⁰⁰ Оболдуев. С. 88.

⁵⁰¹ Белков. 1979. С. 130–132.

Увлечение фольклором [в словаре Эйзенштейна — эвфемизм матерщины — Г. Г.] давно уже укрепилось как признак хорошего тона среди широких слоев советской интеллигенции, литераторов и литературоведов.⁵⁰²

И следующее поколение деятелей культуры восприняла эту традицию внутривещной раскрепощенности, или — глядя на нее под иным углом зрения — разнузданности.⁵⁰³ Рассмотрим подробнее лежащий в той же традиции девиз молодых актеров-шестидесятников:

Был тогда [в конце 1950-х — начале 1960-х гг.] у молодых современниковцев [артистов театра «Современник»] хулиганский девиз, благодаря которому удавалось иногда вдруг многое совершить, девиз, призывавший к конкретным действиям в любой обстановке, спасавший от рефлексии, не позволявший долго размышлять и сомневаться: «А хули?»⁵⁰⁴

Итак, в подтексте артистического матерного слова носитель языка видит следующие подразумеваемые концепты:

- ‘раскрепощенность’ («хулиганство»);
- ‘свободу от рефлексии и сомнений’;
- ‘действенность’.

Наличие языкового горизонта, куда можно было обратиться за искомыми свойствами (пусть и в гомеопатических дозах), — предопределяло грядущий взрыв матерной речевой активности в обстановке слома существовавшего режима. В начале 1990-х гг. появляется эпиграмма на новую русскую демократию:

Нам демократия дала
Свободу матерного слова.
Да и не надо нам другого,
Чтобы воспеть ее дела.

⁵⁰² *Эйзенштейн*. 1946. Т. 2. С. 134.

⁵⁰³ Ср. послевоенную характеристику матерного языка как «бронетанкового слова» у Юрия Айхенвальда (Медитация о матерном слове // Айхенвальд. 1977. С. 118–119).

⁵⁰⁴ *Козаков*. 1996. С. 117; эту кратчайшую формулу можно передать стихотворной строчкой Ф. Соллогуба: ‘кто нам, дерзким, руки свяжет?’; полная формула современниковского девиза: «Хули нам, красивым бабам?» («ироническое присловье, причем чаще используется мужчинами для придания особого иронического оттенка. Смысл его: мы тоже можем жить красиво, на широкую ногу». (*Александр Сидоров*. Словарь современного блатного и лагерного жаргона (южная феня). Ростов-на-Дону, «Гермес». 1992. С. 176).

Общество двоемыслия, общество официального пуризма, которое готово было терпеть простонародный мат как выражение культурного уровня социальных низов, переживало восхождение артистического мата в годы перестройки и после нее как вызов самой поведенческой парадигме двоемыслия. Но официально-либеральный и официально-почвеннический варианты пуризма по-разному понимали этот вызов.

Я бы сказал так: берегите мат! Охраняйте его от поглощения литературой! Этот выдающийся национальный феномен заслуживает того, чтобы жить самостоятельной жизнью. Культурная интеграция убийственна для него.⁵⁰⁵

Что это за самостоятельная жизнь, однако, не уточняется.

Почвенник видит в расширении применения мата угрозу устоям народной жизни с ее привычной и удобной сегрегацией «высокого» и «низкого», «официального», «белого», праздничного существования и «подпольного», «черного», будничного прозябания:

Всюду этот, сердитый. Всюду мат-демократ.
Пять свечей поминальных у стенки стоят.
Если снайперы в танке,
Спи спокойно, Останкино [...].⁵⁰⁶

Либерал-западник, наоборот, видит в мате не завоевание демократии, но лишь обнажившееся подпольное сознание официоза:

Прекратились лауреаты, секретари, герои,
массовые протесты и всенародные подъёмы.
Остался мат, лай собак, визг женщин,
прибой грязных волн о грязный берег.⁵⁰⁷

Снятие границы между полями разрешенного и вольного слова вталкивает в общее пространство свободы все социальные слои, смешивая простонародный («плебейский») мат с артистическим («культурно обусловленным», «матом-

⁵⁰⁵ *Волгин*. 1993.

⁵⁰⁶ *Егор Самченко* (Солнечногорск). Всюду этот, сердитый... // Наш современник. 1994. № 6. С. 99; стихи написаны по следам октябрьских событий в Москве 1993 года.

⁵⁰⁷ *Жванецкий*. 1995.

цитатой»). Из этой смеси возникает новая речевая реальность, в которой матерный язык и может символизировать самое демократию. Сохраняя демократическую установку, некоторые писатели предлагают защитить матерный слой языка от чрезмерного употребления — как некое меньшинство, которое будет лучше чувствовать себя в резервации. Так, писатель Юлиу Эдлис, объясняя, почему «в твердыне» его «убежденной антиматерщинности была пробита брешь»⁵⁰⁸, признается, что с расширением публичности матерного словоупотребления непредсказуемо меняется вся система языка. Бывший «идеологический антиматерщинник» в момент гибели официальной идеологии становится идеологом спасения-изоляции матерщины. Такую эволюцию пережили в годы перестройки и после нее многие носители языка.

Если бы языковые процессы проходили изолированно друг от друга, можно было бы целенаправленно воздействовать на них. Но трудность в том и состоит, что, согласно распространенному мнению, матерный язык вторгся в открытый речевой поток поссоветского культурного общества в порядке компенсации идеологического вакуума. То обстоятельство, что общество поджидало нового наполнения для этого вакуума с другой стороны⁵⁰⁹, свидетельствует лишь о неузнанности в нецензурном, обценном слое языка усвоенной им за советское время идеологической семантики.⁵¹⁰

Те носители языка, что противостояли советскому режиму и считали свой мат частью «государственной крамолы», видят в массовом матерном языке новой, небывалой бесцензурной эпохи «опошление и обесценивание» того, что, как им теперь кажется, было «эксquisite национальной валютой»:

Русский мат проделал на глазах нашего поколения отрицательную эволюцию; мы были современниками его расцвета и стали свидетелями его деградации. Матерная брань как эффективное выразительное средство, унаследованный от предков изысканный архитектурный мат поплек и распался, уступил место ленивому словоблудию, утратил эмфазу и эмоциональность, выродил-

ся в систему вялых междометий и хуже того — в набор ничего не значащих слов-паразитов, в слабоумное «бля, бля». Где они, виртуозы матерщины, вдохновенные импровизаторы, которых я знавал в лагере, у которых учился? Где эти самородки, мастера ажурных многоэтажных конструкций, хранители и эстеты мата? Беззубая ругань сделалась достоянием пьяниц, стала худшим образцом получленораздельной речи, идиотическим сотрясанием воздуха, ибо она утратила всякий смысл и резон: то, что теперь называется матом, — это какой-то песок между зубами, какое-то безостановочное слюнотечение. Рафинированный тюремно-лагерный мат (некоторое представление о нем может дать известный словарь-справочник Жака Росси) разлился по стране, словно лопнула фановая труба, но с тех пор, разведенный и разжиженный, ставший общенациональной речью, оплошился и обесценился. Интеллигенты, выдающие себя за блатарей, и чиновники, подражающие интеллигентам, сопляки-дошкольники, околослитературные дамы, древние старухи матерятся по привычке, без зазрения совести, точно сплевывают на пол.⁵¹¹

Итак, общим знаменателем матерного дискурса оказывается его вторичная тривиализация в обстановке полной языковой свободы и, таким образом, сохранение за матом высокого идеологического статуса. Те, кто признавали этот статус втайне, но ханжески отвергали публично, объявляют неподцензурный мат воплощением демократии. Те, кто употребляли его втайне как эстетическое достояние свободы, отрицают право на мат за «толпой» и «сопляками». Те, кто отрицали мат во всех видах, готовы перед лицом суровой реальности поступиться своими принципами, но хотели бы получить от носителей языка гарантии «умеренности» в дальнейшем употреблении ими мата.

Идеологическая сила мата по-прежнему состоит в том, что он кажется носителям языка возможным предметом воздействия, общественным орудием, пользователями которого должны и могут быть особым образом подготовленные и допущенные к мату лица.

§ 8. Матерные идеологемы — теневой репертуар идеологического языка

В своем качестве последнего разоблачителя матерный язык является фундаментальной составляющей идеологического языка. Развивая опыт досоветского бытования, он и в советское время обеспечивал носителей языка ключевыми идеологемами-формулами лагерно-тюремного существования. Такие фразеоло-

⁵⁰⁸ Юлиу Эдлис. Похвальное слово... мату // Культура. 6 февраля 1993.

⁵⁰⁹ О направлении ожиданий интеллигенции дает хорошее представление высказывание Юрия Карякина, одного из известнейших перестроечных публицистов: «Мы думали 7–8 лет назад: вот опубликуют «Один день Ивана Денисовича», «Архипелаг ГУЛаг», «Окаянные дни» Бунина, «Несовременные мысли» Горького, и мы будем в раю. Но вот всё это опубликовали, и еще многое другое. А мы — в аду». Действительно, ни один из перечисленных текстов не стал в поссоветской России культовым (цит. по: Гусейнов. 1997. С. 145–146).

⁵¹⁰ Даже у автора одного из первых поссоветских исследований «лексического сопротивления тоталитарному языку», или языку идеологии, не хватает духу цитировать тексты, составляющие предмет работы. «Губерман часто употребляет [в своих «дацзыбао» или «гариках» — сатирических авторских частушках — Г.Г.] нецензурные слова, скорее всего, как средство языкового протеста. На месте этих слов мы ставим многоточие» (Кутина. 1995. С. 132).

⁵¹¹ Борис Хазанов. Экология мата // Литературная газета. 2 февраля 1994.

гизмы подневольного опыта, как «не ебут — не подмахивай», «нам, татарам, одна хуй — что ебать подтаскивать, что ёбанных оттаскивать», «на хитрую жопу — хуй с винтом», «хуем груши околачивать», «хуй валять и к стенке приставлять», «пьет все, что горит, ебет все, что движется (вариант: все, что дышит)», — образуют низовой pendant официальной идеологии, альтернативный репертуар ее прописных истин.

Фрагмент этого репертуара, сложившийся вокруг понятия ТРУД, предлагается в таблице; источники — «Архипелаг ГУЛаг» А. И. Солженицына⁵¹², словари Жака Росси⁵¹³, Д. С. Балдаева и соавторов⁵¹⁴, словарь А. Сидорова⁵¹⁵, антология Н. Дронникова⁵¹⁶, архив автора. В левом столбце представлены лозунги и официальные идеологемы важнейшего воспитательного учреждения — зоны (всем другим названиям тюрьмы и лагеря — исправительно-трудовое учреждение, исправительно-трудовая колония и т.д. — я предпочитаю этот принятый в литературе кратчайший термин). В правом столбце — «трудовые» лозунги и идеологемы «воли». В среднем столбце представлен коллективный «ответ» на идеологический вызов «зоны» и «воли» — и подневольного «исправительного» труда и «созидательного свободного труда советских людей».

Лозунги и официальные идеологемы зоны	Лозунги и официальные идеологемы воли	Теневые идеологемы на стыке зоны и воли
давай-давай!	даёшь!	Давай-давай давно хуем подавился!
Быстро-быстро!	Пятилетку в четыре года!	Давай-давая выебли и сушить повесили. Быстро только кошки ебутся да слепые рождаются.
На свободу с чистой совестью	Совесть — лучший контролер	Где была совесть, там хуй вырос.
Заключенный — активный участник социалистического строительства	Мы придем к победе коммунистического труда!	Нам татарам — одна хуй: что ебать подтаскивать, что ёбанных оттаскивать.
Через честный труд — к скорочному освобождению!	Труд для народа — счастье!	День кантовки — месяц (вариант: год) жизни

⁵¹² Архип. 1973. Т. 1. С. 38, 66.

⁵¹³ Росси. Т. 1. С. 32, 73, 95, 269.

⁵¹⁴ Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., «Края Москвы». 1992. 526 с.

⁵¹⁵ Александр Сидоров. Словарь. 1992.

⁵¹⁶ Николай Дронников. Страна Мурляндия. Иври. 1985 (без пагинации, с иллюстрациями).

Осваивай смежные профессии	Осваивай смежные профессии	Не ебут — не подмахивай!
ТФТ (тяжелый физический труд) — помета на личном деле заключенного	Позор лодырям и прогульщикам	Без тупты и аммонала Не построили б канала (имеется в виду Беломорско-Балтийский канал)
Тупта (тухта) — опаснейшее оружие контр-революции	Социализм — это учет и контроль (Ленин)	СССР стоит на мате, тупте и блате. Блат выше наркома (вариант: Совнаркома). Карандаш накормит.
Дойти до социализма!	Мы придем к победе коммунистического труда!	Доходяга — умирающий от непосильного труда и психически истощенный заключенный.
Мир, свобода, труд!	Мир, труд, май!	Цитата из В. Маяковского превратилась в лозунг, вывешиваемый в СССР на майские праздники (1–2 и 9 мая); в постмодернистском стёбе лозунг подвергнут обсценному переосмыслению; так, в рассказе Виктора Пелевина «День бульдозериста» «Языковые конструкции вроде «одномайственно» (намек на «однотухиственно», «май его знает» (вместо хуй его знает), «мир твоему миру» или «май твоему урожаю», не только не уничтожают прежнего значения слова, но сообщают ему еще одно — дополнительное. Поэтому огромные красные слова МИР, ТРУД, МАЙ укрывают серые фасады Уран-Батора в то же самое время, как уранбаторские матери отчитывают под ними детей за «нехорошее» слово «майский жук». Александр Антонов (Киев). «Внутренние языки» Пелевина и Кима // Литературные новости. 1996. №5 (61). С. 12.
Субботник	Субботник, Ленинский коммунистический субботник	По субботам — не работам, а суббота — каждый день!
Жить и работать.	Жить и работать; жить и работать по-ленински;	Жить будешь, ебаться (варианты: жениться, пить, чайку попить) — никогда (вариант: не захочешь!)

Кто не работает, тот не ест Кто не работает, тот не ест Работа не хуй — может сутки простоять.

Баланда, пайка, норма Трехразовое питание; норма Суп из трех залуп [объяснение А. Сидорова: «в лагерном супе мясо разваривается, а шкурки иногда отстаются» (Ук. соч., с. 174)]; суп кандей из бараньих мудей; суп рататуй — кругом вода, посередке хуй.

Положено — не положено Положено — не положено — А мне положено!
— А положенных и сбуть!

СССР СССР Спальная, столовая, сортир, работа

Вот, например, как увязывается это противопоставление в конкретном дискурсивном опыте радиожурналиста в прямом эфире (Андрей Черкизов, «Эхо Москвы»):

Была такая профессия, обязательная для всякого гражданина СССР, — строитель коммунизма. Известное дело, грамотный народ незамедлительно отреагировал на такой вот обязан: «хочешь — жни, а хочешь — куй, все равно получишь... нуль [в оригинале — *орден*, подразумевается рифмуемый *хуй*]. И не строил ровным счетом никакого коммунизма, положил на него с прибором [в оригинале: *хуй*], особенно тонко подметив, что работа — не причинное место [в оригинале: *хуй*], сто лет стоять может.⁵¹⁷

§ 9. Оттепельный мат — между «вельможами» и «шестидесятниками».

С одной стороны, матерные слова противостоят официальным идеологемам как 'живое' — 'мертвому'. Именно в этом качестве — как символ прорыва к свободе — они проникли в литературу периода хрущевской оттепели. Но с другой стороны, как инструмент «вельможного» хамства (В. Камянов), они принадлежат и власти. Оттепельный мат — объединительный символ сурового стиля, воспринимаемый современниками как общее движение эпохи к свободе.

Так, наблюдая снятие последних языковых табу в начале 1990-х гг., критик Сергей Чупринин перечисляет общим списком самые известные случаи попада-

ния мата в общественный дискурс эпохи первой советской оттепели в начале 1960-х:

Протечки, конечно, и раньше случались. То Никита Хрущев, разгорячась, скажет с трибуны что-либо этакое, и сказанное, не дойдя до эфира, до газетных полос, начнет кочевать по Руси в изустном изложении.⁵¹⁸ То Александр Солженицын насытит речь персонажей «Одного дня Ивана Денисовича» чуть-чуть графически (но не фонетически) видоизмененными словами известного рода.⁵¹⁹ То Василий Шукшин восхитит миллионы соотечественников своим чудачком на букву «м». То Валентин Катаев напечатает роман, который если чем и запомнился, то разве только «жопой»⁵²⁰, крупно, нахально выделенной в строгой «новомировской» гарнитуре... Но то и были протечки...⁵²¹

Может показаться странным, что вельможная брань первого секретаря ЦК КПСС попадает в один список с повестью А. И. Солженицына.⁵²² Это, однако, не каприз автора. В горбачевское время люди, помнящие Хрущева, в первую ложку свободы бросили читателю брань как изюминку политической риторики тогдашнего главы СССР.

Когда кричит о себе поэтика абстракционизма, примитивизма, психопатологизма, неоавангардизма, и он, наш партвельможа-мусает, на них, как водилось, гаркнет, топнет, обзовет кого-то из авторов «пидарасами», угодив если не точно в поэтику, то около...⁵²³

⁵¹⁸ Имеются в виду слова, сказанные Хрущевым в 1959 американскому вице-президенту Р. Никсону: «Мы вам еще покажем кузькину мать».

⁵¹⁹ Самая известная находка такого рода в повести — *фуй* вместо *хуй*.

⁵²⁰ О значимости этого казалось бы ничтожного обстоятельства говорит его сохранность в памяти современников десятилетия спустя. «В. Катаеву дозволено к печатному употреблению слово жопа». (Левин. 1986. С. 61). Заметим, впрочем, что задолго до Катаева такое разрешение на «жопу» получил Федор Парфенов (в романе «Бруски»).

⁵²¹ Сергей Чупринин. Прогулки с Пушкиным по садам неизящной словесности // Столица. 1993. № 14. С. 52. Любопытно применение автором коммунального термина «протечка», обозначающего определенную пространственную иерархию: верхние соседи «протекают» на нижних, а не наоборот.

⁵²² Недавно опубликованные отрывки из дневника известного новомировца, Владимира Яковлевича Лакшина, свидетельствуют о том, что наравне с главной темой Солженицына сама стилистика его книги оставалась неприемлемой для дистиллированного литературного фона времени: го-меопатические дозы вольности вызвали немедленную оборонительную реакцию: «13 февраля 1963. „Иван Денисович“ выходит отдельными изданиями — в „Роман-газете“ и „Советском писателе“. По настоянию редакторов убрал „фуй“ в трех местах, зато кое-что вставил: в речь Тюрина и потом еще реплику по поводу охраны». В. Я. Лакшин. «Новый мир» во времена Хрущева. М., 1991. С. 102.

⁵²³ Камянов. 1992. С. 48.

⁵¹⁷ Эхо. 11 июля 1995. С. 345.

Уже в 1964-м не стало Хрущева, потратившего лучшие годы своей жизни на борьбу с абстракционистами и «пидарасами». ⁵²⁴

Конечно, до хрущевского крика «пидарасы!» нашим шестидесятникам далеко, но не с той же ли яростью Хрущев топал ногами на «мазил», как иные из нас [литературных критиков-традиционалистов 80–90-х гг. — Г. Г.] на «графоманов»? ⁵²⁵

Разные люди процитировали употребленное Хрущевым «живое словцо», обращенное им в 1963 году к художникам-нонконформистам, с двоякою целью: утоляя жажду подлинности, авторы не захотели упустить случая и словно с облегчением сами нарушают табу, обозначают преодоление страха.

Именно за это — за раскрепощающую от страха и недоверности силу — матерное слово включали в свои сочинения неподцензурные писатели 1960–1980-х гг. — от Василия Аксенова до Венедикта Ерофеева. У их предшественников матерное слово чаще присутствует в эвфемистических подтекстах или вне-литературных афоризмах. Так, один из классиков советской поэзии Александр Твардовский, был автором широко распространившейся матерной формулы собрания и заседания (партийной, профсоюзной организации и т.п.) — центрального мероприятия советской общественно-политической жизни. ⁵²⁶ Воспоминания о широком бытовании этой формулы появляются одновременно с воспоминаниями о хрущевских «пидарасах». А именно, Твардовский ⁵²⁷ называл официальные общественные мероприятия (собрания, заседания и т.п.) «еблей слепых в крапиве». Одностиишие Твардовского было опубликовано лишь тридцать лет спустя, но в устном бытовании сохраняло свой оппозиционный идеологический дуктус.

Это идеологическое свойство мата переняли у «шестидесятников» неоавангардисты 1970–1990-х гг.

Современный русский авангард зиждется и распухает на ненормативной лексике. Возьмись сегодня какой-нибудь Делакруа изобразить Свободу на литературных баррикадах, он написал бы голую девку с российским флагом в руках, на котором бы гордо значилось густое русское трехлитерное слово. Кажется, отними у авангарда эту хоругвь — и он окажется голым, просто голым. [...] Обидно, право. И за авангард, и за ласковый российский матерок. ⁵²⁸

⁵²⁴ Валерий Туровский. «Творческий портрет» на фоне творческого провала // Столица. 1992. № 13 (71). С. 56.

⁵²⁵ Иванова. 1992. С. 238.

⁵²⁶ Самойлов. 1995. С. 445; Никитин. 1994. С. 339.

⁵²⁷ Возможно, вслед за Андреем Платоновым (см. Дм. Голубков. Дневник. 1 июня 1972. С. 68).

⁵²⁸ Олег Дорофеев. Общество губителей российской словесности // Воскресенье. Тула, 1995, 1. С. 103.

Идеологическое преобразование мата на закате советской эпохи — в силу очень еще не продолжительной истории его открытого бытования — обнаруживается в большинстве случаев в порядке проговорки.

Для меня язык — я имею в виду русский язык — однозначно ассоциируется с Родиной. Русский язык замечателен тем, что некоторые слова и словосочетания перевести нельзя. Ни на какой другой язык. И русские пословицы — тоже нельзя. Когда язык очень сильно обеднен, бывает обидно и за язык, и за людей.

Но особый колорит языку придают непечатные слова. Причем не тогда, когда они употребляются как заменители обычных русских слов. А тогда, когда они произносятся к месту, четко и создают такую невероятную атмосферу русского колорита.

К сожалению, привести пример не могу. Хотя довольно часто пользуюсь такой возможностью. ⁵²⁹

Половинчатое признание молодого русского политика Бориса Немцова и сохранение им традиционной советской матрицы двоемыслия («я, конечно, знаю, но не скажу»; но верно и обратное: «скажу, хотя и не знаю» ⁵³⁰) — нуждается в разборе. Уверенность и в уникальности русского матерного языка, и в уместности матерного слова в целях создания «невероятной атмосферы русского колорита» ⁵³¹, и в недопустимости его публичного употребления — свидетельства сохранности идеологической функции мата. Только теперь на месте идеологии — остаточное ханжество человека, прошедшего раннюю социализацию в Советском Союзе: Немцов уже признается в употреблении матерного языка, но еще не может процитировать себя перед включенным магнитофоном. Вместе с тем, это — часть рекламной стратегии восходящего политика. Тот, кто употребляет, — свой, открытый парень для всякого простолюдина.

Немцов прошел политический перекресток «безопасно — опасно», но остановился на моральном перекрестке «можно — нельзя», или перед лицом бытовой расколдованности мата в условиях политической и гражданской свободы.

В конце 1990-х гг. мат как посттоталитарное коммуникативное средство обсуждается в русском инете. Так, на дискуссионной странице сайта полит.ру, где выступали, в частности, такие известные пиарщики, активные участники предвыборных кампаний 1996 и 2000 года, как Глеб Павловский, тема приемлемости и политической эффективности матерной речи является одним из рефренов дискуссии. ⁵³²

⁵²⁹ Немцов. 1997. С. 124–125.

⁵³⁰ См. хрестоматийное: я Пастернака не читал, но скажу (Душенко. 1997. С. 478).

⁵³¹ Немцов. 1997. С. 124–125

⁵³² См. подробнее в архиве за 1998–2000 в: <http://polit.ru/board>

Можно услышать возражение: сколько бы примеров политико-идеологической активности матерного языка ты ни приводил, всё же матом пользуются люди во всех случаях жизни; это просто такой низовой жаргон, возможно, несколько более грубый и чаще употребляемый, чем в других языках, но все же к идеологии он никакого отношения не имеет.⁵³³

Действительно, идеологическая функция матерщины в русской истории — явление вторичное. Как вторична и концептуализация мата в литературе. Но я говорю не о происхождении⁵³⁴ и логике языка, но об употреблении его в определенном историческом контексте. Именно исторический контекст создает условия для сближения абсолютного низа простонародной и личной жизни с вершиной социальной иерархии — кухней идеологии.

Здесь общность языка идеологии и мата, а стало быть — их общая принадлежность к идеологическому языку — находит свое философское основание. Поскольку цель идеологии — и официально заявленная, и реконструктивно предполагаемая — замена механизма понимания органической манипуляцией, или ингаляцией правильного взгляда на мир, то матерный язык самоопределяется как его идеальная структурная оппозиция. Происходит это в порядке не «философствования», но непосредственной поисковой реакции носителей языка. Матерный язык интересен как философский предмет, ибо он становится альтернативой языку идеологии по свободному, безотчетному выбору. Популярная в конце 1980-х гг. беллетристка Татьяна Толстая так написала о засилье в новом русском языке иностранных заимствований и советских аббревиатур, называемых ею «монстрами большевистского новояза»:

Сдается мне, что английскими заплатами, криво вырезанными из исходного благородного материала, тщетно пытаются прикрыть зияющие прорехи бескультурия все то же люмпенское сознание строителя коммунизма. «Комчванство», «женсовет», «вещдок», «спецназ» и прочие монстры большевистского «новояза», малые и большие перлы хамского менталитета — родные дедушки «ток-шоу» и «пресс-релиза» <...>. Да уж лучше матом, чем так-то!..⁵³⁵

Случайно, может быть, но властно возникающая альтернатива — лучше матом, чем на новоязе, — указывает на общность поля их бытования в сознании носителя языка.

Употребляя «слова и выражения сексуально-фекальной предметной отнесенности»⁵³⁶, носитель языка уравнивает смертельную серьезность идеологии рефлексивным физиологизмом матерщины. Смеховой взрыв, переживаемый большинством носителей русского языка при этой встрече, и оказывается суррогатом понимания.

Говорят дети. Мальчик три года. Лет 20 назад собрались мы пообедать в саду, сын, сноха и два внука. С ними играл соседский мальчик. Он принес грамм 200 копченой колбасы. Такой колбасы в продаже нет. Надя сказала, зачем так много, тебя мама будет ругать, это ж очень дорогая колбаса. Мальчик сказал: У нас ее много, мама в мясокомбинате СПИЗДИЛА. Мы ухохотались в знании смысла слов этого малыша и жаргон отражающий разговорную речь. Он посмотрел на нас с недоумением, так и не поняв почему мы хохотали.⁵³⁷

Показательно, что слово «спиздить» выступает в речи мальчика в роли эвфемизма глагола «украсть». Литератор, эстет и сотрудник московских библиотек Н. В. К-в сказал в присутствии автора в середине 1970-х гг. об одном из раритетов своей библиотеки: «А эту книгу я спиздил в РОФе Иностранки⁵³⁸: говорю так, чтоб вы не подумали, будто я ее украл». Парадоксальная функция матерщины как эвфемизма опасного нормативного слова дополняет рассмотренный в § 5 феномен матерной искренности начальства и матерной честности подчиненного. Но этого мало: именно богатство невысказываемых матерных подтекстов создает условия для появления целого класса обычных слов, постепенно утрачивающих нормативное значение и пригодных лишь своим новым качеством. Это обстоятельство нашло свое отражение в словарях. Так, в «Толковом словаре лагерно-воровского языка» С. Снегова приводится целый ряд синонимов глагола ебать и при этом подчеркивается, что «в общежитийском смысле слова матерщина применяется крайне редко».⁵³⁹ Итогом и становится грандиозное расширение репертуара непристойностей: само матерное слово, прячась за эвфемизмами, породило новый круг слов со смещенной семантикой. В том же словаре читаем, что вместо глагола ебать

⁵³³ См., например: *Андрей Зорин*. Легализация обцененной лексики и ее культурные последствия // Трансформация русской культуры. Избранные доклады Рабочей группы по изучению современной русской культуры, 1990–1991 г. Ed. by Gregory Freidin, Stanford 1993 [Stanford Slavic Studies, Vol. 7]. С. 123–144.

⁵³⁴ См. об этом в § 3.

⁵³⁵ *Татьяна Толстая*. Долбанем кругую попсу! // Московские новости. 15 марта 1992.

⁵³⁶ *В. Д. Девкин*. Указ. соч. С. 11.

⁵³⁷ *Ф. Седлецкий* (г. Куйбышев) Анекдоты. Орфография и пунктуация оригинала. 10 января 1995. Бремен. Архив. Ф. 13.

⁵³⁸ Резервно-обменный фонд ВГБИЛ.

⁵³⁹ Даугава 1990. № 11. С. 78–19.

для обозначения полового сношения употребляются словечки вроде перепихнуться, толкануть, запистонить, пошворить, [духовку почистить,] попхать, употребить, загнать дурака под кожу, а всего чаще — оформить и задуть [вдуть].

К моменту, когда в повседневное употребление входят и сами матерные слова, их нормативные эвфемизмы сохраняют или даже усиливают непристойное значение, сами становятся вторичными эсхрофемизмами (см. § 4). На этом свойстве строится охота за принудительным матерным подтекстом, например, в речи офицеров, ведущих «военное дело» в школах и высших учебных заведениях. Так, в картотеке Асса-Бегемотова⁵⁴⁰ находим следующее имплицитное матерное подтекст высказывание:

№ 143: Проверяли мы тумбочки с товарищем майором. Открываем одну, а там две голые женщины. Одну мы с товарищем майором отодрали, а вторую пусть отдерёт тот курсант, чья эта тумбочка.

Офицер, проверявший курсантские тумбочки, употребил слово *отодрать* в буквальном значении — ‘оторвать нечто плотно приклеенное’; студенты-курсанты исходят из другого — значения глагола, употребляемого как синоним матерного *выебать*. Поскольку предполагается, что мат является основой речевого облика военных, в кругах, к которым принадлежат Асс и Бегемотов, комический эффект находят в любом офицерском высказывании.⁵⁴¹ Столь же очевидно, однако, что матерный подтекст вчитан, в данном случае, во вполне невинное офицерское высказывание. Таким образом, быстро откликающийся на возможный подтекст обнаруживает в себе и подлинного носителя матерного языка.⁵⁴² Нахо-

⁵⁴⁰ Армия. 365 высказываний солдат и офицеров доблестной Советской Армии (под редакцией П.Н. Асса и Н.О. Бегемотова). <http://www1.mpei.ac.ru/panb/army-1.htm>

⁵⁴¹ Ср. № 63: Начало — полдела, конец — всему голова! (основано на синонимии конец = хуй)

⁵⁴² Схожий эпизод описывает в очерке, посвященном матерному языку эпохи свободы, Петр Паламарчук: «Один сочинитель, которого долго самого не печатали, промышлял изданием редких старых книг. Нашел он однажды рукопись воспоминаний Гавриила Державина, в коих царская цензура сделала четыре выпуска — и предложил напечатать с хитрым пояснением, что, дескать, наконец настала пора свободы. Но вместо чаемой воли им показали изрядную козью морду. Самым простым было: „А при советской власти это печатали?“ — „Нет, мы первые!“ — бойко болтал составитель. „Если не издавали, значит, не надо“, — грели его в ответ обухом по голове. Короче, через три года многострадальная книжка таки появилась, но уже не с десятком опущенных в прошлом веке слов, а без сотни страниц про Пугачева, французскую революцию, попытки прекратить спаивание Белоруссии и прочего. Но все-таки одну царскую вырезку удалось восстановить — и тут даже записные филологи подивились. В бытность при дворе Державин повздорил с императором Павлом и, выйдя от него, в сердцах бросил фразу, где на неприличном месте поставили скобки: „Ждите, будет вам при этом <...> толк!“ Поколения демократов заполняли в меру своей ис-

дась в ожидании подтекста, он вчитывает его в любой текст и приписывает собственные ожидания установке собеседника.

Наряду с таким избыточным пониманием ожидаемого подтекста среди носителей языка распространена и иная стратегия — стремление не понимать, не находить смысла в определенном роде высказываниях. Наблюдатель, остро чувствующий близость идеологического и матерного языков, отмечает именно «психологические коллизии» тотального непонимания, или «отключки».

Одна моя знакомая признавалась, что она равным образом через несколько минут перестает что-либо понимать, когда с ней изъясняются матом, и когда она, поневоле присутствуя в зале, слушает речь высокого партийного функционера. Это «отключение» совершенно нормально, поскольку женская психика в нормальном, не искореженном службой в аппарате или прорабом на стройке состоянии, не может длительное время выносить столь концентрированное предъявление знаков власти, равно осуществляемое задымленным матерщинником и завсегдаемым трибуны.⁵⁴³

Вынесем за скобки рассуждения автора о «женской психике» и обратим внимание на его основное наблюдение: идеологическая и матерная речь в общем риторическом пространстве достигают высшего градуса бессмысленности, недоступности в первую очередь пониманию. Сближая язык власти и мат по этому признаку, общество на пути к пониманию сперва раскалывается по осям «опасно» ↔ «безопасно» и «можно» ↔ «нельзя», а потом уже — по оси «смешно» ↔ «горько» / «страшно» (см. подробнее в § 11).

Как главный символ низа жизни, противопоставленный главному символу верха, предстает матерное слово в стихах современного поэта.

На стенке кто-то вывел крупно
Словцо из трех
Российских букв!
Снисходит сумрачное утро
На бледный город Петербург..
Но дальше,
За чертой забора,
Помойки, стройки и ларька
Я вижу

порченности прореху самыми затейливыми скабрзностями. А там было всего-то словцо „царе“...» (Петр Паламарчук. Блин // Московский вестник. 1993. № 1, С. 228).

⁵⁴³ Андрей Чернышов. Современная советская мифология. Тверь. Издание автора. 1992. С. 47.

Купола
Собора
И золотые
Облака!⁵⁴⁴

Поэт очертил здесь вселенскую иерархию, структурно совпадающую как со старорусскими⁵⁴⁵, так и с советскими официальными представлениями: между низменным бытом (помойка, стройка и ларек) и миром духа (купола собора и небо) возведена преграда, отмеченная матерным словом (стенка, черта забора⁵⁴⁶). Слово из трех букв — общее. Только вместо куполов собора и облаков, словно отразившихся в золоте куполов, в советском тексте были бы рубиновые кремлевские звезды.

И действительно, приведенную поэтическую схему воспроизвели в Москве художники группы ЭТИ. Вот как описывает этот поистине исторический эпизод современник:

Красная площадь за всю свою историю видела многое. Казнь стрельцов и смерть Степана Разина, видела она Ленина и солдат, уходящих на фронт в ноябре 1941, и парад Победы в июле 1945. Видела она и «факелы» — людей, которые пытались себя сжечь заживо и которых почти всегда спасали от смерти милиционеры (но не сотрудники КГБ, которых всегда на площади было немало, а всю грязную, черную работу они оставляли для милиции).

Видела Красная площадь и то, как 18 апреля 1991 года в 14.30 пятнадцать молодых людей, представлявших Всесоюзный гуманитарный фонд имени Пушкина, легли на брусчатку прямо против Мавзолея и своими худосочными телами выложили слово ХУЙ, да еще и сфотографировались на слайд. [...] По 206 статье было возбуждено уголовное дело, а затем по доброте душевной ребят простили.⁵⁴⁷

⁵⁴⁴ Олег Чутров. Зеленые птицы // Наш современник. 1994 № 9. С. 71.

⁵⁴⁵ Ср., например, в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (гл. II): «Посреди Старопанской площади, у бюстика поэта Жуковского с высеченной на цоколе надписью: „Поэзия есть Бог в святых мечтах земли“, велись оживленные разговоры [...]. Когда поднялась луна и ее мятный свет озарил миниатюрный бюстик Жуковского, на медной его спине можно было ясно разобрать написанное мелом краткое ругательство. Впервые подобная надпись появилась на бюстике 15 июня 1897 года в ночь, наступившую непосредственно после открытия памятника. И как представители полиции, а впоследствии милиции ни старались, хулительная надпись аккуратно возобновлялась каждый день.»

⁵⁴⁶ Ср. анекдот 1970-х гг.:

— Как построить забор?

— Написать слово «хуй» и прибить к нему доски.

⁵⁴⁷ Раскин. 1994. С. 251–252.

Акция ЭТИх была не только сфотографирована, но и опубликована в газете «Московский комсомолец» 19. 4. 1991, за три дня до дня рождения В. И. Ленина. Лидер группы Анатолий Осмоловский объяснил акцию так, как понял ее и современник, поместивший смешное на первый взгляд событие в серьезный исторический контекст. По словам Осмоловского, в задачу группы входила «десакрализация» Красной площади, символический показ живого символа мертвому хозяину СССР — мумии В. И. Ленина. Показ совпал по времени с общественной дискуссией о необходимости выноса Ленина из Мавзолея, но оказал скорее отрицательное влияние на исход споров. Хотя осквернение памятника или целой площади и выдержано в смеховом ключе, многими сам этот смех был воспринят как сардонический. Надругательство над кумиром старших поколений должно было подействовать на общественное сознание поверх как рациональных («завещано было похоронить на Волковом кладбище рядом с матерью», «нелепо сохранять в современном государстве первобытный тотемизм»), так и мистических («мира не будет, пока не предан земле труп его главного врага») аргументов. Но для общества в целом такой режим матерного осмеяния оказался не под силу, и прощания с Мавзолеем не случилось. Возможно, оно произойдет в условиях нового семиотического шума на Красной площади и вокруг нее: к старым и советским памятникам — от Минина и Пожарского перед Покровским собором до бюста Сталина и Вечного огня возле Кремлевской стены — добавлены в середине 1990-х годов конная статуя спорного героя Великой отечественной войны Г. Жукова работы В. Клыкова и, в двухстах метров от нее, — сад бронзовых животных работы З. Церетели. Но в 1991 году до посюветской предметно-символической неразберихи было еще далеко, и в ушах авторов акции звучала, требуя ответа, народная частушка, мне, например, известная еще с 1970-х гг.:

Шел я мимо мавзолея,
Из окошка вижу — хуй!
Это мне великий Ленин
Шлет воздушный поцелуй.

Опыт группы ЭТИ показал, что смех над матерным высказыванием амбивалентен и легче всего обнаруживает в носителях языка готовность к «серьезно-смешной» реакции, или к быстрой смене смеха — плачем. Однако, и эта переменна знака внутри дискурса задерживает в нем как раз разбираемые выражения. Вот как реагировал на обсуждение в СМК выноса мумии Ленина из мавзолея один из слушателей передачи «Радио Свобода» «Контакты» в письме ведущей передачи Инне Светловой:

Что делать с Лениным? Хуй его соси вместо как мятного конфета. Это для тебя будет радость-сюрприз. Русские свиньи продажные 1000 лет назат гнязь Владимир тебя заставил у Иисуса Христа хуй сосать еврейского педераста. Якобы он сын боже, и ты отказалась от своего вера. Когда сабачьей смертью издохнут фашист Горбачев и Елцин а мы их на могилу срать будем. Прочь сучка руки от Ленина, я твой рот ебал. Все которые вам пишут анти ленинцы, если бы не Сталин они у Гитлера хуй сосали бы.⁵⁴⁸

§ 11. Плач — подмена понимания; матерный дискурс от философии до рок-культуры; роман А. М. Пятигорского «Философия одного переулка»; порнотрагедия Свена Гундлаха «Четверо из его народа»; рассуждение рок-музыканта и поэта Егора Летова

Отказываясь называть вещи своими именами, принимая условия игры, навязанные идеологом, носитель языка принужден смириться и с матерным инобытием идеологии. Смертельная серьезность идеологии — ее текстов и их составителей — привлекает матерное слово как доступное средство разрушения. Концепцию матерного языка внутри идеологического дискурса предлагает в своем романе философ Александр Пятигорский.⁵⁴⁹ Поскольку присутствию единственного в книге матерного слова дается детальное обоснование, приведу весь пассаж целиком. Один из персонажей романа, Андрей, говорит автору «году в 1957-м»:

Русский философ, если взять его как «тип мышления», непрерывно анализирует прошлое, но делает это с таким чувством, как будто он (и его друзья) натворил в этом прошлом что-то ужасное и ожидает за это не менее ужасной кары в настоящем или ближайшем будущем. А если этот обобщенный русский философ еще и «религиозный», то сама эта кара мыслится им не иначе, как коллективная («ох, уж нам за это достанется!» или «Плохо нам с тобой придется!»). Божий промысел мыслится им в терминах «массового производства». **Может быть, именно за такое «соборное» мышление нас и ебут в массовом порядке, а?** (выделено мною — Г.Г.) Но хуже всего, когда русский философ пытается перейти от прошлого к будущему, то есть пытается разобраться в «субъективной каше» настоящего. Тут он сразу становится прагматиком и социальным активистом. Ты ему: «Да разберись хоть немного, что к чему». А он

⁵⁴⁸ В.А.Г-в (Ставропольский край). Письмо на «Радио Свобода» от 2 января 1994. Орфография оригинала. Бремен. Архив. Ф. 13.

⁵⁴⁹ А.М.Пятигорский. Философия одного переулка, или история еще не оконченной жизни одного русского философа, рассказанная автором, а также некоторыми другими, более или менее русскими философами. М., «Прогресс». 1992. 156 с.

тебе, вдруг: «Сейчас действовать надо, а не думать». «Да ты же философ! — начинаешь ты его уговаривать. — Кто ж думать-то будет?» Возьми «веховцев»⁵⁵⁰ — какие чудные, талантливые были люди, а в коллективное совершенствование тоже все-таки верили. Отчего? Да оттого, что Россию они видели всегда как бы в двух коллективных манифестациях: снизу — темная народная стихия; сверху — испорченное, больное «общество». Но это же методологический абсурд! «А что, — спросил я Андрея, — если этот абсурд и был реальностью?» «Да он и стал реальностью! — почти закричал Андрей. — Потому что никто не думал, как он об этом думает. Сам я боюсь будущего, но я знаю, что мой страх не есть мышление, а есть (не как следствие, а сам по себе есть) отсутствие мышления о том, что происходит в настоящем, и прежде всего — во мне самом как я сейчас есть».⁵⁵¹

В пассаже, окружающем единственное на всю книгу матерное слово, оно звучит как сигнал из того мира, в котором методологический абсурд стал реальностью. Как ни высокопарно это звучит, мы имеем здесь дело с единственным в своем роде случаем философского означивания матерным словом.

В этом мире, согласно сжатой и внятной характеристике Андрея, область, где «нас ебут в массовом порядке за соборное мышление», полярна по отношению к той, где я мыслю, причем мыслю «индивидуально». Это слово — *ебут* — и внутри пассажа, и внутри всей книги — знак мира, в котором человек вовсе не принадлежит себе, знак чистой власти, внесловесно артикулируемый эмоцией страха; если соборность — положительная ипостась отчуждения, то ебля — физиологически-насильственная его сторона.

Роман-плач о несостоявшемся мышлении в России советского периода соотносится со сверхтекстом советской эпохи как явление внешнего, не идеологического языка с внутренним, или идеологическим языком. Он встроен в мощную традицию жалоб на «печальные обстоятельства» русской общественной и частной жизни. В годы освобождения от цензуры поколение А. М. Пятигорского занято осмыслением эпохи страха как матерной, сквернословной эпохи — от Ленина и Сталина до Брежнева и Горбачева. Здесь действует тот же механизм, что принуждал «шестидесятников» к месту и не к месту вставлять в воспоминания о Н. С. Хрущеве слово «пидарасы», обращенное генсеком к художникам-модернистам. В это же поле попадают широко распространенные с 1920-х до 1970-х гг. обыгрывания косноязычия Ленина («Згя, батенька, згя! У истинного революционера залупа должна быть красная!», Брежнева («сосиски сраные идут на гавно» = «социалистические страны идут нога в ногу») и мн. др.

⁵⁵⁰ Имеются в виду авторы сборника «Вехи» (1909).

⁵⁵¹ А.М.Пятигорский. Указ. соч. С. 84–86.

Недостающий член оппозиции *мыслящий* — *ёбанный* — достраивает тот же экзистенциальный горизонт, на который было указано в § 6: теневая идеологема образуется на пересечении открытого, официального и скрываемого, подпольного.

В романе представителя поколения шестидесятников матерное слово вступает в игровое взаимодействие с идеологической средой, причем в случае А. М. Пятигорского мы имеем дело с предельно скудным и действенным обращением к материалу. В неподцензурной литературе 60–70-х гг. — в прозе Евгения Попова, искусстве соц-арта, или в стихах и живописи Дмитрия Александровича Пригова или Тимура Кибирова, много работавших с идеологическим мусором, коллаж и «крупноблочный» монтаж необработанных идеологем, в том числе матерных, — это художественный прием, провоцируемый фундаментальным свойством словесного материала в составе идеологического корпуса — агрессивной или прилипчивой бессодержательностью, пригодной только для предельного снижения как замены процедуре осмысливания.⁵⁵² Столь же идеологична роль мата у В. Аксенова, Ю. Алешковского и других авторов, щедро вычерпавших матерный речевой источник. Усилиями целого поколения матерный язык стал символом жизни, в которой рефлексия о социальном подменена, по мысли А. Пятигорского, физиологическим унынием жертвы. Альтернатива Пятигорского свелась в чеканную формулу лишь *post festum*: то, что для поколения «шестидесятников» и их непосредственных последователей и эпигонов сохраняло статус игры, стало для представителей поколения их детей частью мрачной обыденности. Художественная поза и эпатаж средствами мата вытесняются попытками стряхнуть с себя матерщину как элемент идеологического целого. Для этого литератору приходится не только снова впустить ее в свой текст, но и вступить с нею в диалог. Например, так, как сделал это Свен Гундлах в порнотрагедии «Четверо из его народа»:

Ира: ...я повторяла себе: Я пизда, пизда, пизда... Но это все еще хоть как-то можно понять и оценить: богемные обычаи, сексуальная революция в сфере языка, но главное в том, что и все остальное, формально свободное от матерной брани, артикулируется отвратительным языком какого-то беспардонного графомана. Меня просто охватывает ненависть к самой себе за такое косноязычие, мне кажется, будто я покрыта паршой, коростой этих унижительных слов, образов, мыслеформ...

⁵⁵² О специфической языковой ситуации упрощения, возникающей в контексте идеологии, см. подробнее: *David Lee. Competing discourses: perspective and ideology in language. London, «Longman». 1992.*

Володя: Что ж... Придется и мне признаться, что мой мысленный монолог, а в большинстве случаев и то, что я выбалтываю наружу, ничем не отличается от ненавидимого мною языка совпосовских романов, что мое сознание оккупировано стереотипами каких-то отвратительных ублюдков, плебеев, олигофренов. Что я сам с собой общаюсь на диалекте героев школьной порнографии и газетных героев дня. И ведь чувствую, ебанный в рот, при этом отвращение, но что-то произошло со мной, что-то, что лишило меня возможности говорить и думать по-человечески, что-то произошло...

Сергея: Я все не могу вруться в ваши lamentации. Что за туфту вы гоните! Что за дешевое кокетство! Можно подумать, что каждый из вас свалился с луны. Какая упоительная мудянка! Ты сопатая манда, а ты — рваная жопа, а ты — залупа пьяной обезьяны! Вы шваль, падаль, говно! И я, заблеванная клопоёбыш, сижу среди вас. Ты — солнышко, ты — лапочка, раздвинь колени, девочка... И все мы пиздим вот этим... И уже не можем по-другому. Не можем. Кто из вас может сказать хоть одну прилично сформулированную фразу? Девочки мои, пиписечки лохматенькие, а вы можете без бля хоть разочек подумать о завтрашнем дне? А ты, Вован, способен ли ты еще написать хоть малый кусок приличной прозы? Приличной, а не всего этого коллажа архетипов и стереотипов?⁵⁵³

На вопрос «а вы можете без бля хоть разочек подумать о завтрашнем дне?» — отвечает носитель языка, употребляющий матерные слова и как смазку, и как значимые усилители-оскорбители, или пейоративно-инвективные единицы речевого потока.

После перестройки междометие *бля* и его эвфемизм *блин* всё больше становятся самостоятельными речениями. Особенно заметно это по тому, как пополняется еще старосоветская серия анекдотов и хохм свежим новорусским материалом. Проследим динамику поссоветского развития этой старой традиции с преобразованием устного *бля* во вполне самостоятельного персонажа языка (если видеть в речетворческом поле художественное произведение авторского коллектива).

Лабухи 50–70-х гг.:

соната для фортепиано = *сама ты, бля, фортепяно*. Ср. также, например, анекдот из серии подвыпивший конферансье: «Выступает солист без ансамбля!.. *сáмбля*... *Один, бля!*»⁵⁵⁴

⁵⁵³ *Свен Гундлах. Четверо из его народа. Порнотрагедия [1986] // Контр Культ УР'а 1991. № 3. С. 170–181; здесь: с. 178–179.*

⁵⁵⁴ Юмористически звучит на этом фоне сделанное по другому поводу замечание братьев Волконских: «Звук слова — степень его красоты, — должен иметь значительное влияние на то, принять или отвергнуть его. „Ансамбль“ никогда не может стать русским словом, хотя бы его печатали в театральных отзывах ежедневно и произносили за кулисами ежедневно» (*Кн. Сергей*

Анекдот брежневских времен, возникший в ответ на незначительное подорожание в 1974 г. водки (с 3 руб. 62 коп. до 4 руб. 12 коп.):

- Назовите химическую формулу спирта.
- Цэ-два-аш-пять-о-аш (C_2H_5OH).
- А воды?
- Аш-два-о (H_2O).
- А водки?
- Аж-бля-четыре-двенадцать!⁵⁵⁵

Отмеченная Ю. Левиным анаграмма слова блядь у Венедикта Ерофеева: «...не девушка, а баллада ля бемоль мажор!»⁵⁵⁶

Ёрнические стихи Бонифация (Г. Г. Лукомникова)

- Поедем в Дублин?
- А ну, в пизду, блин!
- Заместо премьи Нобля
- Мне выдали гавно, бля.⁵⁵⁷

Любопытен переход *бля* из неударной в ударную позицию:

- По-французски понимаешь?
- Отойди подальше, бля!..
- Ты мне сильно возбуждаешь
- Елисейские поля.⁵⁵⁸

Волконский, кн. Александр Волконский. В защиту русского языка. Сб. статей. Берлин, «Медный всадник». 1928. С. 58).

⁵⁵⁵ Ср. обыгрывание в том же духе химической формулы воды в стихах 1970-х гг:

- Какие уж там катамараны,
- ежели в каналах
- ни одной ашдваошечки,
- Хотя бы и без сиропа.

Из стихотворения «Не прост наш век-то». (*Лев Кротивницкий*. Капризы подсознания. М., «Прометей». 1990. С. 90; ср. также другие реакции на появление водки «Экстра»: Живая речь. С. 179).

⁵⁵⁶ *Левин / Ерофеев*. С. 49.

⁵⁵⁷ *Бонифаций*. Вешние воды. Сборник срамной лирики. М., Издательская квартира Андрея Белашкина при участии Гуманитарного фонда, 1993. С. 44.

⁵⁵⁸ *Флоренская* 1994. С. 135.

Имевшее цель завлечь публику название открывшегося в начале 90-х гг. в Москве художественное агентство «Арт-бля».⁵⁵⁹

Уместно в сотый раз поднять проблему вытеснения винила [виниловой грампластинки] цифрой. Digital, бля. Победа лазера вызвала дружный восторг потребителя и музыкантов одновременно.⁵⁶⁰

— А теперь, у меня есть два рубля, у кого, бля, больше? Передаем все Юре. И наш верный товарищ Юра сейчас идет за конь-я-ком и ли-мо-ном!

И сотрудник выкатывается из редакции в ближайший гастроном за вышеупомянутым продуктом, который тогда (подумать только!) можно было приобрести за 4 рубля и 12 копеек.⁵⁶¹

Из анекдотов о новых русских, примыкающих к приведенному в самом начале нашего списка:

Отец укладывает спать ребенка в спальне, украшенной коврами и дорогим серебряным оружием:

- Пап, а чё это?
- Это? Сабля!
- Чё, бля?
- Спи, бля!⁵⁶²

К приведенным несколько выше стихам Бонифация примыкает анекдот 1997 года о «новом русском», выучившем английские фразы, чтобы купить билет в Дублин:

- Плиз, ту тикетс ту Даблин.
- Куда, блин?!⁵⁶³

В приведенных текстах представлен определенный тип обращения с матерным подтекстом. Это обращение важнее непосредственного, или буквального,

⁵⁵⁹ Кто есть кто в искусстве 1993. С. 98.

⁵⁶⁰ *Гурьев*. 1996. С. 7.

⁵⁶¹ *Козаков*. 1996. С. 184.

⁵⁶² Услышано в мае 1997.

⁵⁶³ Услышано в феврале 1997 г.

значения слова. Закрепленный в письменном тексте после десятилетий только устного бытования, элемент *блядь/бля/блин* не только сам бесконечно отдалился от матерно-бранного *блядь*, но вызывает у носителей языка ширящуюся приязнь к прямому матерному слову и отвращение ко всякого рода «разрешенным», цензурно допустимым эвфемизмам.⁵⁶⁴ Интенция достоверности уже присутствует в матерном высказывании как часть его подтекста. Она легко может перейти в интенцию субъективной честности матерщинника, призывающего отказаться от любых слов-прикрытий.⁵⁶⁵ Проблемой носителей языка становится превращение в непристойность самого эвфемизма.⁵⁶⁶

Рассмотрим фрагмент интервью рок-музыканта и поэта Егора Летова. Выбор объясняется тем, что в нем, как и в разобранный выше фрагменте из романа А. Пятигорского, ставится и решается некая глобальная проблема: место России в мире. Егор Летов находится на той же оси дискурсивного напряжения между *мышлением* и *выебанностью*, что герой романа А. Пятигорского. Интервью 1991 года запечатлело момент снятия этого напряжения гибелью большой эпохи. Она описывается Летовым с помощью существительного *пиздѐц* и глагола *пиздануться*.⁵⁶⁷

Егор Летов: — Чем дальше живешь, тем меньше иллюзий остается — ныне каждый, как оказывается, сам в себе в самом хреновом смысле. Времечко такое. Дух умер. Надо ждать.

Серёга Домой: — И сколько, по-твоему, ждать?

— Лет двести.

— Вот ты говоришь — дух умер...

— Умер, для них для всех. Покинул. Такого, я уверен, не было никогда. У меня недавно как будто что-то открылось внутри. Я понял. Это — пиздец. Тут бесполезно словеса говорить, руками махать... Это ведь не только в нашей стране. Это везде так. Нас это в последнюю очередь коснулось из всей цивилизации. Зато у нас это быстро произошло и раскидисто. По-русски.

⁵⁶⁴ К концу 1990-х годов, согласно наблюдениям некоторых филологов, форма «блин» может рассматриваться как менее пристойная, чем форма «блядь/бля» (С. Шувалова, устное сообщение, 1997). Вспомним «слабоумное бля» в уже отмеченном эссе Бориса Хазанова.

⁵⁶⁵ «Блядь — одно из самых насыщенных слов в русском языке. В моем понимании слово блядь — это всегда комплимент для женщины, но никак не оскорбление. Вот слово тёлка вызывает у меня омерзение, это-то и есть оскорбление для женщины. Но блядь... Я вкладываю свой смысл в это слово. Блядь — это женщина, которая рождена быть женщиной, которая чувствует себя женщиной и которая ни на секунду не забывает, что она — женщина». *Раскин*. 1994. С. 88.

⁵⁶⁶ Ср., например: «21 мая во дворе театра им. Моссовета в саду «Аквариум» состоится акция «Блин! Москва–Берлин», проводимая в рамках российско-германского фестиваля «Мир без границ». Название акции ни в коем случае не должно ассоциироваться с ругательством, а напротив, по замыслу авторов напоминает о русских национальных особенностях и традиционном блюде русской кухни». (*Ирина Бороган*. Международные гулянья в саду «Аквариум» // Сегодня. 18 мая 1996).

⁵⁶⁷ Синоним «накрыться пиздой».

— Так что, по-твоему, сейчас даже творчество смысла не имеет?

— Мне кажется, уже нет. [...] У Ницше в «Заратустре» фраза была о том, что наступит время, когда и понятие ДУХ означать будет грязь. Вот оно и наступило, всем на радость и утешение. Мне тут делать нечего. Здесь еще долго будет потеха продолжаться, пока все это не ПИЗДАНЕТСЯ самым жестоким образом. И вот тогда, может быть, наступит эра протрезвления... «время собирать»...⁵⁶⁸

Все другие слова — «коренной перелом», «рубеж», «революция» до такой степени обесценены официальной советской риторикой, что единственное общезначимое слово извлекается из матерного горизонта. Матерный подтекст, таким образом, может постоянно присутствовать в речевом опыте общества как язык второго плана. Этот второй план, или скрытый горизонт, прорывается на поверхность в моменты личных или исторических кризисов. Так, в стихотворении Иосифа Бродского, подводящем эмоциональные итоги первых двух лет эмиграции и предназначенном, по-видимому, для распространения в самиздате, имеет место объяснение матерного богохульства как *единственно достоверного* «выражения мощи Творца», причем слово *пиздец* выскакивает в порядке принудительной рифмовки.⁵⁶⁹

Пиздец — как словесное выражение предельного, последнего падения и как экспрессивный синоним термина *катастрофа* — проделал в общественной речи эволюцию, опорные точки которой мы проследили от доперестроечного лингвокультурного концепта Ю.И. Левина (1986) — через историософское обобщение Б. М. Парамонова и приговор представителя рок-культуры Егора Летова (1991).

Вместе с тем, осмысливая контекст, в коем высказывание Бродского о «мощи творца», являемой рифмою *пиздец-Творец*, перекликается с высказыванием Пяти-

⁵⁶⁸ *Сергей Гурьев* // Контр Культ Ур'а 1991. № 3. С. 10–11.

⁵⁶⁹ [После описания опасностей, подстерегающих водителя на американской автостраде в проливной дождь]

Кранты. Куда глядит Творец?
Иль он перевернул бинокль?
Что здесь проговорил бы Гоголь:
«Эх, тройка» или «Всё. Пиздец.

Отъездился». Прости, Господь,
мне эту рифму, но что проще
чем мат для выражения мощи
Твоей же, в сущности; и плоть
язвит он менее огня —
Тобой излюбленного средства
Свое подчеркивать соседство —
но все-таки прости меня.)

(*Иосиф Бродский*. Письма к В. Гольшпру. 22 мая 1974 // Портфель. Альманах. Анн Арбор, Ардис. 1996. С. 68–69).

горского о тех, кого «ебут в массовом порядке», мы можем сегодня прямо проверить, насколько реальна прямая корреляция матерного хуй с политико-исторической успешностью исторических деятелей. Так, проведя с помощью поисковой машины Яндекс небольшое статистическое обследование, удалось установить, что — независимо от конкретного содержания деятельности того или иного исторического руководителя России — частота появления в окружении его имени слова *хуй* свидетельствует о политической успешности (хотя бы временной), тогда как слово *мудак* указывает на отсутствие политического успеха (см. таблицу 2).

§ 12. Этапы примирения с матом — журналистика и лексикография

Философ и рок-музыкант встречаются матерные тиски русской свободы со стенами, но и с открытым забралом: они знают, что всплывший на поверхность обыденной речи низовой языковой материал отложился в русской социальной истории и передается следующим поколениям носителей языка как квинтэссенция советского социального опыта. Но большинство носителей языка захвачено новым кодексом речевого поведения врасплох и вступает в борьбу со своим собственным прошлым, полагая, что сражается против новомодной болезни.

«Само понятие «приличия», кажется, того и гляди, попадет в разряд неприличных», — жалуется обозреватель «Известий».⁵⁷⁰ Пытаясь «договориться» с языком, готов приспособиться к новым условиям писатель, верящий, что всякий носитель языка волен выбрать способ речевого поведения, а вовсе не господствующая языковая стихия подчиняет его новому режиму.

«На то ведь и свобода, чтобы выбирать. Тем ведь и отличается она от тоталитаризма, что обязанность быть, как все, предстает правом каждого быть на других не похожим. Например, в эпоху, когда единственным гарантом общественного добрословия служит цензурное ведомство, сочинять — как Юз Алешковский — на чистейшем мате чистейшую повесть о чистейшей любви. Или, тоже например, принципиально не материться, когда, наоборот, все вокруг охулки на язык кладут»⁵⁷¹.

Высокая степень идеологичности матерной речи бросалась в глаза в первых перестроечных журналах. Так, Виктор Ерофеев создает миниатюрный каталог

русских историко-культурных идеологем («священное имя Пушкина», «магическое слово Гоголя» и проч.) под названием «Отщепенец» с целью одновременно эстетического эпатажа и ученого саркастичного издевательства над вымученным школярством:

Пушкин... Какое русское ухо не наострится при звуке этого священного имени?

Нет такого уха.

Гоголь... Какой русский глаз не блеснет от этого магического слова? Нет такого глаза.

Чехов... Какой русский лоб не затоскует, не съжится при свисте этой сокровенной флейты? Нет такого лба.

Великая русская литература... Какой русский хуй не встанет со своего места под музыку этого национального гимна?

Есть один такой хуй. Мы встанем, а он не встанет. Мы все встанем, кроме него. Одинокий, жалкий, занедуживший хуишко. Но если его приласкать, если по-человечески к нему отнестись, он тоже встанет.⁵⁷²

Нехитрый в литературном отношении прием действует только благодаря тому, что слово *хуй* здесь — не настоящее баловство, а идеологический жест «баловства», главный жест свободы, отменяющий разом и школьную зубрежку, и соцреалистическую культурную иерархию. Именно в таком качестве — идеологического знака, а не «вещи» или даже «вещицы», — «короткий рассказ» В. Ерофеева и помещен в новом журнале «Странник», перед которым поставлена и новая идеологическая задача: «изучать неизвестную русскому интеллигенту науку побеждать».⁵⁷³

Прочность идеологической матрицы выясняется вполне при сопоставлении подобных вышеописанному литературных упражнений с продукцией новых русских лексикографов. Новые словари пришли к поверхности русской книжной жизни из другого, того самого речевого измерения, откуда щедро черпали Юз Алешковский, Василий Аксенов или десятки безымянных сочинителей анекдотов про Вовочку или поручика Ржевского. Тем поразительнее, что как раз помощью выше-названных словарей и не удастся воспользоваться читателю вольной русской прозы, например, тому, кто пожелал бы перевести ключевые выражения на чужой язык.

Особенность оказавшихся мне доступными словарей «блатной фени» и новой политической терминологии, опубликованных в России, Германии и Франции в два первых посюветских года, состояла в том, что ни в одном из них не представлены как раз главные лексические единицы этого пласта русского языка.

⁵⁷⁰ Ирина Овчинникова. Свобода не отменяет приличий // Известия 22 января 1993.

⁵⁷¹ Сергей Чупринин. Прогулки с Пушкиным по садам неизящной словесности // Столица 1993. № 14. С. 53.

⁵⁷² Виктор Ерофеев. Отщепенец // Странник. 1992. № 1 (3). С. 25.

⁵⁷³ Мариэтта Чудакова. Тягость успеха безнадежного дела // Странник. 1992, № 1 (3). С. 4.

Не придуманная, не очищенная, не идеализированная русская публичная речь с трудом отвоевывает себе место в словарях. По-видимому, сам облик отгиснутого слова может выступать в роли идеологического оператора: и без вмешательства цензуры составитель словаря ведет себя так, будто ему по-прежнему запрещено вплотную подойти к предмету исследования, к корневому слою этого языка.

Так, в словнике словаря В. Быкова⁵⁷⁴ нет трех главных, собственно матерных слов (*ебать, пизда и хуй*), а также слова *мудак*, хотя в других словарных статьях они присутствуют, причем здесь им по заслугам предоставлены просторные, первостатейные помещения. Вчитаемся в такие статьи.

«**Жлоб.** = Я к жлобу тому сколько раз ходила, упрашивала, чтоб продал. Мне, говорит, самому нужно... а потом натурой предложил расплатиться. А я ему: — Если уж дать, так чтоб пизда радовалась, а не такому хмырю...», с. 55;

«**Шеша.** Молодая проститутка. = Сколько этой шеше лет? — А тебе чего? Пизда ровесников не ищет...», с. 163;

«**Дрючиться.** Совокупляться. = Дрючится как, кошка! Ёбарей меняет каждый день», с. 51.

Итак, очевидно, во всех приведенных случаях имеет место своеобразное любование словом, остающимся табу как раз в словаре, специально посвященном предмету любования. Особенно комично выглядит последняя статья, возможная лишь при наличии у читателя собственной базы данных, которая и должна обеспечить стыдливому автору словаря подтекст типа: «Ёбарь. Лицо А, активно и регулярно участвующее в половом сношении с лицом Б' и т.п.

Лексикограф уже готов процитировать слово, но назвать его своим именем (что в словаре значило бы — привести и истолковать) пока еще не решается.

Разрыв между тем, что было доступно на рубеже эпох массовой книге и периодике, и тем, что могли позволить себе лексикографы, широко обсуждался и тем самым идеологически закреплялся. Так, даже в предисловии к словарю Н.Г. Комлева сказано:

Система отбора представляет значительные трудности... по нравственным причинам. Ведь уже само включение какого-то нового понятия в словник способствует вольной или невольной популяризации чужого лексического элемента в родной речи.⁵⁷⁵

⁵⁷⁴ В. Быков. Русская фея. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. München, Verlag Otto Sagner, 1992, 173 S.[Specimina philologiae slavicae. Hrsg. von Olexa Horbatsch, Gerd Freidhof und Peter Kosta. Bd. 94].

⁵⁷⁵ Н. Г. Комлев. Иностранное слово в деловой речи. Краткий словарь новых слов с переводом и толкованием. М., Московский коммерческий центр деловых инициатив. 1993. См. об этом: Александр Абельский. Дела словарные // Книжное обозрение. 9 апреля 1993. С. 6.

В развитие идеологемы *родной речи* другие лексикологи щадят «родного человека». Например, составители словаря Данцика Балдаева⁵⁷⁶ сообщают корреспондентам «Книжного обозрения» такие подробности о последней, производственной стадии своей работы:

— Вы, вероятно, обратили внимание на то, что мы постарались показать тюремно-блатную субкультуру во всем ее спектре. Я имею в виду те же приговорки и прибаутки (кстати, натерпелись мы из-за них: чересчур застенчивыми оказались наборщицы — пришлось кое-что по ходу дела «причесывать», кое-какие известные слова заменять эвфемизмами), так называемые аббревиатуры, письма и записки носителей аргю.

— Как вы решили вопрос, связанный с так называемой ненормативной лексикой? Готова публикации русской эротической поэзии, я лично столкнулся с тем, что мои профессора ни в какую не соглашались заменять слова точками.

— В действительности в воровском жаргоне ненормативной (в нашем понимании) лексики очень мало. Вы посмотрите на синонимические ряды — некоторые из них содержат по сто и более терминов. И среди этого «богатства», поверьте, есть достаточно благозвучных слов, которыми можно оскорбить, унижить человека куда как сильнее, нежели заурядным матом.

К тому же такой феномен, как мат (во всех его функциональных проявлениях) является «общенародным достоянием»...⁵⁷⁷

Тут важна не только наборщица-внутренний цензор, или простой советский человек в роли редактора. Владимир Белко называет матерную речь именем одной из ключевых советских идеологем — *общенародным достоянием*, а заодно признает, что куда более оскорбительными, или, во всяком случае, неприличными в традиционном понимании, а значит — собственно «ненормативными», для современных носителей русского языка могут быть слова как раз вполне обыкновенные. Речь идет не только, например, о всякого рода фаунистических кличках в зоне⁵⁷⁸, но и о подчинении неприличными вторичными значениями простых первичных значений. Тут *конец* (в том числе *положить конец на что-либо* в отличие от официального — *чему-либо*; например: «положить конец расточительству») и *кончатъ, простой* (как бранное зафиксировано в школьной субкультуре конца 70 — начала 80-х гг.), *давать, использовать*.

⁵⁷⁶ Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., «Края Москвы». 1992. 526 с.

⁵⁷⁷ «Еще один кирпич в стене...». Встреча в редакции Александра Щуплова и Дениса Ильичева с Игорем Исуповым и Владимиром Белко // Книжное обозрение. 16 апреля 1993.

⁵⁷⁸ Этот аспект тюремного словоупотребления детально изложен в кн.: В. Ф. Абрамкин, Ю. В. Чижов. Как выжить в советской тюрьме. В помощь узнику. Красноярск, 1992. С. 108.

Кульминация подтекстуальной лексикографии первых посюветских лет при- шлась на «Словарь московского арго» В. Елистратова.⁵⁷⁹ Автор, преподающий русский язык иностранцам, изымает из словаря матерный пласт как специаль- ную сферу, лежащую в определенном смысле за пределами всякой лексикогра- фии — как заповедник, как великий секрет родного языка. В качестве эквива- лентной замены, ни разу при этом не употребив, например, одиозного (или сакраментального) слова хуй, автор предлагает целый каталог терминов-заменителей. Чтение этого каталога свидетельствует лишь об одном: для того, кто не впускает в словарь арготизмов абсолютного рекордсмена родного языка, сло- вом-заместителем этого рекордсмена может стать всякое имя существительное или прилагательное. Лексикографу не было нужды перечислять русские клички хуя (от «абдулы» или «бельмондо» до «фантомаса» или «ясера арафата»). Подтекст пересиливает здесь всевозможные умозрительные ухищрения, предпринимае- мые из сколь угодно нравственных или культуроохранительных соображений.

Свидетельством господства именно подтекстуально-непристойного плана в языке становились недоразумения на съездах народных депутатов и заседани- ях Верховного совета Российской Федерации, спикер коего Р. И. Хасбулатов под- вергался нападкам интеллигенции за то, что, например, однажды оскорбил депу- тата С. П. Горячеву своим заявлением: «Я не использовал Светлану Петровну». Общественной проблемой является не то, что спикер — хам, но только то, что общество откликается сначала на второе, похабное значение слова, потом раз- дражается на себя за торопливую понятливость и уж в конце наскакивает на ви- новника скандала. Здесь действует тот же механизм самовыгораживания, что мы наблюдали в § 10, где интеллигентные студенты осмеивают мужлана-офицера за то, что тот не распознает юмора в собственных словах с матерным подтекст- ом.⁵⁸⁰ Таким образом язык выворачивался из-под идеологии, обманутой в луч- ших ожиданиях. К концу семидесятых годов ни один оратор в стране не мог се- бе позволить сказать с трибуны: «Я кончил». Он-то, может быть, и имеет в виду, что «завершил выступление», но толпа слушателей всё равно припишет ему ма- терное истолкование «наёбся». Традиционное общественно-политическое хан- жество, так мало нравившееся уже Пушкину в его соотечественниках, соединив-

шись с цинизмом времен развитого социализма, грозила радикально онемить советского человека.

Русские глаголы *использовать* и *употреблять* означают не только to use, но и to fuck. По этой причине многие русские стараются избегать применения этих глаголов, считая их неприлич- ными.⁵⁸¹

В сущности, лексикографическая политика, не выпускавшая живую разговор- ную русскую речь на страницы словарей, куда дольше упорствовала в поддержании атмосферы двоемыслия, чем политика в собственном смысле слова. Не случайно в СССР никогда не переиздавался словарь В. И. Даля в обработке Бодуэна де Курте- нэ, включившего матерные слова в порядке элементарной добросовестности. Лек- сикографическое сопротивление было сломлено только к середине 1990-х годов, когда на книжный рынок России хлынули уже словари собственно матерного языка, в том числе и крайне низкого качества. На этот раз, однако, матерный пласт вошел в некоторые словари в столь рафинированной и конденсированной фор- ме, что у носителей языка в самом деле могло возникнуть впечатление собствен- ной нормативно-матерной диглоссии.⁵⁸² Вышеприведенная мысль Н. Г. Комлева о словаре как «средстве популяризации слова» основана на традиционном совет- ском представлении, восходящем к эпохе ликбеза (1918–1920-е гг.) и дискуссии о языке около 1950 года. Это же представление заставляет одних языковедов в их публичных заявлениях призывать, например, к защите мата от инфляции и про- фанации⁵⁸³, а других — настаивать на особой ценности русского мата как *всена- родного достояния*.⁵⁸⁴

Парадоксальное ощущение ценности сквернословия сочетается с тягой в по- зднесоветское и первое посюветское время ко всякого рода ясновидению, зна-

⁵⁷⁹ В. С. Елистратов. Словарь московского арго: Материалы 1980–1994 гг. М., «Русские словари», 1994. 700 с.

⁵⁸⁰ Гораздо шире распространены вполне осознанные матерные подтексты, особенно в газетных заголовках, телевизионных шутках и прочих материалах посюветских СМК. Например, шапка га- зеты «Куранты» (12 мая 1994): «Хотели и Рыбкина съест, и на льготы сесть» (о депутатах); распро- странено также «и рыбку съест, и на машине (велосипеде) покататься»; оригинал: и рыбку съест, и на хуй сесть.

⁵⁸¹ А. Флегон. За пределами русских словарей / Пер. А. М. Волковинского. Троицк, ТОО «РИКЕ», 1993. С. 15.

⁵⁸² Русский мат. Антология. М., Лада-М. 1994 [рец.: Независимая газета. 6 декабря 1994]; *Василий Буй*. Русская заветная идиоматика (всесильный словарь крылатых выражений). Под ред. Анатолия Ба- ранова и Дмитрия Добровольского. М., Помовский и партнеры, 1995, xxiv + 310 с.; *Т. В. Ахметова*. Русский мат. Толковый словарь. М., «Глагол» 1996, 304 с.; *Valentin D. Devkin*. Der russische Tabuwort- schatz. Русская сниженная лексика. Berlin u.a., Langenscheidt. 1996. 126 S.

⁵⁸³ См. об этом подробнее: *Л. А. Диденко*. Исторические корни русского мата и его функциониро- вание в современной языковой культуре // Язык и культура. Вторая международная конференция. Сост. С. Б. Бурого. Киев, 1993. Т. 1. С. 181–182; *В. П. Нерознак*. Заказ на матерщину. Язык народа умирает вместе с ним. Записала Мария Пастухова // Век. 1996, 3 (169); *Тамара Виркунен*. Мат: из жи- зни слова не выкинеш! // Аргументы и Факты. 1996, 33.

⁵⁸⁴ См., например: *Б. Ирзак*. Общество матерщинников [Беседа с анонимным председателем обще- ства матерщинников Санкт-Петербурга] // Новый Петербург. 30 сентября 1994.

харству, астрологии и колдовству. Матерный язык оказывается в этом контексте либо главным врагом, либо таинственным абсолютным оружием, сулящим освобождение, чудесный выход страны из упадка. Тяготение к такой вторичной идеологизации матерного языка можно найти и у некоторых языковедов, и у столь разных писателей, как либерал Андрей Битов и почвенник Петр Паламарчук.⁵⁸⁵

Наблюдаемое в области лексикографии замешательство продолжалось на всём протяжении 1990-х годов — вплоть до появления на рубеже тысячелетия пионерских работ Алексея Плущера-Сарно. Если воспользоваться метафорой Анны Вержбицкой, примененной ею для описания перемен речевого хабитуса и перерисовывания картины мира, — можно сказать, что события в данной области начинают выходить за пределы традиционного русского «культурного сценария»⁵⁸⁶.

§ 13. Особый случай: Геннадий Айги

Особняком по отношению к рассмотренным случаям стоят стихи о русском матери поэта Геннадия Айги. В них — острота наблюдения этого феномена извне — и из другого поколения, и из другого языка. Культивируемое поэтом своеобразное косноязычие и настойчивое желание уклониться от любой традиции обеспечивают его тексты остротой взгляда на мат как на причину внутренней скованности языка, на совиновника несвободы его носителей. В стихах, датированных 1968 и 1969 годами, Айги старается передать зрительное впечатление от России, говорящей на матерном языке.

белый с отеками красными! как освежеванный:
с ликом — как будто
все время ядушим:
в доме гуляет блатной — и всё лето у нас
только воздух-знамена
Бла-юбилея и Вор-торжества:
есмь! — и схождение бла и знамен — одеянье
глагола из недр будто бла-ющего:
это — S-дело! глагол знаменитый блатного! —

⁵⁸⁵ Петр Паламарчук. Блин // Московский вестник 1993. Т. 1. С. 224–229.

⁵⁸⁶ См. подробнее: *Anna Wierzbicka*. German 'cultural scripts': public signs as a key to social attitudes and cultural values // *Discourse & Society. An International Journal for the Study of Discourse and Communication in their Social, Political and Cultural Contexts*. Volume 09. Issue 02. April 1998. P. 241 ff.

есмь! — постоянна
в том действии
бла-матерьяла утечка! —
словно распад этот дразнит пласты: и земли и людей! [...]
«бла!..» — как часы — не песочные:
— с кровью с бла-вдами!.. —
словно частями
дразня
все другие
свои же
такие же части:
свой же распад он высчитывает:
время от времени: «бла!» —
и — как кровавы следы
небывалого:
Везде-Оставленья-Частей [...].

«И: празднество» (1969)⁵⁸⁷

мы как во сне
перед домом Бла-Суда!.. [...]
и бла-скопление здесь мерцает
меняясь жидкостно как день
который — как сама страна:
единая Страна-Ненастье! —
и кажется
скопление это
дырчатым:
все дырчато: тепло и слепо дырчато:
(как будто всё — до появления глаз!) —
отверзты: в крике: бла! в любом — отверзтость многая [...]
горит бла-матерьял — идея-рв: «ВСЁ — БЛА!» —
Все-Зарево — Отхоже-Ослепительное
и рвущееся вверх — Рекою-Стоком-Медленным:
единым Словом-Гнилью-Бла-Восходом!.. —
все-озарение! — как крови цвет

⁵⁸⁷ Геннадий Айги. Отмеченная зима. Собрание стихотворений в двух частях. Издание подготовила В. К. Лосская. Париж, «Синтаксис». Б.г. С. 164–165.

картин-знамен — всё больше шириющихся
1968, октябрь
P.S. Был также крик: «Ih za nogi i v Jauzu!»
<их за ноги и в Яузу>

1970⁵⁸⁸

Сколь бы ни были велики расхождения у двух и более читателей в истолковании любой из приведенных строк, абрис кроваво-красного, израненного и ранящего всё и вся агрессивного человека из Страны-Ненастья под красным стягом и с беспрерывным матом на устах составляет изобразительный стержень обоих стихотворений. Написаны оба текста в годы зажима послеоттепельных ожиданий, безропотно принятого населением страны. Радикальный разрыв с матерящимся народом — будь то блатной сосед или массовая демонстрация трудящихся — заставляет поэта в стихии мата искать и находить идеологический подтекст. Айги видит в мате не противостояние официальной идеологии, но ее квинтэссенцию, радикально расходясь в этом пункте с большинством русских художников, видящих в мате изюминку родного языка, а в артистическом мате — чуть ли не предвестника грядущей поссоветской демократии.

То, что одним представлялось румянцем вольной жизни, другому видится агонией идеологического общества. Отсутствие общественного согласия и бездеятельность закона приводят к тому, что при встрече поссоветской демократии и артистического мата взаимодействие «актёров» политической сцены останавливается, так и не начавшись.

Матерный подтекст⁵⁸⁹ однообразная похабщина на устах политиков и/или деятелей культуры⁵⁹⁰ стали настолько привычны, что притупленная чувствительность не позволяет носителям языка вычленять из континуума брани лишь политически оскорбительное содержание. В соответствии с этим не только политика понимается как традиционно «грязное дело», но общественная жизнь как таковая признается поприщем грубости, ненаказуемых оскорблений. В этом контексте разобранный выше артистический мат играет особую роль прикрытия реального социального статуса человека в российском обществе.

⁵⁸⁸ «И: празднество в разгаре». Там же. С. 163–165.

⁵⁸⁹ Типа: «Едали мы эти прогнозы...» [открытая аналогия — *видали*, в подтексте — *ебали*] // Комсомольская правда. 29 июля 1992.

⁵⁹⁰ Один из многих примеров: «А я другой такой страны не знаю, где министр культуры, пусть и бывший [Н. Н. Губенко], называет своего коллегу «пристязной блядь» Юрия Петровича Любимова». (Валерий Туровский. Давайте жить скучно!.. // Столица 1992, 23(81). С. 56. О появлении «литературоведения на фене» пишет Александр Шуплов (А. Шуплов. «Шумел-горел Денис на фене» // Книжное обозрение. 5 марта 1993).

§ 14. Переход к поссоветскому бытованию мата

Сейчас грани [между различными слоями населения] поистерлись, поскольку издерганные и задавленные непроходимой безнадежностью нашей жизни люди незаметно выработали для себя некий средний язык — общегосударственный. Эдакое матерное эсперанто. Тот же трусливый интеллигент нет-нет, да и загнет по всем правилам языкознания такую сложносочиненную конструкцию, что моментально станет уважаем⁵⁹¹ выведшим его из себя биндюжником с нищенским запасом матерных слов, которые, как ни бейся он, не может составить в наипростейшее предложение.

Уши привыкли к постоянно окружающей нас грубости, как раньше руки — к топорам.⁵⁹²

Утрата советской идеологической функции заметнее всего именно в точке пересечения артистического, простонародного и начальственного матерных горизонтов. Анализ событий в этой точке показывает, что природа расширения матерного присутствия в современном языке сложнее концепции, с которой мы начинали, говоря о месте мата в идеологическом сверткесте.

Подъем матерщины и грубости в сферу повседневности и политической речевой практики поссоветской России вполне осознан носителями языка как совершенно новое развитие одной из констант традиционной русской речи. Общественная обеспокоенность в связи с данной темой усилена, по-видимому, тем, что носители языка столкнулись с неприменимостью привычных смысло-различительных приемов и прежде всего — приема извлечения подтекста. Анализ матерного словоупотребления и представления о нем в обществе показывает: конфликт логики (физиологический буквализм и примитивность базовых матерных терминов) и прагматики (достоверность, доходчивость и сила матерных производных) в советское время сглаживался сегрегацией «нормативного» и «ненормативного» пластов.

Сложился чин и строй: иерархия в социуме, порядок понятий в умах (идеология). Как в средневековье.⁵⁹³

Двудомная схема речевого поведения позволяла не смешивать в восприятии «смешное» и «страшное». Но вот сегрегация кончилась, и носителям языка

⁵⁹¹ Намек на классический вопрос подвыпившего к собутыльнику и собеседнику: «Ты меня уважаешь!», задаваемый с разной степенью агрессивности.

⁵⁹² В. Казакова. Придержи язык! // Заря Молодежи 20 февраля 1993.

⁵⁹³ Георгий Гачев // Литературная газета. 8 августа 1990; цит. по: Елистратов 1994. С. 671.

Ментальная карта мата на осях «страшное» — «смешное» и «бытовой абсурд» — «скромная, но защищенная повседневность»:

ВЛАСТЬ (верхи)	хуй Сталина	кукуруза Хрущева	ВЛАСТЬ (верхи)
Страшное	Не ебут, не подмахивай! Положенных ебут! (лагерный фольклор) Ебля слепых в крапиве (А. Платонов, А. Твардовский)	Никита Сергеич, у вас только две ошибки: «насрать» пишется слитно, а «в жопу» — раздельно. (Анекдот 1960-х гг.)	Смешное
«бессмысленное и беспощадное»	Кого ебет чужое горе? Слышишь, капает кровь? Слышишь, хлопает кровь? Слышишь, темною струйкой течёт? Слышишь, горе чужое кого-то ебёт?.. (Кибиров, 1990)	Мы ебали всё на свете, Кроме шила и гвоздя: шило острое, кривое, а гвоздя ебать нельзя. (Анонимная частушка)	«простое человеческое счастье»
зло и абсурд	Вместо сока из томата Льется мат из автомата — «Славься, славься русский народ, — «У, блядь, ёбаный в рот». (Сатуновский 20.3.1966, с. 93)	Никого нет со мною рядом На пустынном мосту Москва́-реки, Где чуть слышно Ругаются матом Электрические фонарики. (1949) (Глазков 1995, с. 69)	быт и покой
НАРОД (низы)	Хорошо ебать козу — Умная скотина: Ее ебёшь, она рычит, хвостом по яйцам стучит: не ебля, а картина (городской фольклор)	...я, бля, ему по-хорошему так говорю: не пизди, все всё поняли на хуй...	НАРОД (низы)

предложено наблюдать за собственной реакцией отождествления «смешного» и «страшного». Поэтической формулой, предвосхитившей схему развития мата в поссоветскую эпоху, и закончу главу о матерном пласте идеологического языка.

Идеологема *кого ебёт чужое горе?* (матерный перевод вольного принципа «моя хата с краю» или тюремно-лагерной заповеди «умри ты сегодня, а я завтра»⁵⁹⁴), бывшая неофициальной формулой мнимой всенародной солидарности советских людей, вошла в открытый общественный дискурс благодаря поэту Тимуру Кибирову:

Слышишь, капает кровь?
Слышишь, хлопает кровь?
Слышишь, темною струйкой течёт?
Слышишь, горе чужое кого-то ебёт?..⁵⁹⁵

Следуя упомянутой выше концепции Анны Вержбицкой⁵⁹⁶, согласно которой «молчаливое признание «культурных правил», или действия по «культурному сценарию», могут быть сведены к ряду общезначимых простейших концептов, рассмотрим схему этого сквернословного кругооборота. Идеологические сигналы между концептами «власти» («верхов») и «народа» («низов») передаются в поле напряжения между фундаментальными категориями «смешного» (приемлемого, веселого и т.п.) и «страшного» (опасного, больного и т.п.), с одной стороны, и «бессмысленной злобы» (идеологема «бессмысленности и беспощадности») и «бытового покоя» (идеологема «простого человеческого счастья»), с другой. См. Таблицу 3.

⁵⁹⁴ Вариант: *Подохни ты сегодня, а я — завтра* (Александр Сидоров. Словарь современного блатного и лагерного жаргона (южная феня). Ростов-на-Дону, Гермес, 1992. С. 173).

⁵⁹⁵ Кибиров. 1990. С. 199.

⁵⁹⁶ В уже названной статье «German 'cultural scripts': public signs as a key to social attitudes and cultural values» о переменных в немецком словоупотреблении как указателе на перемены «культурного сценария» А. Вержбицка анализирует, в частности, изменения в системе обращения.

«Страшное» в предлагаемой схеме воплощено как голый физиологизм мата, «смешное» — как доведение его до абсурда. Появившись вместе, в «дневном» общественном пространстве, они требуют от носителей языка признания в необходимости изменить привычную картину мира. От всех участников общественной жизни такое признание требует преодоления фундаментальных поведенчески-речевых стереотипов, и в первую очередь — деидеологизации матерного языка, его вытеснения из языка повседневности не как грубого и непристойного (что было невозможно даже при сверхмощном карательном аппарате), но именно как элемента идеологического языка, стёртого, десемантизированного, междометно-смазочного. В пределах схематически представленного тождества страшного и смешного диалог возможен лишь в стиле описанной Л.И. Богораз «малолетки».

Обнаружив долгожданное или неожиданное исчезновение политико-идеологической основы страха, носители языка ищут уже в новой реальности точки опоры для оставшегося в языке материала. Новая поссоветская реальность представляет искомое в новом наборе. На место централизованного насилия (обозначенного в романе А. Пятигорского как *ебля*) пришло насилие диффузное, распространившееся, согласно массовому представлению, из зоны во внешний мир, где живут «нормальные», «законопослушные» граждане. Документов об осознании матерной эвокации страха со стороны остального общества мне пока не попадалось, и только не встречающее сопротивления насыщение культурного горизонта (театр, кино, литература) матерным словесным материалом свидетельствует в пользу нашей гипотезы.

Общественное мнение поляризовано между некритической приязнью и некритическим отторжением мата. Его роль как идеологического фактора заслонена не только противостоянием официальной идеологии советского времени, понимаемой в 1990-х годах как главный враг новой России. Дело еще и в том, что господствующими в поссоветском общественном дискурсе остаются идеологемы-цитаты типа *бытие определяет сознание* или *факты — упрямая вещь*. Господствует представление, согласно которому сами по себе речевые стереотипы и основанное на них привычное речевое поведение вторичны по отношению к повседневной действительности, обсуждаемой иногда под кодовым словом «экономика» — какая жизнь, такие песни. Это, проще говоря, отсутствие веры в духовное начало в человеке и обеспечивает общество индугенцией: 'не берите в голову, ведь это всего лишь язык, это заговорил народ с долго зажатым ртом'.

Понятно, что единственным средством против этого общего снижения речевого градуса поссоветского времени может быть только само время, сама длительность перехода, самозащитное забывание общественной средой всего поля старых идеологических коннотаций. В 1990-х годах Россия переживала самое

начало этого пути, или, если воспользоваться расхожей метафорой дня, — агонии идеологической речи. Поскольку носитель языка не может высунуться из потока этой речи, агония идеологии так или иначе происходит внутри каждого индивидуального сознания, приводя к пестрым и в частных случаях — неожиданным последствиям. Эмоциональный диапазон этих последствий растянут между истерическим заголением и отчаянным стремлением сжать, ретроспективно облагородить культурную традицию, попытавшись представить советский матерный двадцатый век «якобы и не бывшим».⁵⁹⁷

При этом литературная школа отчаяния предреволюционной и революционной эпохи вполне оправдывает внутреннее сопротивление любованию так называемым снижением языка, или его «порчи». Так, В. В. Розанов писал по сходному поводу в начале XX века:

«Чистосердечный кабак» остается все-таки кабаком. Не спорю — он не язвителен; не спорю, в нем есть что-то привлекательное, «прощаемое». Однако ведь дело-то в том, что он все-таки кабак. Поэтому русская ссылка, что у нас «всё так откровенно», нисколько не свидетельствует о золотых россыпях нашего духа и жизни. Ну-ка сложим: *praesens* кабак, *perfectum* кабак, *futurum* кабак: получим все-таки один кабак, в котором задохнешься.⁵⁹⁸

Впрочем, читателю конца 1980-х — начала 1990-х гг. от розановского «кабака» веет разве что дворянским уютом.

Сфера бытования мата значительно расширилась после перестроечного взрыва за счет быстрорастущей русскоязычной диаспоры в Европе и Америке. В структуре матерного словоупотребления отсутствует начальственная составляющая, но артистический и простонародный горизонты представлены в полной мере. Дополнительным фактором, определяющим конкретные формы бытования мата, является в каждом конкретном случае язык окружающего большинства. Так, русскоязычные в Израиле находятся под впечатлением ивритских слов, звучанием напоминающих русский мат, и активно играют в слова.⁵⁹⁹

⁵⁹⁷ См. об этом: *Владимир Лакшин*. «Конец, тупик, кризис». Россия и русские на своих похоронах // Независимая газета. 17 марта 1993. См. также: *Николай Котрелев*. Указ. соч.

⁵⁹⁸ *В. В. Розанов*. Избранное. Мюнхен, А. Neimanis. 1970. С. 149.

⁵⁹⁹ В мемуарах Михаила Козакова так описаны его занятия ивритом:

— Записывайте!

— Лариса, с таким же успехом я могу сейчас записать звук проходящей за окном машины.

Однако записал, а потом и выучил наизусть все эти «схует хаадам» — (права человека), «хаиньяним нидгальгелло» — (дела обернулись) и «вэхулей, вэхулей, вэхулей» — (и прочее, и прочее)...

В среде столь же многочисленной русскоязычной общины Германии, состоящей в основном из немцев-переселенцев и еврейских беженцев (всего на 1997 г. около двух миллионов человек) широкое употребление мата вызвано и другими обстоятельствами. Русский речевой опыт переселенцев резко сужен и выведен из контекста нормы (создаваемого, например, средним и высшим образованием на родном языке, постоянным пребыванием в межпоколенческом общении на одном языке и т.п.). Разрыв поколений и распад речевого этикета при общении с представителями иных возрастных групп объединяет переселенческий речевой опыт с таковым у их сверстников в России и в русскоязычной среде других стран-наследниц СССР. В языке переселенцев из России матерные речения берут на себя роль обыкновенного просторечия и должны изучаться в этом новом качестве.⁶⁰⁰

Сам факт расширения русского матерного присутствия за границей был отмечен вниманием высшего должностного лица России. По сообщению агентства Рейтер,

Президент России Борис Ельцин призвал своих соотечественников более уважительно обращаться с родным языком. Ельцин заявил в Петербурге, что прежде всего российские туристы за грани-

цей марают честь страны. По словам президента, ему сообщили, что туристы в Мадриде, Париже и Риме постоянно матерятся в общественных местах. Это кошмар какой-то. Сам он еще никогда в жизни не выматерился, заявил Ельцин и призвал к борьбе за сохранение русского языка.⁶⁰¹

То обстоятельство, что матерный язык адекватен имиджу «новых русских», сложившемуся в средствах массовой коммуникации как в самой России, так и за границей, стало предметом публицистической, но не научной рефлексии. В рамках борьбы за чистоту языка создаются новые надзорные инстанции⁶⁰², но их влияние сводится на-нет расширением бесцензурных сетей.

Попадая в новый контекст, где избыточны заимствования из многих языков, а к слову, как и к знаку вообще, предъявляются иные, чем в речевой и книжной коммуникации, требования, матерный язык начинает новую, теперь уже сетевую, жизнь. Здесь наряду с деидеологизацией матерного пласта языка зреют и другие события, на фоне которых интересовавший нас эпизод выхода из советского речевого опыта в поссоветский дискурс будет, возможно, слишком слабо различим как особый период в истории общества и языка.

§ 15. Мат и дискурс

Идеологический человек откликается не на смысл, но на звук, его душит гнев — или смех, он чувствует себя оскорбленным и униженным — или «усталым, но довольным», когда слышит чужое слово или слово свое, но опрокинутое в чужой мир. Это в равной мере касается и проводников идеологии, и ее невинных жертв.

Так, первые, проводники, откликнулись на опубликованную в журнале «Октябрь» фразу Абрама Терца о Пушкине, вбежавшем «в литературу на тонких эротических ножках», как на непристойность, как на преступление мысли против самой русской культуры, и именно этому отклику как факту культурной жизни (а вовсе не скромной, принципиально «частной» книге Абрама Терца) была посвящена специальная паранаучная конференция в редакции академического журнала «Вопросы литературы».⁶⁰³ Одна фраза, к тому же и коллаж из цитатных

⁶⁰¹ Reuter. 06-JUN-97 21:01.

⁶⁰² Указ Президента Российской Федерации № 1221 О Совете по русскому языку при Президенте Российской Федерации от 7 декабря 1995 года. См. комментарий к нему: Александр Линьков. Могучий, но нуждается в защите. Беседа с академиком-секретарем отделения литературы и языка РАН, зам. председателя Совета по русскому языку при Президенте РФ Евгением Чельшевским // Российская газета. 11 января 1996.

⁶⁰³ 1991. № 8.

«Ани эбадети чек дахуй» — (я потерял отсроченный чек). Каково? Ну просто музыка для русского уха.

— Вам повезло, что вы должны играть Тригорина не на арабском.

— А что, тот язык еще матерней?

— Во много раз. [...]

Я доверил Хилькевичу вести на иврите переговоры с серьезным и лысым израильтянином. Если я неожиданно встречал с какой-нибудь русской репликой, почему-то мне постоянно слышалось слово «мудак», обращенное Ори Леви явно в мой адрес. «Юра, а почему он меня мудаком называет?» — робко спросил я, хотя, вероятнее всего, господин Леви был не так уж не прав — раз я вот-вот собирался подписать соблазнительный договор, который может обернуться для меня прямой погильелью и позором. «Вот уж тележку под меня подвели», — почему-то вспомнилась мне реплика из «Ревизора»... Оказалось, что господин Леви вовсе и не думал оскорблять меня, т.к., во-первых, слова «мудак» он, разумеется, не знал, а во-вторых, «муд'аг» означает на иврите «озабочен». Леви почувствовал мое «муд'агчество» и вполне доброжелательно хотел выяснить у Хилькевича, чем таким особенным озабочен этот сидящий перед ним русский артист.» (Козаков. 1996. С. 261, 265).

В романе израильской писательницы Дины Рубиной можно наблюдать механизм вторичной аттракции еврейским словом с нейтральным значением (оно же — слово из блатного языка) русского матерного слова:

«— Запиши телефон, сказал Гриша, — там нужен редактор, это издательская хевра».

— Гриш, война будет? — спросила я.

Цви Бен-Нахум снова налил водки в бумажный стакан, глотанул и сказал:

— А хер ее знает...» (с.74).

⁶⁰⁰ О языке русских переселенцев в Германии см. подробнее в моих статьях: Гусейнов. 1997; Наблюдения над особенностями речевого поведения в новых русских анклавах Германии. В кн.: 11. Fortbildungstagung für Russischlehrer am bayerischen Gymnasien. Regensburg 4./5. Juli 1997. [Regensburg 1998]. S. 36–46.

обрывков (в том числе, конечно, и взятого у Пушкина), втянула в себя все звенья доступной большинству участников диспута традиции зоильства.

Фасеточная реакция⁶⁰⁴ на чужое слово, включенное в идеологический оборот, мучает и вольного невольника слова — поэта. Так, поэтесса Юнна Мориц с самоотверженностью матери, защищающей дитя-язык, бросилась на вошедшее в моду в 1990-х гг. слово «харизма» и его политические производные («харизматический лидер»). Человеку не нравится то время, в котором толпа рыщет в поисках «харизматических типов», и тогда сам образ времени и людей отливается в уродливых превращениях немилого слова. Как и для поэта,

для простолюдинов с их заботами простолюдинскими и дикорастущим юмором в слове «харизматический» — одни только хари маразматических вождей и фанатиков, харизматерно посылаемых в их подземные города... Харизматики коммунизма хотят победы любой ценой... Народ весьма харизматерно посылает всю эту харизматю... [некая особо рьяная поэтесса-феминистка объявляется] харизматичкой-вамп... О да, если наши отечественные кошмары плюско всему увенчаются президенткой-харизматичкой — тут уж, как говорится, так рванет, что мало не покажется!..⁶⁰⁵

Игра на созвучии греческой «харизмы» и «наших отечественных харь» попадает в тот же поэтический континуум и у автора национал-патриотической газеты «Русский пульс» (см. Глава II § 1).

Пользуясь образным кодом нашего времени, придется сказать, что слово-раздражитель (в данном случае — *харизматический лидер*) действует как отхаркивающее средство для подсознания, заставляя носителя языка произносить десятилетиями томившие его сгущения слов, эсхрофемически смазывая при этом поток своей речи.

Пускающий мысль по этой, едва ли не догумбольдтовской, схеме думает о языке как о «первородном ключе к народному духу», как о «роднике языковой Волги». Существующий стиль мышления о языке можно считать одним из выражений лингвистического фундаментализма, чрезвычайно распространенного среди носителей русского языка: филологическая нетерпимость создавала оскорбительный для общества pendant социальной всестерпимости.

⁶⁰⁴ «Мы реагируем не на смысл целого, а на слова и словосочетания. Последние же воспринимаются как опознавательные знаки должного или недолжного и потому или успокаивают, если мы встречаем слова, которых ждем (мол, все идет как надо), или внушают тревогу, или происходит какой-то сбой.» *Юрий Манин*. — В: Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» // Вопросы литературы. 1990, 11. С. 98.

⁶⁰⁵ *Юнна Мориц*. Даешь харизму! // Столица. 1993. № 11. С. 1, 3.

В дневнике В. Я. Лакшина есть запись, о том, как чутко защищалось накормленное привычной пропагандой народное ухо от вслух произносимых поэтом ключевых слов текущей советской действительности:

10. 9. 1963. Твардовский разбирает сегодня почту. Говорит мне: «Есть письма, где читатели меня бранят: «Куда пропал ваш талант? Где замечательный народный язык, зачем эти слова «сеть», «система», «номенклатура», «цензура»?⁶⁰⁶

Этот лингвистический фундаментализм образованных советских людей⁶⁰⁷ Корней Чуковский пытался преодолеть в своей местами саркастической книге «Живой как жизнь», опубликованной в хрущевские времена. Чуковский уговаривал тогда соотечественников руководствоваться — в том, что касается новообразований и заимствований в языке, — мыслью Пушкина:

Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности.⁶⁰⁸

Но при этом собственная аргументация Чуковского оставалась — в духе идеологии «оттепели» — несносно фальшивой:

Замечательно, что русский народ, руководясь своим тонким чутьем языка, нередко отвергает существующее русское слово и заменяет его иностранным... Если в бытовой обывательской речи нас коробят все эти пролонгировать, лимитировать, аннулировать, то отнюдь не потому, что они иностранные, а потому, что они вошли в нашу речь из обихода всевозможных канцелярий и на них слишком ясно видна казенная печать бюрократизма. Мы восстаем против таких слов, как бомонд, адюльтер, комильфо, мезальянс, совсем не потому, что они завезены к нам из Франции, а потому, что они отражают в себе чуждый нам великосветский, паразитический быт.⁶⁰⁹

Навязывание языку привычной идеологической матрицы словесного отбора приводит к тому, что языковому сообществу остается только безутешно взирать

⁶⁰⁶ *Владимир Лакшин*. «Новый мир» во времена Хрущева. М., 1991. С. 161–162.

⁶⁰⁷ Ср. об этом у известного драматурга: «17 июня 1956. С ужасом убеждаюсь, что встречаю и провожаю не по одежке, не по уму, а по языку. Когда хороший человек говорит «радушно», с ударением на а, вместо правильного ударения на у, или «я восхищаюсь о том», — то, к сожалению, произвольно исключаю его из круга людей, мне близких. Я продолжаю считать его хорошим человеком, но чужим». Евгений Шварц. Телефонная книжка [1955–1956]. М., «Искусство». 1997. С. 443.

⁶⁰⁸ Цит. по: *Корней Чуковский*. Живой как жизнь. М., 1962. С. 71.

⁶⁰⁹ *Корней Чуковский*. Указ. соч. С. 76–77.

на перемены столь привычных черт родного языка, и даже украшать свою безудешность бумажными цветами.

Иноземные слова, доселе униженно околачивавшиеся где-то на окраинах русского языка, сегодня нахраписто полезли в хозяева, попёрли занимать в языке места повиднее и получше... И не то страшно, что много этих слов, а пугает то, что с их нашествием исчезают из обихода родные, исконные наши слова, передающие те самые «неуловимые оттенки душевности», что греют любую русскую душу. И теперь для многих русских не «беда», не «горе», не «напасть», а «проблема», «стресс», «ситуация». А коли все ладно в жизни, хватает им одного «нормально», о детях ли разговор, о здоровье ли, о работе. И уж нет иных, чисто русских слов с великим множеством оттенков, а значит, нет и того множества чувств, которые откликом рождаются на родное слово... Болезнь развивается... Чужие, из чужих языков нахватавшиеся, на русский манер причесанные, в русское платье ряженные, а смысла в них русского нет как нет. Сложные эти сооружения — сплошь неологизмы, созданные по романо-германским идеям, этакая «гуманитарная помощь» нам, русским, будто бессловесным и немисленным. Наблюдая стремительное размножение подобных речений, приходится признать, что в русском языке образуются «речевые пустоты» — слова без смысла, предложения без сути. А что есть слово без определенного, в корне закрепленного значения — звериная переключка, звучание, оказавшееся за гранью членораздельной речи.

Даже русская интонация подверглась иностранной муштре. Поблекло звуковое многоцветье, гибнет многострунность русской речи. По заученным небогатым интонационным моделям английского языка чеканят свои звуковые тексты комментаторы радио и телевидения, а вслед за ними — велика сила примера — многомиллионные слушатели, в первую очередь дети. Слушать «электронную», будто роботом воспроизводимую речь гадко и страшно... Даже названия программ радио и телевидения теперь не всякому под силу понять, что за иностранец их понавыдумывал: «Телемикст», «Бомонд», «Военное ревью», «Тинко», «Евромикс», «Телетайп», «Поп-магазин»...⁶¹⁰

На такого читателя едва ли подействовало бы и старое доброе *идейно выдержанное* (по советской формуле) утешение Корнея Чуковского:

Когда нам встречаются в «Правде» гордые заявления о том, что советские люди — пионеры космических трасс (№ 70 от 11 марта 1961), мы считаем эту «иностранщину» совершенно уместной и не испытываем никакой неприязни к трем иностранным словам, которые именно благодаря усилиям советских людей давно уже сделались русскими.⁶¹¹

Додумывая до конца этот спор о своем и чужом, приходится привести подобные и признать: языковое уродство — не какой-нибудь «бомонд», но сам тот способ мыслить о языке, который порождает неостановимые ламентации уверенных в себе хранителей святынь, пытающихся диктовать направление ветру. Неизбежно упрощая, можно свести такой способ мысли о языке к двоякой задаче: «как правильно говорить?», «как внушить другим правильный способ речи и мысли?». По этому общему правилу действует носитель языка в условиях господства идеологии, или в «тоталитарном» государстве. Демократическое общество, в недрах которого сложилась теория дискурса, имеет дело со способом мысли, сводящемся — в идеале — к более сложному заключению: «почему мы говорим так, как мы говорим?», «как найти общий язык с тем, кто говорит так, как он говорит?» и, в особенности, «с теми, кто говорит не так, как говорим мы».

Приходится признать, далее, что противостояние лингвистическому фундаментализму или борьба с ним толкают носителя языка «в тень врага». Хотя в мелочи, — а мир языка иерархичен только в теоретическом представлении, но в каждом воплощении весь состоит из мелочей, каждая из которых всегда помещается в самый центр речевого круга, — говорящий тут и там натывается на чужие проговорки и сам безостановочно проговаривается, лишней раз догадываясь, что не носитель языка владеет языком⁶¹², а в условиях свободы дискурса диктует индивидуальному сознанию режим поведения.

Задержав в памяти слово *режим*, вчитаемся в аргументы Корнея Чуковского, балансирующего между двумя концепциями речевого поведения — диригизмом «культуры речи» и произволом языкотворческой воли.

Нелегко мне чувствовать расположение к тому человеку — будь он врач, инженер, литератор, учитель, студент, который скажет при мне:

— Он смеялся в мой адрес.

Или:

— Матеря пришли на выбора.

Может быть, в будущем, в 70-х годах, эти формы окончательно утвердятся в обиходе культурных людей, но сейчас, в 1962 году, они все еще ощущаются мною как верная примета бескультурья!

Что же касается таких форм, как «пока», «я пошел», «вроде дождик идет» и др., их, несомненно, пора *амнистировать*, потому что их связь с той средой, которая их породила, успела уже всеми позабыться, и, таким образом, из разряда просторечных и жаргонных они уже прочно вошли в разряд литературных, и нет ни малейшей нужды *изгонять* их оттуда.⁶¹³

⁶¹⁰ Татьяна Миронова. Плач по русскому языку // Литературная Россия. 19 февраля 1993.

⁶¹¹ Корней Чуковский. Указ. соч. С. 77.

⁶¹² Характерна постановка вопроса в анкетах: «Какими языками владеете?»

⁶¹³ Корней Чуковский. Указ. соч. С. 20.

Выделенные мною слова — *амнистировать* и *изгонять* — сами по себе примета времени, травинка на вершине социального холма, у подножия которого — гигантский, попросту несоизмеримый с горсткой «культурно говорящих» интеллигентов, мир репрессированного человечества, привычного именно к этому понятийному аппарату. А уж к 1970-м годам «в обиходе культурных людей» заголосила такая феня, что и у самых либеральных словопользователей начинают чесаться руки: как бы изловчиться и запечатать уста всем этим грязным носителям «черного слова».

Языковые уродства, сопровождающие любые попытки выломиться из вчерашнего идеологического пространства, неизбежны. Они обусловлены тем складом ума, тем, как не принято стало писать в 1990-е годы, «укладом общественного сознания», который одновременно и упирается, не хочет говорить, и навязывается первому встречному, мечтает рассказать о себе.

Привычка к неживому, стертому, авторитарному слову формировала в душах то качество, которое Мераб Мамардашвили называл «неспособностью практиковать сложность» — иными словами, глубокий инфантилизм, готовность принять на веру последний бред, нежелание самостоятельно мыслить и потребность в «указующей руке», — качество, легшее в основу национального менталитета на долгие годы и многое объясняющее.⁶¹⁴

На каком же языке сегодня объясняться этому пресловутому инфантильному «национальному менталитету» с самим собой и с другими? Для ответа на этот вопрос охотно прибегают к методу исторических аналогий. «Дальнозорким» единственным «аналогом нынешнего состояния языка» представляется язык петровской эпохи, «язык-монстр, где соединялись канцеляризм XVII века, вроде «государева слова и дела», и грубые европеизмы».⁶¹⁵ «Близорукие» всматриваются в русский язык первых лет после революции, когда он «начал буквально захлебываться блатной феней».⁶¹⁶

Нынешние языковые процессы признаются тем самым неотъемлемой частью собственной национальной культурной традиции, а вовсе не выпадением из нее, как думали еще в двадцатые годы, описывая тогдашнюю «изуродованность и искаленность» русского языка. Именно в силу глубокой традиционности то-

го, что происходит с русским языком сегодня, современного читателя не должно изумлять сходство этих чужих описаний и собственной реальности.

Никогда еще русский язык не испытывал такого засилья иностранщины, как сейчас. Все стараются «свою образованность показать», и ораторы, и газеты, и декреты глушат и пугают загадочными словами — «диспропорция», «рентабельность», «дезаурировать» [...] и т.д. Хотел бы я увидеть такого крестьянина или рабочего, которые, «в общем и целом», что-нибудь могут понять в этом надутом, зашифрованном словаре, со всякими «люмпенами», «модусами» и «дискредитациями»... Насаждение чуждых слов и понятий обозначает чуждый дух, определяет и власть, тоже как навязанную и чужую...

Так писал в начале 1920-х эмигрировавший после революции русский писатель из Риги Петр Моисеевич Пильский.⁶¹⁷

Почти теми же словами пишет и автор национал-патриотической газеты 1990-х:

Мутными потоками втекает в язык не только «немецчина», безудержен наплыв брани и жаргона, «черных слов» и столь же «черных», стоящих за ними понятий. Вот что явила в наши дни та давняя смута, посеянная злым умыслом: русский язык, некогда могучий и прекрасный, ныне стремительно перерождается в «средство общения», в русскоязычный жаргон, который заполнил собою всё⁶¹⁸.

Здесь, как и у публициста 20-х гг., задет все тот же нерв проблемы: новая реальность, приходящая в язык вместе с чужими, но быстро усваиваемыми «западными» словами (*менталитет, люмпены, инфантилизм, дискурс*), и должна была привести в повседневную политическую речь слова с социального дна, из того кромешного мира, который поднялся в политику до и после революции 1917 года и развивался вширь, вглубь и вверх на всем протяжении Советской власти.⁶¹⁹

Возвращаясь к концепции «культурных сценариев», приходится признать, что сама процедура изменения традиционного сценария — повторяема в разных политико-экономических ситуациях, переживаемых носителями языка.

Но если в советскую русскую речь блатная феня шла, казалось, контрабандой, как собиравшийся пригодиться голос тайной свободы, то к нынешним условиям

⁶¹⁴ Надежда Ажгихина. Уроки «третьей волны» // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 114.

⁶¹⁵ Виктор Кривулин. «Великий и могучий...» Свободный ли? // Столица. 1992. № 27(85). С. 49.

⁶¹⁶ М. Арапов. Язык утопии [о лингвистической теории А. А. Богданова-Малиновского] // Знание — сила. 1990. № 2. С. 66–72.

⁶¹⁷ Петр Пильский. Извратители. Цит. по: Русская Жизнь. 6 августа 1992. С. 6–7.

⁶¹⁸ Татьяна Миронова. Указ. соч.

⁶¹⁹ См.: Лев Тимофеев. Мы живем в уголовную эпоху // Столица. 1992. № 27(85). С. 12–14.

«интержаргон асоциальных элементов» (как он остроумно отрекомендован в словаре В. Быкова) подошел в роли самого заметного участника действительно свободного дискурса.

Торжество ненормативности оглушило общество. Через перемены в языке оно требует от говорящих и пишущих на нем все более трезвой социальной самооценки.

Русский язык XX века — язык великой нации, претендовавшей на мировое господство. Нам предстоит смена стереотипов: огромный народ останется, огромная страна останется, но имперская идеология и все ее структуры, включая языковую, должны измениться.⁶²⁰

Пойми языковую структуру — и ты поймешь имперскую идеологию. Но спокойное, «взвешенное», как приговаривал Горбачев, понимание этих структурных перемен невозможно просто потому, что вместе с изменениями языка меняется, очевидно, и способ понимания.

Многие захотели воспользоваться возможностью через наблюдение за, в сущности, микроскопическими языковыми переменами понять суть тектонических сдвигов на одной шестой части земной суши. Одни прямо заявили, что «освобождение языка связано с общедемократическим процессом», что тут-то, с разрушением языкового пуританизма, и наступает настоящий отказ от «сталинской модели жизни».⁶²¹

Происходящее в языке неизбежно гипостазируется всяким, кто обращает на него внимание: значение символических событий вообще естественным образом преувеличивается. Следствием этого оказывается своеобразное укрепление логократии — власти слов, особенно идеологизированной речи, которой, как кажется, тяготится российское общество.

Самые важные слова мы часто произносим, как бы не осознавая их смысла, как бы скользя по поверхности. И вдруг обнаруживаем, что это искажает саму нашу жизнь. Недавно оказалось, например, что целые поколения терпели невзгоды, убивали и гибли сами во имя социализма, весьма туманно представляя себе, что это слово, собственно, означает. Попытка осмыслить его обернулась потрясением основ привычного существования.⁶²²

⁶²⁰ Виктор Кривулин. «Великий и могучий...» Свободный ли? О запретном в языке // Столица 1992. № 27(85). С. 49.

⁶²¹ Виктор Кривулин. Там же. С. 48–49.

⁶²² Марк Харитонов. Исправление имен // Странник. 1993. № 1. С. 26.

Представление о том, что жизнь искажена неполнотой понимания смыслов и их неправильным словесным выражением, автор должен тут же подкрепить Платоном, Священным писанием или, как это делает М.Харитонов, Конфуцием: в противном случае придется признать, что перед нами новая песня на старый лад, или продукт идеологической мысли. Надобно-де вчитать в слово правильное значение, за ним и дело пойдет. Эта же идеологическая установка во многом определила судьбу русской общественной речи в 1920–50-х гг.

Именно длительный опыт идеологического вычленения из языка того, что приемлемо для общественного употребления, и помещения вычлененного в немоту и глухоту, обеспечил такую почву для нынешней свободы слова и, стало быть, для взаимодействия на ней вышеназванных языковых пластов, на которой любые перемены, любые события должны восприниматься как кошмар: значение, по распространенному мнению, окончательно вытряхнуто из слова; развивая традиционную метафору слова-живого-существа, неизбежно приходишь к картине духовного мира, ставшего жертвой вурдалаков, высасывающих смысл, как кровь из жил.

Люди, которым слова — профессиональный инструмент, в кошмаре: слова, на вид надежные, пахнут ложью. Представьте хирурга, который берет блестящий скальпель и чувствует, как тот воняет: решится ли он начать операцию? Как чувствует себя историк и филолог, который читает в газетах о казаках, которым мэр Москвы поручает охрану рынка? Что этот «рынок» вовсе не означает рынка, так к этому мы привыкли с большевистских времен. Но ведь и эти «казаки» ни малейшего отношения к казакам не имеют, и «мэр» вряд ли может называться мэром. [...] Слова-оборотни разгулялись не только в политике... Вампир от нормального человека отличим не клыками и бледностью, а узко потребительским взглядом.⁶²³

Итак, общество переживает новое (после революции 1917 года) выпадение из Нормы. Всплывший на дневную политическую поверхность язык «низа», «подполья» вторично в двадцатом столетии отмечает небывалую глубину культурно-исторических перемен.

А именно, это та глубина, где, согласно неререфлектируемому предчувствию, покоятся основания здравого смысла, привычный порядок бытового повседневного общения, умственный и душевный приют, в котором ничто не должно меняться, какие бы перемены ни происходили на верхних ступеньках общественной лестницы. Уверенность в том, что где-то там и должна гнездиться норма, разлита в текстах, представляющих разные направления мысли.

⁶²³ Яков Кротов. Оборотни в мире слов // Московские новости. 20 декабря 1992.

Основополагающая трудность, с которой сталкиваются носители русского языка советского времени, состоит, однако, в том, что вся эта материя, в обычной жизни не предназначенная для словесного воплощения, горячо и неизбежно заговаривается, если не забалтывается.

Как именно это происходит, видно уже на примере операций с идеологемой *норма*.

Нам недостает *ощущения нормы свободы, нормальной свободы, достаточной свободы*.⁶²⁴

Можно себе представить, каких усилий потребует возвращение колоссальной страны с ее народами в нормальное «место» и *нормальное «время»*.⁶²⁵

«Взглянув на карту теперешней политической борьбы, которая никак не может стать *нормальной политической жизнью*, понять что-либо трудно». ⁶²⁶

«Задача в том, чтобы помочь людям *вернуться в нормальную систему ценностей*, побудить задуматься о себе...». ⁶²⁷

Выпадением из нормы широко признается и весь советский период русской истории, и даже вся она в целом, но и расставание с советским периодом — крушение. Открытый во времени, исторический процесс остается для фрустрированного сознания замкнутым, не нормальным.

Структура русского политического пространства не отводит человеку *места для нормальной жизни*, ибо области Спасения и Вечного Проклятия сходятся вплотную, выжимая личность на лезвие границы, мерцающее Добром и Злом. ⁶²⁸

Острота положения состоит в том, что само стремление к норме рассматривается теми, кто берется за его описание, как один из элементов фатальной ненормальности предшествующего исторического пути. Пишущий на данную тему попадает в известную логическую ловушку о лжецах, признающих себя та-

ковыми. Апория о критянах осложнена в русском варианте особыми условиями противостояния в обществе между теми, кто считает, что

Россия должна стать нормальной великой державой,⁶²⁹

и теми, кто полагает, что

Россия, наконец, превращается, как говорил Наум Коржавин, в «*нормальную плохую страну*». ⁶³⁰

Поверхностно-словесная, но и подсознательная установка на Норму становится источником острого внутреннего разлада в силу неизбежной тавтологической бессодержательности ключевого понятия.

Мы ведь живем теперь *под звездой Нормы*. Ориентируемся на цивилизованные нормы. «*Нормальный ход*» — так Сергей Чупринин программную статью называет. Норма для нас теперь — идеал, цель, истина, нить путеводная. *Норма теперь — норма*. И как же пережить такое российской культуре, которая *все свое величие накачала на ненормальности*. И глубин, которыми гордимся, достигала на пределе, в забвении, в разрывах, в безумии игрока, просто в идиотизме. А теперь нам прописывают западные лекарства. В упаковочке. *Не «норма» даже — NORMA*. ⁶³¹

Итак, все хотят приближения к норме как таковой, все жаждут возвращения к понятию нормы, но чем ближе утоление этой жажды, тем очевиднее неизбежность крушения всего предшествующего уклада жизни, включая и тот приют, где гнездится самое Норма. Возвратиться к норме нельзя, ибо то, что было, никогда не было нормой, и с этим отказывается смиряться нормальное сознание.

Публицист, настроенный в духе возрождения державы, обвиняет своих демократических оппонентов в том, что к «символам-лозунгам тоталитарного государства Оруэлла прибавился стараниями наших гуманистов еще один: «Аномалия — это норма». ⁶³²

⁶²⁹ Владимир Тодрес. «Россия должна стать нормальной великой державой», — постановил Русский национальный собор // Независимая газета. 16 июня 1992.

⁶³⁰ Павел Крючков. Сердце по кругу. Преодоленная боль Бахыта Кенжеева // Независимая газета. 22 апреля 1992.

⁶³¹ Вячеслав Курицын. Гордыня как смирение. Не-нормальный Галковский // Литературная газета. 5 августа 1992.

⁶³² Евгений Ованесян. От купюр — к «от кутюр». Литературный эпатаж и «высокая мода» // Литературная Россия. 1992. № 1–2. С. 11.

⁶²⁴ Александр Гельман. Свобода без сюжета // Искусство кино. 1991. № 9. С. 129–131.

⁶²⁵ Наталья Иванова. Выйти из ряда // Октябрь. 1991. № 10. С. 180.

⁶²⁶ Александр Рубцов. Мозговая демобилизация? // Московские новости. 15 марта 1992.

⁶²⁷ Николай Михайлов. Дело уже не в закуске // Независимая газета. 17 апреля 1992.

⁶²⁸ Цит. по: Татьяна Савицкая. Три жизни Михаила Казачкова // Столица. 1992. № 16(74). С. 40.

Перед нами, очевидно, эрозия не понятия нормы, но всего семантического поля, на котором оно могло бы иметь общезначимый смысл, а не превращаться в словесную упаковку сверхценной идеи.⁶³³ В форме иногда вполне магических заклинаний

...пробудить *нормальные защитные рефлексы* нашего общественного организма, стряхнуть с него оцепенение и восстановить *нормальный кровоток*⁶³⁴,—

мы наблюдаем здесь общественное явление, которое Андрей Фадин определил как «шок понимания» невозвратности былого мироустройства».⁶³⁵

— Как живете?

— Нормально.

Но живем — аномально.⁶³⁶

Наблюдатель посюветской русской жизни легко может подумать, что этот традиционнейший ответ — «нормально» — только теперь широко пошел в дело.

Нормально — самое ходовое теперь слово. Все сегодня кажется русским в каком-то смысле нормальным: загрязнение среды обитания, инфляция, коррупция, мафия, дерьмо. Синоним этого нормально — всё равно. Ничто не раздражает русских и не возбуждает их...⁶³⁷

⁶³³ Другой пример «диалектического» вытряхивания содержания из ключевого слова — это операция современных авторов — от политиков до философов — с категорией *мифа*, позволяющие автоматически объявлять любой предмет одновременно как единственно-, так и мнимо-сущим. См.: *Андрей Немзер*. Страсть к разрывам. Заметки о сравнительно новой мифологии // *Новый мир*. 1992. № 4. С. 226–238; *А. Белкин*. Из мифа... в миф // *Культура*. 4 апреля 1992; *Олег Дарж*. Миф о прозе // *Дружба народов*. 1992. № 5–6. С. 218–232; *Г. В. Осипов*. Мифы уходящего времени // *Социологические исследования*. 1992. № 6. С. 3–14.

⁶³⁴ *Андрей Грачев* [бывший пресс-секретарь М. Горбачева]. Плюс приватизация всей страны // *Московские новости*. 26 июля 1992.

⁶³⁵ *Андрей Фадин*. Крушение империи: два взгляда // *Век XX и мир*. 1992. № 1. С. 9.

⁶³⁶ *Андрей Вознесенский*. «Пара страничек из моей сегодняшней тетради» // *Огонёк*. 1991. Декабрь. С. 17.

⁶³⁷ «Normalno» ist denn auch das meistgebrauchte Wort. Alles erscheint den Russen heute irgendwie normal: die Umweltverschmutzung, die Inflation, die Korruption, die Mafia, der Dreck. Normal ist Synonym für egal. Nichts regt Russen mehr auf, nichts an...» (*C. Bernd Suher*. Die Politiker reden — das Land verelendet. Moskau im März: Chaos, Schmutz und Mafia // *Süddeutsche Zeitung* 03./04. April 1993).

Иностранному наблюдателю 1990-х годов пропустительно не знать, что пространство такой словесной (в советском идеологическом обиходе она называлась «просторечной»⁶³⁸) «нормальности» пришлось уже на 1970-е годы.⁶³⁹

Но «шок понимания», действительно, пришелся именно на конец перестройки, или эпохи Горбачева, и на уровне речевого поведения обернулся труднопереносимой языковой сумятицей. Труднопереносимой потому, что всякая попытка осмыслить ее только усугубляет сумятицу. Выясняется, что «новый строй мысли», или политический дискурс, вовсе не предлагает никакого нового канона, никаких предписаний, правил, трюка, никакого тайного знания, которое бы, подобно умению извлекать подтексты, обеспечило выживание в новых условиях. Свобода — беспредпосылочная атмосфера, за которую нужно непрерывно бороться, ища консенсуса (согласия) с другими участниками дискурса.

Суть развитой системы политической коммуникации заключается в обеспечении возможностей для достижения общественного согласия. Тем самым роль политика заключается не просто в том, чтобы скрывать свои мысли, а в том, чтобы, скрывая одни мысли и не скрывая других, стремиться к принятию таких решений, которые в той или иной мере удовлетворяют всех членов социума. Совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом, образует политический дискурс (от фр. discours — речь, выступление).⁶⁴⁰

Этот способ жизненного поведения, безусловно, много сложнее принятого в СССР и России до сих пор. Но первая, живая реакция носителей языка направлена не против собственной притерпелости к несвободе, а против неприятного нового слова «дискурс». Употребляющие его люди воспринимаются косной массой как «модники, падкие на заграничные штучки».

Постструктурализм решительно поставил Критика, Читателя и всемогущий безличный Дискурс и над Автором, и над Текстом. [...] К сожалению, слова transition (= «переходный процесс»), discourse (= «воплощенные в речи мироощущение и жизненная позиция») и identity (= «сознание/ощущение собственной личности»), столь необходимые для разговора на эти темы⁶⁴¹,

⁶³⁸ См.: *О. П. Ермакова*. Номинация в просторечии // *Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев* (отв. редакторы). *Городское просторечие. Проблемы изучения*. М., «Наука». 1984. С. 130–140.

⁶³⁹ См. наблюдения Л. А. Капаназде в кн.: *Русская разговорная речь*. М., «Наука». 1973. С. 455–456.

⁶⁴⁰ *А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич*. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре). М., Изд-во «Знание». 1991. С. 6.

⁶⁴¹ Культурно-географическое перемещение из советской среды в американскую; личные поиски того, что можно назвать «дискурсивным самоопределением», т.е. ответа на вопрос, о чем и как мне бы хотелось писать.

относятся к числу блистающих отсутствием в русском словаре. Помню, как в начале 70-х гг. я перевел на русский статью Цв. Тодорова, а затем встретился с ним в Париже уже в качестве эмигранта (1980 г.). Поблагодарив меня за перевод, он высказал и претензию: «Discours» — не то же самое, что «тип текста». Не поняв сути возражения, я запомнил его, чтобы осмыслить в дальнейшем — процесс, занявший лет пять. В 1988 г. в Москве, в разговоре с коллегой, я употребил слово «дискурс» и был немедленно обвинен в пристрастии к модной тарбарщине. Увы, в ответ на прямой вызов определить по-русски понятие дискурса, я был в конце концов вынужден прибегнуть к обратному переводу в полумистическое бахтинское «Слово».

Забавно, что с середины 1990-х слова «дискурс» (с ударением на первом слоге) и «идентичность» свободно употребляются в российских СМИ.⁶⁴²

В поиске выхода из неуютной свободы носители языка, пугаясь именно беспредпосылочности свободы, не сговариваясь, но и словно сговорившись, сакрализируют «здоровый смысл»: это как раз та матрица поведения и размышления, полная доступность и неопределенность которой позволяет едва ли не всякому адоранту «здравомыслия» воздерживаться от познавательных усилий, или от уяснения того, в чем же собственно состоит предмет их нового культа. Риторическая природа апологии или проповеди «здорового смысла» широко представлена в публицистике 1990-х гг.

В одном номере одной газеты литературный критик пишет:

Я буду говорить о здоровом смысле потому, что именно его не хватает в первую очередь, когда мы беремся рассуждать об интересах писателей;

а писатель-экономист обращается к успехам китайской реформы и отвечает на свой вопрос так:

Идти надо туда, куда нас ведет обыкновенный крестьянский здравый смысл.⁶⁴³

«Здравый смысл должен восторжествовать», — называет свою статью о применимости в России японского экономического эксперимента директор завода из Тирасполя.⁶⁴⁴

⁶⁴² Жолковский. 1995. С. 12, 190.

⁶⁴³ Владимир Огнев. Только о здоровом смысле; Николай Шмелев. Куда идти? // Литературная газета. 10 февраля 1993.

⁶⁴⁴ В.С. Саловьев // ЭКО. 1992. № 7. С. 22.

Рассуждение о требовании «здорового смысла, вмененного нам Господом в обязанность (Матф. 10,16)», мы находим и у С. С. Аверинцева.⁶⁴⁵

Советский идеологический опыт сопротивляется вытеснению его из обихода. Воспроизводится благоговение перед мнимой святыней («великий русский язык» как надежный носитель «здорового смысла») и грубое словесное насилие над общезначимыми, но не знакомыми обществу ценностями («свобода слова», «демократия-дерьмократия»). Одно из слов-прикрытий для такого насилия — это «инфляция», «обвальная, галопирующая инфляция. «Буйство законов, переходящее в прогрессирующую инфляцию. Инфляцию всего... Ветер инфляции задует пыль в глаза... Идеология попсы⁶⁴⁶ серьезно претендует на роль единственно верной, самой передовой идеологии периода инфляции всего».⁶⁴⁷

На волне инфляции — подобно тому, как это было в эпоху установления советского языка, сметая речевые привычки, сминая воображаемую норму, матерное слово и мешается в дискурсе со словом иностранным. В ярком памфлете, направленном против порчи русского языка, редактор первой в поссоветской России политически не зависимой газеты, обрушивается на дискурс с единственным надежным оружием наперевес:

Русский язык мы портим. Недавно я прочитал в одной самонадеянной газете следующую фразу: «Женский дискурс в современной российской культуре прорастает». Да, тут уже ничего хорошего не жди, если дискурс пошел в рост. Что это за орган у женщины и у культуры одновременно, сообразить нормальному русскому человеку, владеющему нормальным (литературным и нелитературным) языком, невозможно. Может, это новый тип тампакса, а вдруг и вообще — пенис транссексуала? Вот эти двое точно у нас растут, особенно у некоторых авторов. Но зачем же всю русскую культуру заражать неприличными болезнями?

Я, языковед по рождению и последнему месту работы в Александрийской библиотеке, утверждаю, что в любом тексте современных авторов их любимое слово «дискурс» можно заменить без всякого ущерба для смысла (отсутствующего) либо на «терминатор» (словарь терминов), либо на простое русское «ход мысли».

⁶⁴⁵ Сергей Аверинцев. Мы и наши иерархи — вчера и сегодня // Новая Европа. 1992. № 1. С. 53.

⁶⁴⁶ Попса (редко: попса): термин употребляется в расплывчатом значении; как общее наименование современной молодежной субкультуры; как стилизованная характеристика советско-русского варианта постмодернизма; в значении «а если что дешевое, то новое, фартовое» (Владимир Высоцкий); на собственном языке попсы «попсовый: 1. Очень хороший. 2. Элегантный, модный» (Д.С. Балдаев и др. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., «Края Москвы». 1992. С. 186). Подробнее см.: Gussejnov. 1994. S. 199–204.

⁶⁴⁷ Эргали Гер. Это какой-то рок... Почему попса в России больше чем попса? // Независимая газета. 5 мая 1993.

Что делать, спросят меня устыдившиеся дискурсофилы? Учитесь у русского народа, изучайте его словотворчество. Я, например, в свое время был озадачен бессмысленно-беспредметным выражением «пиздюлина от часов». И как-то один мудрец объяснил мне, что в суровые годы холодной войны был такой гнусный империалист и антисоветчик госсекретарь США Ачесон. И именно его свободолюбивый русский язык окрестил «пиздюлина»⁶⁴⁸ Ачесон сначала в дипломатических кругах, а затем пустил это определение в массы,⁶⁴⁹ сделав универсальным для обозначения всякого плохого человека — «пиздюлина от часов».

О, великий русский язык, сглоти и проклятый «дискурс» в свою цензурную или нецензурную утробу! И выплюни каким-нибудь «пиздискурсом» или «придурскимом».⁶⁵⁰

Идеологический человек, сидящий в носителе русского языка советской эпохи, давно смирившимся с привычными заимствованиями вроде какого-нибудь лобзика (от немецкого Laubsage), сопротивляется, конечно, не иностранному слову как таковому, но самому концепту свободы, содержащемуся в злощастном слове «дискурс», адекватно переводимом для него, идеологического человека, на русский язык предшествующей эпохи, как было видно, только матерным образом. Приведенный пассаж, видимо, не только в порядке проговорок начинается с цитаты из Ленина.⁶⁵¹ В 1920 году, когда основоположник большевизма (международное слово) и Советской Власти (международное слово) писал заметку «Об очистке русского языка», эпоха большого вмешательства в сознание масс только начиналась. Конец советской эпохи приходит в Россию с понятиями, только еще вырабатываемыми общественностью этой страны в открытом обмене свободно обращаемых мнений.⁶⁵² Тот узкий, но объемлющий всё языковое сообщество слой языка, с которым имела дело эта глава, оказался единственной вполне самобытной словесной средой, где дискурс и нашел себе почву и арсенал для первичного воплощения по-русски.

⁶⁴⁸ Ср.:

— Лена, не отставай.

— Садись ты с ней, я с пиздюлей этой не сяду...

Сорокин. 1985. С. 85.

⁶⁴⁹ Ср. «Фамилия — Ачесон. Имя — Дин. Кличка — Дипломат. Уголовная специальность — Белодомушник». Фамилия — Даллес. Имя — Джон. Кличка — Джонья-Каин. Уголовная специальность — Наводчик... (Альбом преступников // Крокодил. 10 сентября 1950. Цит. по: Фесенко. С. 98).

⁶⁵⁰ *Титус Советологов*. Без штанов, но в шляпе. Косноязычие с дискурсом на языке // Независимая газета. 7 сентября 1996. Ср.: пиздѣть — 'болтать, позволять себе говорить что угодно'.

⁶⁵¹ «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно...» (В.И. Ленин. Сочинения. Т. 30. С. 274).

⁶⁵² См. также дискуссию о матерном языке, проведенную в 1997 г. на форуме «Глас народа»: <http://www.kulichki.ru/discuss/archive-mater.html> (145 KB).

Разобранные выше сегменты дискурса — *здравомыслие* (*здравый смысл*) и норма — и позволяют носителям языка в 1990-е годы позиционировать мат как ненормативный речевой хабитус, входящий, тем не менее, в поле здравомыслия.

Первый открытый официальный опрос общественного мнения о мате, осуществленный ВЦИОМом в 2000 году, показал, что менее трети населения не пользуется матерным языком вовсе. Для большинства это теперь уже — часть повседневного языка общения.⁶⁵³

Из сказанного можно сделать следующий вывод: припадание (возвращение) к норме, понимаемое как проявление здравомыслия, осуществляется в формах ненормативности, а риторическая фигура эсхрофемизма (стебное снижение) является содержательной характеристикой поссоветского русского дискурса. Эсхрофемизм облегчает, по-видимому, освоение слишком большого массива новизны.

⁶⁵³ «Когда Вы в последний раз выражались нецензурно, матерились?»

никогда — 30% россиян; уже не помнят, когда — 19%; от двух до семи дней назад — 7%, мужчин — 10%, женщин — 5%; сегодня или вчера — 38%, мужчин — 53%, женщин — 26%

<http://www.polit.ru/documents/204412.html>

Рассмотрев в начале этой работы («**Советская идеология и поссоветский дискурс**») природу языка идеологии как воспитательного средства, мы рассмотрели устройство идеологема и очертили методы исследования языка идеологии. В центре внимания было то обстоятельство, что, какими бы всеобъемлющими ни были официальные идеологические тексты, трактующие «правильную» картину мира и «правильное» ее осознание, филологический анализ только самих этих текстов не достаточен ни для описания идеологии, ни для культурно-исторического осмысления созданного на основе этой идеологии общества.

Статусом идеологического целого эпохи обладает для историка культуры лишь всё поле обращения текстов, речевых отрезков и фрагментов, связанных для носителей языка с общим представлением об идеологии, — вне зависимости от того, каково их собственное к ней отношение.

Пространственно идеологический язык можно представить как место встречи и частичного взаиморастворения языка идеологии с обыденным, пошлым или банальным языковыми горизонтами, включающими и так называемый ненормативный, или обценный, пласт русского языка.

Исследуемый материал рассматривался по словесным сегментам («**Идеологема — от буквы до цитаты**» и «**Обценный пласт идеологического языка**»). Сюда относятся собственно идеологема, представленные на всех уровнях текста — от буквы (например, «твердый знак» на конце слова) до цитаты (например, преобразованные высказывания Сталина), а также обценный план русского языка, взятый в довлевшей ему в советское время идеологической функции.

Вторая глава работы представила различные формы бытования идеологема — от минимальной единицы, знака, до массивов текста. Рассматривались, в частности: *идеологема-буква* (*ерь, б, н, ё*), *идеологема-надежное окончание* (измена Родины и измена Родине; Федеративная Республика Германии и Федеративная Республика Германия), *русский (кириллический) алфавит как макроидеологема СССР для носителей неславянских языков*, *идеологема-акцент* в средствах массовой коммуникации, кино, театре, повседневном обиходе. Рассматривается динамика *идеологема-имени* (*топонима, эргонима и т.п.*): от стадии первоименования до стадии поссоветского переосмысления (*Чека, расстрел*). Главу завершил анализ *идеологема-цитаты*. На примере сталинизмов, или закреплённых в обыденной речи сталинских паремий, была показана динамика идеологиче-

ской речи вообще и сделана попытка истолковать живучесть *идеологема-сталинизма* в поссоветском дискурсе.

Говоря о так называемом **обценном пласте идеологического языка**, мы вспоминаем слова Пушкина о том, что настоящая свобода в России будет означена публикацией в открытой печати не допущенных туда цензурой матерных стихотворений И. Баркова. Произнесенное более полутора столетий назад пророчество поэта исполнилось: действительно, политическая свобода в России совпала с этим интересным, но все же, конечно, частным, событием. Однако произошло и нечто большее. Свободный русский дискурс не ограничился снятием запретов на что бы то ни было в средствах массовой коммуникации и вообще в сегодняшнем русском культурном обиходе. Неожиданным для наблюдателя речевых процессов явился проявляемый задним числом масштаб взаимодействия советской идеологии и русского матерного языка. Последний предстает комплексом теневого идеологема и в этом своем качестве подвергнут анализу в третьей главе. В работе предложена ментальная схема обценного словоупотребления на осях 'страшное' — 'смешное' и 'бытовой абсурд' — 'скромная, но защищенная повседневность'. На основе анализа таких сегментов русского поссоветского дискурса, как *здоровымыслие* (*здравый смысл*) и *норма*, в работе показано, почему носители языка в 1990-е годы "позиционируя мат как ненормативный речевой хабитус», в то же время считают его входящим, тем не менее, в поле здравымыслия. Отсюда и вывод-гипотеза: в условиях выхода из эпохи идеологической индоктринации обращение (припадание, возвращение) к норме, понимаемое как проявление здравымыслия, может осуществляться в формах ненормативности. Обеспечивается это с помощью риторической фигуры **эсхрофемизма** ('стебного снижения'). Эсхрофемизм — это фигура речи, возникающая благодаря матерному слово становится вместилищем обыденного с сохранением и семантической структуры обыденного, и иллокутивной силы матерного слова. Данные больших массивов текстов, представленных средствами массовой коммуникации, свидетельствуют о том, что эсхрофемизм является содержательной характеристикой поссоветского русского дискурса. Высказывается гипотеза, согласно которой эсхрофемизм облегчает освоение слишком большого массива новизны.

Представленные в динамике словесные и словесно-изобразительные идеологема советской эпохи⁶⁵⁴ образуют крупный фрагмент ментальной карты

⁶⁵⁴ Они подробнее рассмотрены в книге: Гасан Гусейнов. Карта нашей Родины: идеологема между словом и телом. Хельсинки, 2000. Второе, исправленное и значительно дополненное издание: М., ОГИ, 2003 (в печати).

(mental map) и первого поссоветского десятилетия. Динамика развертывания нового русского дискурса вовлекает культурный опыт советской эпохи. При этом часть этого опыта откладывается в языке как миф (геополитический, конспирологический горизонты идеологии 'возвращаемой на круги своя России'), а часть оттачивается как инструмент современной социальной критики (дискурс новизны, 'культурный шок при переходе к небывалой новой России'). Если исходить из того, что гипертекст, создаваемый на любом языке, тождествен картине мира носителей этого языка, то построение идеологической картины мира может быть в сжатом виде представлено формулой: 'идеологический гипертекст одновременно и сообщает о том, каким должен быть мир, и негодует из-за крайнего несовершенства сущего'. Такая поляризация семантических установок в поссоветском гипертексте и позволяет понять, почему советские идеологемы не теряют своей репродуктивности и на новой культурно-исторической стадии.

Русский язык и идеология: хронологический указатель использованной литературы⁶⁵⁵

- *С. С. Кондрушкин. Толковый словарь (пособие при чтении газет). Петроград 1917.
- *А. П. Баранников. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы // Ученые записки Самарского университета 1919, выпуск 2, с. 64–84.
- И. Киселев. Революция и язык // Вестник жизни 1919, No. 6–7, с. 33–44.
- A. Mazon. Lexique de la guerre et de la revolution en Russie (1914–1918). Paris 1920.
- *Е. Ремпель. Язык революции и революция языка // Новый путь [Рига] 28. 8. 1921.
- *Roman Jakobson. Vliv revoluce na ruské jazyk. Praha, 1921 [уточнения к книге А. Мазона 1920 г.].
- Ликвидаторам неграмотности. Практическое руководство (коллективная работа курсантов все-российских курсов по ликвидации неграмотности). Под ред. Д. Элькиной. М., ГИЗ, 1921, 151 с.
- *Я. Шафир. Газета и деревня. М., 1923.
- С. И. Карцевский. Язык, война и революция. Берлин, «Русское универсальное издательство», 1923.
- В. Карпинский. Коренной вопрос эпохи культурничества // Правда 12. 12. 1923.
- Политический словарь. Краткое научно-популярное толкование слов. Под общей редакцией Б. М. Эльцина. М., Издательство «Красная новь», Главполитпросвет, 1923?, 400 с. [8].
- Ю. Яснопольский. Борьба за язык // Известия 1923, No. 290.
- Л. Сосновский. Доклад на с'езде рабкоров // Правда 21. 11. 1923.
- Г. О. Винокур. О пуризме // ЛЕФ 1923, 4, с. 156–171.
- Г. О. Винокур. Революционная фразеология // ЛЕФ 1923, 2, с. 104–119.
- *Г. О. Винокур. Язык нэпа // Накануне [Берлин] 1923, No. 353.
- Л. П. Якубинский. О снижении высокого стиля у Ленина (о статье «О национальной гордости великороссов») // ЛЕФ 1924, 1, с. 71–80 [см. немецкий перевод: F. Mierau (Hrsg.). Sprache und Stil Lenins. München 1970, S. 57–72]

⁶⁵⁵ Знаком * отмечены работы, известные мне по чужому изложению.

Краткий советский словарь общеупотребительных сокращений. Ташкент 1924.

*Словарь вошедших в обиход сокращенных названий. Владивосток 1924.

*П. Х. Спасский. Словарь советских терминов и наиболее употребительных иностранных слов. Нижний Новгород 1924.

Я. Шафир. О языке массовой литературы // Книгоноша 1924, No. 39.

Г. О. Винокур. Язык нашей газеты // ЛЕФ 1925. 3. С. 117–139.

Г. О. Винокур. Культура языка. Опыт лингвистической технологии. М., 1925.

Л. Щерба. Культура языка // Журналист 1925. 2. С. 5–14.

Л. Якубинский. Культура языка // Журналист 1925, 2.

И. Фомин. Порча языка или болезнь роста? // Журналист 1925, 4.

А. Вырвич. Красная Армия в борьбе с неграмотностью. М., 1925.

А. П. Селищев. Революция и язык. М., 1925 [переиздано: А. М. Селищев. Избранные труды. М., «Просвещение», 1968].

Н. Марковский. За культуру комсомольского языка // Молодой большевик 1926, No. 15–16.

М. Гус, Ю. Загорянский, Н. Каганович. Язык газеты. М., 1926.

Карманный словарь «Помощь читателю газеты». Свердловск, Уралкнига, 1926, 363 с.

Словарь жаргона преступников (блатная музыка). Составил по новейшим данным С. М. Потапов [начальник научно-технического п/отдела ОУР ЦАУ НКВД]. М., НКВД, 1927?. 196 с.

К. Н. Державин. Борьба классов и партий в языке Великой французской революции. — В кн.: Язык и литература. Т. 2, No. 1–2, Ленинград, 1927. С. 1–62.

А. П. Селищев. Выразительность и образность языка революционной эпохи // Родной язык в школе, 1927, 3.

М. Рыбникова. Об искажении и огрубении речи учащихся // Родной язык в школе 1927. 1. С. 243–255.

Кн. Сергей Волконский, кн. Александр Волконский. В защиту русского языка. Сборник статей. Берлин, «Медный всадник», 1928. 103 с.

И. Н. Штильрейн, Д. И. Рейтынбарг, Г. О. Нецкий. Язык красноармейца. Опыт исследования словаря красноармейца Московского гарнизона. М.–Л., ГИЗ, 1928. 192 с. + таблицы.

Б. А. Ларин. К лингвистической характеристике города // Известия ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1928. 1. С. 175–184.

Б. А. Ларин. О лингвистической характеристике города // Русская речь 1928. Вып. III. С. 61–74.

А. Н. Селищев. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). М., 1928.

Г. Винокур. Культура языка. М., «Федерация», 1929?. 336 с.

А. Braun. Zeitungs Fremdwörter und politische Schlagwörter. Berlin 1929⁸.

Д. К. Зеленин. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии [Сб. Музея антропологии и этнографии No. 8]. Л., 1929. 151 с.

А. Меромский. Язык селькора. М., 1930.

Н. С. Вертинский. Газета в России. М.–Л., 1931.

Л. П. Якубинский. Русский язык в эпоху диктатуры пролетариата // Литературная учеба 1931. 9. С. 66–76.

Л. Успенский. Русский язык после революции // Slavia 1931. С. 252–282 [аннотированный библиографический указатель]

А. Н. Селищев. О языке современной деревни // Земля советская, 1932, 9 [А. Н. Селищев. Избранные труды. М., 1968, с. 428–486]

Бицилли П. М. Литературные эксперименты: Зоценко // Россия и славянство: Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности. Ежедневная газета при участии П. Струве. Париж, 9. 7. 1932 (No. 189). [о плеоназмах Н. Успенского и М. Зоценко; «образцы обессмысливания слов... представляют интерес лингвистического эксперимента»; лит.: Грановская 1993, с. 14]

Ольга Фориш. Заметки о языке стенгазет // Литучеба 1932. 5. С. 21–30.

George Orwell. Politics and the English Language. — In: Collected Essays. Uniform Edition of George Orwell's Work. London, Secker & Warburg 1946. P. 353–367.

Victor Klemperer. LTI. Notizbuch eines Philologen. Halle 1947. 303 S.

Тан Л. Запечатленный язык // Новый Журнал 1950. Кн. XXIII. С. 274–286.

Совещание имен существительных // Крокодил 30. 5. 1951.

Р. Менский. О языке // Литературный Современник. Мюнхен 1951. No. 2. С. 79–83.

[Очерк становления советского жаргона: «сложился из советизмов, варваризмов из марксистского учения (коммунизм, комиссар, милиционер, конфискация, реквизиция, ликвидация) и переассимиляции русских слов», с. 80]

Л. Ржевский. Язык и тоталитаризм. Мюнхен, Институт по изучению истории и культуры СССР. Исследования и материалы, 1951. 65 с.

[Очерк советизации русского языка — в поисках предпосылок для антимарровской кампании 1950 года; разбор сталинского понимания языка как «агрегата коммуникативного обслуживания общества» (с. 51) и «партийной интервенции 1950 года в область языка» (с. 46 и след.) неопуристского толка]

Андрей и Татьяна Фесенко. Русский язык при советах. Нью-Йорк, Rausen Bros., 1955. 222 с.

Harry Hodgkinson. Doubletalk. The Language of Communism. London 1955, xiii + 149 p.

Karl Korn. Sprache in der Verwalteten Welt. Frankfurt am Main 1958, 195 S.

C. Hunt. Wörterbuch des kommunistischen Jargons. Freiburg i. Br. 1958.

Leszek Kolakowski. Der Mensch ohne Alternative. Von der Möglichkeit und Unmöglichkeit, Marxist zu sein. München 1960.

Б. Тимофеев. Правильно ли мы говорим. Л., «Лениздат» 1961, 190 с.

Erich Matthias und Hansjürgen Schierbaum. Errungenschaften. Zur Geschichte eines Schlagwortes unserer Zeit. Pfaffenhofen–München, Ilmgauverlag 1961. 307 с.

Gesine Glimm. Die Kampfsprache Lenins. — In: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 9 (1961), S. 511–540.

Корней Чуковский. Живой как жизнь. М., «Молодая гвардия» 1962, 174 с.

Алексей Югов. Судьбы родного слова. М., «Молодая гвардия» 1962, 173 с.

Р. Будагов. Три книги о культуре речи // ВопЛи 1963, 2, с. 192–202.

Matthias, Erich und Schierbaum, Hansjürgen. Errungenschaften. Zur Geschichte eines Schlagwortes unserer Zeit. Pfaffenhofen–München, Ilmgauverlag 1961, 307 с. [сверхтекст понятий «достиже-

- ния» / завоевания» и взаимодействие идеологических языков национал-социалистской Германии и СССР].
- М. В. Панов. О развитии русского языка в советском обществе // ВЯ 1962, 3, с. 3–16.
- Kurt Marko. Sic et non. Kritisches Wörterbuch des sowjetrussischen Marxismus-Leninismus der Gegenwart. Wiesbaden, Otto Harassowitz 1962, 294 S.
- Н. Нароков. Русский язык там // The New Journal / Новый журнал [Нью Йорк] 1963. Кн. 71. С. 229–241.
- А. Солженицын. Не обычай дёгтем щи белить, на то сметана // ЛГ 4. 11. 1963.
- К. Х. Ханазаров. Сближение наций и национальные языки в СССР. Ташкент, 1963.
- В. В. Виноградов. О преодолении последствий культа личности в советском языкознании. — В: Теоретические проблемы современного советского языкознания. М., 1964. С. 9–30.
- Л. И. Скворцов. Об оценках языка молодежи (жаргон и языковая политика) // Вопросы культуры речи 1964. 5. С. 45–70.
- [*Словарь-программка А. Солженицына]
[1962 в театре «Современник»; А. И. Солженицын:]
— Пьеса называется «Олень и шалашовка». Будущий зритель, придя в театр, купит программку с приложением к ней перевода лагерного жаргона. «Олень» — человек чистый, неспособный приспособиться к безнравственному уставу ГУЛага. «Шалашовка» — от слова «шалава», женщина, живущая с кем-либо из лагерного начальства...
Далее последовал список слов и их значений. Огромный, длинный, занятный, замысловатый перечень лагерного арго.
Интересно, как наш будущий зрительотреагирует на такое новшество: словарик-вкладыш в обычной театральной программке, купленной за 10 копеек? Мы предвкушающе переглянулись.
- Козаков 1996. С. 139.
- Ю. Д. Апресян. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., Издательство «Просвещение» 1966. 301 с.
- Л. П. Крысин. Язык и социальная действительность // РЯШ 1967, 3, с. 3–9.
- Л. П. Крысин. Русский язык по данным массового опроса. М., 1968.
- Русский язык и советское общество. Социолингвистическое исследование. Под ред. М. В. Панова. М., 1968. Т. 1–4.
- А. Е. Супрун. Русский язык советской эпохи. Книга для учащихся. Л., «Просвещение», 1969. 87 с.
- В. Н. Прохорова. О сходстве и различиях терминологической и жаргонной лексики. — Исследования по современному русскому языку. Под ред. Т. П. Ломтева, А. А. Камыниной. М., 1970, с. 206–211.
- Herbert Bartholmes. Brüder, Bürger, Freund, Genosse und andere Wörter der sozialistischen Terminologie. Wuppertal-Barmen 1970.
- Н.-С. Рауб. Zur Herkunft, Vorgeschichte und ersten Verwendungsweise des Ideologiebegriffs bei Marx und Engels bis 1844 // Deutsche Zeitschrift für Philosophie 1970. 6. S. 689–715.
- Ю. А. Шрейдер. Тезаурусы в информатике и теоретической семантике // Научно-техническая информация. Сер. 2, 1971. 3. С. 21–24.
- Словарик вожатого. — В кн.: Книга вожатого. М., «Молодая гвардия», 1972. С. 324–349.

- Anna Wierzbicka. Semantic Primitives. Frankfurt am Main: Athenaeum 1972.
- Л. И. Скворцов. Профессиональные языки, жаргоны и культура речи // Русская речь 1972. 1. С. 48–59.
- А. Юзов. Думы о русском слове. М., 1972.
- Meyer Galler and Harlan E. Marquess. Soviet Prison Camp Speech. A Survivor's Glossary. Supplemented by Terms from the Works of A. I. Solzenicyn. The University of Wisconsin Press, Madison, Wisconsin, 1972, 216 p.
- Н. А. Рубакин. Тайна успешной пропаганды. — В кн.: Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972.
- А. Флегон. За пределами русских словарей. Дополнительные слова и значения с цитатами Ленина, Хрущева, Сталина, Баркова, Пушкина, Лермонтова, Есенина, Маяковского, Солженицына, Вознесенского и др. Лондон, Флегон Пресс 1973; Пер. А. М. Волковинского. Троицк, ТОО «РИКЕ» 1993. 414 с.
- Ju. D. Апресян, I. A. Mel'cuk, A. K. Zbolkovskij. Materials for an Explanatory Combinatory Dictionary of Modern Russian. — In: F. Kiefer. Trends in Soviet Theoretical Linguistics. Dordrecht, Reidel 1973. P. 411–438.
- В. М. Живов, Б. А. Успенский. Центр и периферия в языке в свете языковых универсалий // ВЯ 1973. 5. С. 24–35.
- Абрам Терц. Литературный процесс в России // Континент 1974. No. 1. С. 143–190. [История успеха советского языка революционной и сталинской эпохи]
- Wolfgang Girke, Helmut Jachnow. Sowjetische Soziolinguistik; Probleme und Genese. Kronberg Ts., Scriptor Verlag, 1974. 218 S.
- Wolfgang Girke, Helmut Jachnow u.a. Handbibliographie zur neueren Linguistik in Osteuropa. München, Wilhelm Fink Verlag, 1974.
- H. Sacks. An Analysis of the course of a joke's telling in conversation // Explorations in the ethnography of speaking. London, Cambridge University Press, 1974. P. 337–353.
- А. А. Леонтьев (ред.). Основы теории речевой деятельности. Сб. статей. М., «Наука» 1974. 368 с.
- А. В. Петровский. Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси 1974.
- Л. И. Баранникова. Просторечие как особый социальный компонент языка. — В кн.: Язык и общество. Вып. 3, Саратов 1974. С. 4–21.
- W. Betz. Sprachkritik. Das Wort zwischen Kommunikation und Manipulation. Zürich, 1975.
- Д. И. Маринеску. Двужычие — фактор сближения социалистических наций и народностей. Кишинев, «Картя Молдовеняскэ», 1975. 147 с.
- Копыленко М. М. О семантической природе молодежного жаргона. — В кн.: Социально-лингвистические исследования. М., 1976. С. 79–85.
- Национально-культурная специфика речевого поведения. Сб. статей. М., 1977. 352 с.
- Литературная норма и просторечие. Сб. статей. М., «Наука» 1977.
- А. А. Леонтьев (ред.). Словарь ассоциативных норм русского языка. [196 слов] М., Издательство Московского университета 1977, 191 с.
- Л. Н. Засорина (ред.). Частотный словарь русского языка. Около 40 000 слов. М., Издательство «Русский язык» 1977. 535 с.

С. Виноградов. Дискуссии о языке первых послереволюционных лет // Русская речь 1977. 2. С. 37–45.

W. Betz. Verändert Sprache die Welt? Semantik, Politik und Manipulation. Zürich, 1977.

Bernard Comrie and Gerald Stone. The Russian Language since the Revolution. Oxford, OUP, 1978.

К. С. Горбачевич. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978.

Sovjetunionen. Samfundsterminologisk opslagsbog. Medarbejdere Johntny Christensen, Ulla Lykke Joergensen, Ole Noergaard, Hans Oestergaard Pedersen, Thomas Petersen, Svend Gottschalk Rasmussen, Poul Terkelsen, Leni Vitnes. Koebenhavn, Munksgaard, 1979. 191 s.

Л. К. Граудина. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М., 1980.

Э. Л. Носенко. Попытка системного подхода к анализу речи в состоянии эмоциональной напряженности // Психологический журнал 1980. 6. С. 54–62.

Новое в русской лексике. Словарные материалы-77. М., «Русский язык» 1980 и след. выпуски.

Литературная норма и вариантность. Сб. статей. М., «Наука» 1981.

Синтаксис и норма. Сб. статей. М., «Наука» 1981.

Ю. Н. Караулов. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981, 362 с.

Броня Бен-Яков. Словарь арго ГУЛага [ок. 1150 слов, выбранных из 44 произведений русской неподцензурной литературы середины XX века] Франкфурт-на-Майне, Посев, 1982. 149 с.

Виктор Заславский, Мария Фабрис. Лексика неравенства: к проблеме развития русского языка в советский период // Revue des etudes slaves 1982. 54 (3). С. 387–401.

Б. А. Успенский. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, XXIX, 1983, p. 33–69; XXXIII, 1987, p. 37–76. Перепечатка в: Semiotics and the History of Culture. In Honour of Jurij Lotman. Columbus (Ohio) 1988. P. 197–301.

М. Кинне. Zum Sprachgebrauch der deutschen Faschisten. Ein bibliographischer Überblick // Diskussion Deutsch 14, 1983, H. 73. S. 518–521.

Clifford Geertz: Dichte Beschreibung: Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1983².

Ingelise Dalberg-Larsen, Larissa Karlsson, Thomas Petersen. Sovietunionen Samfundsterminologisk opslagsbog. Supplement 1. Slavisk Institut, Aarhus universitet. Arbejdsrapport Nr. 4, 1983. 31 s.

Dagmar Christians. Die Sprachrubrik der Literaturnaya Gazeta von 1964 bis 1978. Slavistische Beiträge, 165. Otto Sagner, München, 1983. 266 pp.

von Timroth, Wilhelm. Russische und sowjetische Soziolinguistik und tabuisierte Varietäten des Russischen. München, Verlag Otto Sagner, 1983 (Slavistische Beiträge, Bd. 164).

И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена. Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband 14, 1984. 992 с.

Т. Ф. Аристова. Трансформация личных имен армянского населения пос. Эшери Сухумского района Абхазской АССР. — В кн.: Р. Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов (отв. редакторы). Этническая ономастика. М., «Наука» 1984. С. 96–98.

А. Г. Митрошкина. Из истории развития системы бурятских личных имен. — В кн.: Р. Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов (отв. редакторы). Этническая ономастика. М., «Наука» 1984. С. 93–96.

Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев (ответственные редакторы). Городское просторечие. Проблемы изучения. Сб. статей. М., «Наука», 1984. 189 с.

В. Федоров, учитель средней школы No. 86, Воронеж. На каком языке мы говорим // СК 28. 8. 1984. [язык 12 учеников 6–8-х классов, 3 коллег, инженера-геодезиста, правоведа, инженера, методиста культурно-массового учреждения, лаборанта, наладчика телеаппаратуры, студента-историка, студента-филолога]

1985–1989

Patrick Sériot. Analyse du discours politique soviétique. Paris, Institut d'études slaves 1985, xi+362 p.

Николай Дронников. Страна Мурляндия. Иври 1985, [46 с. с илл. 8°]. [От составителя. «Малосоль а ля рюсс». Из рюкзака каптенармуса. В книге собрана часть творчества советского солдата, интеллигента, рабочего, колхозника за последние 70 лет. Этот язык, на котором говорят от Красноярска до Парижа, большая литература избегает, точнее брезгает. А народ живет и развивается отдельно, под водку. Иври, март 1985 года.]

Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия (проблемы лексики). Ответственный редактор Н. Г. Михайловская. М., «Наука», 1985. 262 с.

К. Р. Бабаев. О некоторых особенностях функционирования жаргонизмов в условиях двуязычия. — В кн.: Культура русской речи 1985. С. 235–242.

Т. Ю. Познякова. Формирование и функционирование лексико-фразеологических групп на основе понятийной общности (на материале русскоязычных газет национальных республик). — В кн.: Культура русской речи 1985. С. 69–86.

Soia Koester, Elena Rom. Wörterbuch der modernen russischen Umgangssprache. Russisch-deutsch. München, Max Hueber Verlag 1985. 458 S.

Вяч. В. Иванов. О взаимоотношении динамического исследования языка, текста, культуры. — В кн.: Исследования по структуре текста. М., 1985. С. 24–26.

Daniel Weiss. Was ist neu am «newspeak»? Reflexionen zur Sprache der Politik in der Sowjtunion. — In: Renate Rathmayr (Hrsg.). Slavistische Linguistik 1985. Referate des XI. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Innsbruck 10. mit 12.9.1985. München, Verlag Otto Sagner 1986. S. 247–325.

Wilhelm von Timroth. Russian and Soviet Sociolinguistics and Taboo Varieties of The Russian Language. München, Otto Sagner Verlag, 1986, x+171 p.

Д. Л. Сивак. Лингвистика измененных состояний сознания. Л., Издательство «Наука», Ленинградское отделение 1996. 92 с.

Юрий Левин. Об обценных выражениях русского языка // Russian Linguistics 10 (1986). P. 61–72.

Kristian Germer. Ritualization and Apotheosis / The Archaic Face of the Soviet Union // Slavica Lundensia 1986. 10. P. 93–108 [Slavica Lubomiro Durovic Sexagenario Dedicata. Lund, 1986]

Francois Thom. La Langue de bois. Paris 1987.

Erich Straßner. Ideologie — Sprache — Politik. Grundfragen ihres Zusammenhangs. Tübingen 1987. S. 185–217.

Язык и моделирование социального взаимодействия. Сб. статей. М., 1987. 463 с.

- Юрий Левин. Заметки о семиотике лозунгов // Wiener Slawistischer Almanach 1988. 22. С. 69–85.
- А. И. Белов. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолингвистики. — В кн.: Ю. А. Сорокин (отв. редактор). Этнопсихолингвистика. М., «Наука», 1988. С. 49–58.
- Ю. А. Сорокин (отв. редактор). Этнопсихолингвистика. М., «Наука», 1988. 192 с.
- В. Ф. Петренко. Психосемантика сознания. М., Издательство МГУ, 1988. 208 с.
- Г. Ч. Гусейнов. Речь и насилие // Век XX и мир 1988, 8.
- Нил Гилевич. Просто вам это не болит, Виктор Сергеевич (реплика по поводу одной мысли В. С. Розова [КО No. 36: «Когда на пленуме Союза писателей я слушал призывы писателей Белоруссии, Украины бороться за сохранение национального языка, у меня было ощущение... что они выступают, увы, не только за сохранение родного языка, но и потому, что их книги, написанные на родном языке, мало покупают. Русскоязычные издания вытеснили их произведения из поля зрения читателей. Вот такую материалистическую пружину я усмотрел в их выступлении». И дальше В. Розов с гордостью объясняет некоторые свойства «великого русского языка», которых белорусский и украинский языки, надо полагать, не имеют]) // КО No. 40, 7. 10. 1988. С. 4.
- Илья Земцов. Реальность и грани перестройки. Справочник. Лондон, Overseas Publications, 1989, 470 с.
- 50/50. Опыт словаря нового мышления. Под ред. Ю. Афанасьева и М. Ферро. М.— Париж, Прогресс-Пайо, 1989.
- В. Г. Так. К типологии форм языковой политики // ВЯ 1989. 5. С. 104–133.
- Utz Maas. Sprachpolitik und politische Sprachwissenschaft. 7 Studien. Frankfurt am Main, Suhrkamp 1989. 366 S.
- Ursula Doleschal. Perestrojka — krovnoe delo naroda: zur Bedeutung eines politischen Schlagwortes // Wiener Slawistischer Almanach 1989. 24. S. 237–257.
- Е. И. Оконешиников. Русско-якутский словарь общественно-политических терминов. Якутск: Якутский научный центр СО АН СССР, 1989.
- Нина Велехова. Укрощение языка // Советская культура 14. 1. 1989. С. 6.
- Ю. Н. Караулов. Великий... Могучий... Многострадальный // Неделя 1989. No. 40. С. 14–15.
- Г. Гусейнов. «Сколько ни таимничай, а будет сказаться...» // Знание-сила 1989. 1. С. 63–70.
- Г. Гусейнов. Ложь как состояние сознания // ВФ 1989, 11.
- С. А. Шмаков. Язык советских газет глазами англичан (по поводу учебного пособия Р. Генри и К. Янг) [«Gazeta». An annotated Collection with an Introduction, Glossaries, and Commentaries. P. Henry, K. Young. The University of Glasgow in Association with Collet's. Wellingborough, 1985. 170 p.] // Тетради переводчика. Вып. 23. М., «Высшая школа», 1989. С. 69–174.
- Виктор Хатулицев. В плену эмоций. Об этике предвыборной борьбы // Известия 27. 2. 1989.
- В. И. Матвеев. Языковая ситуация в студенческой среде (на примере Киевского пединститута иностранных языков) // Философская и социологическая мысль 1989. 6. С. 11–12.
- Г. Иванов-Смоленский. Уроки языка. Сегодня они проходят не только в учебных аудиториях, но и в парламентских залах // Известия 26. 10. 1989 [о создании условий для изучения эстонского языка русскоязычными; «пока что закон развел говорящих по-русски и по-эстонски].
- Н. Буянов, полковник, начальник отдела пропаганды и агитации политотдела ВВС ГСВГ // КЗ 10. 1. 1989. [о худшем, чем прежде, знании русского языка военнослужащими из Закавказья и Средней Азии]
- Учебный словарь сочетаемости общественно-политических терминов (с эквивалентами на английском языке). Авторы: З. С. Кузнецова, Г. В. Фокина, И. Н. Шиманская, М. И. Ананьева, Б. С. Воронцова, П. Е. Злобин. Под ред. В. В. Морковкина. М., «Русский язык», 1989. 396 с.
- Л. А. Радзиховский, А. И. Мазурова. Сленг как инструмент остранения. — В кн.: Язык и когнитивная деятельность. Сб. статей. М., 1989. С. 126–137.
- 1990–1991
- Riitta Lehtiköinen. Словарь революции — революция в словаре? Аббревиатуры и иноязычная лексика в русском языке первого послереволюционного десятилетия. Диссертация на соискание ученой степени доктора философии. Хельсинки 1990. Neuvostoliittoinstituutin vuosikirja 32. Helsinki, 1990. 295 с.
- Редлих Р. Воскрешение языка. Грани 158, 1990. С. 108–122.
- Н. С. Барабашиева. Слова, слова, слова... (Лексика наших правовых актов) [см. особенно идеологемы: высвобождаемые работники, справедливое распределение, как правило, как исключение, с учетом, соответствующий, в установленном порядке] // СПП 1990. 8. С. 82–90.
- Болотов Сергей [Сергей Григорьевич, род. 8.12.59]. Почему я не русофоб? // Даугава 1990. 10. С. 58–62 [об этнониме русские, русском мате, русско-советском косноязычии, аграмматизме и алогизме]
- Сергей Снегов. Философия блатного языка [там же — публикация пародии Льва Гумилева «История отпадения Нидерландов от Испании», написанной на блатном языке, и словарик к ней] // Даугава 1990. 11. С. 72–90.
- М. Аранов. Язык утопии [о лингвистической теории А. А. Богданова-Малиновского] // Знание — сила 1990. 2. С. 66–72.
- Jacques Rossi. The GULAG Handbook. A Historical Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions. L., OPI, 1987. 2nd Edition: Жак Росси. Справочник по ГУЛАГу. Т. 1–2. М., «Просвет» 1991 (под ред. Натальи Горбаневской).
- А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., Институт Русского языка АН СССР, 1991. 193 с.
- А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре). М., Издательство «Знание» 1991 [Подписная научно-популярная серия 1991. 10. С. 5–48].
- Р. И. Розина, И. И. Сандомирская. Переворот в текстах. — В кн.: А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре). М., Издательство «Знание» 1991, с. 61–64.
- Mark Yoffe. Russian Hippie Slang, Rock-n-roll Poetry and Stylistics: The Creativity of Soviet Youth Counterculture. A dissertation, The University of Michigan, 1991, 367 p. (Словарь Сленга Советских Хиппи, на русском языке)
- Slavoj Zizek. For they know what they do. Enjoyment as a political factor. London — New York, Verso 1991.

Ю. Н. Караулов (редактор-составитель). О состоянии русского языка современности. М., 1991 (авторы статей: Ю. Д. Апресян, В. Г. Гақ, В. Е. Гольдин, В. П. Григорьев, Ю. Н. Караулов, О. Б. Сиротинина, Е. Н. Ширяев).

Юрий Шербак. Реквием по парламенту // ЛГ 15. 5. 1991 [о приспособлении депутата «к новому языку эпохи перестройки и гласности»].

В. Бьков. Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Munchen, Verlag Otto Sagner, 1992 [Specimina philologiae slavicae Bd. 94].

Michal Glowinski. Marcowie Gadanie. Komentarze do slyw 1966–1971. Warszawa, PoMOST, 1991. 339 s.

Michal Glowinski. Nowomowa po Polsku. Warszawa, Wydawnictwo PEN 1991. 151 s.

Ингрид Майер. Банальности — тип городского фольклора // Slovo [Uppsala Universitet, Slaviska institutionen] 1991, Nr. 40. С. 33–46.

Мариэтта Чудакова. Не заслоняться от реальности // ЛГ 9. 1. 1991 [о возвращении «обезьяньего языка» (Зоценко)]

Андрей Битов. Из цикла «Битва». 1. От А до Ижицы // Петрополь. 1991. Вып. 3. С. 87–92 [эссе о словарях и превращениях нарицательных имен]

К. Т. Краснухин. Рецензия на кн.: Seriot P. Analyse du discours politique sovietique. Paris, Institut d'études slaves, 1985 // Вопросы языкознания 1991, 6.

Павел Чебуркин, ветеран войны, ветеран Норильлага (г. Шекино, Тульской области). Еще о философии блатного языка [отклик на Снегов 1990] // Даугава 1991. 3–4. С. 152–154.

Светлана Шляхова. Словесный камуфляж? И не только! [отклик на Снегов 1990] // Даугава 1991. 3–4. С. 154–157.

Э. И. Хан-Пира. Язык власти и власть языка. Вестник Академии наук СССР 1991. 4. С. 12–24.

А. Мазурова, Л. Радзиховский. Стеб остранения // Знание-сила 1991. 3. С. 65–70.

В. Линецкий. И. Северянин и А. Солженицын // Синтаксис 30, 1991. С. 85–95. [о Русском словаре языкового расширения (М., 1990) и языковых экспериментах Северянина]

В. Пахомов. На каком языке говорят военные // Русская мысль No. 3876, 26. 4. 1991 [рец. на кн. Н. Martin-Privel, S. Aslanoff Русско-французский словарь терминов и выражений, употребляемых в советском военно-морском флоте. Paris, 1990, 174 p.]

Лев Аннинский. Освобождение из Вавилонской башни // Время и мы 114, 1991. С. 1148–1162.

В. Новиков. Русофония // Синтаксис 31, 1991. С. 5–16.

Михаил Ямтольский. Изнасилование покаянием // ЛитОбоз 1991. 8. С. 89–96.

Андрей Зорин. Барков и барковиана. Предварительные замечания // ЛитОбоз 1991. 11. С. 18–21.

А. А. Илюшин. Ярость праведных. Заметки о непристойной русской поэзии XVIII–XIX вв. // ЛитОбоз 1991. 11. С. 7–14.

Леонид Картов. Советизация русского языка // Свободное слово 1991. 17 (95). С. 3.

Алексеев А., Бурлака А., Сидоров А. Кто есть кто в советском роке. М., Издательство МП «Останкино», 1991 [с. 271–280: Краткий словарь музыкальных терминов рок-культуры].

Л. А. Жданова, О. Г. Ревзина. «Культурное слово» милосердие. — В кн.: Логический анализ языка. Культурные концепты. М., «Наука», 1991. 204 с., с. 56–61.

Л. В. Сахарный. Тексты-примитивы и закономерности их порождения. — В кн.: Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарова, Л. В. Сахарный. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., «Наука» 1991. С. 221–237.

А. Д. Кошелев. К эксплицитному описанию концепта «свобода». — В кн.: Логический анализ языка. Культурные концепты. М., «Наука», 1991. С. 61–64.

А. Файн, В. Лурье. Всё в кайф! Slovarь. Lena Production, б.м. [СПб], 1991. 196 с.

Tim Dant. Knowledge, ideology and discourse: a sociological perspective. London and New York, Routledge 1991.

Helmut Jachnow. Substandardliche Varietäten des Russischen und ihre linguistische Erfassung // Die Welt der Slaven 1991. 1. S. 9–18.

1992

Д. С. Балдаев, В. К. Белко, И. М. Исупов. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М., «Края Москвы», 1992. 526 с. [включает каталог татуировок]

В. И. Максимов и др. Словарь перестройки. СПб, «Златоуст», 1992. 253 с.

Андрей Чернышев. Современная советская мифология. Тверь 1992. 96 с.

С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. М., Азъ Ltd, 1992.

Dola Haudressy. Ces mots qui disent l'actualité. Les Mutations de la Langue Russe. Paris 1992 [Lexiques de l'Institut d'Études slaves-10].

Alfons Grieder. «Ideologie» — Unbegriffenes an einem Abgegriffenen Begriff. — In: Kurt Salamun (Hrsg.). Ideologien und Ideologiekritik. Ideologietheoretische Reflexionen. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft 1992. S. 17–30.

Ernst Topitsch. Heil in und jenseits der Zeit. Weltanschauungsanalytische Betrachtungen. — In: Kurt Salamun. Ideologien und Ideologiekritik... S. 67–68.

Ф. И. Рожанский. Сленг хиппи. Материалы к словарю. СПб — Париж, Издательство Европейского Дома, 1992. 63 с.

Александр Сидоров. Словарь современного блатного и лагерного жаргона (южная феня). Ростов-на-Дону, Гермес, 1992. 176 с.

М. А. Грачев. Язык из мрака: блатная музыка и феня. Словарь. Нижний Новгород. «Флокс», 1992. 207 с.

Ю. Н. Караулов. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности [Пушкин читает Маканина]. М., РАН, 1992. 168 с.

Словарь молодежного жаргона. Слова, выражения, клички рок-звезд, прозвища учителей. Подробные объяснения, примеры употребления. Ок. 1600 единиц. Редактор-составитель И. А. Стернин. Авторы словаря: Валагин А., Марочкин А., Квашнина К., Строганова Н. и другие. Воронеж, Малое предприятие «ЛОГОС», 1992. 114 с.

Александр Тарасов. В августе не догеройствовали? О языке заголовков газеты «Известия» // Солидарность 1992, No. 30 [от войны слов недалеко и до гражданской войны]

Александр Щуплов. Речевое облако России // Голос 1992, No. 6. С. 14; No. 9. С. 12 [словарик на основе материалов из рок-лексики А. Житинского, В. Марочкина, самиздатовские издания типа «Вестника Совета по экологии культуры», фольклор неформальных объединений молодежи]

Владислав Нестеренко. Язык нетерпимости и язык доверия // СвоМы 1992. 2. С. 74–77.

Сергей Снегов. Язык, который ненавидит. М., «Просвет», 1992 [1991]. 224 с. [Часть 2. Очерки о блатном языке с толковым словарем].

Вадим Линецкий. Нужен ли мат в русской литературе? // Вестник новой литературы 1992. 4. С. 224–232.

И. С. Синочкина. Языковые контуры патриотического сознания. — В кн.: Национальная правда прежде и теперь. Историко-социологические очерки. СПб., 1992. Ч. II. Вып. 3. С. 221–235.

**В. С. Хукка.* Жаргон и аббревиатура татуировок преступного мира. Нижний Новгород, 1992.

Irina H. Kortén. Vocabulary of Soviet Society and Culture. A Selected Guide to Russian Words, Idioms, and Expressions of the Post-Stalin Era, 1953–1991. London, Adamantine Press, 1992. 176 p.

Нэнси Конди, Константин Падунов. Проигранный рай: рулетка социализма, рыночный детерминизм и постмодернизм по обязательной программе // ИсКи 1992. 9. С. 72–81.

Анна Некрылова. Русская нечисть. Опыт словаря // Бездна. Тематический выпуск журнала «Арс» Петербург [до декабря 1991 выходил под названием «Искусство Ленинграда»] 1992. С. 7–13.

1993

В. П. Григорьев. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики. М., «Наука», 1993. 175 с. [неопубликованные работы конца 1950-х — начала 1980-х гг.]

Е. М. Постелов. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992). Топонимический словарь. М., «Русские словари» 1993. 249 с.

Петр Паламарчук. Блин // Московский вестник 1993. 1. С. 224–229.

[Переживания корректора от встречи с послеперестроечным матерным словом в публикуемом тексте]

Т. Б. Щепанская. Символика молодежной субкультуры. Опыт этнографического исследования системы 1986–1989 гг. СПб, «Наука», 1993. 343 с.

Язык и культура. Вторая международная конференция. Составитель С. Б. Бураго. Ч. 1–2. Тезисы (153+223 с.). [Ч. 3]. Доклады (192 с.). Киев [Библиотека журнала «Collegium»], 1993.

Т. В. Шмелева. Ключевые слова текущего момента // Collegium. Международный научно-художественный журнал. 1993. 1. С.33–41.

Л. М. Грановская. Русская эмиграция о русском языке. Аннотированный библиографический указатель (1918–1992). М., «АЗЪ», 1993. 98 с.

Татьяна Чередниченко. Между «Брежневым» и «Пугачевой». Типология советской массовой культуры. М., РИК «Культура», 1993. 256 с. [Глава 4. О песенном стихе и газетной прозе. Наш язык. С. 44–53]

Renate Rathmayr. Что у нас нормально? — Was ist bei uns normal? Wandlungen in der Perestrojkalexik. — In: Astrid Ertelt-Vieth (Hrsg.). Sprache, Kultur, Identität. Selbst— und Fremdwahrnehmungen in Ost— und Westeuropa. Frankfurt/M, Peter Lang, 1993. S. 31–54.

Андрей Зорин. Легализация обценной лексики и ее культурные последствия. — в кн.: Трансформация русской культуры. Избранные доклады Рабочей группы по изучению современной русской культуры, 1990–1991 г. Ed. by Gregory Freidin, Stanford 1993 [Stanford Slavic

Studies, Vol. 7]. P. 123–144; немецкий перевод: Andrej Sorin. Kulturelle Folgen der «Legalisierung» der obszönen Lexik. — In: Arsenij Roginskij (Hg.). Rußland heute: von innen gesehen. Politik. Recht. Kultur. Moskau-Bremen 1993. S. 162–175.

Михаил Ямпольский. Вина — покаяние — донос. — Там же. С. 206–237. [расширенный вариант статьи в ЛитОбозе 1991, 8].

Александр Алтунян. «Дело народа, счастье его...» (Разбор политического текста) // НВ 1993. 35. С. 13–15.

Александр Алтунян. Янов и Проханов. Анализ полемики // ВопЛи 1993. 5. С. ???.

Владимир Новиков. Протяжная песнь трубадура. Лексико-грамматический разбор прилагательных «советский» и «русский» // Огонёк 1993. 33. С. 25.

Б. М. Гаспаров. «Извиняюсь» [о «деле Горнфельда» и его филологической подоплеке (пуристы? опояз)]. — В кн.: Культура русского модернизма. Статьи, эссе и публикации в приношение Владимиру Федоровичу Маркову [к его 73-летию]. Под ред. Рональда Вроона, Джона Мальмстада. М., «Наука», 1993. С. 109–120.

Т. Е. Никольская (Н. Новгород). Эволюция системы русских личных имен и культура. — В кн.: Русская культура и мир. Тезисы докладов участников международной научной конференции. Нижний Новгород, НГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, 1993. С. 220–223.

А. В. Кучинский, консультант центра общественных связей УВД Донецкой области. Преступники и преступления. Законы преступного мира. Обычаи, язык, татуировки. Донецк, Сталкер, 1997. С. 134–143.

М. А. Грачев (Н. Новгород). К вопросу о влиянии социальных взрывов на переход арготизмов в различные лексические системы русского языка. — В кн.: Русская культура и мир. Тезисы докладов участников международной научной конференции. Нижний Новгород, НГПИИЯ им. Н. А. Добролюбова, 1993. С. 227–228.

Владимир Иваницкий. Что в имени тебе моем? Названия блоков и партий в лингвокультурологическом аспекте // НГ 14. 12. 1993.

Наталья Козлова. Волны российского просвещения, или Зачем люди играют в слова // ОНС 1993. С. 48–59.

Л. А. Диденко. Исторические корни русского мата и его функционирование в современной языковой культуре. — В кн.: Язык и культура 1993. Т. 1. С. 181–182.

М. В. Дьячков. Языковая политика в современной России // СоцИс 1993. 9. С. 99–102.

Эр. Хан-Пири. Антинародное слово? или Несколько попутных замечаний в защиту поэта [отклик на статью О. Н. Михайлова в ЛГ 1992 No.17 об антинародности неологизмов Маяковского] // Русская речь 1993. 4. С. 21–22.

«Не вели казнить, вели слово молвить!» На вопросы обозревателя «ЗМ» Владимира Акишина отвечает известный ученый-лингвист, профессор Саратовского государственного университета Ольга Борисовна Сиротинина // Заря молодежи 20. 2. 1993. С. 6–7.

И. Кирсанов. Не выйдет прибабас без выкрутасов // Заря молодежи 20. 2. 1993.

Анна Вежбицка. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // ВЯ 1993. 4. С. 107–125.

Игорь Волгин. Печать бездарности. Пуризм и вопросы языкознания. Язык — неписаная конституция государства, несоблюдение духа которой ведет к гибели всякую (в том числе и духовную) власть // ЛГ 25. 8. 1993. С. 3. Морализаторская критика: Владимир Светлов. Откровения о мате // ВМ 19. 1. 1994.

- Алексей Ханютин. Паремология кино. Машинопись. М., 1993. 16 с.
- Юрий Шинкаренко. Дубовые дощечки. [Глава «Сленг как зеркало современного образования»] // Уральский следопыт 1993. 11–12. С. 22–26.
- Виктор Попов. Словарь языка Владимира Высоцкого [о рукописи Бориса Николаевича Барабошкина, 1925 г.р.] // Уральский следопыт 1993. 11–12. С. 21.
- Язык — поле борьбы и свободы. Лев Рубинштейн беседует с Хольгом Майером // НЛО 1993. 2. С. 306–311.
- Peter von Polenz. Die Sprachrevolte in der DDR im Herbst 1989 // Zeitschrift für germanistische Linguistik 1993, 21. 127–149.
- 1994
- А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. Словарь русских политических метафор. М., «Помовский и партнеры», 1994. 330 с.
- Н. А. Синдаловский. Петербургский фольклор. Вступительная статья Б. Н. Путилова. СПб., Максима, 1994. 440 с. с ил.
- В. П. Белянин, И. А. Бутенко. Живая речь. Словарь разговорных выражений (1929 статей, 2558 единиц). М., ПАИМС, 1994, 192 с. [рец.: Ирина Егорова. Разговорчики // НГ 10. 6. 1994: «Возможно, приведенные мною цитаты создали неверное представление о моем вкусе. Сама я иногда обхожусь без выражения «Дам в лоб — уши проглотить». Однако словари разговорных выражений существуют во многих странах. Без них наша речь может показаться немного пресной...»]
- Города России. Энциклопедия. Главный редактор Г. М. Лаппо. М., Научное издательство Большая Российская Энциклопедия 1994.
- Ю. И. Левин. Истина в дискурсе // Семиотика и информатика 1994. Вып. 34. С. 124–164.
- Владимир Иваницкий. Фундаментальный лексикон [Верхи-синоним власти. Российский менталитет ориентирован вертикально. [...] Взятка. [...] Водка. [...] Воровство — не кража чужой собственности, но в российско-советской реальности — образ жизни. Начальник. Очередь. Прописка. Показуха. Путь-дорога. Свалка. Стукач. Товарищ. Тройка.] // Знание — сила 1994, март. С. 146–147; май. С. 79–84; июнь. С. 127–130.
- А. Круглов. Словарь. Часть 1 (А–И). Размышления о словах и жизненных ситуациях, в которых они обретают свои часто противоположные смыслы, или сборник авторских афоризмов в форме словаря. М., «Гнозис», 1994, 298 с.
- Иосиф Раскин. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса. Опыт словаря с анекдотами, частушками, песнями, поэзией, плагиатом и некоторым псевдотворчеством самого автора. М., 1994. 464 с.
- Е. С. Яковлева. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., «Гнозис» 1994. 343 с.
- Василий Голованов. Лабиринт [о граффити Москвы («стена Цоя», подъезд Булгакова на Садовой), Ленинграда (подъезд Бориса Гребенщикова на ул. Софьи Перовской в СПб), и особенностях речевого и знакового поведения молодежных групп] // Огонек 1994, No. 37–39. С. 18–23, 40.
- В. С. Елистратов. Словарь московского арга: Материалы 1980–1994 гг. М., Русские словари, 1994. 700 с. [Библиография: с. 674–699]
- П. Лихолитов. «Вот какой прибабас!» (Жаргон уличных торговцев) // Русская речь 1994, 4; 24 часа, 29. 9. 1994.
- Галина Качук. Взрыв... на языке [о рекламе и ее воздействии на речевое поведение детей] // Неделя 1994, No. 7.
- Резолюция IX съезда писателей России «О защите русского языка» // ЛитРос 8. 7. 1994.
- Michael Urban. The Politics of Identity in Russia's Post-Communist Transition: The Nation Against Itself // Slavic Review 53, 1994, 3, p. 733–765.
- Claudia Fraas. Kommunikationskonflikte vor dem Hintergrund unterschiedlicher Erfahrungswelten // Zeitschrift für germanistische Linguistik 1994, 22, 87–90.
- Евгений Хелимский. Языковая ситуация в России // Грани 1994. 172. С. 302–314.
- Симон Кордонский. Фундаментальный лексикон. Язык и политический спектр в России // Век XX и мир 1994. 1–2. С. 72–91.
- М. В. Ильин. Политический дискурс: слова и смыслы [Государство] // Полис 1994. 1. С. 127–140.
- В. И. Коньков, О. А. Старовойтова. Семантика молодежной песни (группа «Любэ») // Вестник СПбГУ, Сер. 2, 1994. Вып. 2 (No. 9). С. 102–108.
- И. С. Улуканов. О новых заимствованиях в русском языке // РЯШ 1994. 1. С. 70–75.
- Русский мат. Антология. М., Лада-М, 1994. [рец.: НГ 6. 12. 1994].
- М. А. Грачев (Н. Новгород). Место номинативной функции в системе арготической лексики. — В кн.: Русская культура и мир. Тезисы докладов участников II международной научной конференции. Отв. редактор К. З. Акопян. Нижний Новгород, НГЛУ им. Н. А. Добролюбова 1994. Ч. II. С. 145–147.
- Александр Дмитриевич Дуличенко. Русский язык конца XX столетия. Предисловие и подготовка к изданию Werner Leffeldt. Slavistische Beiträge, Hrsg. von Peter Rehder, Bd. 317. Verlag Otto Sagner, München, 1994. 347 S.
- Генрих Пфандль (Грац). Судьба русского языка за границей. По поводу статьи Манука Жажояна «Язык эмиграции, или Эмиграция языка» // РМ 22. 9. 1994.
- Б. Ирзак. Общество матерщинников [Беседа с анонимным председателем общества матерщинников Санкт-Петербурга] // Новый Петербург 30. 9. 1994.
- Виктор Кривулин. Литературные портреты в эссеистике Иосифа Бродского // Collegium 1994. 1. С. 84–90.
- Поцелуй меня с разбегу, а я встану за столбом. С фольклористом Владимиром Бахтиным беседует наш собкорр. Илья Фояков // ЛГ 14. 12. 1994.
- Владимир Лазарев, Ольга Туганова. Круг понятий. М., Гуманитарный фонд, 1994. 96 с.
- Николай Асташкин, Александр Пилипчук. Елец — отец, Ростов — папа, Одесса — мама // КЗ 15. 11. 1994.
- В. З. Санников. Лингвистический эксперимент и языковая игра // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1994. 6. С. 25–28.
- Михаил В. Погарский [род. 1963, Муром]. Краткий словарь алкогольных терминов. Чёрно-белый неординарный. Московский завод винофилологии. М., 1994. 96 с.

М. А. Кронгауз. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма.— В кн.: Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти Альфреда Наумовича Журинского. М., Русский учебный центр МС, 1994, с. 233–244.

В. И. Беликов. Паремииологические заметки.— В кн.: Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журинского. М.: Русский учебный центр МС, 1994. С. 252–260.

Алексей Винокуров. Не пьянства ради океанного [рец. на кн.: Михаил Погарский. Краткий словарь алкогольных терминов] // НВ 1994. 50. С. 48.

Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка. М., «Помовский и партнеры», 1994. 116 с.

Толковый словарь по управлению. Под ред. В. В. Позняка. М., «Аланс», 1994. 252 с.

Отражение новых понятий в предметном каталоге. Сборник статей. Составители И. П. Смирнова, В. П. Суворова. СПб, РНБ, 1994. 146 с.

Григорий Бухвалов. Во дни сомнений... Язык и достоинство нации // Век 7–13. 10. 1994. С. 11.

1995

Ю. Д. Апресян. Интегральное описание языка и системная лексикография. — Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. М., Школа «Языки русской культуры», 1995.

Ю. Д. Апресян. О языке толкований и семантических примитивах. — В кн.: Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. М., 1995. С. 466–482.

Ревекка М. Фрумкина. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? — В кн.: Ю. С. Степанов (ред.). Язык и наука конца 20 века. М., РГУ, 1995. С. 74–117.

Феликс Розинер (редактор и автор проекта). Словарь советской цивилизации [дайджест из газеты «Новое русское слово» с 3. 9. 1993 по 30. 12. 1994]. Б. м., 1995. 68 с.

Daniel Weiss. Prolegomena zur Geschichte der verbalen Propaganda in der Sowjetunion // Slavistische Linguistik 1994. Referate des 20. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens. Zürich 20.–22. 9. 1994, München 1995. S. 343–391.

Краткий словарь современных понятий и терминов. Под ред. В. А. Макаренко. Изд. 2-е. М., «Республика», 1995. 510 с.

Словарь новых слов русского языка (середина 50-х — середина 80-х годов). Под редакцией Н. З. Котеловой. СПб, Издательство «Дмитрий Буланин», 1995. 877 с.

Василий Буй. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений). Под ред. Анатолия Баранова и Дмитрия Добровольского. М., Помовский и партнеры, 1995, xxiv + 310 с.

Н. Г. Комлев. Словарь новых иностранных слов (с переводом, этимологией и толкованием). М., Издательство МГУ, 1995. 144 с. [1500 новых слов]

Л. Э. Найдич. След на песке. Очерки о русском языковом узусе. СПб, 1995. 208 с.

С. М. Лойтер, Е. М. Неёлов. Современный школьный фольклор. Пособие — хрестоматия. Петрозаводск, Издательство Петрозаводского университета, 1995. 115 с.

Ю. В. Рождественский. О современном положении русского языка // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. 3. С. 117–129.

Н. А. Еськова. О «раскавыченных» цитатах // Русская речь, 1995. 3. С. 57–60.

Михаил Карчик. Лучше писать на стенах, чем ставить к ним [обзор граффити Петербурга с середины 1980-х до 1995 года; темы: рок, спорт, «эльфийские руны толкинистов», политические лозунги, в том числе — предвыборные, частные обращения] // Смена 17. 10. 1995.

Alexandr Altunjan. The Slogan in Political Discourse.— In: Ruth Wodak, Fritz Peter Kirsch (Hrg.). Totalitäre Sprache — Langue de bois — Language of Dictatorship. Wien, Passagen-Verlag, 1995, S. 59–69.

Renate Rathmayr. Neue Elemente im russischen politischen Diskurs seit Gorbatschow.— In: Ruth Wodak, Fritz Peter Kirsch (Hrg.). Totalitäre Sprache — Langue de bois — Language of Dictatorship. Wien, Passagen-Verlag, 1995. S. 195–214.

Hans-Georg Heinrich. Was blieb von der sowjetischen Politsprache? — In: Ruth Wodak, Fritz Peter Kirsch (Hrg.). Totalitäre Sprache — Langue de bois — Language of Dictatorship. Wien, Passagen-Verlag, 1995. S. 181–194.

Андрей Левкин. Рига: прозрачный воздушный шарик // Знамя 1995. 1. С. 202–205. [О русском языке в поссоветской Риге].

С. С. Ермоленко (Киев). Язык тоталитаризма и тоталитаризм языка. — В кн.: МТС 1995. С. 7–15.

Г. Е. Крейдлин (Москва). Голос власти и глас народа. — В кн.: МТС 1995. С. 24–37.

Б. Ю. Норман (Минск). К семантической эволюции некоторых русских слов (об идеологическом компоненте значения). — В кн.: МТС 1995. С. 37–43.

Шамрай Т. (София). Смена наименования как средство языковой манипуляции в условиях диктатуры. — В кн.: МТС 1995. С. 50–53 [о словах шумкар, шумец и партизанин в болгарском языке 1944–1989 гг.].

Виктор Соснора. Александрийцы // Комментарии 1995. 6. С. 89–109 [этюды о русском языке советской эпохи].

Олег Дорофеев. Общество губителей российской словесности // Воскресенье. Тула, 1995. 1. С. 101–107 [о состоянии русского языка после перестройки, убожестве языка переводчиков, отсутствии квалификационного ценза и опасности онемения общества].

Леонид Костоков. Заметки читателя // Постскриптум 1995. 1. С. 182–197 [о цитатности современной прозы; Джером К. Джером у Вен. Ерофеева].

Аркадий Ваксберг. Убийственная игра. Псевдоправовая риторика как способ оправдания массового кровопролития [о риторике чеченской войны] // ЛГ 25. 1. 1995. С. 11.

С. В. Подчасова. Новые слова... «адвертайзинга» // Русская речь 1995. 2. С. 71–76; 3. С. 61–66.

Андрей Вансович. Из букваря современного первоклассника // Санкт-Петербургские ведомости 29. 4. 1995.

Е. А. Земская. Еще раз о языке русского зарубежья [о языке русских во Франции и Америке; кантина — столовая, амбулянс — скорая помощь, мессэдж — телефонное сообщение; грин-карта, нёрс — медсестра; кэш — наличные; трак, кар, юзать и т.д.] — В кн.: Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. Сборник статей к 60-летию Ю. Н. Караулова. М., Институт русского языка РАН, 1995. С. 233–241.

М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., 1995. 116 с.

Мова тоталітарного суспільства. Збірник. Відповдальний редактор канд. філол. наук Г. М. Яворська. К., 1995. 126 с.

И. Б. Левонтина. Слова-свидетели. — В кн.: МТС 1995. С. 93–99 [жилплощадь, ведущий писатель, задумка].

Н. А. Кутина. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь, Уральский государственный университет, 1995. 143 с. [анализ Толкового словаря русского языка под ред. Д. Н. Ушакова как свода идеологием советской эпохи — основы тоталитарного языка; привлечены также многочисленные другие источники: от Вл. Маяковского до «языка сопротивления» — анекдотов и «гариков» Игоря Губермана и др.].

Михаил Грачёв. От Ваньки Каина до мафии [статья написана по материалам книги, выходящей в Нижнем Новгороде] // Волга 1995. 1. С. 154–176 [Библиография: с. 175–176].

М. А. Грачев. К вопросу о функциях арго // Wiener Slavistischer Almanach 35 (1995). 297–309.

Сергей Медведев. Текст Россия. Игра властью в советском дискурсе // Среда. Русско-европейское журналистское обозрение. 1995. 1–2. С. 35–43.

Юрий Богомолов. Война метафор. Вожди, массы, ТВ в фольклорно-мифологическом пространстве // Журналист 1995. 1. С. 16–21.

Dominique Leveillé. Notes sur l'évolution recente de la langue russe dans les médias et les discours officiels // Paralleles. Cahiers de l'École de Traduction et d'Interpretation de l'Université de Genève. Printemps 1995. 17. P. 99–110.

Элизабет Маркуитайн. Советский язык и русские писатели // ВопЛи 1995. 2. С. 98–112.

Ю. А. Сорокин, О. Д. Кулешова. Дж. Оруэлл и принципы его новоязыка с лингвистической точки зрения. — В кн.: Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. Сб. статей к 60-летию чл.-корр. РАН Юрия Николаевича Караулова. М., 1995. С. 80–90.

Е. А. Князев. Краткий толковый исторический словарь по руссиеведению. М., Московский центр образования Натальи Нестеровой, Новый гуманитарный университет, 1995. 209 с.

Richard D. Anderson, Jr., Valeri I. Chervyakov and Pavel B. Parsbin. Words Matter: Linguistic Conditions for Democracy in Russia // Slavic Review 1995, winter.

Richard D. Anderson, Jr. Speech and Democracy in Russia: Responses to Political Texts in Three Russian Cities: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/faculty/anderson/newthr2.htm>

Светлана Гаврилина. Еще один портрет России — словарный [об «Актуальном лексиконе» Анатолия Агибалова, Государственная Академия театрального искусства, СПб] // Час пик 27. 10. 1995.

О. В. Рябов. Реклама и сознание современного российского общества: этика и семиотика. — В кн.: А. Н. Портнов (ред.). Философия языка и семиотика. Иваново, Ивановский Государственный университет 1995. С. 103–109.

Георгий Давыдов. Очищение. В защиту русского языка // ЛитРос 6. 10. 1995.

Виктор Кленов. Иск против бранного слова [размышления о процессе Павла Грачева против Вадима Поэгли (МК)] // Народная Дума 1995, No. 3, декабрь.

Александр Горелик (СПб). Достаточно однозначная ментальность [о модных словах однозначно, достаточно, ментальность] // Знамя 1995. 4. С. 207–208.

К. В. Душенко. Русские политические цитаты от Ленина до Горбачева. Что, кем и когда было сказано. М., Юрист, 1996. 240 с.

Майя Черемисина. Заметки о русских и их отношении к другим народам, языкам и культурам нашей страны // Рубежи 1996. 2. С. 130–142.

Л. М. Грановская. Русский литературный язык в конце XIX–XX вв. Учебное пособие для студентов. Ч. 1. Баку, 1996. 115 с.

Н. Б. Мечковская. Социальная лингвистика. Пособие для студентов. М., Аспект Пресс 1996?. 206 с. [Библиография с. 190–194]

Ю. И. Левин. Комментарий к поэме «Москва–Петушки» Венедикта Ерофеева. Предисловие Хайнриха Пфандля. Грац, 1996. 95 с.

Soia Koester-Thoma. Die Lexik der russischen Umgangssprache. Blankenfelde bei Berlin, Dieter Lenz Verlag 1996, 275 S.

М. В. Горбаневский [доктор филологических наук, Институт народов России]. Топонимический вандализм [о переименованиях московских улиц во время советской власти]. — В кн.: Интеллигенция в условиях общественной нестабильности. Сост. А. И. Студеникин. М., Эдиториал УРСС, 1996. С. 132–145.

Birgit Menzel. Die russische Literaturkritik und das klassische Erbe. A. Terz/A. Sinjawski: Promenaden mit Puschkin. — In: Elisabeth Cheauré (Hrsg.). Jenseits des Kommunismus: sowjetisches Erbe in Literatur und Film. Berlin, Brlin Verlag A. Spitz 1996. S. 115–132.

Georg Witte. Ein und andere Goya. Für einen neuen Blick auf die russische Dichtung. — In: Elisabeth Cheauré (Hrsg.). Jenseits des Kommunismus: sowjetisches Erbe in Literatur und Film. Berlin, Brlin Verlag A. Spitz 1996. S. 175–187.

Указ Президента Российской Федерации No. 1221 О Совете по русскому языку при Президенте Российской Федерации от 7 декабря 1995 года // РГ 11. 1. 1996.

Александр Линьков. Могучий, но нуждается в защите. Беседа с академиком-секретарем отделения литературы и языка РАН, зам. председателя Совета по русскому языку при Президенте РФ Евгением Чельшевым // РГ 11. 1. 1996.

Александр Кутинов. Феноменология сладкого: сумерки боков⁶⁵⁶ [каталог советских конфет с кратким указанием цены, состава начинки и вкусовых ощущений] // Pinoller 1996. 1 (11). С. 94–95.

Руслан Шебуков. Учите язык тинейджеров // АиФ 1996, 31.

Владимир Петрович Нерознак. Заказ на матерщину. Язык народа умирает вместе с ним. Записала Мария Пастухова // Век 1996, 3 (169).

Gassan Gussejnov. Die Sprachprobleme der sowjetischen Intelligenzija in den 20er und in den 90er Jahren des 20. Jahrhundert. — In: Elisabeth Cheauré (Hrg.) Jenseits des Kommunismus. Sowjetisches Erbe in Literatur und Film. Berlin 1996 [Osteuropaforschung, Bd. 35]. S. 35–48.

Gassan Gussejnov. Die große und mächtige russische Sprache.— In: Heinrich-Böll-Stiftung (Hrsg.). Die Sprache als Hort der Freiheit. Sprachwende und Sprachwandel nach 1989. Zusammenge stellt von Gundula Fienbork. Köln, 1996. S. 53–62.

Наталья Бояркина, Тамара Виркунен. Забытые слова [рубрика «Совковый сленг»] // АиФ 1996. 23, 24.

Элизабет Маркштейн. Три словечка в постмодернистском контексте [адекватный, аутентичный, органичный] // *ВопЛи* 1996. 2. С. 87–102.

Клаудия Ласорса-Сьедина (Рим, Италия). Беспредел, имидж, тусовка: определенность и неопределенность в современной русской лексике [доклад, прочитанный на Пятой конференции «Морфосинтаксис славянских языков» (Флоренция, 26–28 октября 1995)] // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология.* 1996. 4. С. 63–71.

Сергей Землянухин, Мирослава Сегиди. Статистика часто используемых слов в названиях советских (российских) фильмов // *ИсКи* 1996. 5. С. 116 [любовь, жизнь, счастье, день, человек, ночь, белый, последний, смерть, красный, три, жена, золото, два, земля, русский, черный, дети].

Сергей Кара-Мурза. Наступление Голема (Язык и Власть) // *НС* 1996. 8. С. 112–123.

Тамара Виркунен. Мат: из жизни слова не выкинешь! // *АиФ* 1996, 33.

Титус Советологов. Без штанов, но в шляпе. Косноязычие с дискурсом на языке // *НГ* 7. 9. 1996.

Алексей Антонов (Киев). «Внутренние языки» Пелевина и Кима // *Литературные новости* 1996. 5 (61). С. 12–13.

Г. Н. Склярская (СПб). Русский язык новейшего времени: эволюция или революция? — В кн.: *Vallan kieli — kielen valta. Esitelmat. Venäjän ja Itä-Euroopan Instituutti* [Власть языка — язык власти]. Helsinki, 1996. С. 7–14.

А. Д. Дуличенко (Тарту). «Борьба словами»: лингвистическое явление с социальными последствиями. — В кн.: *Vallan kieli — kielen valta. Esitelmat. Venäjän ja Itä-Euroopan Instituutti* [Власть языка — язык власти]. Helsinki, 1996. С. 15–23.

Александр Винников (СПб). Демократическое движение Ленинграда как школа ораторского искусства. — В кн.: *Vallan kieli — kielen valta. Esitelmat. Venäjän ja Itä-Euroopan Instituutti* [Власть языка — язык власти]. Helsinki, 1996. С. 66–75.

Русский язык конца XX столетия. Коллективная монография. Ответственный редактор Е. А. Земская. М., «Языки русской культуры», 1996. 480 с.

О. П. Ермакова. Семантические процессы в лексике. В кн.: РЯКС 1996, с. 32–66.

Е. В. Какорина. Трансформация лексической семантики и сочетаемости (на материале языка газет). — В кн.: РЯКС, 1996. С. 67–89.

Е. А. Земская. Активные процессы современного словопроизводства. — В кн.: РЯКС 1996. С. 90–141.

Л. П. Крысин. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни. — В кн.: РЯКС 1996. С. 142–161.

Л. П. Крысин. Эвфемизмы в современной русской речи. — В кн.: РЯКС 1996. С. 384–408.

М. В. Китайгородская. Современная экономическая терминология (Состав. Устройство. Функционирование). — В кн.: РЯКС 1996. С. 162–236.

М. Я. Гловинская. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок). — В кн.: РЯКС 1996. С. 237–304.

М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Современная городская коммуникация: тенденции развития (на материале языка Москвы). — В кн.: РЯКС 1996. С. 345–383.

Е. В. Какорина. Стилистический облик оппозиционной прессы. — В кн.: РЯКС 1996. С. 409–426.

Е. И. Голанова. Устный публичный диалог: жанр интервью. — В кн.: РЯКС 1996. С. 427–452.

Н. Н. Козлова. Горизонты повседневности советской эпохи. М., ИФРАН, 1996. 216 с.

Михаил Алексеев. Лексика русской разведки (исторический обзор). М., «Международные отношения», 1996. 128 с.

Т. В. Ахметова. Русский мат. Толковый словарь. М., «Глагол» 1996. 304 с.

Valentin D. Devkin. Der russische Tabuwortschatz. Русская сниженная лексика. Berlin u.a., Langenscheidt, 1996. 126 S.

Великий и могучий нуждается в защите. Беседа Игоря Бельдинского с заместителем директора института русского языка РАН Евгением Николаевичем Ширяевым // *Культура* 30. 11. 1996. [о работе над законом о русском языке и о кодексе речевого поведения для сотрудников СМК]

Эпоха в штампах и жаргоне. Толковый словарь ельцинизма // «Ленинский путь», No. 24, с. 3.

Сергей Дронский. Краткий словарик русского компьютерного жаргона [около 130 единиц]. — Приложение к докладу на конференции в Турку: *Paljon pohuttu venäjä — VI kääntäjäseminaari* 18.–19.10.1996 Turussa. Järjestäjät: Venäjän ja Itä-Euroopan instituutti ja Turun yliopiston venäjän kielen laitos.

Марина Мурзина. Наше как бы время // *АиФ* 9. 4. 1997.

Александр Кулинер. Изречения // *Арион* 1997. 2. С. 53–56.

В. В. Морковкин, А. В. Морковкина. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., Институт русского языка им. А. С. Пушкина. Институт русского языка им. В. В. Виноградова АН РАН, 1997, 8813 лексических единиц, 414 с.

Конституция Российской Федерации. Энциклопедический словарь. Издание второе, переработанное и дополненное проф. В. А. Тумановым. М., Научное издательство «Большая Российская Энциклопедия», издательство «Юристъ», 1997. 319 с.

Л. К. Граудина, О. Л. Дмитриева, Н. В. Новикова, Е. Н. Ширяев. Мы сохраним тебя, русская речь!⁶⁵⁷ М., «Наука», 1995. 104 с.

Сергей Бардин. После рая. Жизнь нельзя поменять, переименовывая вещи [динамика социотерминологических перемен: рабочий класс, интеллигенция, партийная верхушка, хозяйственники, колхозники, расхитители социумущества; киллер, путана, менеджер, кутурье, маркет; мещане; директорский корпус, новые русские, силовые структуры, враги-чеченцы] // *НГ* 15. 2. 1997.

А. В. Дмитриев, В. В. Латынов, А. Т. Хлопьев. Неформальная политическая коммуникация. М., РОССПЭН [Издательство «Российская политическая энциклопедия»], 1997. 197 с.

В. Ф. Петренко, О. В. Митина. Психосемантический анализ общественного сознания. Смоленск, Издательство СГУ 1997. 213 с.

Анна Вежбицкая. Русский язык (пер. Г. Е. Крейдлина). — В кн.: Анна Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., «Русские словари», 1997. С. 33–88.

В. М. Алтатов. 150 языков и политика 1917–1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., Институт Востоковедения РАН, 1997. 191 с.

Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

⁶⁵⁷ цитата из стихотворения А. Ахматовой.

- В. И. Жельвис.* Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., Ладомир, 1997. 330 с.
- К. В. Душенко.* Словарь современных цитат. 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. М., АГРАФ, 1997. 629 с.
- В. Г. Костомаров.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Издание второе, исправленное и дополненное. М., Афинский институт им. А. С. Пушкина 1997. 304 с.
- Лазарь Лазарев.* Записки пожилого человека // Апрель. Альманах. Девятый выпуск. М., Рекламно-издательское агентство «Юго-Запад», 1997. С. 296–340 [воспоминание-эссе о ключевых идеологемах литературного официоза второй половины советского периода].
- Wolfgang Stadler.* Macht — Sprache — Gewalt. Rechtspopulistische Sprache am Beispiel V. V. Zhirinovskijs vor dem Hintergrund der Wandlungen politischer Sprache in Russland. Innsbruck 1997. 207 S. [Slavica Aenipontana 5].
- David King: Stalins Retuschen: Foto— und Kunstmanipulationen in der Sowjetunion. Hamburg: Hamburger Ed., 1997. 192 S.
- Page to screen: taking literacy into the electronic era / Ed. by Ilana Snyder. — London [u.a.]: Routledge, 1998.
- Eva-Maria Jakobs / Ulrich Püschel.* Von der Druckstraße auf den Datenhighway. — In: Heidrun Kämper und Hartmut Schmidt (Hg.). Das 20. Jahrhundert: Sprachgeschichte — Zeitgeschichte. Berlin; New York: De Gruyter, 1998. 163–187.
- Rudolf de Cillia, Martin Reisigl and Ruth Wodak:* The discursive construction of national identities // Discourse & Society. An International Journal for the Study of Discourse and Communication in their Social, Political and Cultural Contexts. Volume 10 Issue 02, April 1999, 149–174.